

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 29. № 4

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 29. No. 4

2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *A.O. Akimova, S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up by *E.S. Reshetnikova*
Technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on July 15, 2024.

Date of publication: Sept. 19, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.2. Published pages 27.1.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 68. «С» 21.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *A.O. Akimova, S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina*

Редактор английских текстов *D.A. Novak*

Верстка *E.S. Reshetnikova*

Техническое редактирование *O.N. Yadykina*

Подписано в печать 15.07.2024 г.

Дата выхода в свет: 19.09.2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 27,1.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 68. «С» 21.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024

Том 29. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2024

Volume 29. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2024. Vol. 29. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Asst. *A.S. Smirnov* – Assistant Editor (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor of the
Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);

Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen,
Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan*
(Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024. Т. 29. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ассист. *А.С. Смирнов* – технический секретарь (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысиков* – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);

д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЧЕВНИКИ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

- Разуваев Ю.Д.* Свидетельства войны на среднедонских поселениях скифской эпохи 6
- Балабанова М.А.* Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии 20
- Моисеев В.И., Перерва Е.В., Моисеева В.Ю.* Погребение кочевника золотоордынского времени из курганного могильника Ковалевка 43

НУМИЗМАТИКА

- Маммадова А.М.* кызы. Нумизматика Саларидов 65
- Кулиев Т.А.* оглы. История монетной чеканки в Ереване 77
- Пачкалов А.В.* Изучение и коллекционирование монет Золотой Орды в Российской империи в конце XVII – начале XIX века 91
- Серов В.В.* Иностранцы заимствования в экстерьере разменных российских монет 1718–1724 годов 101

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫСЛОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Юдина Т.В., Хайрлапова М.М.* Государственное регулирование соляного дела на астраханских соляных озерах в первой половине XIX века 117

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ГОСУДАРСТВА К СВЕТСКОМУ

- Лисовская Т.В.* Трансформация модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX в. – 1917 году 128

- Фурман Е.Л.* Районирование Нижнего Поволжья и формирование краевых, окружных, районных и сельских органов советской власти в 1928 г.: первый этап 142

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

- Сидорчук И.В.* «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы 160
- Бимолданова А.А., Бекмагамбетова М.Ж., Бекмагамбетов Р.К.* Влияние советской государственной политики на школьную повседневность в Казахстане (1945–1955 гг.) 172
- Покидько П.С.* Социально-политический аспект жилищно-коммунальной санитарии в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда и Выборга) 185

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

- Булавинцев Н.В.* Майские протесты 1968 г. во Франции в памяти политиков Европейской комиссии 196
- Муляди А., Бирюков С.В., Чирун С.Н.* Президент Э. Макрон и политический кризис во Франции в свете наследия голлизма 205

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

- Старостин Д.Н., Кулешова Е.В.* От философии истории к историзму в отечественном антиковедении и медиевистике: Т.Н. Грановский (1813–1855) и В.Г. Васильевский (1838–1899) 221
- Данилов В.Н.* Тема Востока в обществе историков-марксистов во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов 235
- Рыблова М.А.* К вопросу о социальных истоках ранних казачьих сообществ: итоги, методология и перспективы исследований 249
- Мезин С.А.* Царицын петровского времени в новейшей историографии 261

CONTENTS

NOMADS OF THE VOLGA-DON REGION

- Razuvaev Yu.D.* Evidence of War on the Settlements of a Scythian Era in the Middle Don Region 6
- Balabanova M.A.* Nomads of the Oghuz-Pecheneg Time of the Volga-Don Region According to Anthropology Data 20
- Moiseev V.I., Pererva E.V., Moiseeva V.Yu.* Burial of a Golden Horde Nomad from the Kovalevka Kurgan Cemetery 43

NUMISMATICS

- Mammadova A.M. gizi.* Numismatics of Sallarids 65
- Kuliyev T.A. ogly.* History of Coin Minting in Yerevan 77
- Pachkalov A.V.* Studying and Collecting Coins of the Golden Horde in the Russian Empire in the Late 17th – Early 19th Centuries 91
- Serov V.V.* Foreign Adoptions in Exterior of the Russian Change Money of 1718–1724 101

STATE REGULATION OF FOLK CRAFTS IN THE RUSSIAN EMPIRE

- Yudina T.V., Khairlapova M.M.* State Regulation of the Salt Industry on the Astrakhan Salt Lakes in the First Half of the 19th Century 117

TRANSFORMATION PROCESSES OF THE LATE 19th –

BEGINNING OF THE 20th CENTURY: FROM A RELIGIOUS STATE TO A SECULAR ONE

- Lisouskaya T.V.* Transformation of the Model of State-Confessional Relations in Belarus at the End of the 19th Century – 1917 128

- Furman E.L.* Zoning of the Lower Volga Region and Formation of Territory, Okrug, District and Rural Bodies of Soviet Authority in 1928: First Stage 142

DAILY ROUTINE AND EVERYDAY LIFE OF THE SOVIET ERA

- Sidorchuk I.V.* “We Will Forget the Old Traditions...”: Holidays, Recreation, Everyday Practices and Upbringing of a New Student in the 1920s 160
- Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.Zh., Bekmagambetov R.K.* The Influence of Soviet State Policy on School Everyday Life in Kazakhstan (1945–1955) 172
- Pokidko P.S.* A Socio-Political Aspect of Housing and Communal Sanitation in the USSR, 1950s–1960s (Based on Materials of Leningrad and Vyborg) 185

POLITICAL CRISES

IN THE MODERN HISTORY OF FRANCE

- Bulavintsev N.V.* May 1968 Protests in France in the Collective Memory of the European Commission Politicians 196
- Mulyadi A., Biryukov S.V., Chirun S.N.* President E. Macron and the French Political Crisis in the Aspect of the Legacy of “Gaullism” 205

PROBLEMS OF METHODOLOGY AND HISTORIOGRAPHY

- Starostin D.N., Kuleshova E.V.* From “Philosophy of History” to “Historicism” in the Studies of Antiquity and the Middle Ages in Russia: T.N. Granovskii (1813–1855) and V.G. Vasilievskii (1838–1899) 221
- Danilov V.N.* The Theme of the East in the Society of Marxist Historians in the Second Half of the 1920s – Early 1930s 235
- Ryblova M.A.* On the Question of the Social Origins of Early Cossack Communities: Results, Methodology and Prospects of Research 249
- Mezin S.A.* Tsaritsyn of Peter’s Time in Modern Historiography 261

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.1>

UDC 903
LBC 63.4(2)

Submitted: 19.12.2023
Accepted: 01.07.2024

EVIDENCE OF WAR ON THE SETTLEMENTS OF A SCYTHIAN ERA IN THE MIDDLE DON REGION

Yuriy D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Two groups of people, differing in social status and material culture, occupied the middle part of the Don basin, representing the eastern edge of the Forest-Steppe Scythia, in the 6th – 3rd centuries BC. One is known from the few barrow necropolises, the materials of which characterize the nomadic and highly militarized way of life of the people buried there. The other one united sedentary farmers and cattle breeders, whose hillforts and not-strengthened settlements show evidence of predominantly peaceful occupations. *Methods and materials.* The article systematizes data to give an idea of the role of war in the lives of the main part of the population of the Don Forest Steppe. On 22 household monuments, only 77 objects of offensive arms (mainly arrowheads) and even fewer details of the equipment of the soldier rider are found. In the settlements of cemetery funeral complexes, the finds of weapons are single. Particular attention is deserved by the traces of fire recorded in defensive shafts in 25 hillforts. *Analysis.* Judging from the archaeological context, only some of the settlement finds were related to military clashes. Some things were part of the cult complexes. Fires, which led to the destruction and subsequent radical strengthening of fortifications, clearly occurred due to a few but catastrophic conflicts. *Results.* Clashes in the settlements of the Don Forest Steppe occurred episodically throughout the era and were obviously associated with periods of instability in Scythia. However, the sedentary population of the region was only to a small extent involved in the conflict processes of the past.

Key words: Forest-Steppe Scythia, Middle Don basin, Scythian era, hillforts and not-strengthened settlements, traces of military clashes.

Citation. Razuvaev Yu.D. Evidence of War on the Settlements of a Scythian Era in the Middle Don Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.1>

УДК 903
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 19.12.2023
Дата принятия статьи: 01.07.2024

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОЙНЫ НА СРЕДНЕДОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Юрий Дмитриевич Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Средняя часть бассейна Дона, представлявшая собой восточную окраину Лесостепной Скифии, в VI–III вв. до н. э. была занята двумя группами населения, различавшимися и социальным статусом, и обликом материальной культуры. Одна известна по немногочисленным курганным некрополям, материалы которых характеризуют кочевой и сильно военизированный образ жизни

погребенных там людей. Другая объединяла оседлых земледельцев и скотоводов, на городищах и неукрепленных поселениях которых представлены свидетельства преимущественно мирных занятий. *Методы и материалы.* В статье систематизированы данные, позволяющие составить представление о роли войны в жизни основной части населения донской лесостепи. На 22 бытовых памятниках найдено всего лишь 77 предметов вооружения (в основном наконечники стрел) и еще меньше деталей снаряжения воина-всадника. В связанных с поселениями бескурганных погребальных комплексах находки оружия единичны. Особого внимания заслуживают следы пожаров, зафиксированные в оборонительных валах на 25 городищах. *Анализ.* Судя по археологическому контексту, лишь часть поселенческих находок имела отношение к военным столкновениям. Некоторые вещи входили в состав культовых комплексов. Пожары же, приведшие к разрушению и последующему радикальному усилению фортификаций, явно случались из-за немногочисленных, но катастрофических конфликтов. *Результаты.* Столкновения на поселениях донской лесостепи эпизодически происходили на протяжении всей эпохи и были, очевидно, связаны с периодами нестабильности в Скифии. Однако оседлое население региона лишь в малой степени было задействовано в конфликтных процессах прошлого.

Ключевые слова: Лесостепная Скифия, Среднее Подонье, скифская эпоха, городища и неукрепленные поселения, следы военных столкновений.

Цитирование. Разуваев Ю. Д. Свидетельства войны на среднедонских поселениях скифской эпохи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.1>

Введение. Военный фактор так или иначе влиял на жизнь всех народов скифского мира, в том числе и в регионах, отдаленных от главных арен древней истории. Одной из таких периферий была северная часть бассейна Дона. Распространенные здесь погребальные и поселенческие памятники VI–III вв. до н. э., объединенные П.Д. Либеровым в среднедонскую культуру [10], составляют одну из локальных групп скифоидных (скифообразных) древностей восточноевропейской лесостепи [16]. По археологическим свидетельствам, полученным в результате раскопок, можно попытаться оценить степень вовлеченности местного населения в конфликтные процессы прошлого.

Методы и материалы. Наиболее яркие материалы дали курганные могильники V–IV вв. до н. э., каковых известно немногим более десятка. В них были похоронены люди, чей подвижно-скотоводческий уклад жизни доказывают и археологические [13, с. 103–125], и палеоантропологические данные [2, с. 166; 5, с. 89].

Несмотря на неоднократное разграбление, курганы сохранили, помимо иных вещей, немало предметов вооружения. По подсчетам Е.И. Савченко, в 121 из 168 (более чем в 70 %) могил были найдены 25 мечей и кинжалов, свыше 200 наконечников и втоков копий и дротиков, около 4 300 наконечников стрел, десятки частей защитного доспеха [34]. Большин-

ство учтенных вещевых комплексов (59,5 %) включали еще и разнообразные принадлежности конского снаряжения [35].

Исследовав 101 скелет из четырех могильников, М.В. Добровольская многократно зафиксировала следы боевых ранений, отметив умеренно высокий уровень травматизма анализируемой группы индивидов [6].

Не вызывает сомнений, что известные по курганным некрополям социумы были весьма военизированы. Источниками их материального благополучия служили и военный промысел, и патронаж торговли – виды деятельности, в числе прочих, традиционные для кочевников [11, с. 85]. Вооруженные столкновения для этих людей были и неизбежны, и часты.

Боевые стычки происходили как непосредственно в регионе проживания, на что указывают приведшие к скорой смерти раны нескольких индивидов, так и вдали от него, чему свидетельством вполне могут быть случаи исцеления воинов [6, с. 135]. Трофеями дальних походов, возможно, являлись некоторые предметы античного происхождения, найденные в погребениях. Так, с убитого воина-грека могли быть сняты бронзовые поножи, помеченные именем владельца [34, с. 223–224].

Казалось бы, имея такую картину, нет оснований оспаривать утверждение В.И. Гуляева о том, что «обитатели благодатной среднедонской лесостепи вели довольно бес-

покойную и полную опасностей жизнь, отбивая постоянные атаки вражеских отрядов» [3, с. 193]. Однако под земляными насыпями похоронена лишь малая часть народонаселения региона – военно-аристократическая элита [13, с. 125]. Другая, гораздо более многочисленная, проживала на городищах и в селищах. Материалы этих памятников, численно раз в 30 превосходящих курганные могильники, характеризуют культуру оседлых земледельцев и скотоводов. Доказано, что у насельников стационарных поселений всей Лесостепной Скифии основным был бескурганный способ захоронения [36, с. 64].

В Подонье известно порядка тридцати не отмеченных земляными насыпями погребений [22]. Семнадцать из них составляют могильник, расположенный у с. Ксизово [29].

Для всех грунтовых погребений характерен весьма скудный инвентарь, оружия в котором немного. Лишь единожды найден кинжал. В восьми могилах обнаружены наконечники стрел: обычно один, по разу – два, три и около десяти. Налицо существенное отличие от курганных захоронений, каждое второе из которых содержало наконечники, как правило, в большом количестве [34, с. 178]. К тому же, в грунтовых могилах эти предметы обычно размещались бессистемно. По-видимому, стрелы не столько отражали профессиональный статус покойника, сколько выступали знаковым элементом похоронной обрядности.

К сожалению, антропологические материалы грунтовых погребений исследованы недостаточно. Тем не менее скелеты четырех мужчин, четырех женщин и ребенка из Ксизовского могильника травматических повреждений не имели [33, с. 156–157].

Еще более показательны в этом отношении массовые захоронения обитателей расположенного в г. Семилуки городища, содержавшие полные скелеты 50 и отдельные кости еще 43 человек [23]. В пяти из них находилось по одному бронзовому или железному наконечнику стрел, впрочем, без видимой связи с конкретным индивидом. На останках, порядка 40 % которых принадлежали взрослым мужчинам и женщинам, боевых травм антропологи не выявили [5; 38].

Не имели следов ранений и семеро мужчин, захороненных на городище у с. Верхнее

Казачье в заброшенном колодце и рядом [27, с. 213–215; 31].

Вывод из сказанного очевиден: погребения с курганами и без таковых несоизмеримы по насыщенности оружием и уровню травматизма погребенных. Отсюда следует, что степень военизованности оседлого населения была радикально меньшей.

В этом также убеждают количество и ассортимент предметов вооружения и всаднической экипировки, происходящих с поселений. Разумеется, то и другое зависит от прочности, размера, ценности, обстоятельств утраты или сокрытия вещей, а также от такого фактора, как локализация и тщательность раскопок. Тем не менее объем проведенных на поселениях изысканий, суммарно уже охвативших 50 тыс. кв. м, позволяет надеяться, что ситуация в целом прояснена.

На сегодняшний день более-менее значимым раскопкам в регионе подверглось 44 поселения скифоидной культуры (рис. 1). Наступательное вооружение найдено на 22 из них, но всего лишь в количестве 77 предметов (см. таблицу). Еще несколько вещей известны по разведочным сборам.

Ассортимент находок не отличается разнообразием и представлен в основном бронзовыми и железными наконечниками стрел (63 экз.). Они происходят в своем большинстве с городищ, на неукрепленных поселениях лишь изредка составляют заметное количество [14, с. 42; 28, с. 16].

В преимущественно военном предназначении стрел сомневаться не приходится. Охота, в которой они, естественно, тоже применялись, в хозяйстве местного населения не имела существенного значения, что следует из весьма незначительного количества костей диких животных в остеологических сериях [40, с. 91].

В подавляющем большинстве случаев речь идет о единичных экземплярах наконечников (см. таблицу). Исключение составляет 21 такой предмет с Семилукского городища. Однако в их число, кроме упомянутых четырех из погребений, входят три, найденные в ямах, интерпретированных как ритуальные [30, с. 307]. Стрелы в идеологических представлениях многих народов обладали многообразной семантикой [7, с. 142–226]. Поэтому не

удивительно, что еще три наконечника оказались в сооружениях культового характера на поселении Ксизово 19 и на 1-м Волошинском городище [30, с. 307].

Так, в качестве орудия войны использовались далеко не все поселенческие находки. Но другие – почти наверняка. В частности, обнаруженные в валах и рвах городищ Архангельское, Верхнее Казачье, Волошино-1, Пекшево, Петино, Семилуки (рис. 2, 1, 2, 5, 6, 9, 11–16).

Иное оружие исключительно редко. На Семилукском городище были обнаружены два железных наконечника и два втока копий [17, с. 58]. Впрочем, один из наконечников тоже размещался в ритуальной яме [30, с. 309]. Но один вток залегал в засыпке рва (рис. 2, 17). С других поселений происходят семь мало-выразительных обломков, предположительно мечей или копий [14, с. 42; 18, с. 74].

Деталей защитного доспеха ни на поселениях, ни в могилах проживавших там людей до сих пор не обнаружено. Между тем именно такое вооружение свидетельствует о регулярности военных столкновений [39, с. 36].

Относительно скудный набор оружия на поселениях дополняет малое число предметов, которые можно соотнести со снаряжением воина-всадника. Это железные и костяные псалии, представленные 14 экземплярами, и иные принадлежности конской упряжи (металлические налобники, ворворки, бляшки и подобные им изделия из кости), каковых известно 28 (см. таблицу).

Три-четыре костяных псалия с зооморфными изображениями, возможно, использовались в культовых практиках [30, с. 311]. Другие же предметы, прежде всего металлические, концентрировались в районе городищенских укреплений и вполне могли остаться от боестолкновений [15, с. 7]. В частности, псалий, налобник, ворворки и подвеска, обнаруженные при раскопках оборонительных сооружений городищ Верхнее Казачье, Пекшево, Петино и Семилуки (рис. 2, 3, 4, 7, 8, 10, 18).

Малочисленность предметов вооружения и конской упряжи на поселениях усугубляется их хронологической неоднородностью и неочевидной принадлежностью местным жителям. Поэтому не приходится сомневаться, что представители оседлого населения,

вооруженные в основном луком со стрелами, не являлись серьезной боевой силой. В связи с этим проблематично представить их участие в военных походах. Разве только как во II в. описал Полиэн: «Скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам показаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в сражение с врагами», чтобы создать видимость подоспевшей помощи [9, с. 217–218].

В то же время военные конфликты для оседлого населения были неотъемлемой частью повседневности. Достаточно красноречиво об этом говорят городища, которых в регионе за полсотни.

Принято считать, что эти крепости составляли фронтальный рубеж обороны, перманентно защищая территорию проживания среднедонских племен от набегов степняков-кочевников [10, с. 8; 13, с. 51]. Однако предназначение городищ, разбросанных по всему ареалу культуры, удаленных друг от друга на многие километры и нередко не обладавших значительными фортификационными сооружениями, не таково, чтобы «держат границу на замке». По-видимому, оно заключалось в том, чтобы защитить жителей близлежащей округи от нападения небольших отрядов. Данной задаче вполне соответствует структура размещения таких опорных крепостей, во многом обусловленная ландшафтными особенностями донской лесостепи.

Городища, как, впрочем, и другие памятники оседлости, тяготеют к тем участкам речных долин, которые, судя по распространению соответствующих почв, в древности были покрыты лесами (рис. 1). Следы древесной растительности всегда прослеживаются в погребенных под валами почвах [32, табл. 3].

Обширные междуречные пространства на большей части региона занимали степи. Из памятников археологии заметным числом там представлены только случайные находки мечей скифских типов (рис. 1). Надо полагать, что эти территории входили в зону расселения южных кочевников, от которых и исходила угроза нападений.

Вооруженные конфликты двух групп среднедонского населения, различавшихся социальным, культурно-хозяйственным и, как

предполагается, этническими статусами, могли иметь место, особенно в начале скифской эпохи. Но едва ли они происходили на регулярной основе. Ведь некрополи полукочевников размещались в непосредственной близости от городищ и поселений (рис. 1), что могло быть только в условиях мирного симбиоза. Упомянутые выше случаи смертельных ранений погребенных под курганами индивидов, скорее, свидетельствуют о междоусобицах в их собственной среде, социально и экономически неоднородной. Проявления враждебных отношений в кочевых сообществах вполне отчетливо просматриваются в материалах северопричерноморских курганов [4]. Внутри же оседлого населения донской лесостепи столкновения если и случались, то явно не выходили за рамки бытовых. Такое предположение проистекает из невысокой степени военизированной и невыраженной имущественной дифференциации земледельческих сообществ.

Следы военных действий присутствуют практически на всех среднедонских городищах. На первый взгляд, таковыми являются разрозненные человеческие останки, обнаруженные на ряде поселений [24]. Появление массовых захоронений на Семилукском городище А.П. Медведев объясняет насильственной гибелью насельников городища [13, с. 145–152]. Нужно сказать, что отдельные кости и скелеты, встреченные на поселениях по всей скифской лесостепи, исследователи интерпретируют по-разному, но нередко действительно связывают с войной [25]. Тем не менее имеются веские основания признать в таких антропологических материалах не свидетельства кровопролитных сражений, а проявления ритуально-обрядовых практик [23; 24].

Признаком военных конфликтов зачастую выступают следы пожаров. Правда, в почвенных напластованиях поселений продукты горения сохранились плохо. Об уничтожении наземных строений огнем можно лишь догадываться по наличию там обожженных комков глиняной обмазки стен.

Более наглядно пожарища просматриваются в оборонительных сооружениях. Укрепления изучались раскопками уже на 26 городищах [26]. Только в одном случае воздействие огня не было прослежено. Как правило,

насыпи валов и заполнения рвов сохранили прослойки обожженной или насыщенной золой земли, угли или крупные фрагменты горелого дерева [20, табл. 1].

В последнее время среди исследователей лесостепных городищ вновь стала популярной идея о том, что оборонительные валы преднамеренно обжигались для придания прочности насыпному грунту [8]. Однако аргументация ее сторонников не убеждает. Прослойки прокаленной почвы в валах среднедонских городищ не образуют, за редчайшими исключениями, сверхплотной массы, да и составляют обычно лишь малую часть объема насыпи. Нет никаких доказательств целенаправленного обжига грунта ни на месте, ни, как это иногда предполагается, на стороне. В то же время зачастую автору удавалось проследить, что грунт в насыпи вала приобрел характерную окраску от непосредственного контакта с рухнувшими остатками горящих деревянных конструкций.

Тому, что пожары возникали, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев, в результате штурма городищенских фортификаций есть как прямые, так и косвенные подтверждения.

Во-первых, довольно маломощные фортификации, изначально существовавшие на многих городищах, после пожаров, как правило, радикально усиливались. Исключение, видимо, составляют городища Верхняя Покровка-2, Ксизово-2 и Чертовицкое-2. На двадцати одном городище укрепления были вновь возведены, при этом сооружались рвы и валы, прежде обычно отсутствовавшие. Нередко новые работы требовали значительных трудозатрат. Так, на Семилукском городище после пожара были скрыты не вполне отстроенные ров и вал, и на некотором удалении от них сооружены новые. На городище у с. Каменка древним землекопам пришлось прорубать насыщенный известняковым щебнем материк. На городищах Большое Сторожевое и Россошки были возведены две линии валов и рвов, а на городище у с. Губарево – четыре. Как представляется, эти и другие факты свидетельствуют о характере и масштабе случившихся катастроф.

Во-вторых, как уже говорилось, наконецники стрел находили непосредственно в городищенских валах и рвах.

В-третьих, редкие обломки наконечников копий или клинков мечей появились на поселениях, вероятнее всего, в результате применения оружия по прямому назначению.

Наконец, в-четвертых, только военной угрозой можно, пожалуй, объяснить сокрытие клада женских украшений на Семилукском городище [17, с. 64].

Стратиграфически прослежено, что обычно пожары и последующее восстановление укреплений происходили один или два раза. Исходя из этих наблюдений, надо полагать, что крупные сражения на городищах были относительно редки. Датировка этих событий затруднена, поскольку хронология среднедонских памятников разработана, по существу, лишь в общих чертах. Все же в некоторых случаях помогают сориентироваться радиоуглеродные даты.

Где-то во второй половине VI – первой половине V в. до н. э. горели древнейшие укрепления городища Верхнее Казачье [27, с. 211–212]. В рамках второй половины V – первой половины IV в. до н. э. датирован обугленный фрагмент оборонительной стены Большого Сторожевого городища [37, с. 144]. По горловине амфоры второй половиной V – началом IV в. до н. э. определена хронология постройки, сгоревшей вместе с укреплениями на III Чертовицком городище [12, с. 48]. Скорее всего, во второй четверти IV в. до н. э. или немногим позже произошел пожар на Семилукском городище [21, с. 207].

Судя по этим датировкам, периоды нестабильности в регионе приходились на то время, когда военная напряженность возрастала по всей Скифии [1, с. 190–191, 210–211; 36, с. 82–83].

Прекращение функционирования среднедонских поселений, по крайней мере, основной их массы, принято относить к рубежу IV–III вв. до н. э. и связывать с разрушительным для всей Скифии сарматским наше-

ствием [1, с. 251; 3, с. 322–323; 13, с. 145–152; 19, с. 266–267]. Между тем в случае разгрома городищ на вершинах их валов остались бы обугленные фрагменты деревянных укреплений или хотя бы углисто-золистые прослойки. Даже если продукты горения были развеяны ветром и переработаны почвообразовательными процессами, то они неизбежно сохранились бы вверху заполнения рвов. Однако такого рода стратиграфических свидетельств немного, и, главное, их нельзя связать с обозначенным временем.

Так, укрепления городищ Верхняя Покровка-2 и Ксизово-2 не восстанавливались после пожара, но их разрушение относится, очевидно, к рубежу VI–V вв. до н. э. На городищах Русская Тростянка и Чертовицкое-2 следы огня имеются в верхней части валов, но недатированные. Фортификационные сооружения Семилукского городища перестраивались в древнерусское время, поэтому удалось зафиксировать только ранние разрушения.

Результаты раскопок оборонительных линий большей части городищ свидетельствуют о том, что финал среднедонской культуры скифского времени, скорее всего, не был обусловлен военной катастрофой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10087 «Системы жизнеобеспечения оседлых социумов скифо-сарматской эпохи в донской лесостепи», <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10087 “Life support systems of sedentary societies of the Scythian-Sarmatian age in the Don forest-steppe”, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свидетельства военных столкновений на среднедонских поселениях скифского времени

Evidence of military clashes on the settlements of the Middle Don basin of the Scythian Age

№ п/п	Памятники	Раскопанная площадь (кв. м)	Предметы вооружения и конского снаряжения					Фортификации	
			Накопленные стрелы	Накопленные и вставки копий	Обломки мечей или копий	Пса-лии	Узdech-ные принадлеж-ности	Следы пожа-ров	Нали-чие пере-строек
1	с. Верхнее Казачье, городище	1 299	3			2	6	+	+
2	с. Каменка, поселение	1 264					1		
3	с. Каменка, городище	200					1	+	+
4	с. Ксизово, городище 2	13						+	-
5	с. Ксизово, поселение 19	2 704	5				1		
6	с. Ксизово, поселение 17	4 841	1						
7	с. Ксизово, городище 1	144						+	+
8	с. Дегтевое, городище	36						+	+
9	с. Курино, поселение 1	562							
10	с. Конь-Колодезь, городище	292					1	?	?
11	с. Отскачье, городище	384						?	?
12	с. Сенное, городище	800						?	?
13	с. Пекшево, городище	2 676	3		1	4	4	+	+
14	с. Староживотинное, поселение 3	749							
15	с. Староживотинное, Животинное городище	2 803						+	+
16	с. Чертовицы, городище 3	> 3 000				1		+	+
17	с. Чертовицы, поселение 2	> 900							
18	с. Чертовицы, городище 2	260						+	-
19	с. Чертовицы, городище 1	120						+	+
20	г. Воронеж, городище Егеревский кордон	34						+	+
21	г. Воронеж, Лысогорское поселение 3	> 200	4						
22	г. Воронеж, Кузнецовское городище	183	2					?	?
23	с. Подгорное, поселение 3	604	1						
24	с. Подгорное, поселение 5	192	1						
25	г. Воронеж, дачн. пос. Сады, городище	74						-	-
26	с. Губарево, городище	134						+	+
27	г. Семилуки, городище	3 774	21	4		2	5	+	+
28	с. Петино, городище	276	2					+	+
29	с. Устье, городище	288	1					+	+
30	с. Архангельское, городище	> 1 170	2		1	2		+	+
31	с. Россоски, городище 1	> 550						+	+
32	с. Сторожевое Первое, Малое городище	348						+	+
33	с. Сторожевое Первое, Большое городище	1 338	6				1	+	+
34	хут. Титчиха, поселение 1	> 7 000							
35	хут. Титчиха, поселение 2	856	3		2		1		
36	хут. Аверино, городище	144						+	+
37	хут. Мостище, городище	3 747	4		1		2	+	+
38	с. Волошино, городище 1	3 761	6			3	2	+	+
39	с. Волошино, городище 2	178						?	?
40	с. Круглое, городище	168						?	?
41	с. Русская Тростянка, городище	342					1	+	+
42	хут. Городище, Кировское городище	336	1		2		2	?	?
43	с. Верхняя Покровка, городище 2	214						+	-
44	с. Стрелецкое, городище 2	368						+	?

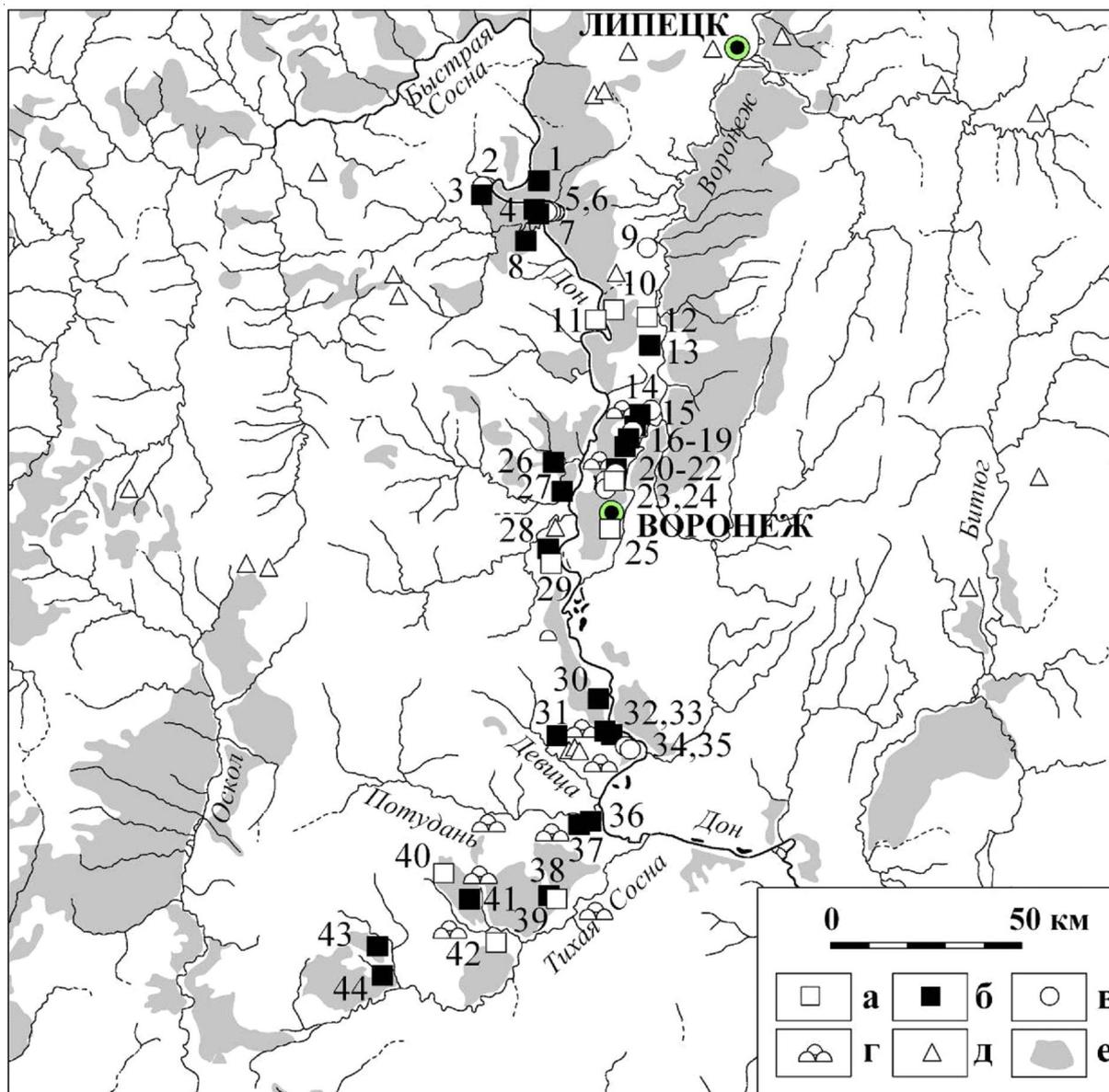

Рис. 1. Памятники среднедонской культуры скифского времени:

а – городище; *б* – городище со следами пожаров и перестроек фортификаций; *в* – неукрепленное поселение;
г – курганный могильник; *д* – случайная находка меча; *е* – почвы лесных типов

Примечание. Нумерация городищ соответствует приведенной в таблице.

Fig. 1. Monuments of the Middle Don Culture of the Scythian Age:

a – hillfort; *b* – hillfort with traces of fires and reorganizations of fortifications; *v* – not strengthened settlement;
g – barrow cemetery; *d* – occasional find of the sword; *e* – soils of forest types

Note. The numbering of the hillforts corresponds to that given in the table.

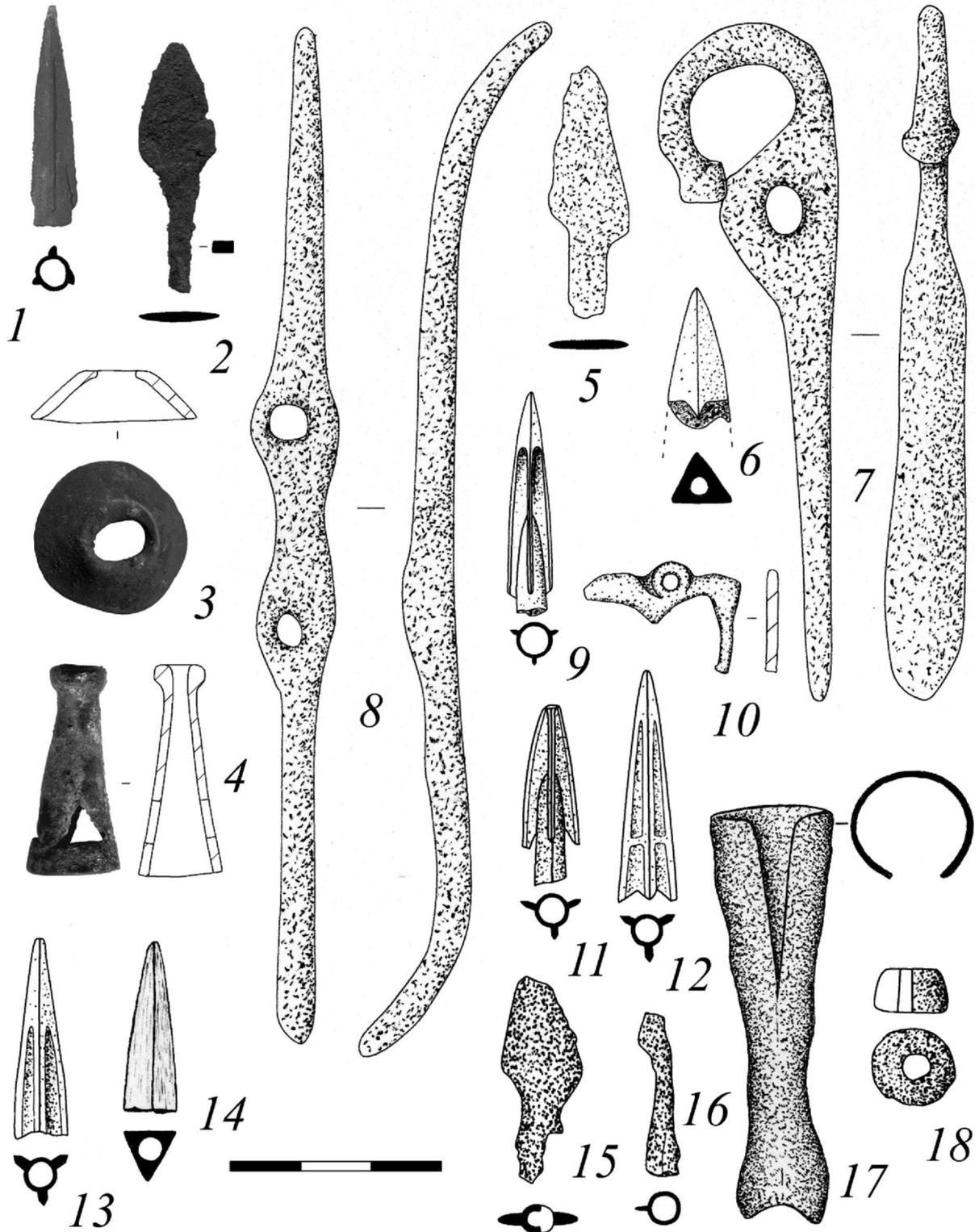

Рис. 2. Предметы вооружения и конского снаряжения, найденные на оборонительных линиях городищ:

1 – Архангельское; 2–4 – Верхнее Казачье; 5 – Волошино-1; 6–8 – Пекшево; 9, 10 – Петино; 11–18 – Семилуки.
1, 3, 4, 6, 9–14 – бронза; 2, 5, 7, 8, 15–18 – железо

Fig. 2. The objects of weapons and horse equipment found on the defensive lines of the hillforts:

1 – Arkhangelskoye; 2–4 – Verkhneye Kazachye; 5 – Voloshino-1; 6–8 – Pekshevo; 9, 10 – Petino; 11–18 – Semiluki.
1, 3, 4, 6, 9–16 – bronze; 2, 5, 7, 8, 15–18 – iron

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
2. Володин С. А., Добровольская М. В., Нелюбов С. А., Шевченко А. А. Население Среднего Дона скифской эпохи по данным биоархеологии // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб.: Ин-т истории материал. культуры РАН, 2022. С. 165–167. DOI: <http://doi.org/10.31600/978-5-6047952-2-4.165-167>
3. Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: Ин-т археологии РАН, 2010. 344 с.
4. Дараган М. Н. Скифские междоусобицы // Вестник древней истории. 2016. Т. 76, № 1. С. 22–62.
5. Добровольская М. В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 / отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Ин-т археологии РАН, 2004. С. 69–106.
6. Добровольская М. В. Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 231. С. 131–141.
7. Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2009. 268 с.
8. Крютченко А. А. К вопросу о преднамеренном обжиге валов лесостепных городищ скифского времени // Древности 2013. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. Вып. 12. С. 155–162.
9. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 215–314.
10. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965. 110 с. (Свод археологических источников; вып. Д1-31).
11. Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество: дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 83–94.
12. Медведев А. П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. С. 42–84. (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 12).
13. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
14. Меркулов А. Н. Поселение скифского времени у хутора Титчиха на Среднем Дону. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 2021. 108 с.
15. Неретина Ю. А., Меркулов А. Н. Элементы конской упряжи с поселений скифского времени лесостепного Подонья // FiloAriadne. 2020. № 3. С. 1–12. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/21-346>
16. Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР) / отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 67–80.
17. Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 г.) // Археологические памятники Среднего Поочья / отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использ. памятников истории и культуры Ряз. обл., 1995. С. 43–68.
18. Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 41–81. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 151).
19. Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Ин-т археологии РАН, 2001. 272 с.
20. Разуваев Ю. Д. О следах военных столкновений на городищах скифской эпохи в лесостепном Подонье // Древности Восточной Европы: сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко / отв. ред. С. И. Посохов. Харьков: Харьк. нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2011. С. 235–245.
21. Разуваев Ю. Д. Результаты исследований оборонительных сооружений Семилукского городища в 2012 г. // Восточноевропейские древности / отв. ред. А. Н. Ворошилов. Воронеж: Науч. кн., 2013. С. 196–211.
22. Разуваев Ю. Д. О грунтовых могильниках скифского времени в донской лесостепи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 103–111.
23. Разуваев Ю. Д. Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 98–107.
24. Разуваев Ю. Д. Находки человеческих костей на поселениях скифского времени в лесостепном Подонье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23,

№ 6. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.1>

25. Разуваев Ю. Д. Разрозненные человеческие останки на поселениях Лесостепной Скифии: обзор интерпретационных подходов // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 142–147. DOI: <http://doi.org/10.17233/19988613/55/21>

26. Разуваев Ю. Д. История изучения городищенских фортификаций эпохи раннего железа в лесостепном Подонье // Археологическое наследие. 2019. № 1 (2). С. 146–158.

27. Разуваев Ю. Д. Городище у с. Верхнее Качаево: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 209–223.

28. Разуваев Ю. Д. Раскопки поселения и культурных сооружений скифо-сарматского времени на северной окраине Воронежа // *Filo Ariadne*. 2020. № 2. С. 1–18. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/20-331>

29. Разуваев Ю. Д. Грунтовый могильник скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону (новые данные) // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 264. С. 127–147. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.127-147>

30. Разуваев Ю. Д. Обиходные вещи в культурных практиках среднедонского оседлого населения скифской эпохи // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2022. № 3. С. 305–318. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp223305318>

31. Разуваев Ю. Д., Решетова И. К. Групповое захоронение в заброшенном колодце на городище скифской эпохи близ г. Задонска // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 41–49. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-41-49](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-41-49)

32. Разуваев Ю. Д., Чендев Ю. Г. Ландшафтное окружение городищ и курганов скифского времени в донской лесостепи // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2021. № 3. С. 343–356.

33. Решетова И. К., Добровольская М. В. Новые антропологические источники в изучении скифоидного населения Среднего и Верхнего Подонья // Восточноевропейские древности / отв. ред. Ю. Д. Разуваев. Воронеж: Науч. кн., 2012. С. 154–164.

34. Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 / отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Ин-т археологии РАН, 2004. С. 151–277.

35. Савченко Е. И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2004–

2008 / отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Ин-т археологии РАН, 2009. С. 221–325.

36. Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: Ин-т археологии НАНУ, 2003. 197 с.

37. Шевченко А. А. Городище скифского времени Большое Сторожевое на Среднем Дону (реконструкция и хронология оборонительных сооружений) // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко. Харьков, 2008. С. 142–145.

38. Шепель Е. А. Население Семилукского городища скифского времени (по антропологическим материалам) // Археологические памятники Восточной Европы / отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронеж. педун-та, 2002. С. 145–156.

39. Шнирельман В. А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 1. С. 9–175.

40. Яниш Е. Ю., Меркулов А. Н. Новые остеологические материалы с поселений скифского времени на Верхнем и Среднем Дону // История: факты и символы. 2016. Вып. 4. С. 85–92.

REFERENCES

1. Alekseev A.Iu. *Khronografiiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vekov do n.e.* [Chronography of European Scythia, 7th – 4th Centuries BC]. Saint Petersburg, Izd-vo Gos. Ermitazha, 2003. 416 p.

2. Volodin S.A., Dobrovolskaya M.V., Nelyubov S.A., Shevchenko A.A. Naseleniye Srednego Dona skifskoy epokhi po dannym bioarkheologii [Population of the Middle Don of the Scythian Era, According to Bioarchaeology]. *Yevraziya v eneolite – rannem srednevekovyye (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologii): materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya issledovatelya drevnostey Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii Mikhaila Petrovicha Gryaznova (1902–1984)* [Eurasia in Eneolite – Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Broadcasts of Ideas and Technologies). Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 120th Birthday of an Outstanding Explorer of the Antiquities of South Siberia and Central Asia Mikhail Gryaznov (1902–1984)]. Saint Petersburg, In-t istorii material. kultury RAN, 2022, pp. 165–167. DOI: <http://doi.org/10.31600/978-5-6047952-2-4.165-167>

3. Guljaev V.I. *Na vostochnykh rubezhah Skifii (drevnosti donskih skifov)* [At East Boundaries of Scythia (Antiquity of the Don Scythians)]. Moscow, In-t arheologii RAN, 2010. 344 p.

4. Daragan M.N. Skifskiye mezhdousobitsy [Scythian Feuds]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2016, vol. 76, no. 1, pp. 22-62.
5. Dobrovolskaya M.V. K antropologii naseleniya Srednego Dona v skifskoe vremya [To the Anthropology of the Population of the Middle Don in the Scythian Time]. Gulyaev V.I., ed. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003* [Archaeology of the Northern Don in the Scythian Epoch: Works of Don (Potudan) Archaeological Expedition of the IA RAS, 2001–2003]. Moscow, In-t arheologii RAN, 2004, pp. 69-106.
6. Dobrovolskaya M.V. Boevye travmy v izuchenii antropologicheskikh materialov iz srednedonskikh nekropolei V–IV vv. do n. e. [Battle Traumas in the Study of Anthropological Materials from Cemeteries of the 5th – 4th Centuries BC in the Middle Reaches of the Don]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2013, iss. 231, pp. 131-141.
7. Kalinina I.V. *Ocherki po istoricheskoi semantike* [Essays on Historical Semantics]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 2009. 268 p.
8. Kriutchenko A.A. K voprosu o prednamerennom obzhige valov lesostepnykh gorodishch skifskogo vremeni [On the Question of the Deliberate Firing of Shafts of the Forest-Steppe Hillforts of the Scythian Time]. *Drevnosti 2013* [Antiquities 2013]. Kharkov, OOO «NTMT», 2013, iss. 12, pp. 155-162.
9. Latyshev V.V. Izvestiia drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze [The News of Ancient Writers About Scythia and the Caucasus]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1948, no. 2, pp. 215-314.
10. Liberov P.D. *Pamiatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu* [Scythian-Time Sites in Middle Don Region]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 110 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]; iss. D1-31).
11. Markov G.E. Skotovodcheskoe khoziaistvo i kochevnichestvo: definitsii i terminologiya [Cattle-Breeding Farm and Nomadicism: Definitions and Terminology]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography], 1981, no. 4, pp. 83-94.
12. Medvedev A.P. III Chertovitskoe gorodishche (materialy 1-oi poloviny I tys. n.e.) [III Chertovitskoe Hillfort (Materials of the 1st Half of the 1st Millennium AD)]. Medvedev A.P., ed. *Arkheologicheskie pamiatniki Verkhnego Podonia pervoi poloviny I tysiacheletiya n.e.* [Archaeological Monuments of the Upper Don of the First Half of the 1st Millennium AD]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1998, pp. 42-84. (Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi [Archeology of the East European Forest-Steppe]; iss. 12).
13. Medvedev A.P. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podonya. Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tysiacheletiya do n. e.* [The Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 160 p.
14. Merkulov A.N. *Poselenie skifskogo vremeni u khutora Titchikha na Srednem Donu* [The Settlement of the Scythian Time at the Farm of Titchikh on the Middle Don]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. ped. un-ta, 2021. 108 p.
15. Neretina Iu.A., Merkulov A.N. Elementy konskoi upriazhi s poselenii skifskogo vremeni lesostepnogo Podonya [Horse's Equipment from the Settlements of the Scythian Time of the Forest-Steppe Don Region]. *Filo Ariadne*, 2020, no. 3, pp. 1-12. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/21-346>
16. Petrenko V.G. Lokalnyye gruppy skifoobraznoy kultury lesostepi Vostochnoy Evropy [Local Groups of the Scythian Culture of the Forest-Steppe of Eastern Europe]. Melyukova A.I., ed. *Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR)* [Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time (Archeology of the USSR)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 67-80.
17. Prjahnin A.D., Razuvaev Yu.D. Semilukskoe gorodishhe pozdneskifskogo vremeni na r. Don (osnovnye rezultaty raskopok 1984–1993 g.) [Semiluki Hillfort of Late Scythian Time for the Don River (Main Results of Excavation of 1984–1993)]. Cheliapov V.P., ed. *Arheologicheskie pamiatniki Srednego Poochya* [Archaeological Monuments of the Middle Oka Region]. Ryazan, NPTs po ohrane i ispolz. pamjatnikov istorii i kultury Rjaz. obl., 1995, pp. 43-68.
18. Puzikova A.I. Poseleniya Srednego Dona [Settlements of the Middle Don]. Smirnov A.P., ed. *Naselenie Srednego Dona v skifskoe vremya* [The Population of the Middle Don in Scythian Time]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 41-81. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. [Materials and Research on Archaeology of the USSR]; no. 151).
19. Puzikova A.I. *Kurgannye mogilniki skifskogo vremeni Srednego Podonya (Publikatsiya kompleksov)* [The Mound Burial Grounds of the Scythian Time of the Middle Don Region (Publication of Complexes)]. Moscow, In-t arkheologii RAN, 2001. 272 p.
20. Razuvaev Yu.D. O sledakh voennykh stolknovenii na gorodishchakh skifskoi epokhi v lesostepnom Podonye [About the Traces of Military Clashes at the Hillforts of the Scythian Era in the Forest-Steppe Don Region]. Posokhov S.I., ed. *Drevnosti Vostochnoi Evropy: sb. nauch. tr. k 90-letiiu B.A. Shramko* [Antiquities of Eastern Europe. Collection of Scientific Works to the 90th Anniversary of B.A. Shramko]. Kharkov, Khark. nats. un-t im. V.N. Karazina, 2011, pp. 235-245.

21. Razuvaev Yu.D. Rezultaty issledovaniy oboronitelnykh sooruzheniy Semilukskogo gorodishcha v 2012 g. [The Results of Investigating Defensive Constructions of the Semilukskoe Hillfort in 2012]. Voroshilov A.N., ed. *Vostochnoevropeyskie drevnosti* [Eastern European Antiquities]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2013, pp. 196-211.

22. Razuvaev Yu.D. O gruntovykh mogilnikakh skifskogo vremeni v donskoy lesostepi [About Burial Grounds of the Scythian Time in the Don Forest-Steppe]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Vestnik of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2014, no. 2, pp. 103-111.

23. Razuvaev Yu.D. Mogilnik na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni v svete novykh issledovaniy [Burial Ground at the Semilukskye Hillfort of the Scythian Time in the Light of New Research]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Vestnik of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2015, no. 2, pp. 98-107.

24. Razuvaev Yu.D. Nakhodki chelovecheskikh kostei na poseleniyakh skifskogo vremeni v lesostepnom Podonye [Finds of Human Bones in Settlements of the Scythian Time in Forest-Steppe Region of the Don Basin]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.1>

25. Razuvaev Yu.D. Razroznennye chelovecheskie ostanki na poseleniyah Lesostepnoj Skifii: obzor interpretacionnykh podhodov [Separate Human Remains on Settlements of Forest-Steppe Scythia: Review of Interpretative Approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2018, no. 55, pp. 142-147. DOI: <http://doi.org/10.17233/19988613/55/21>

26. Razuvaev Yu.D. Istorija izuchenija gorodishhenskih fortifikacij epohi rannego zheleza v lesostepnom Podonye [History of the Study of Fortifications of the Hillforts of Early Iron Age in Forest-Steppe Region of the Don Basin]. *Arheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], 2019, no. 1 (2), pp. 146-158.

27. Razuvaev Yu.D. Gorodishhe u s. Verhnee Kazachye: tri sreza skifskoy epohi na Verhnem Donu [The Hillfort near the Village of Verkhnee Kazachye: Three Sections of the Scythian Era in the Upper Don]. *Arkheologicheskoye nasledie* [Archaeological Heritage], 2020, no. 1 (3), pp. 209-223.

28. Razuvaev Yu.D. Raskopki poseleniya i kultovykh sooruzhenij skifo-sarmatskogo vremeni na severnoj okraine Voronezha [Excavations of Settlement and Cult Structures of the Scythian and Sarmatian Time on the Northern Edge of Voronezh]. *Filo Ariadne*, 2020, no. 2, pp. 1-18. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/20-331>

29. Razuvaev Yu.D. Gruntovyy mogilnik skifskogo vremeni u s. Ksizovo na Verhnem Donu (novye dannye) [In-Ground Cemetery of the Scythian Period near the Village of Ksizovo in the Upper Don Region (New Data)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2021, iss. 264, pp. 127-147. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.264.127-147>

30. Razuvaev Yu.D. Obihodnye veshhi v kultovykh praktikah srednedonskogo osedlogo naseleniya skifskoy epohi [Everyday Things in the Cult Practices of the Middle Don Settled Population of the Scythian Era]. *Stratum plus. Arheologiya i kulturnaja antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2022, no. 3, pp. 305-318. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp223305318>

31. Razuvaev Yu.D., Reshetova I.K. Gruppovoe zahoronenie v zabroshennom kolodce na gorodishhe skifskoy epohi bliz g. Zadonska [Group Burial in an Abandoned Well on the Scythian-Era Hillfort near the City of Zadonsk]. *Uralskij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2021, no. 4 (73), pp. 41-49. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-41-49](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-41-49)

32. Razuvaev Yu.D., Chendev Yu.G. Landshaftnoe okruzhenie gorodishh i kurganov skifskogo vremeni v donskoy lesostepi [Landscape Environment of Hillforts and Kurgans of Scythian Time Within the Don Forest Steppe Region]. *Stratum plus. Arheologiya i kulturnaja antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2021, no. 3, pp. 343-356.

33. Reshetova I.K., Dobrovolskaya M.V. Novye antropologicheskie istochniki v izuchenii skifoidnogo naseleniya Srednego i Verhnego Podonja [New Anthropological Sources in the Study of the Scythian Population of the Middle and Upper Don Areas]. Razuvaev Yu.D., ed. *Vostochnoevropeyskie drevnosti* [Eastern European Antiquities]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2012, pp. 154-164.

34. Savchenko E.I. Vooruzhenie i predmety snarjazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and Objects of Equipment of the Population of the Scythian Time on the Middle Don]. Gulyaev V.I., ed. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoj) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003* [Archaeology of the Northern Don in the Scythian Epoch: Works of Don (Potudan) Archaeological Expedition of the IA RAS, 2001–2003]. Moscow, In-t arheologii RAN, 2004, pp. 151-277.

35. Savchenko E.I. Snarjazhenie konja skifskogo vremeni na Srednem Donu, kak arheologicheskij istochnik [Equipment of the Horse of the Scythian Time on the Middle Don, as an Archaeological Source]. Gulyaev V.I., ed. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008* [Archaeology of the Northern Don in the Scythian Epoch: Works of Don (Potudan) Archaeological Expedition of the IA RAS, 2004–2008]. Moscow, In-t arheologii RAN, 2009, pp. 221-325.

36. Skoryj S.A. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokulturnogo elementa)* [Scythians in the Forest-Steppe Zone of the Right Bank of Dnieper: The Problem of Distinction of the Iranian Ethnic and Cultural Element]. Kyiv, In-t arheologii NANU, 2003. 197 p.

37. Shevchenko A.A. Gorodishhe skifskogo vremeni Bolshoe Storozhevoe na Srednem Donu (rekonstrukcija i hronologija oboronitelnyh sooruzhenij) [The Settlement of the Scythian Time Is a Bolshoe Storozhevoe on the Middle Don (Reconstruction and

Chronology of Defensive Structures)]. *Problemy arheologii Vostochnoj Evropy. K 85-letiju Borisa Andreevicha Shramko* [Problems of Archeology of Eastern Europe. To the 85th Anniversary of Boris Shramko]. Kharkov, 2008, pp. 142-145.

38. Shepel E.A. Naselenie Semilukskogo gorodishcha skifskogo vremeni (po antropologicheskim materialam) [Population of the Semilukskoe Hillfort of the Scythian Time]. Sinyuk A.T., ed. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy* [Archaeological Sites of Eastern Europe]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. pedun-ta, 2002, pp. 145-156.

39. Shnirelman V.A. U istokov vojny i mira [At the Origins of War and Peace]. *Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva* [War and the Peace in the Early History of Humanity]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1994, vol. 1, pp. 9-175.

40. Yanish E.Yu., Merkulov A.N. Novye osteologicheskie materialy s poselenij skifskogo vremeni na Verhnem i Srednem Donu [New Osteological Materials from the Settlements of Scythian Time at the Upper and Middle Don]. *Istorija: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2016, iss. 4, pp. 85-92.

Information About the Author

Yuriy D. Razuvaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Информация об авторе

Юрий Дмитриевич Разуваев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.2>

UDC 902:572(470.4)
LBC 63.48(235.4)-9

Submitted: 26.05.2024
Accepted: 15.07.2024

NOMADS OF THE OGHUZ-PECHENEG TIME OF THE VOLGA-DON REGION ACCORDING TO ANTHROPOLOGY DATA

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of an anthropological study of the nomads of the Oghuz-Pecheneg period of the Volga-Don region, known from written and archaeological sources. *Material and methods.* To carry out the analysis, both published materials and new ones studied by the author were used. The craniological series included data on 55 skulls – 38 male and 17 female. The new material is represented by skulls obtained from excavations of cemeteries in the Volgograd region, for 23 skulls. The anthropological composition, intragroup structure, and ethnogenetic connections were determined by the methods of simple and multivariate statistics. *Analysis and discussion.* The arithmetic mean values of the male and female craniological series demonstrated a racially mixed Caucasoid-Mongoloid complex, components of which are determined in men by II and in women by both I and II principal components. In addition, in the male series I, the main component performs the function of size and demarcates the skulls with a massive and gracile structure of the brain and facial regions. The multiple discriminant analysis carried out in order to identify ethnogenetic connections showed the greatest similarity of a series of nomads of the Oghuz-Pecheneg period both with their predecessors, the population of the Khazar period, and with groups of Cuman and Golden Horde nomads. The Turkic origin of the study group demonstrates connections with the synchronous populations of Southern Siberia and Kazakhstan. *Conclusions.* The Oghuz-Pecheneg people exhibited a racially heterogeneous anthropological composition, combining Mongoloid and Caucasoid components. This is a direct consequence of their origin. Apparently, the nomads of the Volga-Don region of the studied time, after its development, could include in their composition the nomadic groups of the previous Khazar time and form the composition of both the urban and nomadic population of the Golden Horde.

Key words: anthropological composition, pre-Mongol period, Pechenegs, Oghuzes, craniology, Lower Volga region, intragroup analysis, ethnic relations.

Citation. Balabanova M.A. Nomads of the Oghuz-Pecheneg Time of the Volga-Don Region According to Anthropology Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 20-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.2>

УДК 902:572(470.4)
ББК 63.48(235.4)-9

Дата поступления статьи: 26.05.2024
Дата принятия статьи: 15.07.2024

КОЧЕВНИКИ ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО ВРЕМЕНИ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье приводятся результаты антропологического исследования кочевников огузо-печенежского времени Волго-Донского региона, которые известны по письменным и археологическим источникам. *Материал и методы.* Для проведения анализа были привлечены как уже опубликованные материалы, так и новые, изученные автором. Краниологическая серия насчитывает данные по 55 черепам – 38 мужским и 17 женским. Новый материал представлен черепами, полученными из раскопок могильников Волгоградской области, общей численностью 23 черепа. Антропологический состав, внутригрупповые и межгрупповые связи определялись методами простой и многомерной статистики. *Анализ и обсуждение.*

Среднеарифметические значения мужской и женской краниологических серий продемонстрировали смешанный в расовом отношении европеоидно-монголоидный комплекс, компоненты которого определяются у мужчин по II, а у женщин и по I, и по II главным компонентам. Кроме того, в мужской серии I главная компонента выполняет функцию размера и разграничивает черепа с массивным и грацильным строением мозгового и лицевого отделов. Проведенный множественный дискриминантный анализ с целью выявления этногенетических связей показал наибольшее сходство серии кочевников огузо-печенежского времени как со своими предшественниками, населением хазарского времени, так и с группами половецких и золотоордынских кочевников. Тюркское происхождение исследуемой группы демонстрируют связи с синхронным населением Южной Сибири и Казахстана. **Выводы.** Кочевники огузо-печенежского времени по своему антропологическому составу оказались неоднородными в расовом отношении и сочетают монголоидные и европеоидные компоненты, что непосредственно связано с их происхождением. Видимо, кочевники исследуемого времени Волго-Донского региона после освоения его могли включить в свой состав кочевые группы предшествующего хазарского времени, а также участвовать в формировании как городского, так и кочевого населения Золотой Орды.

Ключевые слова: антропологический состав, предмонгольский период, печенеги, огузы, краниология, Нижнее Поволжье, внутрigrупповой анализ, этнические связи.

Цитирование. Балабанова М. А. Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 20–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.2>

Введение. Огузо-печенежские этносоциальные образования кочевников предмонгольской эпохи Волго-Донского региона известны по арабским, персидским, византийским и древнерусским источникам. В контексте данного исследования интересна информация, которая свидетельствует об их физическом типе и этническом составе. Известно, что до начала IX в. печенеги и огузы обитали между Нижней Волгой и Аральским морем, первоначально это были два самостоятельных народа. В IX в. источники их называют тюркскими народами, населяющими территорию Средней Азии (данные Ибн-Хордадбех и аль-Йакуби). В X в. в результате противостояния между огузами и печенегами последние были вытеснены на запад, в Волго-Уральские степи. Ибн-Даста [13, с. 15] размещает их на расстоянии 10 дней пути от земель хазар. Византийский император Константин Багрянородный [19, с. 37] в X в. наблюдает их уже вблизи своих границ и отмечает, что первоначальное расселение печенегов было у Волги. Кроме того, этот источник сообщает, что после завоевания печенегов огузами часть их была вынуждена переселиться в западные территории, а другая часть была включена в огузский племенной союз. В их родоплеменной состав входило восемь племен, в которых насчитывалось около 40 родов. Константину Багрянородному известна и этнонимия печенегов.

Наиболее подробная информация об огузах, в том числе об их этническом составе, содержится у неизвестного автора «Худуд аль-Алама» [23, с. 209, 210] (IX–X вв.), который подразделяет тюркские племена на две группы: юго-восточную и северо-западную. Среди первых он перечисляет уйгуров, киргизов, карлуков и др., а среди вторых – кимеков, огузов, печенегов, кипчаков. В источниках X–XI вв. [23, с. 166, 167] и золотоордынского времени [23, с. 493–502] также есть информация о полиэтничности огузов. Их этнонимика приводится в работе XI в. Махмуда аль-Кашгари [24, с. 68–70].

Данные о территории расселения огузов в Восточно-европейских степях имеются в работе арабского географа Истахри [23, с. 167]. Он их локализует между хазарами и кимаками, страной карлуков и волжских болгар.

Сведений о физическом облике этих кочевников хотя и немного, но они дают представление о том, что он носит смешанный монголоидно-европеоидный характер. Так, Абу-Дулаф в своей «Книге о чудесах стран» [1] (X в.) печенегов описывает как европеоидов: «Это люди длиннородые, усатые, производящие набеги друг на друга...». Ибн Фадлан, путешествуя по Волге, также отмечает, что «...печенеги – темные брюнеты, с бритыми бородами...» [14, с. 26].

О наличии монголоидного компонента у огузов пишет арабский автор X в. ал-Масуди [23, с. 166]. Он указывает, что их состав был неоднородный, а та часть, которая живет на Сыр-Дарье, обладала монголоидными чертами. Эта информация относится к группе средних огузов, которые «отличаются от других турок своей доблестью, раскосыми глазами и маленьким ростом».

Видимо, те печенеги и огузы, которые были носителями монголоидных типов, проживая на территории Хорезма и на юге восточно-европейских степей среди народов европеоидного облика, участвовали в ассимиляционных процессах, что сказалось на их составе. Очевидно, именно об этом пишет Рашид ад-Дин [23, с. 498, 499]: «...из-за климата их черты постепенно изменились на черты таджиков. Поскольку они не были таджиками, таджикские народы называли их туркман, то есть похожий на тюрка».

Таким образом, анализ письменных источников свидетельствует о неоднородности в расовом и этническом составе как печенегов, так и огузов. У печенегов, видимо, преобладали европеоидные черты, а у огузов облик был смешанным монголоидно-европеоидным. Очевидно, основной антропологический европеоидный тип был типом среднеазиатского междуречья, носителем которого сейчас является ряд среднеазиатских народов: таджики, узбеки, уйгуры и др. После появления в Средней Азии печенеги и огузы вступали в брачные контакты с местными народами, что привело к изменению их облика и сильному «размыванию» монголоидных черт. Данная ситуация наблюдалась и в степях Восточной Европы. О контактах печенегов и огузов с соседями, населением Хазарского Каганата, Волжской Булгарии и Киевской Русью и др., также сообщают письменные источники [19, с. 39, 41, 43; 23, с. 144, 166, 186, 216]. Несмотря на то, что между огузами и печенегами время от времени возникало противостояние, оба народа были родственными, а по языку тюрко-язычными. В свою очередь, печенеги являлись одним из 24 огузских племен [23, с. 495; 24, с. 69].

О территории, подвластной огузо-печенежским племенным союзам, кроме информации, которую можно почерпнуть из пись-

менных источников, свидетельствуют могильники, раскопки которых позволяют определить особенности их погребального обряда, материальной культуры, половозрастной структуры погребенных и антропологического состава. Погребальный обряд печенегов и огузов, благодаря работам С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова и др., хорошо изучен. Обычно для них характерны индивидуальные захоронения, с ориентировкой головы на запад, иногда в деревянном гробу. Основной же характеристикой погребального обряда было захоронение чучела коня, расположенное вблизи умершего [9; 20; 21; 25; 26; 30].

Ученые не раз пытались выделить погребения огузов и печенегов. Так, вслед за В.А. Кригером [20] Г.Н. Гарустович с В.Н. Ивановым [9, с. 94, 95] дают отличительные признаки захоронений огузов и печенегов: основными из них являются положение чучела лошади по отношению к умершему человеку и наличие отдельных предметов материальной культуры.

Что касается хронологии огузо-печенежских погребений, то большая часть специалистов согласна с разработками Г.А. Федорова-Давыдова [30, с. 134–161], который разделил все кочевнические захоронения Восточно-европейских степей IX–XIV вв. на следующие хронологические группы:

- 1) конец IX – XI в. (господство печенегов и краткий период торческого нашествия);
- 2) последняя четверть XI – XII в. (начальный период господства половцев);
- 3) конец XII – начало XIII в. (предмонгольский период половцев);
- 4) вторая половина XIII – XIV в. (золотоордынский период половцев).

Таким образом, существование огузо-печенежских памятников укладывается в первую группу. Тем не менее, если судить по более полно изданным материалам с типологическими таблицами Урало-Волго-Донского региона IX в., не определяется в позднекочевнических захоронениях [9, с. 132–160; 21, с. 58], а история огузов и печенегов выпадает на диапазон X–XI веков.

Морфологический тип кочевников огузо-печенежского времени Волго-Донского региона слабо изучен. Полноценное исследование проводилось лишь по кочевническому могиль-

нику вблизи Саркела-Белой Вежи, который С.А. Плетнева [26, с. 258] датирует IX–XI вв., а изучила краниологическую серию Л.Г. Вуич [8]. Пересмотрев датировки погребений из этого могильника с учетом новых разработок, Е.В. Круглов [21, с. 75] весь материал датирует в рамках X–XI веков. Серия из так называемых малых курганов, раскопанных в 1934–1936 гг., опубликовал В.В. Гинзбург [10]. Более полные измерения этого материала приведены в статье Л.Г. Вуич [8].

Средний краниологический тип мужской части населения погребенного в малых курганах В.В. Гинзбург [10, с. 317–330] характеризует как брахикранный с высокой, широкой и среднелинной мозговой коробкой, лицевой скелет крупных размеров, широкий и высокий, с ортогнатной вертикальной профилировкой. Нос узкий, резко выступающий, а орбиты высокие. По физическому типу большинство мужчин, по мнению автора, имели крепкое телосложение и были невысокого роста, около 165 см.

На основе типологического анализа автором была выявлена внутригрупповая неоднородность на уровне двух больших рас: монголоидной и европеоидной. При этом по длине тела костяки с монголоидным комплексом оказались ниже, чем костяки с европеоидным, – около 163 см.

Серия из кочевнического могильника близ Саркела-Белой Вежи, изученная Л.Г. Вуич [8, с. 422–425], насчитывала 15 черепов: 13 мужских и 2 женских. Мужские черепа характеризуются широкой среднелинной и средневысокой мозговой капсулой; по черепному указателю брахикранные. Лицевой скелет высокий и широкий, с ослабленной горизонтальной и ортогнатной вертикальной профилировками. Отдельные части лица – орбиты и нос – мезоморфного строения. Типологический анализ позволил автору констатировать смешанный характер внутригрупповой структуры, которая сочетает монголоидные и европеоидные типы. Преобладают черепа с европеоидными чертами с расовым типом среднеазиатского междуречья. Различия, существующие на черепах с монголоидным комплексом, позволили автору выделить варианты: южно-сибирский и центрально-азиатский. Кроме того, Л.Г. Вуич отмечает сходство ко-

чевнической серии с серией из малых курганов, изученной В.В. Гинзбургом.

Отдельные черепа этого времени были опубликованы В.В. Гинзбургом [11] при изучении серии из могильника Калиновка и Б.В. Фирштнейн [31; 32] при публикации материалов из насыпи 19/1 Саркела-Белой Вежи и могильников Верхнепогромное и Никольское. Все черепа демонстрируют сходство морфологического типа с материалами Саркела-Белой Вежи.

Описание археологических и антропологических характеристик материалов из погребений 2 и 3 кургана 1 могильника Колобовка III дается в совместной статье [22]. Особенности погребального обряда и элементов материальной культуры позволяют датировать оба комплекса первой половиной XI в. и атрибутировать их как огузские [22, с. 247]. Что касается антропологического типа двух черепов из этих погребений, то для них характерен брахикранный европеоидный расовый комплекс со слабой монголоидной примесью, которой отличается женский череп из погребения 2 [22, с. 247–249].

Половозрастной состав погребенных был определен по материалам кочевнического могильника близ Саркела-Белой Вежи [5, с. 16–18]. Результаты его позволяют говорить о сходстве с позднесарматскими и хазарскими традициями размещения погребенных под курганами, которая сводится к очень низкой доле детей (6,5 %) и нарушению половой структуры; женщин в 4 раза меньше, чем мужчин. Представленная в могильнике половозрастная структура объяснялась С.А. Плетневой [25, с. 238] тем, что там были погребены воины. Высокий травматизм военного характера был отмечен и при изучении патологического состояния материалов из могильников близ Саркела-Белой Вежи [29, с. 451].

Таким образом, результаты всех проведенных антропологических исследований кочевого населения огузо-печенежского времени демонстрируют смешанный монголоидно-европеоидный расовый тип. Как показывают исследования, монголоидов не много, а смешанный расовый тип предполагает наличие различных монголоидно-европеоидных вариантов. Они были выявлены во внутригрупповой структуре типологическим и статистическим методами и описаны древними автора-

ми, которые оставили сведения об облике печенегов и огузов.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что и сведения письменных источников, и размещение в южнорусских степях археологических памятников свидетельствуют о том, что печенегов из Поволжья вытеснили гузы, или огузы, где-то в конце IX в., перемещая их на запад до Северного Причерноморья. Как и печенеги, огузы были тюркоязычными, преимущественно кочевыми племенами, которые в конце IX в. заняли территорию печенегов между Уралом и Волгой. Видимо, оставшиеся на Нижней Волге печенеги были ассимилированы и включены в огузский союз к XI–XII векам. Перемещение огузов и печенегов в западном направлении предполагал контакт как с оседлым населением, так и с кочевыми группами, что, видимо, отразилось на их морфологическом облике и привело «размыванию» монголоидного компонента.

В связи с отсутствием за последние шесть десятилетий краниологических исследований данной группы кочевников, а также с накоплением нового костного и сравнительного материала, назрела проблема пересмотра их антропологического состава и этногенетических связей.

Материал и методы исследования.

Источником исследования послужил весь имеющийся на настоящий момент краниологический материал общей численностью 55 черепов. Серия включала измерения по 25 черепам из опубликованного кочевнического могильника и насыпи 19 Саркела-Белой Вежи [8; 10; 31], по 4 черепам из Калиновского могильника [11], по 3 черепам из могильников Верхнепогромное и Новоникольское, раскопанных В.П. Шиловым и опубликованных Б.В. Фирштейн [32]. Новый материал представлен измерениями по 23 черепам, полученным из погребений различных могильников с территории Волгоградской области (могильники: Кляковка; Колобовка III и IV; Старица; Рубежный; Новый Рогачик; Вертячий и др.).

Весь материал на основе изучения погребального обряда и элементов материальной культуры был включен в группу кочевников огузо-печенежского времени, хронологические рамки которого укладываются в диапазон X – начало XI века. Определение дат

было осуществлено волгоградским археологом Е.В. Кругловым. Большая часть материала им была исследована в отдельной работе [21, с. 70–75].

Методика краниологического анализа стандартная, общепринятая в отечественной антропологии. Предварительная работа с материалом предполагала реставрационный этап, половозрастную диагностику и измерительную программу [2; 28]. В дальнейшем серия изучалась методами простой и многомерной статистики [12], что предполагало описание общего типа, внутригрупповой и межгрупповой анализ. Средние арифметические значения краниологических признаков приведены в таблице 1, а особенности морфологии – на рисунках 1 и 2. Различная численность в мужской и женской серии по отдельным признакам связана с тем, что в старых публикациях приведена более короткая измерительная программа признаков.

Анализ и обсуждение. Мужская серия кочевников огузо-печенежского времени насчитывает 38 черепов и характеризуется среднедлинной, средневысокой и широкой мозговой коробкой, с рубрикацией указателей в пределах брахикранных, ортокранных и тапейнокранных значений (табл. 1). Вертикальная норма у половины мужских черепов сфеноидная. Основание черепа широкое и средней длины. Лобная кость среднеширокая в наименьшей своей части, слегка уплощенная по значению угла поперечного изгиба и наклонная по углу профиля лба назион-метоцион. Затылочно-теменной индекс находится в пределах параметров, характеризующих монголоидные популяции [7, с. 78–81].

Лицевой скелет широкий по всем трем широтным размерам (45; 43; 46 размеры) и высокий. Его горизонтальная профилировка на обоих уровнях ослабленная, а вертикальная – ортогнатная. Нос высокий и среднеширокий по абсолютной ширине, но узкий по указателю (лепторинный). В серии преобладают антропические формы нижнего края грушевидного отверстия (52,6 % – антропическая форма; 36,8 % – предносые ямки; 10,6 % – инфантильная форма). Передненосовая ось развита средне. Орбита мезоморфная по абсолютной ширине и высоте и мезоконхная по указателю. Переносье среднеширокое и средневысокое, а носовые кости среднеширокие и высокие со средним углом выступания.

Женская группа численностью 17 черепов по средним значениям имеет короткую, широкую и низкую (от базион-брегма, 17 размер) мозговую коробку (табл. 1). Тем не менее значение ушной высоты (20 размер) попадает в большие категории. Пропорции тотальных размеров укладываются в брахикранный, ортокранный и тапейнокранный формы. Основание черепа короткое и широкое, а лоб прямой, средней ширины и ослабленной профилировки в месте перегиба (угол поперечного изгиба лба (УПИЛ)).

Лицевой скелет широкий по скуловой ширине и средней ширины в верхней и средней частях. Его высота большая, горизонтальная профилировка по обоим углам средняя. В вертикальной плоскости лицо слабо выступает (ортогнатный). Нос среднеширокий и высокий, по указателю мезоринный. Как и в мужской серии, преобладают антропические формы нижнего края грушевидного отверстия (75 %). Передненосовая ость слабо выступающая. Орбита средних размеров и по высоте, и по ширине, мезоконхная по указателю. Переносье и носовые кости среднеширокие и высокие, со средним углом выступания носа.

Индивидуальные значения как мужской, так и женской серии позволяют говорить о широком размахе вариаций почти по всем признакам (табл. 1). При этом в серии визуально определяются черепа, у которых преобладают или монголоидные черты, или европеоидные, но большая часть черепов смешанного характера, что нашло отражение в характеристике усредненного морфологического типа обеих разнополюх серий. Смешанный в расовом отношении тип характерен для всех кочевых средневековых групп исследуемой территории начиная раннетюркским временем (конец V – VII в.) и кончая золотоордынским.

Для более детального определения внутригрупповой структуры средневековых кочевников X–XI вв. проводился анализ главных компонент (далее – ГК), для которого использовался следующий набор из 17 признаков: 8:1; M2; 20; 9; 11; 45; 48; 54; 55; 51; 52; SS:SC; 77; <zm²; 32; 72; 75-1. В результате обработки цифровой информации удалось извлечь 6 ГК собственные числа, которых >1, и они отражают более 70 % общей внутригрупповой изменчивости (табл. 2).

Анализ нагрузок на главные компоненты демонстрирует наибольший вклад во внутригруп-

повую изменчивость I ГК, которая составила более 20 % в обеих разнополюх группах (в мужской – 21,8 %; в женской – 25,7 %). На полюсах своей изменчивости в мужской серии эта компонента разграничивает черепа с противоположным набором. Первый представлен морфотипом с большим значением трансверсального сечения и широким основанием мозговой коробки (M2; 11) в сочетании с крупным лицом и отдельных его частей (45; 48; 55; 51), на котором нос умеренно выступающий (75-1). Второй – тип, сочетающий небольшие значения трансверсального сечения, узкое основание и грацильное строение лица с резко выступающим носом.

Таким образом, у мужчин I ГК выделяет различные европеоидные варианты. Массивный тип, характеризующийся крупными чертами лицевого скелета, представлен на черепах из: погребения 2 кургана 9 могильника МаляевкаV (рис. 1, 1; M2 – 275; 11 – 146; 45 – 157; 48 – 80; 55 – 60; 51 – 46); погребения 1 кургана 3 могильника Рахинка (рис. 1, 2; M2 – 254,4; 11 – 137; 45 – 144; 48 – 80; 55 – 58; 51 – 47,5); погребения 15 насыпи 19/1 могильника Саркела Белой Вежи (M2 – 278; 11 – 143; 45 – 145; 48 – 72; 55 – 56; 51 – 46) и др. [31, с. 326–328]. Альтернативный набор признаков встречается на черепах из погребений кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи (погребение 2, кургана 10: M2 – 235,2; 11 – 121; 45 – 128; 48 – 68; 55 – 50; 51 – 39); погребение 1, курган 40: M2 – 255,4; 11 – 128; 45 – 140; 48 – 67; 55 – 50; 51 – 41 и др.). Все черепа из могильников Саркела-Белой Вежи Л.Г. Вуич [8, с. 424, 425, 446] относит к андроновскому типу и типу среднеазиатского междуречья.

В женской серии I ГК имеет высокие и средние нагрузки почти с теми же признаками, что и в мужской (положительные нагрузки – 48; 55; 52; отрицательные нагрузки – M2; 20 и 75-1). В данном случае на положительном полюсе изменчивости будут черепа, которые имеют низкосводчатую мозговую коробку с небольшим значением условного трансверсального сечения, сочетающегося с крупным лицом с умеренно выступающим носом. У женщин описанный тип в большей степени представлен на двух черепах из могильника Старица: погребение 5, курган 21 (рис. 2, 2) и погребение 4 курган 30. На отрицательном полюсе будут че-

репа с альтернативным сочетанием: из погребения 1 кургана 28 могильника Калиновка; из погребения 22 насыпи 19/1 Саркела Белой Вежи. На обоих черепах из погребений могильника Старица отчетливо диагностируется монголоидный комплекс, а краниологический тип из Калиновки и Саркела-Белой Вежи авторы публикаций определяют как европеоидный среднеазиатского междуречья [8; 11].

Таким образом, если I ГК при анализе мужской группы можно считать компонентой размера, то в женской группе она разграничивает расовые комплексы.

Несмотря на то, что вторая главная компонента отражает всего 16,2 % внутригрупповой дисперсии в мужской серии, видимо, она выделяет различные расовые варианты, так как имеет средние и высокие корреляции с черепным указателем (8:1), с шириной и высотой лица (45 и 48 признаки) и профильными размерами (32; $<zm'$). При этом положительные нагрузки приходятся на все выше перечисленные признаки, кроме верхней высоты лица и высоты носа (48 и 55 признаки). Таким образом, смешанный в расовом отношении тип в большей степени представлен на черепах из кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи (курганы 49; 36; насыпь 19/1, погр. 15 и др.) [8, с. 424, 425; 24, с. 326, 328]. Почти полное сочетание признаков второго варианта встречается на черепах из кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи (погребения из курганов 11, 27), могильника Колобовка (группа III, курган 1, погребение 3 и др.) [8, с. 422, 424, 447, 449; 21; 31, с. 327]. На вышеперечисленных черепах первого варианта авторы публикаций диагностируют различные типы монголоидной расы: центрально-азиатский, южно-сибирский и др., а второго – европеоидной расы: переднеазиатский тип и тип среднеазиатского междуречья.

В женской серии по II ГК положительные нагрузки также выпадают на профильные углы: 77 и $<zm'$, а отрицательная нагрузка приходится на ширину орбиты (51). Таким образом, эта ГК разграничивает черепа, сочетающие слабую горизонтальную профилировку лица и узкую глазницу от черепов с резкой профилировкой лица и широкой глазницей. Слабая горизонтальная профилировка лица на черепах из погребения 1 кургана 28 могильника Калиновка и из погребения 7 кургана 1 мо-

гильника Новоникольское II, а резкая – на черепах из погребения 1 кургана 3 могильника Рубежный II и из погребения 7 кургана 3 могильника Верхнепогромное I [11; 32].

Анализ нагрузок по III ГК показал, что они отражают чуть больше 12 % в мужской серии и 14,7 % в женской общей изменчивости. В мужской серии высокую положительную нагрузку имеют признаки: SS:SC; 72, а отрицательную – 77. Таким образом, эта компонента разграничивает черепа, у которых ортогнатное резко профилированное лицо и высокие носовые кости от альтернативного типа. Третья ГК в женской серии отражает изменчивость ширины орбиты, общелицевой угол и угол лба от назион-метопион (признаки: 51; 32; 72).

По IV ГК (9,8 % дисперсии) в мужской серии наблюдается средней силы связь с условным трансверсальным сечением, наименьшей шириной лба и обоими углами горизонтальной профилировки лица (M2; 9; 77 и $<zm'$). При анализе женской серии на IV ГК выпадает 9,5 % изменчивости, она имеет связь с двумя признаками с симотическим указателем и зигомаксилярным углом (SS:SC и $<zm'$).

Таким образом, анализ нагрузок главных компонент, а также связь каждой из четырех с такими признаками, как: ширина, высота и горизонтальный профиль лба (9; УПИЛ; 32) и др., показал неоднородность разнополых серий на уровне двух больших рас: монголоидной и европеоидной. Для получения визуальной картины на основе матрицы внутригрупповых корреляций была построена дендрограмма кластеризации (рис. 3, 4). На рисунке 3 хорошо заметно, что вся изучаемая совокупность мужской серии делится на две части. В процессе подсчетов средних значений серий черепов, объединенных в отдельные кластеры, были выявлены различные краниологические типы, которые можно считать реально существующими и отражающими полиморфность исследуемой группы населения. Прежде всего следует определить специфику черепов, образующих отдельный кластер. Это черепа: из погребения 3 кургана 1 могильника Колобовка III; из погребений 1 курганов 20, 21 и 27 кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи и из погребения 1 кургана 3 могильника Рахинка. Индивидуальные значения краниологических признаков этих черепов, а также средние

значения этой группы демонстрируют морфотип мезокранных европеоидов. Их всех объединяет не только более узкий череп, но и очень высокое хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо с высоким носом и широкой глазницей. Всю остальную группу отличает та или иная степень монголоидной примеси. Краниологический тип черепов, которые обособились не образуя связи, характеризуется индивидуальными качествами, которые его отличают от остальных. Так, например, мезо-долихкранный череп из погребения 2 кургана 9 могильника Маляевка V (рис. 1, 1) имеет очень широкое и высокое лицо (157 и 80), а брахикранный череп из погребения 2 кургана 10 малых курганов могильника Саркелла-Белой Вежи, наоборот, очень узкое и низкое лицо (128 и 68) [8, с. 447].

На рисунке 4 отражены внутригрупповые зависимости женской части кочевников огузо-печенежского времени. Наибольшая монголоидность представлена в кластере с черепами из погребений: 1 кургана 4, могильника Киляковка; 4 кургана 30 и 5 кургана 21 могильника Старица. Остальная часть также демонстрирует различную степень монголоидной примеси. Отличается от всей совокупности лишь череп из погребения 1 кургана 28 могильника Калиновка, который характеризуется монголоидным низколицым вариантом в сочетании с широким носом.

Таким образом, проведенный компонентный анализ разнополых серий кочевников огузо-печенежского времени подтвердил на более массовом материале вывод советских антропологов об их смешанном монголоидно-европеоидном типе, который напрямую связан с их происхождением. Для решения этой проблемы проводился межгрупповой анализ каноническим методом.

В сравнительный анализ были включены средневековые группы с территории евразийских степей, включая население как предшествующей, так и последующей эпохи, всего было привлечено 28 мужских и 22 женские группы (табл. 3, 4). Канонический анализ проводился по стандартной программе из 14 краниологических признаков (1; 8; 17; 9; 45; 48; 54; 55; 51; 52; SS:SC; 77; zm^2; 75-1) (табл. 5). На первые два канонических вектора (далее – КВ) приходится более половины межгрупповой изменчивости.

Вклад первого канонического вектора при анализе мужских групп около 32,8 % и он

разграничивает группы с широкой и узкой орбитой. С широкой орбитой оказались сибирские группы (пределах 44–45 мм): суммарная группа из могильников тюркского времени Прииртышья (рис. 5, 18); из могильника Санаторный 1, 2 (рис. 5, 27); из могильников сростинской культуры (рис. 5, 17) и др.

Максимальные отрицательные значения, в пределах 40,9 мм, имеют группы тюркского и монгольского времени из могильников Казахстана, включая и серию из Ждановского могильника (рис. 5, 20, 23, 24). Серия огузо-печенежского времени имеет отрицательное значение и расположилась между группами хазарского времени Соколовской и Зливкинской обрядовых типов (рис. 5, 8, 10) и половецкого и золотоордынского времени Нижнего Поволжья (рис. 5, 6, 7).

Вклад второго канонического вектора у мужчин 20,7 %, и у него связь с поперечным диаметром черепа и с наименьшей шириной лба. Разграничивает серии с широким мозговым отделом в сочетании с узким лбом от серий с узкой мозговой коробкой в сочетании с широким лбом. Это, с одной стороны, группы из могильников: Мокринский I (рис. 5, 28); Усть-Талькин (рис. 5, 13); сум. серии из могильников Нижнего Поволжья (рис. 5, 6) и др., а с другой – серии из погребений Севашовской обрядовой группы хазарского времени (рис. 5, 9); могильников кочевников букеевской степи (рис. 5, 12); сум. могильников тюркского времени Прииртышья (рис. 5, 18) и др. Исследуемая серия огузо-печенежского времени (рис. 5, 11) имеет отрицательное значение и расположилась между средневековыми группами Казахстана (группа тюркского времени и группа кимаков Восточного Казахстана, группы: рис. 5, 22, 23).

Как показывают средние значения вышеперечисленных серий, II КВ разграничивает серии с большей монголоидностью от остальной совокупности.

Вклад I КВ в межгрупповую изменчивость составляет 33,3 % при анализе женских серий. Наиболее значимыми оказались признаки: наименьшая ширина лба (9 размер) и скуловой диаметр (45). При этом узкий лоб сочетается с широким лицом, и, наоборот, широкий лоб – с относительно узким лицом. Первый тип в большей степени представлен у средневекового населения Забайкалья (рис. 6, 16), в Соколовской обрядовой группе погребений хазарского време-

ни из могильников Нижнего Дона и Нижнего Поволжья (рис. 6, 10), в серии из Усть-Талькина (рис. 6, 15) и др. Второй же встречается исключительно в сибирских группах: Санаторный 1, 2, Усть-Буконь, Ташара (рис. 6, 1, 21, 22) и др. Исследуемая группа находится по соседству с сериями из Зливкинской обрядовой группы хазарского времени и кимаками Восточного Казахстана (рис. 6, 12, 19).

Вклад II KB в межгрупповую изменчивость в пределах 20 %, наиболее значимые нагрузки у него с поперечным и высотным диаметрами черепа, с симотическим указателем. Самые широкоголовые с низким сводом, сочетающимися с высокими носовыми костями, оказались серии из Сивашовской обрядовой группы хазарского времени (рис. 6, 11), серии кочевников золотоордынского времени из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (рис. 6, 2, 4) и др. Альтернативный тип встречается в средневековых сериях из могильников Ташара, Усть-Буконь, кимаков Восточного Казахстана (рис. 6, 1, 19, 21) и др. Исследуемая серия огузо-печенежского времени имеет положительное значение и расположилась рядом с сериями как предшествующего населения (группа из Соколовского типа погребений) (рис. 6, 10), так и последующего, кочевниками золотоордынского времени: группа из могильников окрестностей Царевского городища и могильников Калмыкии и Астраханской области (рис. 6, 8, 9) и др.

Таким образом, результаты сравнительного анализа разнополюх групп огузо-печенежского времени с остальной совокупностью показали, что они обладают, с одной стороны, морфологическим сходством с восточными синхронными и дианхронными группами, а с другой – с предшествующим (населением хазарского времени) и последующим населением (кочевые группы золотоордынского времени). Эти тенденции визуально можно наблюдать и на четырехпольном графике положения групп в плоскостях первых двух дискриминант, и на дендрограмме кластерного анализа расстояний Махаланобиса (рис. 5, 6).

Мужская серия огузо-печенежского времени оказалась в кластере с группой, известной как половецкая, группами кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, группой из Зливкинского типа

погребений хазарского времени, с сериями тюркского времени Тывы и кимаков Восточного Казахстана. По значениям расстояний близости по Махаланбису наибольшее сходство исследуемая мужская серия обнаруживает с группой кимаков Восточного Казахстана и с половецкой группой из могильников Нижнего Поволжья. Женская серия оказалась морфологически сходной с сериями кочевников золотоордынского времени из могильников окрестностей Царевского городища, могильников Заволжья, а также с тюрками Западного Казахстана и Зливкинской группой хазарского времени.

О связях группы, оставившей кочевнический могильник Саркела-Белой Вежи, как с местными средневековыми кочевниками, так и с группами Сибири писала Л.Г. Вуич [8, с. 436–444]. Есть одно возражение, касающееся участия сарматского населения в ассимиляционных процессах с пришлыми тюркскими группами. Исследования показали, что к X–XI вв. раннесарматский тип брахикранных европеоидов, участие которого предполагается в этногенезе огузов и печенегов, и тип длинноголовых европеоидов, носителей черт, присущих населению позднесарматского времени, к эпохе средневековья полностью ассимилируется с предшествующими группами раннетюркского и хазарского времени. Скорее всего, кочевое население огузо-печенежского времени в Волго-Донской регион пришло уже обладая определенной долей европеоидных черт. Дальнейшие ассимиляционные процессы с усилением европеоидных качеств можно связать как с хазарским населением, практикующим Зливкинский и Сивашевский обрядовый тип захоронений, в сериях которых преобладают европеоидные качества [4, с. 77], так и с группами южных славян.

Результаты. Таким образом, результаты антропологического исследования позволяют дать следующую картину распределения морфологических типов кочевого населения X–XI вв. Волго-Донского региона и определить их этногенетические связи.

Внутригрупповой и сравнительный анализ, а также оценка основных параметров серий указывают на наличие у них по крайней мере двух расовых компонентов и смешанные группы:

1) мезобрахикранный европеоидный тип, чаще всего идентифицируемый как тип среднеазиатского междуречья;

2) монголоидный, центрально-азиатский и южно-сибирский варианты;

3) особую и самую большую группу образует материал, в структуре которого выделяется смешанные в расовом отношении монголоидно-европеоидные черты.

Последний вариант представлен в различных сочетаниях набора монголоидных и европеоидных признаков. Наиболее интересной группой является сочетание брахикранного низксоводчатого краниума с широким, высоким и слабо профилированным лицом, на котором резко выступает нос. Весь материал происходит из узколокальной группы могильников Подонья (могильники: Саркел-Белая Вежа и Первомайский VII). Еще одна локальная особенность встречается на черепках из могильников волго-ахтубинской поймы (могильники: Солодовка I и Маляевка V). Там плоское лицо сочетается с мезо-долихокранной мозговой коробкой. При этом отмечается небольшая разница между обеими профильными углами. К сожалению, эта группа малочисленная и пока нет возможности рассмотреть ее отдельно как краниотип, который встречается в облике огузо-печенегов. Возможно, это индивидуальная особенность.

Описанная внутрigrupповая неоднородность связана с историей формирования кочевников огузо-печенежского времени. Реконструировать ее можно на основе выявленного сходства с синхронными и диахронными группами. В первую очередь следует отметить отчетливо прослеживаемую связь с предшествующим, хазарским населением, которая может указывать на тесные контакты, так как исследуемая группа кочевников жила по соседству с хазарами. К тому же в письменных источниках фигурирует группа печенегов, которая названа как хазарская и предполагает тесные контакты между ними. С наличием огузо-хазарских контактов Е. Круглов [21, с. 55–58] связывает обряд обезвреживания погребенных, который, видимо,

огузо-печенежские кочевники заимствовали у населения салтовской культуры.

Тюркское (южно-сибирское) происхождение как исследуемого огузо-печенежского населения, так и хазарского определяется наличием монголоидной примеси и сходством со средневековыми группами Сибири и Казахстана (серии: тюрки Тывы, кимаки и тюрки Казахстана). Об изначальном южно-сибирском происхождении предков огузов и печенегов свидетельствуют орхонские надписи, в которых огузы перечисляются в составе девяти тюркских племен.

Морфологическое сходство с кочевыми группами золотоордынского населения можно объяснить как включением оставшихся групп огузо-печенегов в состав кочевников Золотой Орды, так и их общими генетическими корнями.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда РФФ № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтничных социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья».

Выражаю благодарность Д.В. Позднякову, к.и.н., старшему научному сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН за предоставление серийного материала по эпохе средневековья Сибири.

ACKNOWLEDGEMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772 “Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region”.

I would like to express my gratitude to D.V. Pozdnyakov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, for providing serial material on the medieval era in Siberia.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Средние значения и показатели краниологических серий кочевников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) Волго-Донского региона

Table 1. Average values and indexes of craniological series of nomads of the Oghuz-Pecheneg period (10th – 11th centuries) of the Volga-Don region

№ по Мартину и др.	Мужчины					Женщины				
	n	X	s	Мин	Макс	n	X	s	Мин	Макс
1	36	178,6	7,1	166	191	17	170,6	5,2	162	180
8	36	147,5	7,3	135	166	16	140,4	6,9	126	149
8:1	34	82,8	5,8	72,6	94,2	16	82,3	5,5	73,3	89,2
17	26	132,2	4,8	126	145	9	127,0	4,6	119	134
17:1	25	73,9	2,5	69,9	80,1	9	74,6	2,7	70,6	79,6
17:8	26	89,8	6,2	80,2	105,2	9	90,4	5,8	79,9	100,0
ОРВ	25	266,4	6,5	253,4	279,3	9	255,1	4,3	249,4	261,4
M2	34	264,4	15,0	235,2	295,5	16	239,7	11,1	212,9	259,3
M3	25	1733,2	123,5	1505,3	2024,0	9	1522,5	74,3	1431,8	1641,9
5	26	101,2	5,9	86	111	9	95,8	4,5	90	101
20	30	113,8	3,7	106	121	13	112,8	3,1	107,5	118
9	33	96,0	4,3	88	104	14	93,5	3,0	89	100
УПИЛ	10	138,5	3,2	132,9	144,5	6	136,5	7,7	124,3	143,1
11	35	129,8	6,7	116	146	13	125,5	8,1	109	140
28:27	13	98,0	13,4	82,4	127	8	94,3	15,3	70,8	124,5
45	32	140,8	6,6	128	157	13	128,8	6,3	118	140
40	24	96,1	7,6	78	106	8	94,4	4,0	87	100
40:5	24	94,5	4,9	84,8	103	8	97,9	4,4	93,5	104,3
48	34	74,4	3,4	67	80	16	68,6	3,4	64	76
43	14	109,6	3,8	104	117	9	102,3	4,9	93	108
46	28	100,9	5,0	90	111	17	93,4	5,5	80	101
54	34	24,8	2,1	21	29	16	24,5	1,8	22	28
55	34	54,7	2,9	49	60	16	51,0	2,6	47	56
54:55	32	45,6	3,9	36,9	53,7	16	48,1	3,5	42,9	54,0
51	35	42,8	2,3	39	47,5	17	41,2	2,2	36	45
52	35	34,6	2,0	31	38	17	33,8	1,8	30	37,5
52:51	35	81,2	6,4	66,0	92,7	17	82,1	5,2	75,0	91,7
MC	27	20,2	3,8	15,5	32,0	13	18,4	2,7	15,4	24
MS	24	8,1	1,0	5,8	9,5	10	7,0	1,6	4,1	9,0
MS:MC	24	41,8	4,8	33,1	49,4	10	39,2	8,8	23,8	52,0
DC	27	21,1	2,2	16,1	24,9	12	19,8	1,6	17,8	23,0
DS	26	11,7	1,4	8,7	14,5	11	10,6	1,4	7,5	12,7
DS:DC	25	56,4	8,6	41,4	76,3	11	54,5	8,9	37,1	66,8
SC	32	8,5	2,1	4,5	13,2	14	8,8	2,1	5,5	13,2
SS	31	4,4	1,3	2,4	7,5	13	3,6	0,9	2,1	5,5
SS:SC	31	52,2	13,1	28,0	82,0	13	43,2	14,2	27,1	70,5
FC	10	3,8	1,4	2,0	5,7	5	4,0	1,7	1,5	6,0
77	35	143,5	6,0	131,6	155,4	15	142,7	8,1	118,4	151,3
<zm'	31	132,9	7,2	115,9	155,2	16	133,9	4,8	125,4	144,0
32	27	79,3	4,3	69	87	11	85,0	2,6	81	88
72	25	87,4	4,4	77	94	10	87,6	3,8	84	94
74	23	82,7	7,6	71	98	5	81,2	6,5	75	90
75-1	24	28,5	5,3	20	39	10	21,9	3,8	13	26

Таблица 2. Результаты внутригруппового анализа главных компонент (I-IV ГК)

Table 2. Results of the intragroup analysis of the main components (I-IV MC)

№ по Мартину и др.	Мужчины				Женщины			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
8:1	-0.125	0.661	-0.217	-0.278	-0.389	0.481	0.485	0.011
M2	0.532	0.315	-0.104	-0.502	-0.500	0.593	-0.139	-0.110
20	0.430	0.133	0.452	-0.013	-0.827	0.230	0.160	-0.006
9	0.166	0.382	0.376	-0.537	-0.227	0.806	-0.319	0.257
11	0.547	0.243	-0.156	-0.072	0.361	0.502	0.216	-0.083
45	0.641	0.533	-0.031	0.061	0.179	0.712	0.058	-0.374
48	0.681	-0.578	-0.130	0.036	0.899	-0.260	0.094	0.014
55	0.678	-0.505	-0.211	-0.022	0.823	0.093	0.229	-0.001
54	0.527	0.201	0.099	-0.028	-0.148	0.362	0.415	-0.282
51	0.739	-0.093	0.240	-0.003	0.137	0.504	-0.820	0.081
52	0.052	-0.275	0.307	-0.460	0.590	0.402	-0.088	0.323
SS:SC	0.298	-0.335	0.530	0.340	0.316	0.289	0.073	-0.647
77	0.340	0.144	-0.503	0.463	0.458	0.671	0.465	-0.089
<zm'	0.107	0.568	-0.271	0.524	0.155	0.506	-0.177	0.675
32	-0.111	0.717	0.444	0.204	-0.402	0.087	0.747	0.465
72	0.217	0.075	0.763	0.424	0.475	-0.124	0.554	0.322
75-1	-0.680	-0.127	0.312	0.038	-0.691	-0.102	0.185	-0.027
Собственные числа	3.708	2.747	2.136	1.668	4.372	3.489	2.497	1.618
% дисперсии	21.813	16.158	12.564	9.812	25.716	20.525	14.689	9.520

Таблица 3. Краниологические серии, используемые для межгруппового анализа. Мужчины

Table 3. The craniological series used for intergroup analysis. Males

№ п/п	Серия	Хронология
1	Кочевники, могильники окрестностей Царевского городища	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
2	Кочевники, могильники Заволжья	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
3	Кочевники, могильники с территории Республики Калмыкия и Астраханской области	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
4	Кочевники, могильники Волго-Донского междуречья	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
5	Кочевники, могильники Нижнего Дона	Золотоордынское время (XIII–XIV в.) [6]
6	Кочевники, Нижнего Поволжья	Золотоордынское время (XIII–XIV в.) [33]
7	Половцы, могильники Нижнего Поволжья	XI–XIII вв. [33]
8	Погребения обрядовой группы Соколовского типа, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (вторая половина VII – X в.) [4]
9	Погребения обрядовой группы типа поздней Сивашовки, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (вторая половина VII – X в.) [4]
10	Погребения обрядовой группы Зливкинского типа, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (вторая половина VII – X в.) [4]
11	Кочевники огузо-печенежского времени	X–XI вв. [4; 8; 10; 11; 21; 31; 32], материалы автора
12	Кочевники Букеевской степи	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.) [16]
13	Могильник Усть-Галькин	VIII–XIII вв. [27]
14	Могильник Ур-Бедари (сросткинская культура)	VIII–X вв. н. э. [27]
15	Гилево и Карболиха С-З Алтай	VIII–X вв. [27]
16	Тюркское время. Тыва	VI–X вв. [27]
17	Серия сростинской культуры (суммарная)	IX–X вв. [27]
18	Тюрки Прииртышья	конец I – начало II тыс. н. э. [27]
19	Тюрки Среднее Прииртышье	X–XII вв. [18]
20	Ждановский могильник	X–XII вв. [27]
21	Кимаки Кустанайское Притоболье	VIII–X вв. [27]
22	Кимаки Восточного Казахстана	VIII–X вв. [27]
23	Тюркское время. Казахстан	V–XII вв. [15]
24	Монгольское время. Казахстан	XIII–XVI вв. [15]
25	Тюркское время. Горный Алтай	VII–IX вв. [27]
26	Монгольское время. Горный Алтай	Первая половина 2 тыс. [27]
27	Могильники Санаторный-1 и 3 (басандайская культура)	XI–XII вв. [27]
28	Мокринский могильник I	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.) [17]

Таблица 4. Краниологические серии, используемые для межгруппового анализа. Женщины

Table 4. The craniological series used for intergroup analysis. Females

№ п/п	Серия	Хронология
1	Ташара-Карьер (басандайская культура)	XI–XII вв. [27]
2	Кочевники, могильники Нижнего Поволжья	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.) [33]
3	Хандюбе	X–XII вв. [3]
4	Кочевники, могильники Нижнего Дона	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.) [6]
5	Кочевники огузо-печенежского времени	X–XI вв. [6; 8; 10; 11; 22; 31; 32], материалы автора
6	Кочевники, могильники Волго-Донского междуречья	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
7	Кочевники, могильники Заволжья	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
8	Кочевники, могильники с территории Республики Калмыкия и Астраханской области	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
9	Кочевники, могильники окрестностей Царевского городища	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.), материалы автора
10	Погребения обрядовой группы Соколовского типа, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (2-я пол. VII–X вв.) [4]
11	Погребения обрядовой группы типа поздней Сивашовки, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (2-я пол. VII–X вв.) [4]
12	Погребения обрядовой группы Зливкинского типа, могильники Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Хазарское время (2-я пол. VII–X вв.) [4]
13	Тюркское время. Западный Казахстан	XI–XV вв. [3]
14	Тюркское время. Восточный Казахстан	VII–XII вв. [3]
15	Могильник Усть-Талькин	VIII–XIII вв. [3]
16	Тюркское время. Забайкалье	VIII–XIII вв. [3]
17	Мокринский могильник I	Золотоордынское время (XIII–XIV вв.) [17]
18	«Енисейские кыргызы» Хакасии	Эпоха средневековья [27]
19	Кимаки Восточного Казахстана	VIII–X вв. [27]
20	Тюркское время. Горный Алтай	VII–IX вв. [27]
21	Могильник Ур-Бедари (сросткинская культура)	VIII–X вв. н. э. [27]
22	Могильники Санаторный-1 и 3 (басандайская культура)	XI–XII вв. [27]

Таблица 5. Элементы первых двух канонических векторов (I–II КВ) для 28 мужских и 22 женских средневековых групп

Table 5. Elements of the first two canonical vectors (I–II CV) for 28 male and 22 female medieval groups

№ по Мартину и др.	Мужчины		Женщины	
	I	II	I	II
1	-0.008	-0.228	-0.111	-0.230
8	-0.254	0.596	0.319	0.523
17	0.191	-0.240	-0.480	-0.491
9	-0.427	-0.618	-0.532	0.450
45	-0.182	0.190	0.598	0.024
48	-0.332	0.268	0.391	-0.130
55	0.177	0.185	-0.011	0.114
54	-0.219	0.029	0.117	0.141
51	0.989	-0.051	-0.162	-0.420
52	-0.114	0.065	0.073	0.147
77	0.332	0.142	0.112	-0.419
zm	0.200	0.350	0.328	-0.189
SS:SC	0.106	-0.308	-0.246	0.529
75(1)	-0.405	-0.281	-0.170	-0.063
Собственные числа	22.128	13.984	16.525	9.963
% дисперсии	32.803	20.731	33.269	20.059

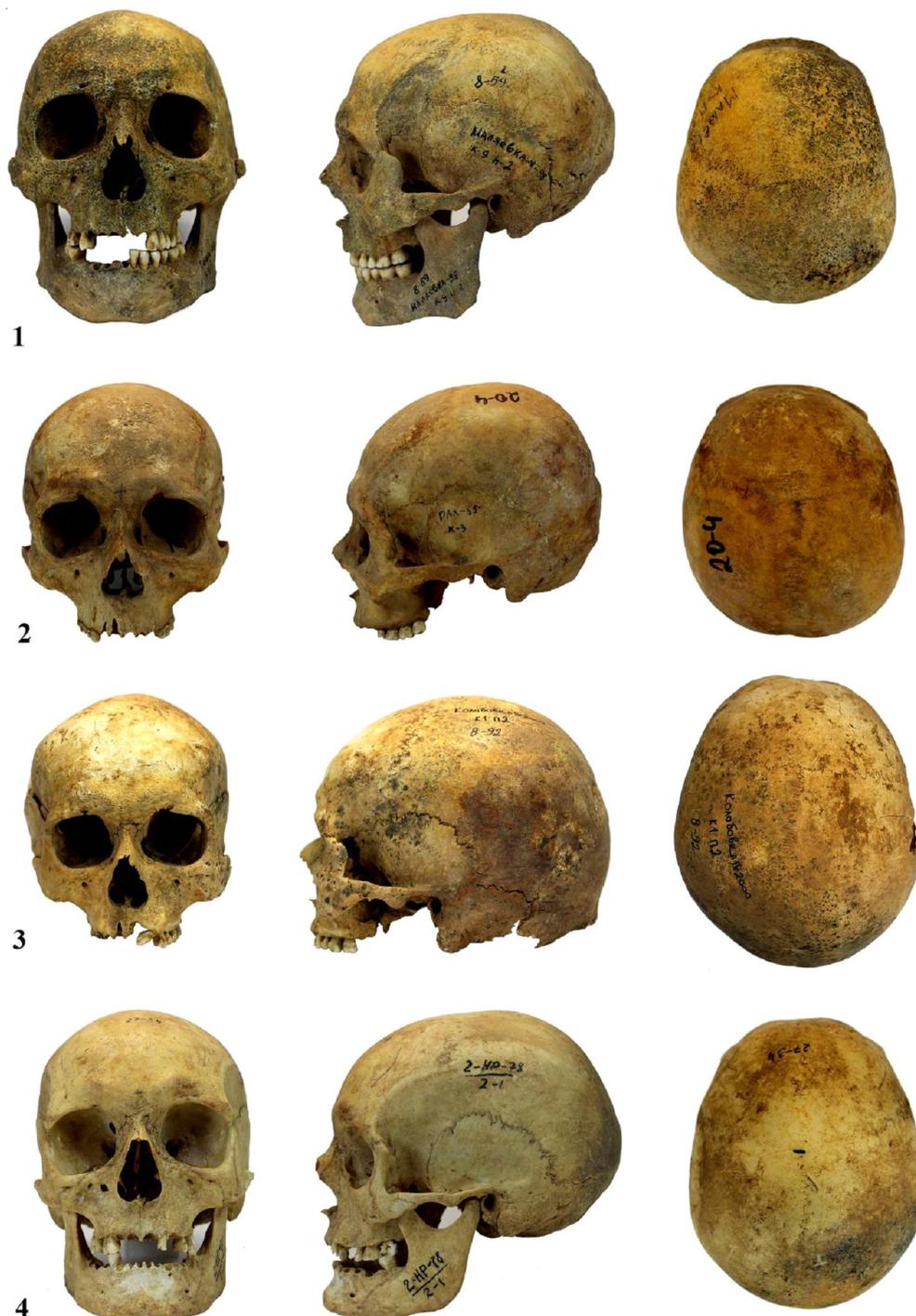

Рис. 1. Краниологические типы кочевников огузо-печенежского времени:

1 – череп мужчины (20–30 лет; кол. ВолГУ: № 8-59) из погребения кургана 5 могильника Малаевка V; 2 – череп мужчин (25–30 лет; кол. ВолГУ: № 20-4) из погребения 1 кургана 3 могильника Рахинка; 3 – череп мужчины (25–30 лет; кол. ВолГУ: № 8-92) из погребения 2 кургана 1 могильника Колобовка IV; 4 – череп женщины (30–40 лет; кол. ВолГУ: № 27-34) из погребения 1 кургана 2 могильника Новый Рогачик

Fig. 1. Craniological types of nomads of the Oghuz-Pecheneg period:

1 – the skull of a man (20–30 years old; collection of VolSU: No. 8-59) from the burial mound 5 of the Malaevka burial ground V; 2 – the skull of men (25–30 years old; collection of VolSU: No. 20-4) from the burial of 1 mound 3 of the Rakhinka burial ground; 3 – the skull of a man (25–30 years old; collection of VolSU: No. 8-92) from the burial of 2 mounds of 1 burial ground Kolobovka IV; 4 – the skull of a woman (30–40 years old; collection of VolSU: No. 27-34) from the burial of 1 mound 2 of the New Rogachik burial ground

Рис. 2. Краниологические типы кочевников огузо-печенежского времени:

- 1 – череп мужчины (около 30 лет; кол. ВолГУ: № 17-57) из погребения 1 кургана 27 могильника Первомайский VII;
- 2 – череп женщины (30–40 лет; кол. МАЭ: № 6534-142) из погребения 5 кургана 21 могильника Старица;
- 3 – череп женщины (40–50 лет; кол. ВолГУ: № 11-11) из погребения 1 кургана 3 могильника Рубежный II

Fig. 2. Craniological types of nomads of the Oghuz-Pecheneg period:

- 1 – the skull of a man (approx. 30 years old; collection of VolSU: No. 17-57) from the burial of 1 mound 27 of the Pervomaisky VII burial ground; 2 – the skull of a woman (30–40 years old; collection of MAE: No. 6534-142) from the burial of 5 mound 21 of the Staritsa burial ground; 3 – the skull of a woman (40–50 years old; collection of VolSU: No. 11-11) from the burial of 1 mound 3 of the Rubezhny II burial ground

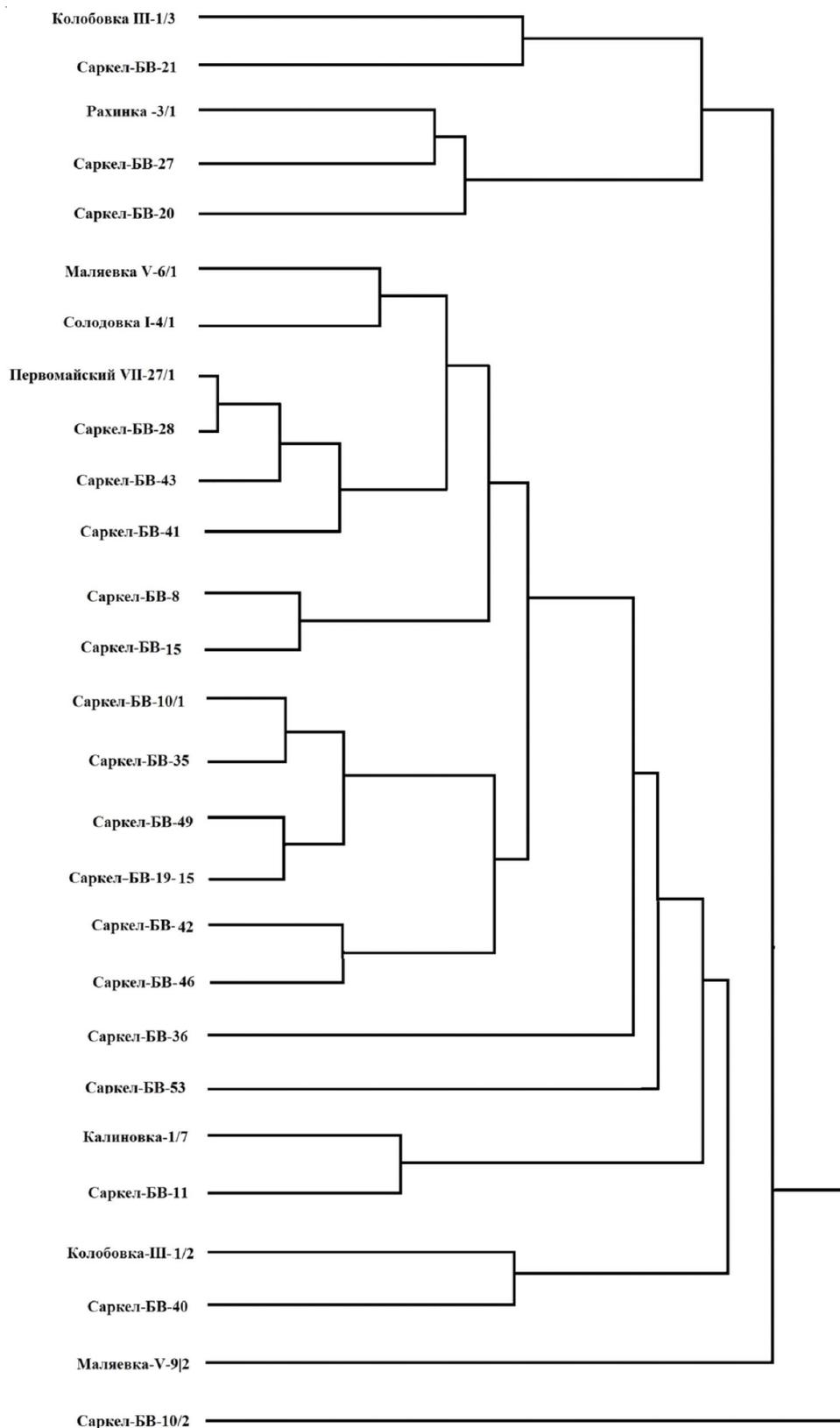

Рис. 3. Результат кластеризации матрицы внутригрупповых корреляций мужской серии огузо-печенежского времени

Fig. 3. The result of clustering of the matrix of intra-group correlations of the male series of the Oghuz-Pecheneg time

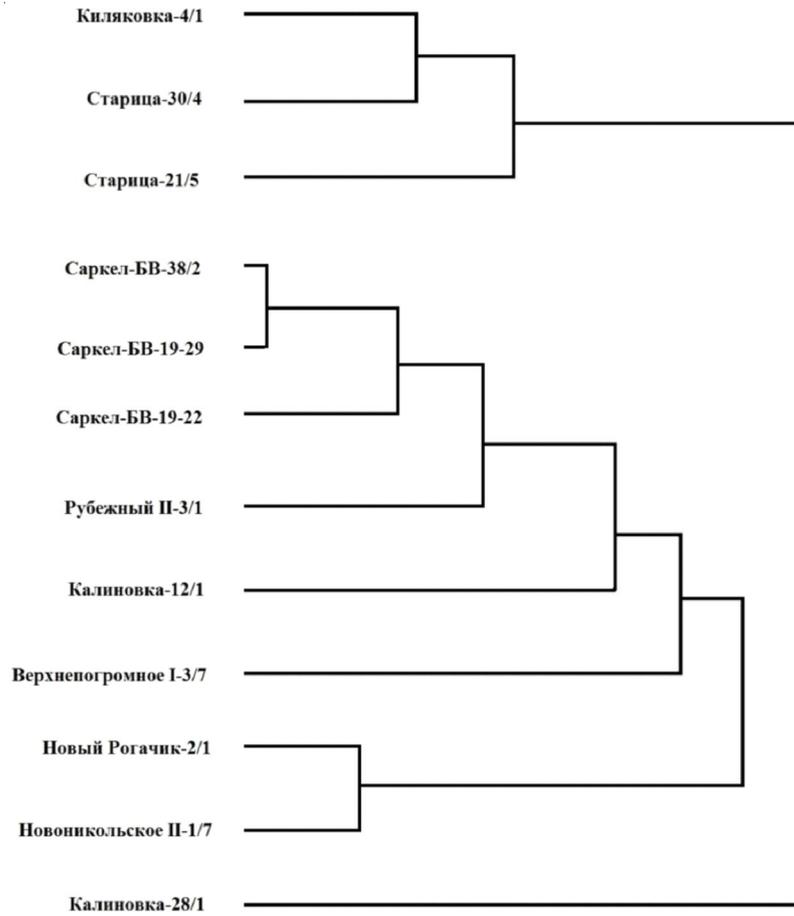

Рис. 4. Результат кластеризации матрицы внутригрупповых корреляций женской серии огузо-печенежского времени

Fig. 4. The result of clustering of the matrix of intra-group correlations of the female series of the Oghuz-Pecheneg time

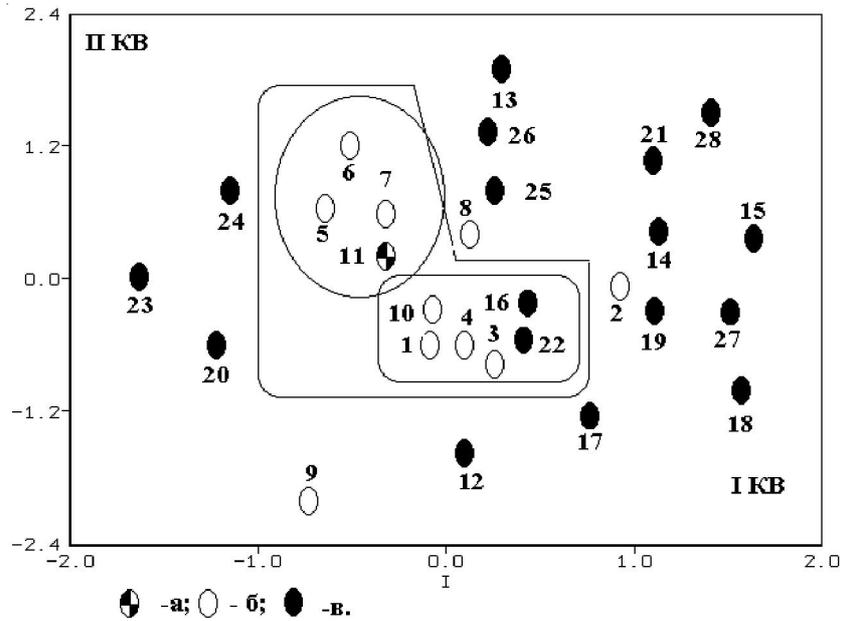

Рис. 5. Положение сравниваемых мужских средневековых групп в плоскостях III KB и результат кластеризации расстояний Махаланобиса

Примечания. Номера групп на рисунке 5 совпадают с номерами групп в таблице 3; объединены группы, образующие один кластер.

Fig. 5. The position of the compared male medieval groups in the I-II CV planes and the result of clustering the Mahalanobis distances

Notes. The group numbers in Fig. 5 coincide with the group numbers in Table 3; the groups forming one cluster are combined.

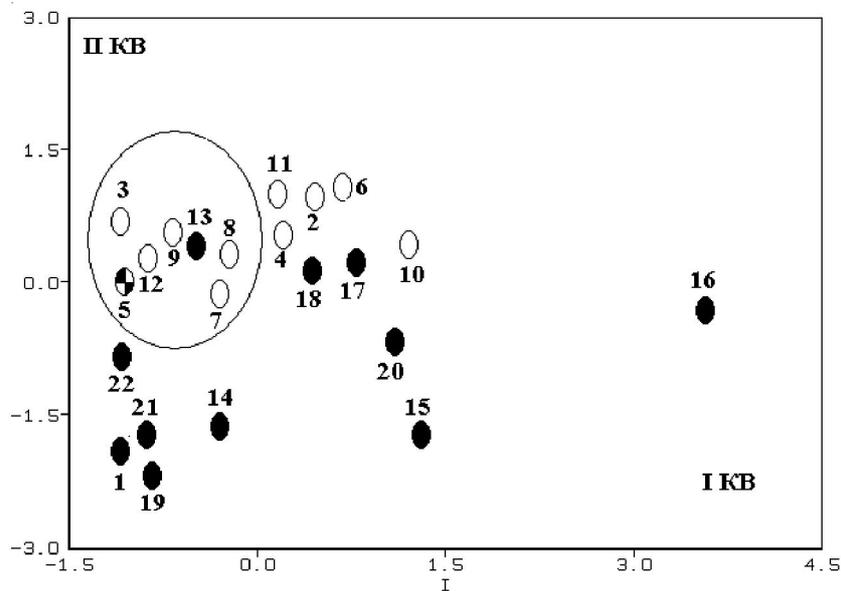

Рис. 6. Положение сравниваемых женских средневековых групп в плоскостях III KB и результат кластеризации расстояний Махаланобиса

Примечание. Номера групп на рисунке 6 совпадают с номерами групп в таблице 4; объединены группы, образующие один кластер.

Fig. 6. The position of the compared medieval female groups in the I-II CV planes and the result of clustering the Mahalanobis distances

Notes. The group numbers in Fig. 6 match the group numbers in Table 4; the groups forming one cluster are combined.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу-Дулаф. Из «Книги о чудесах стран» Абу-Дулафа Мисара ибн-Мухальхала аль-Хазраджи ал-Янбуи (около 942-3 по Р. Х.) // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб.: Тип. Имп. АН, 1870. VIII. С. 183–186.
2. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
3. Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия : Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
4. Балабанова М. А. Антропологическая структура населения хазарского времени восточно-европейских степей // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения) : сб. ст. (26–30 авг. 2013 г., Ростов н/Д, Россия) / отв. ред. Д. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 76–79.
5. Балабанова М. А. Стратегия выживания в кочевых обществах Восточной Европы в древности и в средневековье // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 нояб. 2016 г. / под ред. Н. П. Матвеевой. Вып. 5. В 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 15–18.
6. Батиева Е. Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения в эпоху Золотой Орды // Человек: его биологическая и социальная история / под ред. Н. А. Дубова. Т. 1. М. ; Одинцово: Одинцов. гуманит. ин-т, 2010. С. 130–138.
7. Беневоленская Ю. Д. Мировое распределение затылочного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 70–90.
8. Вуич Л. Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 420–449.
9. Гарустович Г. Н., Иванов В. Н. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.
10. Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата // Сборник МАЭ. Т. XIII. 1951. С. 309–416.
11. Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. № 60. С. 563–575.
12. Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983. 227 с.
13. Ибн-Дастан Абу-Али-Ахмед. Известия о хазарах, бургасах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Дастан, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. имп. АН, 1869. 199 с.
14. Ибн-Фадлан. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама / древний текст пересказал Султан Шамси. М.: МИФИ-Сервис, 1992. 94 с.
15. Исмагулов О., Исмагулова А. О., Надирбеков И. О., Сатаев М. А. Динамика краниологических показателей древних и средневековых насельников Казахстана в свете этногенеза казахского народа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 5. С. 59–72.
16. Комаров С. Г. Население Букеевской степи в эпоху Золотой Орды по данным краниологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 45–57.
17. Комаров С. Г., Китов Е. П. Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды (по материалам из могильника Мокринский I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 80–88.
18. Комаров С. Г., Китов Е. П. Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья X–XII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 97–111.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
20. Кригер В. А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: Евраз. союз ученых, 2012. 203 с.
21. Круглов Е. В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время / под ред. А. В. Евлевского. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 13–82.
22. Круглов Е. В., Сергацков И. В., Балабанова М. А. Новые погребения Огузов у с. Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 7. С. 242–256.
23. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / отв. ред. А. П. Баранников. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1. 612 с.
24. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугатат-Турк / пер. З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
25. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 62. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 151–226.
26. Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской

археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 216–259.

27. Поздняков Д. В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

28. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология: учеб. для студ. ун-тов. М.: Высш. шк., 1978. 528 с.

29. Рохлин Д. Г. Патологические изменения на костях людей X–XI и начала XII столетия по материалам могильника Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 450–529.

30. Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

31. Фирштейн Б. В. Черепа из насыпей возле Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. МИА. № 109. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 308–353.

32. Фирштейн Б. В. Антропологические материалы из разновременных курганных могильников Волгоградской области // Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 185–204.

33. Яблонский Л. Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–236.

REFERENCES

1. Abu-Dulaf. Iz «Knigi o chudesakh stran» Abu-Dulafa Misara ibn-Mukhalkhalya al-Khazradzhi al-Yanbui (okolo 942-3 po R. Kh.) [Abu-Dulaf. From the “Book of the Wonders of the Countries” by Abu-Dulaf Misar ibn-Muhallhal al-Khazraji al-Yanbui (About 942-3 A.D.)]. *Skazaniya musulmanskih pisateley o slavyanakh i russkikh (s pol. VII v. do kontsa X v. po R. Kh.)* [Tales of Muslim Writers About the Slavs and Russians (From the Half of the 7th Century to the End of the 10th Century A.D.)]. Saint Petersburg, tip. Imp. AN, 1870. VIII, pp. 183–186.

2. Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoj chasti SSSR* [Anthropology of the Asian Part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 208 p.

3. Alekseev V.P., Debecz G.F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry. Methods of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 127 p.

4. Balabanova M.A. Antropologicheskaya struktura naseleniya khazar-skogo vremeni vostochno-evropejskikh

stepej [The Anthropological Structure of the Population of the Khazar Period of the Eastern European Steppes]. Matishov D.G., ed. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Naselenie Yuga Rossii s drevnejshikh vremen do nashikh dnei» (Donskie antropologicheskie chteniya): sb. st. (26–30 avg. 2013 g., Rostov n/D, Rossiya)* [International Scientific Conference “The Population of the South of Russia from Ancient Times to the Present Day” (Don Anthropological Readings). Collection of Articles (26–30 Aug., 2013, Rostov-on-Don, Russia)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2013, pp. 76–79.

5. Balabanova M.A. Strategiya vyzhivaniya v kochevykh obshhestvakh Vostochnoj Evropy v drevnostii v srednevekovye [Survival Strategy in Nomadic Societies of the Eastern Europe in Ancient Time and the Middle Ages]. Matveeva N.P., ed. *Ekologiya drevnikh i tradicionnykh obshhestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf., g. Tyumen, 7–11 noyab. 2016 g.* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Materials of the 5th International Scientific Conference, Tyumen, November 7–11, 2016]. Tyumen, Izd-vo TyumGU, 2016, pp. 15–18.

6. Batieva E.F. Materialy k antropologii nizhnedonskogo naseleniya v epokhu Zolotoy Ordy [Materials to Anthropology of the Low Don River Population During the Golden Horde Times]. Dubov N.A., ed. *Chelovek: ego biologicheskaya i socialnaya istoriya* [The Human: His Biological and Social History], vol. 1. Moscow; Odintsovo, Odintsov. gumanit. in-t, 2010, pp. 130–138.

7. Benevolenskaya Yu.D. Mirovoe raspredelenie zatylochno-temennogo ukazatelya [World Distribution of the Occipital-Parietal Index]. *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern Problems and New Methods in Anthropology]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 70–90.

8. Vuich L.G. Cherepa iz kochevnicheskogo mogilnika vozle Sarkela-Beloy Vezhi [Skulls from a Nomadic Burial Ground Near Sarkel-Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III. MIA* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition. Vol. 3], Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963, no. 109, pp. 420–449.

9. Garustovich G.N., Ivanov V.N. *Oguzy i pechenegi v evrazijskikh stepyakh* [Oghuzes and Pechenegs in the Eurasian Steppes]. Ufa, Gilem Publ., 2001. 212 p.

10. Ginzburg V.V. Antropologicheskie materialy k probleme proiskhozhdeniya naseleniya Khazar-skogo kaganata [Anthropological Materials on the Problem of the Origin of the Population of the Khazar Khaganate]. *Sbornik MAE* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. XIII, 1951, pp. 309–416.

11. Ginzburg V.V. Etnogeneticheskiye svyazi drevnego naseleniya Stalingradskogo Zavolzhyia (Po

antropologicheskim materialam Kalinovskogo mogilnika [Ethnogenetic Connections of the Ancient Population of the Stalingrad Volga Region (According to the Anthropological Materials of the Kalinovsky Burial Ground)]. *MIA* [Materials of Research on the Archeology of the USSR], 1959, no. 60, pp. 563-575.

12. Deryabin V.E. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov* [Multidimensional Biometrics for Anthropologists]. Moscow, Izd-vo MGU, 1983. 227 p.

13. Ibn-Dasta Abu-Ali-Akhmed. *Izvestiya o khazarakh, burtasakh, madyarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omara ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya* [News About the Khazars, Burtas, Magyars, Slavs and Russians by Abu Ali Ahmed bin Omar ibeDast, a Hitherto Unknown Arab Writer of the Early 10th Century, According to the Manuscript of the British Museum]. Saint Petersburg, Tip. imp. AN, 1869. 199 p.

14. Ibn-Fadlan. *Puteshestvie Akhmeda Ibn-Fadlana na reku Itil i prinyatie v Bulgarii islama* [The Journey of Ahmed Ibn Fadlan to the Itil River and the Adoption of Islam in Bulgaria]. Moscow, MIPhI-Servic Publ., 1992. 94 p.

15. Ismagulov O., Ismagulova A.O., Nadirbekov I.O., Satayev M.A. Dinamika kraniologicheskikh pokazatelej drevnih i srednevekovykh nasel'nikov Kazakhstana v svete etnogeneza kazakhskogo naroda [Dynamics of Craniological Indicators of Ancient and Medieval Populations of the Kazakhstan of the Ethnogenesis of Kazakh People]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Socialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences], 2018, vol. 20, no. 5, pp. 59-72.

16. Komarov S.G. Naselenie Bukeevskoj stepi v epohu Zolotoj Ordy po dannym kraniologii [Population of the Bukeevskaya Steppe in the Era of the Golden Horde According to Craniology]. *Vestnik Kalmykogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences], 2012, no. 4, pp. 45-57.

17. Komarov S.G., Kitov E.P. Naselenie Volgo-Uralskogo mezhdurechya v epohu Zolotoj Ordy (po materialam iz mogilnika Mokrinskij I) [Population of Volga-Urals Interfluve During the Golden Horde (Based on Materials from Mokrinsky I Burial Site)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 2 (25), pp. 80-88.

18. Komarov S.G., Kitov E.P. Novye kraniologicheskie dannye k voprosu ob antropologicheskom sostave tyurkskogo naseleniya stepnoj polosy Srednego Priirtyshya X–XII vv. [New Craniological Data on the Anthropology of the Turkic Population of the Steppe

Land in the Middle Irtysh Territory in the 10th – 12th Centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 2 (33), pp. 97-111.

19. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej* [On the Management of the Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 496 p.

20. Kriger V.A. *Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredelnykh territorij v srednie veka (X–XIV vv.)* [Nomads of Western Kazakhstan and Adjacent Territories in the Middle Ages (10th – 14th Centuries)]. Uralsk, Euras. soyuz uchenykh, 2012. 203 p.

21. Kruglov E.V. Pechenegi i oгуzy: nekotorye problemy arkheologicheskikh istochnikov [Pecheneg and Oghuz Tribes: Certain Problems of Archaeological Sources]. Evglevskiy A.V., ed. *Stepi Evropy v epokhu srednevekovya. Poloveczko-zolotoordynskoe vremya* [The European Steppes in the Middle Ages. The Polovets and Golden Times]. Donetsk, DonNU, 2003, pp. 13-82.

22. Kruglov E.V., Sergaczkov I.V., Balabanova M.A. Novye pogrebeniya Oguzov u s. Kolobovka [New Burials of Oghuz at Kolobovka Village]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2005, iss. 7, pp. 242-256.

23. Barannikov A.P., ed. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. Tom I. VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki* [Materials on the History of Turkmens and Turkmenistan. Vol. 1. The 7th – 15th Centuries. Arabic and Persian Sources]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1939. 612 p.

24. Makhmud al-Kashgari. *Divan Lugat At-Turk*. Almaty, Dyke-Press, 2005. 1288 p.

25. Pletneva S.A. Pechenegi, torki, polovcy v yuzhnorusskikh stepyakh [Pechenegs, Torki, Polovtsians in the South Russian Steppe]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. I. MIA* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition. Research Materials on the Archeology of the USSR. Vol. 1]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1958, no. 62, pp. 151-226.

26. Pletneva S.A. Kochevnicheskij mogilnik bliz Sarkela-Beloj Vezhi [Nomadic Burial Ground Near Sarkel-Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III. MIA* [Proceedings of the Volgodonsk Archaeological Expedition. Vol. 3. Materials of Research on the Archeology of the USSR]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1963, no. 109, pp. 216-259.

27. Pozdniakov D.V. *Paleoantropologiya naseleniya iuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekovia (vtoraia polovina I – pervaja polovina II tys. n.e.)* [Paleoanthropology of the Population of the South of Western Siberia in the Middle Ages (Second Half of 1st – First Half of 2nd Millennium AD)]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2006. 136 p.

28. Roginskij Ya.Ya., Levin M.G. *Antropologiya: ucheb. dlya stud. un-tov* [Anthropology. Textbook for

University Students]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1978. 528 p.

29. Rokhlin D.G. Patologicheskie izmeneniya na kostyakh lyudej X–XI i nachala XII stoletiya po materialam mogilnika Sarkela-Beloy Vezhi [Pathological Changes on the Bones of People of the 10th – 11th and the Beginning of the 12th Century According to the Materials of the Burial Ground of Sarkela-Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III. MIA* [Proceedings of the Volgodonsk Archaeological Expedition. Vol. 3. Materials of Research on the Archeology of the USSR], 1963, no. 109, pp. 450-529.

30. Fyodorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Sites]. Moscow, MGU, 1966. 276 p.

31. Firshtejn B.V. Cherepa iz nasypej vozle Beloy Vezhi [Skulls from Mounds Near Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III. MIA* [Proceedings of the Volgodonsk Archaeological

Expedition. Vol. 3. Materials of Research on the Archeology of the USSR], 1963, no. 109, pp. 308-353.

32. Firshtejn B.V. Antropologicheskie materialy iz raznovremennykh kurgannykh mogilnikov Volgogradskoj oblasti [Anthropological Materials from Burial Mounds of Different Times in the Volgograd Region]. Shilov V.P. *Ocherki po istorii drevnikh plemyon Nizhnego Povolzhya* [Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 185-204.

33. Yablonskij L.T. Socialno-etnicheskaya struktura zolotoordynskogo goroda po dannym arheologii i antropologii (mongoly v srednevekovykh gorodakh Povolzhya) [Socio-Ethnic Structure of the Golden Horde City According to Archaeological and Anthropological Data (Mongols in Medieval Cities of the Volga Region)]. Gerasimova M.M., Rud N.M., Yablonsky L.T. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoj Evropy* [Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 142-236.

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.3>

UDC 902/904+572
LBC 63.4+28.71

Submitted: 16.04.2024
Accepted: 15.07.2024

BURIAL OF A GOLDEN HORDE NOMAD FROM THE KOVALEVKA KURGAN CEMETERY

Vladimir I. Moiseev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valentina Yu. Moiseeva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article introduces into scientific circulation the archaeological and anthropological materials from the Golden Horde burial of the Kovalevka Kurgan Cemetery. Kurgan No. 35 dating back to the early Iron Age was studied in the course of the fieldwork carried out by the Volgograd State University expedition in the Oktyabrsky district of the Volgograd region in 2021. The Kurgan is located in the southern part of the cemetery on the upper terrace of the right bank of the river Aksai Esaulovsky in an arable field. *Methods and materials.* Two burials were examined because of the archaeological excavations. The main burial No. 2 dates back to the late Sarmatian period, while the intake burial No. 1 dates back to the middle age period. *Analysis and results.* New anthropological materials were obtained in the course of the excavations, which complement our understanding of the nomadic population from the Lower Volga region. The bone remains belonged to a male individual of mesomorphic build of about 164.5 cm tall with a long and narrow skull. A set of pathological conditions were recorded on his bones, appearing because of an active lifestyle and professional activity. The outcomes of the archaeological study of the Kurgan No. 35 from the Kovalevka Kurgan cemetery as of 2021 can be used in the museum and local history work, as well as in studies of the Lower Volga regional ancient history. *Authors' contributions.* In this study, V.I. Moiseev and V.Yu. Moiseeva prepared a descriptive part of the archaeological material, carried out the funeral rites and grave goods analyses, and prepared conclusions based on the results of the research. E.V. Pererva conducted a study of anthropological material and defined the craniological, osteological, and pathological features of the individual from burial 1 of the Kurgan No. 35.

Key words: Kurgan, burial of a nomad, late 13th – early 14th centuries, osteology, pathology, injuries.

Citation. Moiseev V.I., Pererva E.V., Moiseeva V.Yu. Burial of a Golden Horde Nomad from the Kovalevka Kurgan Cemetery. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 43-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.3>

УДК 902/904+572
ББК 63.4+28.71

Дата поступления статьи: 16.04.2024
Дата принятия статьи: 15.07.2024

ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КОВАЛЕВКА

Владимир Иванович Моисеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валентина Юрьевна Моисеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье вводятся в научный оборот археологические и антропологические материалы золотоордынского погребения из могильника Ковалевка. В ходе полевых работ, проведенных экспедицией ВолГУ в 2021 г. в Октябрьском районе Волгоградской области, был исследован кург. 35, время сооружения которого относится к раннему железному веку. Курган располагался в южной части могильника, на верхней террасе правого берега р. Аксай Есауловский, на пахотном поле. *Методы и материалы.* В результате археологических работ было исследовано два погребения. Основным являлось погр. 2, датируемое позднесарматским временем. Впускное погр. 1 относится к эпохе средневековья. *Анализ и результаты.* В процессе раскопок также были получены новые антропологические материалы, дополнившие наши представления о кочевом населении Нижнего Поволжья. Костные останки принадлежали мужчине мезоморфного телосложения, длина тела которого около 164,5 см, с длинной и узкой черепной коробкой. На его костях зафиксирован комплекс патологических состояний, возникших вследствие подвижного образа жизни. Результаты археологических исследований кург. 35 могильника Ковалевка в 2021 г. могут использоваться в музейной, краеведческой работе, а также при создании обобщающих работ по древней истории Нижневолжского региона. *Вклад авторов.* В данной статье В.И. Моисеевым и В.Ю. Моисеевой подготовлена описательная часть археологического материала, проведен анализ погребального обряда и инвентаря и подготовлены выводы по результатам произведенных исследований. Е.В. Перерва провел исследование антропологического материала, определил краниологические, остеологические и патологические особенности мужчины из погр. 1 кург. 35.

Ключевые слова: курган, захоронение кочевника, вторая половина XIII – первая половина XIV в., остеология, патология, травмы.

Цитирование. Моисеев В. И., Перерва Е. В., Моисеева В. Ю. Погребение кочевника золотоордынского времени из курганного могильника Ковалевка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 43–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.3>

Введение. В 2021 г. экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством В.И. Моисеева были проведены исследования курганного могильника Ковалевка (рис. 1, 1).

Курганный могильник Ковалевка, насчитывавший 47 курганов различной величины, располагается в 4 км к ВЮВ от с. Ковалевка Октябрьского района Волгоградской области. Он занимает обширную территорию водораздела и его северного склона, примыкающего к левой береговой террасе реки Есауловский Аксай. Часть курганов находится на вершине водораздела, возвышающегося над речной долиной, на расстоянии 700–750 м к югу от шоссе Волгоград – Котельниково. Около 30 курганов, выявленных в ходе визуального обследования территории могильника в 2016 г., размещались на низменном участке береговой террасы Есауловского Аксая, в 1,4 км к северо-востоку от основной группы и в 0,55 км к северу от шоссе Волгоград – Котельниково.

Исследуемый могильник располагается на землях СПК «Ковалевский», его террито-

рия интенсивно распахивается. Отдельные курганные насыпи, визуально фиксируемые еще несколько лет назад, в настоящее время утратили какие-либо видимые признаки. Их месторасположение угадывается лишь по распаханным выбросам материкового суглинка на поверхности поля. В ходе полевых исследований в 2021 г. был раскопан кург. 35, сооруженный в раннем железном веке.

Методы и материалы. Материалом для исследования послужило погр. 1 кург. 35 могильника Ковалевка и костные останки мужчины, извлеченные оттуда. В данной работе дается интерпретация погребального обряда и материальной культуры выше указанного археологического комплекса с привлечением общенаучных и специальнаучных методов археологических исследований.

Антропологические материалы изучались по стандартной схеме. Был определен пол, возраст, использовалась неполная методика краниологического описания черепа, которая включала 21 признак и 5 указателей, что вызвано плохой сохранностью черепной ко-

робки и ее посмертной деформацией [3]. При определении краниоскопических признаков использовалась программа, предложенная А.А. Мовсесян [20]. Остеологическое исследование проводилось по методике Р. Мартина [2]. В связи с неудовлетворительной сохранностью плоских костей скелета измерялись только длинные кости. В работе были использованы 42 признака стандартного бланка и 15 указателей. Оценка абсолютных значений признаков давалась в соответствии с рубриками, составленными В.В. Бунаком [4; 15] и А.Г. Тихоновым [28]. Предполагаемая длина тела вычислялась по формулам К. Пирсона и А. Ли, В.В. Бунака в соответствии с рекомендациями В.П. Алексеева [2]. При фиксации дискретно-варьирующих признаков использовалась оригинальная программа исследования, разработанная автором данной работы на основе трудов зарубежных исследователей [23]. При оценке патологических состояний применялась стандартная программа, разработанная А.П. Бужиловой [6], которая была дополнена рентгенологическим исследованием отдельных частей скелета.

Курган 35 располагался в южной части могильника, на верхней террасе правого берега р. Аксай Есауловский, на пахотном поле. Курганная насыпь округлой формы была сильно распахана и выделялась в рельефе едва заметным всхолмлением. Диаметр кургана – 16 м, высота – 0,11 м (рис. 1, 2).

Курган раскапывался вручную на снос с оставлением перекрещивающихся контрольных бровок, ориентированных по сторонам света. Во время снятия насыпи были найдены фрагменты стенок коричневоглиняного и сероглиняных круговых сосудов, фрагменты ребра лошади и фаланга пальца человека, вероятно попавшая в верхние слои насыпи кургана в результате разрушения погр. 2.

Курган был возведен в сарматское время и содержал два погребения. Основное погр. 2 в узкой подпрямоугольной яме полностью ограблено. Анализ погребального обряда и костных останков позволяет датировать погребение позднесарматским временем. Судя по инвентарю и обряду впускного погр. 1, оно было совершено в золотоордынское время.

Могильное пятно погр. 1 подпрямоугольной формы размерами 1,3 × 2,4 м, ориентиро-

ванное длинной стороной по линии 3–В, было обнаружено на уровне материка в северо-восточном секторе кургана на расстоянии 1,5 м на ССВ (22°) от центрального репера (рис. 1, 2). Заполнение ямы было однородное, достаточно мягкое, серого цвета, с включениями гумусированного суглинка.

Могильная яма на уровне раскопа имела подпрямоугольную форму длиной – 2,4 м, шириной в западной части – 1,34 м, в средней – 1,3 м, в южной – 1,17 м и была вытянута длинной осью по линии 3–В. На глубине 0,9 м от 0, вдоль северной и южной стенок, по всей длине, зафиксированы заплечики шириной до 0,2 м. Ширина ямы ниже уровня заплечиков в западной части – 0,97 м, в средней – 1 м, в южной – 0,9 м. Глубина ямы – 1,67 м от 0 (рис. 1, 3).

В заполнении ямы, на глубине 1 м от 0 ниже заплечиков, по всей ее площади были зафиксированы фрагменты деревянного перекрытия (ива белая – *Salix alba*)¹ из обработанных плах, располагавшихся перпендикулярно длинной оси ямы. Ширина плах – 4–6,5 см. На глубине 1,25 м на расстоянии 0,8 м от восточной стенки находился большой фрагмент деревянного перекрытия размерами 6 × 10 × 50 см. На заплечиках следы плах не зафиксированы.

В северной стенке ямы, практически в северо-западном углу обнаружена ниша, в которой находились кости лошади. Длина ниши – 0,4 м, ширина – 0,2 м, высота – 0,3 м.

На дне ямы был обнаружен костяк мужчины, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища и слегка отставлена, правая рука слегка согнута в локте; ноги вытянуты, правая нога немного согнута в колене. Череп лежал на левом боку, повернут лицевой частью на север, наклонен челюстью к левой плечевой кости.

Погребенный располагался на настиле, состоявшем из деревянного каркаса по периметру, плах шириной 3–7 см. На каркасе, параллельно длинной оси, были плотно друг к другу уложены веточки ивы белой *Salix alba* диаметром 0,5–1 см. Длина сохранившейся части деревянного каркаса 1,77 м, ширина – 0,78 м.

Сопутствующий инвентарь:

1. В районе левого плеча в заполнении на глубине 1,6 м от 0 обнаружен кусочек вы-

деланной кожи прямоугольной формы с выступающим в центре одной из длинных сторон язычком. Размеры кожаного изделия $2,5 \times 2,5$ см, из них размеры язычка $0,5 \times 0,7$ см. По периметру фиксируются проколы и следы от нити (рис. 3, 15).

2. У западной стенки ямы, на дне, между западной торцевой частью настила и стенкой, стоял медный котел (казан) (рис. 1, 3), который имеет вертикальные, слегка выпуклые и незначительно наклоненные внутрь стенки, выпуклое дно (рис. 2, 1, 3), сложный профилированный венчик, оформленный в нижней части биконическим выступом, наибольший диаметр которого смещен в верхнюю часть. Последняя расширяется наружу – неровный край бронзового листа завернут наружу и прокован.

Размеры котла: высота – 15,6 см, диаметр устья венчика – 22 см, диаметр дна – 20,8, диаметр биконического выступа венчика – 21 см, диаметр основания венчика – 19. Толщина стенки (толщина металла) $\approx 0,15\text{--}0,2$ см.

Котел был изготовлен методом холодной кузнечной сварки из трех кованых листов «чистой» меди ($\text{Cu } 96,729\%$)², сформированных методом выколотки. Диаметр бойка ударного инструмента $\approx 0,7$ см. Механическое соединение двух заготовок, образующих тулово изделия, осуществлялось с помощью зубчатых кромок «в зубец» (рис. 2, 1б) и, предположительно, фальцеванием – соединением с помощью отогнутых кромок, плотно прижатых друг к другу (рис. 2, 1а). Со стороны фальцевания на верхнем листе металла наблюдается завернутая во внутрь кромка, на нижней части листа отогнутая кромка не прослеживается, она имеет неровный край.

Ширина кромок – до 2 см. В месте соединения фальцем в средней части тулова, подвергшегося коррозии, фиксируется небольшой кусочек ткани, заложенный между листами бронзы.

Соединение дна котла с туловом происходило «в зубец». Фиксируемая ширина зубцов варьирует от 0,5 до 1 см. Высота зубцов – 0,7 см.

На горле котла, в местах соединений листов металла, с противоположных сторон фиксировались по 2 сквозных отверстия для

крепления петель (с обеих сторон от швов). Со стороны соединения «в зубец» в отверстиях наблюдаются штифты крепления петли (ушка): один железный, второй бронзовый. С этой же стороны обнаружено дополнительное отверстие диаметром 0,4 см, пробитое над основным отверстием с бронзовым штифтом.

Рядом с котлом и частично на нем были обнаружены сильно коррозированная железная петля / ушко Щ-видной формы (несомкнутое кольцо с отходящими в сторону вертикально раскованными «лопастями») и фрагментированная железная ручка-дужка, крепившаяся за ушки (рис. 2, 2). На правой лопасти зафиксирована бронзовая обоймочка из тонкого листа шириной 0,5 см. Три фрагмента подобных обоймочек длиной до 0,7–1,2 см найдены рядом с котлом и на нем (рис. 2, 4).

Сохранившееся ушко крепилось к котлу со стороны соединения-фальцовки, второе ушко не сохранилось. Размеры ушка – $11,1 \times 6,2$ см, диаметр кольца – 5 см. Верхняя часть ушка сильно коррозирована и раздута, имела, вероятно, округлое сечение диаметром 2 см.

Ручка имела дуговидную форму (рис. 2, 3). Сечение прута овальное $1,5 \times 1,2$ см, концы ручки, вероятно, заканчивались округлыми петлями. Фрагмент такой петли прикипел в верхней части ушка. Диаметр прута – 0,57 см.

Внешняя поверхность котла была покрыта сильным нагаром, внутренняя покрыта зеленой патиной. Отдельные участки сосуда утрачены вследствие коррозии, в том числе центральная часть дна. В дне котла ближе к стенке фиксируется пробитое в древности ножом (судя по форме) конусовидное отверстие длиной 1,9 см, шириной 0,6 см.

3. На дне ниши (рис. 1, 3) в северо-западном углу ямы обнаружены одно ребро от левой стороны тела и набор крестцовых и первых хвостовых позвонков в сочленении молодой лошади. Возраст животного – 3–4 года *subadultus*³.

4. Между черепом, левым плечом погребенного и северной стенкой, ближе к стенке, обнаружена кожаная сумка прямоугольной формы с клапаном-застежкой трапецевидной формы (рис. 3, 8, 9). Основу сумки составляет цельнокроеная заготовка, образующая наружный клапан с фигурными короткими сторонами, заднюю и переднюю стенки, а также дно.

С боков были пришиты кожаные сегменты – клинчики размером $2,6 \times 12,7$ см, образующие боковую часть сумки, соединяющие переднюю и заднюю стенки сумки и изготовленные из цельных кусков кожи. Данные сегменты дополняли абрис основной части сумки в соответствии с формой наружного клапана.

Сумка состоит из трех отделений. Два из них образованы внутренней перегородкой на всю ширину сумки. Третье отделение устроено в виде прорезного кармана, расположенного за передней стенкой (ширина прореза сверху 15 см). В верхнем правом углу лицевой части передней стенки, вероятно, еще до раскройки сумки, вшит лоскут кожи размером $11,4 \times 4,4$ см. Отдельно изготовлены внутренняя перемычка отделений и задняя стенка прорезного кармана, которая сшита из двух неравных частей кожи.

Размер основной части сумки без клинчиков – $18,4 \times 23$ см. Размер наружного клапана: высота – 18,4 см, ширина по верху – 23,8 см, по низу – 30 см. По периметру клапана в 1,5 см от краев фиксируется тиснение в виде выступающего валика. В центре клапана тиснение выступающим валиком в виде разомкнутого в нижней части круга диаметром 11,8 см, концы которого обращены внутрь круга в виде противоположащих дуг, развернутых друг к другу. Внутри круга вписана также тисненная фигура в виде трехвитковой розетки.

В нижней части круга, под розеткой, между двумя нижними завитками и дугами расположена листовидная железная накладная замок размерами $4,5 \times 4 \times 0,4$ см (рис. 3, 13). По углам накладки-замка фиксируются три заклепки диаметром около 0,5 см, которыми она крепилась к железной оборотной пластине размерами $3,5 \times 3,5 \times 0,4$ см, которая также имела листовидную форму. На оборотной пластине фиксируется запорный прямоугольный выступ / шпенек размерами $0,5 \times 0,7$ см, который вставлялся сверху в приемник на передней стенке. Железный приемник замка имеет V-образную форму и размеры $1,8 \times 3$ см (рис. 3, 14).

В верхних углах наружного клапана располагались две железные накладки-пряжки листовидной формы (острием вниз) с кольцами в верхней части для крепления к ремненной гарнитуре (рис. 3, 11, 12). Каждая накладная

крепилась к клапану сумки тремя штифтами (не сохранились). Размеры: накладная левая – $2,9 \times 4,4 \times 0,4$ см, кольцо – $d - 1,5$ см (d сечения дрота – 0,4 см); правая – $3,1 \times 4,4 \times 0,6$ см, кольцо – $d - 1,7$ см (диаметр сечения дрота – 0,4 см). По центру клапана, в верхней части на линии сгиба, находилось подвижное кольцо диаметром 1,6 см (диаметр сечения дрота 0,5 см) с обоймой-штифтом ($1 \times 1,4$ см), закрепленным с обратной стороны клапана расклепыванием (рис. 3, 10).

5. На тазовых костях погребенного, на глубине 1,6 м от 0, на правом крыле подвздошной кости обнаружены деревянные плашки, расположенные перпендикулярно друг другу (рис. 1, 3). Ширина деревянных плашек 6 см. Они фиксируются на участке подквадратной формы со сторонами длиной около 36 см. Не исключено, что они представляли собой законченный предмет, возможно, щит. Назначение предмета не ясно.

6. На черепе человека фиксировались крупные фрагменты плохо сохранившейся темно-коричневой шелковой ткани (парча), расшитой плоскими золотыми нитями⁴ (рис. 4, 1).

7а. На скелете (на руках, ребрах, тазовых костях) и под ним находилась ткань темно-коричневого цвета от верхнего шелкового халата, который изначально имел красный цвет (рис. 4, 3). Нижний край халата располагался на уровне колен погребенного.

7б. При реставрации халата был обнаружен темно-серый с синим оттенком фрагмент шелковой ткани от подола нижнего халата (рис. 4, 2). Нижний халат был изначально синего цвета, расшит золотыми нитями [19, pp. 46-57].

8. От колен до стоп на обеих ногах погребенного фиксировались остатки кожаной обуви (сапог?) (рис. 1, 3).

9. Между правой рукой и ребрами, в районе локтевого сгиба правой руки обнаружено железное кресало калачевидной формы с разомкнутым контуром (рис. 2, 6). Размеры $3,3 \times 6$ см. На кресале фиксируются остатки ткани от халата.

10. Рядом с кресалом находился кремневый отщеп размерами – $2,7 \times 1,7 \times 1,5$ см (рис. 2, 7).

11. Под кресалом и кремнем обнаружен фрагмент железной пряжки, имеющий форму

дуги, на которой фиксируется остаток язычка (рис. 2, 10). Размеры фрагмента пряжки 2 × 1,6 см. Диаметр сечения дрота – 0,6 см.

12. С внешней стороны бедра и голени левой ноги *in situ* зафиксирован берестяной колчан (рис. 3, 1). Он имел трапециевидную форму – узкое горло и плавно расширяющаяся нижняя часть. Устье направлено к голове погребенного. Размеры сохранившейся части колчана: высота – 77 см, ширина устья – 11,5 см, ширина нижней части – 14,7 см. Колчан плохой сохранности.

13. В колчане и рядом были обнаружены 4 железных и 1 костяная стрелы:

а) массивный железный черешковый наконечник – срезень с расширяющимся пером и треугольной ударной гранью (рис. 3, 4). Обнаружен выше устья колчана, у левого тазобедренного сустава, развернут под углом к продольной оси колчана, черешком к бедру. Размеры: общая длина – 8,1 см, длина пера – 6,8 см, ширина – 2,6 см, ширина у основания – 1,1 см, диаметр черешка – 0,5 см.

б) фигурный (кунжутolistный) трехлопастной (одна лопасть не сохранилась) черешковый наконечник стрелы со сводчатой головкой, расширяющимся пером и стрельчатым выступом был обнаружен в верхней части колчана, острием к голове (рис. 3, 3). Размеры наконечника: общая длина – 10,6 см, длина пера – 5,8 см, ширина лопасти – 2,1 см, ширина разворота лопастей – 3,9 см.

На черешке, у основания наконечника зафиксирована костяная свистунка грушевидной формы. Размеры свистунки – 2,1 × 1,6 × 2,6 см.

In situ зафиксировано древко стрелы длиной 76,5 см, диаметр в сечении 0,8 см. Конец древка (ушко) был обклеен тонкой полоской бересты.

в) железный черешковый пятиугольный наконечник стрелы с плоским пером и прямым основанием пера обнаружен под трехлопастным наконечником (рис. 3, 5). Размеры наконечника: общая длина – 8 см, длина пера – 5,5 см, ширина пера – 1,9 см.

г) на дне колчана, острием ко дну, обнаружен костяной втульчатый пулевидный наконечник стрелы с четырехгранным сводчатым острием (рис. 3, 6). Ниже середины головки грани срезаны, что формирует сечение наконечника у основания в виде восьмиугольника

(ширина граней около 0,44 см). Размеры наконечника: длина – 4,7 см, ширина – 1,1 см, глубина втулки – 1,9 см, внешний диаметр втулки – 1 см, внутренний диаметр втулки (округлый в сечении) – 0,7 см. Наконечник изготовлен из компакты длинной трубчатой кости крупного животного (предположительно, лошадь)⁵.

д) железный черешковый узкий удлиненный с уплощенным пером (ромбовидный) наконечник стрелы обнаружен на дне колчана под костяным наконечником (рис. 3, 7). Размеры наконечника: общая длина – 3,8 см, длина пера – 2,8 см, ширина пера – 3,3 см, длина черешка – 2,3 см. На черешке фиксируются следы дерева от древка.

14. На дне колчана рядом с костяным наконечником обнаружены два трапециевидных изделия из бересты. Длина – 3 см, ширина – 1 × 0,6 см. Вероятнее всего, тонкие полоски бересты оборачивались вокруг ушек древков.

15. При разборе колчана среди фрагментов бересты была обнаружена часть (кибить) деревянного составного лука (рис. 3, 2). Длина сохранившейся части – 56 см, ширина – 3 см. Сохранившая часть лука представляет собой два плеча (полностью сохранилось одно), которые в месте узлового соединения образуют рукоять. Размеры рукояти – 1,8 × 1,6 × 9,5 см. На конце полностью сохранившегося плеча сделан пропил длиной 7,5 см.

16. В северной стенке погребения, в норе грызуна на глубине 1,6 м от 0 найден железный штифт с петлей на конце с продетым в нее бронзовым колечком (рис. 2, 17). Диаметр бронзового колечка – 1,1 см, диаметр сечения дрота – 0,2 см. Назначение неясно.

17. Под левой плечевой костью погребенного обнаружен железный коррозированный однолезвийный нож (рис. 2, 5а) с бронзовым перекрестием, состоявшим из двух плоских пластин овоидной в плане формы размерами 1,2 × 2,2 см (рис. 2, 5б). В пластинах, ближе к широкой части овоида, находится прямоугольное отверстие для насаживания на черенок ножа. На клинке ножа фиксируются остатки деревянных ножен (рис. 2, 5б). Размеры ножа: общая длина – 18,6 см, ширина у рукояти – 2 см, ширина у острия – 1,3 см, ширина обуха у рукояти – 1 см. Длина черенка – 1,35 см, ширина – 0,95 см, толщина – 0,56 см.

18. При снятии костяка на крестце были найдены 3 железных предмета. Два из них представляют собой распределительные кольца ременной гарнитуры (рис. 14–16). На каждом из колец зафиксировано по 2 вытянутых пластинчатых зажима для ремней. Диаметры колец 2–2,2 см. Сечение дрота около 0,5 см.

Железные пластинчатые зажимы (рис. 14–15) представляют собой согнутые вытянутые железные полосы, зауженные в месте формирования обойм вокруг дужек колец. Верхние пластины зажимов широкие – 1,3–1,4 см, максимальная длина сохранившегося зажима – 4,7 см; нижние пластины узкие – 0,8–0,9 см. На некоторых зажимах, на верхних и на нижних пластинах удалось зафиксировать клепки для крепления к ремням. Расстояние между клепками на одном зажиме 3 см, на другом – 2,6 см, на третьем – 3,4 см.

Третий предмет – фрагмент (пластина) пластинчатого зажима размерами 4,75 × 1,5 × 0,5 см (рис. 16). На концах пластины фиксируются клепки для крепления к ремням. Расстояние между клепками 2,6 см.

19. Среди веточек, покрывающих настил на дне ямы, в районе поясничных позвонков была найдена железная пряжка с округлой рамкой со спрямленной задней частью и подвижным язычком (рис. 2, 8). Размеры: рамка – 1,9 × 2 см, диаметр сечения дрота – 0,3 × 0,4 см; длина язычка – 2 см.

20. Рядом с железной пряжкой (план 19) был обнаружен фрагмент изогнутого железного стержня длиной 3,8 см, овальный в сечении 0,6 × 0,8 см (рис. 2, 11). Назначение неясно.

Во время реставрации халата был обнаружен ряд железных предметов и фрагменты кожаных изделий.

21. На левой поле халата в районе бедра найден фрагмент железного предмета в форме крючка, размерами – 2,5 × 2 см (рис. 2, 12). Диаметр сечения дрота, из которого изготовлен крючок 0,7 см. Возможно, фрагмент является частью колчанного крючка.

22. На левой поле халата в районе пояса обнаружена железная пряжка с трапециевидной рамкой и подвижным язычком, закрепленным в основании рамки (рис. 2, 9). Размеры рамки: длина – 2,4 см, ширина – 1,4–1,9 см, диаметр сечения дрота – 0,5 см. Длина язычка – 2,1 см, диаметр сечения – 0,4 см.

23. В складках ткани халата в районе левого плеча найдено сильно коррозированное железное колечко диаметром 1,5 см (рис. 2, 13). На одной из сторон фиксируется фрагмент железной тонкой пластинки, огибающей рамку.

24. При реставрации халата в складках были обнаружены фрагменты кожаных изделий:

а) фрагмент кожаного изделия четырехугольной формы длиной 5–7 см, шириной 2,2 см. Один конец изделия имел скошенный край, вдоль которого фиксировались проколы (рис. 3, 17);

б) фрагмент кожаного ремня длиной 2,9 см, шириной 1,4–1,6 см. Одна сторона расширяется, на другой, более узкой, имеются многочисленные перфорации (рис. 3, 16);

в) два фрагмента кожаных ремешков, на которых фиксируются проколы от иглы или шила. Один фрагмент размерами 1,6 × 4,2 см, второй 1,4 × 3,5 см.

Анализ материала.

Анализ погребального обряда. Погребения кочевников второй половины XIII – первой половины XIV в., впущенные в насыпи курганов эпохи бронзы или раннего железного века, составляют сравнительно небольшой процент в золотоордынских памятниках Волго-Донского междуречья. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает 20 % погребений, впущенных в насыпи курганов более раннего времени [10, р. 131]. Е.П. Мыськов оспаривает эти данные и, выделяя всего 1,5 %, отмечает, что вероятнее всего, их появление связано с какими-то неблагоприятными для создания одиночной насыпи ситуациями [21, р. 37].

Одной из распространенных форм могильных ям в погребальных комплексах золотоордынского времени Волго-Донского региона являются прямоугольные ямы с заплечиками, где 68,9 % костяков ориентированы головой на запад [21, р. 42].

Значимым признаком погребальных комплексов второй половины XIII – первой половины XIV в. является наличие останков коня в погребениях. Однако в основном это целые скелеты, остатки конских чучел или конские черепа. В нашем случае положение отдельных костей лошади, обнаруженных в нише в северо-западном углу ямы, следует рассматривать как остатки напутственной пищи [21, pp. 233-234].

Анализ сопровождающего инвентаря. Медный котел, обнаруженный в погребении, исходя из его формы можно отнести к типу III по М.Л. Швецову [27, р. 197, fig. 4, 7]. К.А. Руденко котлы подобного типа относит к типу М-12, датирующемуся второй половиной XIII – XIV веком. Для них характерна трехчастная сборка сложной системой соединения стенок и дна пайкой «в замок». Крепление ручки происходило с помощью ушек в виде кольца [25, р. 35]. От типа М-12 наш экземпляр отличается способом соединения медных листов и креплением ручки-дужки. Соединение стенок данного котла происходило двумя разными способами – пайкой в зубец и фальцеванием. Данные способы характерны для котлов типа М-4, датирующихся XII – началом XIII в. [25, р. 33]. У этого типа котлов ручка крепилась к тулову с помощью медных ушек с двойной расковкой концов, что характерно и для исследуемого образца, однако материалом изготовления ушек являлось железо. Аналоги данному котлу можно найти в погребении золотоордынского времени «Морская Кошара» [27, р. 197, fig. 4, 7] и в погр. 2 кург. 1 у с. Нижняя Добринка [31, р. 239, 242, fig. 5].

Рассматривая комплекс вооружения, следует отметить, что в памятниках второй половины XIII – XIV в. Волго-Донского региона колчаны встречаются довольно часто. Е.П. Мыськов подчеркивает, что среди кочевого населения Золотой Орды наибольшее распространение получили простые берестяные колчаны с овальным в сечении корпусом и расширением в нижней части. Стрелы в них располагались в основном наконечниками вниз, но достаточно много случаев, когда стрелы были уложены наконечниками вверх или ориентированы в противоположных направлениях [21, р. 131, 155].

Железные наконечники стрел, обнаруженные в колчане, являются одной из распространенных категорий сопровождающего инвентаря золотоордынского времени Волго-Донского региона, которые позволяют датировать данное погребение. Первые научные типологии средневековых памятников Восточной Европы были разработаны А.Ф. Медведевым [18] и Г.А. Федоровым-Давыдовым [10]. Наиболее удобная типология наконечников стрел для погребальных комплексов Волго-Донского реги-

она была составлена Е.П. Мыськовым [21, pp. 122-128].

Массивный железный черешковый наконечник – срезень с расширяющимся пером и треугольной ударной гранью (рис. 3, 4), относится к типу А1а1 (по Е.П. Мыськову). Наконечники стрел данного типа имели широкое распространение в средневековых памятниках, аналогии данному наконечнику можно найти в могильниках Абганеро IV (кург. 8, погр. 1; кург. 9, погр. 1; кург. 10, погр. 1) [12, fig. 216, 231, 3, 243, 2], Аксай III (кург. 2 погр. 1) [8, р. 70, fig. 21, 5а-в), Нагавский I (кург. 3, погр. 1), Царев (кург. 62, погр. 1) [21, р. 371, fig. 3, 13, 28, 5]. Появление данного типа наконечников в Восточной Европе А.Ф. Медведев связывает с монголами и датирует XIII в. [18, р. 75].

Железный черешковый пятиугольный наконечник стрелы (рис. 3, 5) с плоским пером и прямым основанием пера относится к типу А1в1 (по Е.П. Мыськову). Подобный наконечник был обнаружен в погр. 1 кург. 3 Никольское I, датированном второй половиной XIII – началом XIV в. [7, р. 74, fig. 54, 3]. Наконечники такого типа представлены в погребениях Восточного Забайкалья, датируемых XII–XIV вв. [22, р. 216, fig. 4, 4, 5].

Железный черешковый узкий удлинённый с уплощенным пером (ромбовидный) наконечник стрелы (рис. 3, 7) можно отнести к типу А1е1. Данные типы наконечников территориально и хронологически распространены достаточно широко [21, р. 127]. Близкие аналогии нашему экземпляру можно найти в материалах могильников: Нижняя Добринка, кург. 1, погр. 1 [31, р. 248, fig. 3]; Верхне-Погромное, погр. 1, кург. 8 [26]; Жутово, кург. 89, погр. 1 [16].

Фигурный (кунжутolistный) трехлопастной (одна лопасть не сохранилась) черешковый наконечник стрелы со сводчатой головкой, расширяющимся полукруглым пером и стрельчатым выступом (рис. 3, 3) близок к типу А1з. К данному типу Е.П. Мыськов отнес наконечник из мог. Абганеро IV (кург. 10, погр. 1). Лопастей этого наконечника фигурные с стрельчатыми выступами в верхней части и плоскими расширяющим перьями, на лопастях присутствуют парные отверстия [21, р. 125]. Обнаруженный нами наконечник отличается от абганеровского формой

лопастей, отсутствием отверстий и наличием на черешке костяной свистунки. Трехлопастные стрелы рассматриваемого типа широко встречаются в археологических материалах XII–XIV вв. на территории Восточного Забайкалья. Для многих из них характерно наличие на черешке полых костяных шариков-свистунок с двумя отверстиями [22, р. 218]. Появление трехлопастных наконечников стрел на территории восточноевропейских степей связано с приходом татаро-монголов, отдельные образцы таких наконечников встречаются в кочевнических погребениях второй половины XIII – XIV в. [18, р. 61].

Костяной (рис. 3, б) втульчатый пулевидный наконечник стрелы с четырехгранным сводчатым острием (тип БПа2) типологически схож с наконечником из погр. 1 кург. 48 могильника Первомайский VII [17, р. 54, fig. 42, 5, 6]. Костяные наконечники стрел были распространены широко территориально и хронологически, поэтому датировать их не представляется возможным [10, р. 29].

Одной из самых распространенных категорий вещевого инвентаря в средневековых памятниках Волго-Донского региона являются железные ножи. Ножи встречаются как в мужских, так и женских погребениях [21, pp. 110-111]. Нож, обнаруженный в погр. 1 кург. 35, является комбинированным вариантом типов АПа1 и АПб2. Тип черешкового ножа с прямой спинкой с тонкими бронзовыми перекрестьями-обоймами сочетается с отогнутой рукоятью [21, р. 122]. Прямого аналога данному ножу авторам статьи найти не удалось.

Железные кресала в период средневековья бытовали повсеместно как у оседлых, так и у кочевых народов, они являются частой находкой в погребениях и среди поселенческого материала [9, р. 181]. Обнаруженное в погребении 1 между правой рукой и ребрами железное кресало относится к типу однолезвийных калачевидных (тип Б1б) [21, pp. 66-69, tab. V, 2]. А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина относят данный тип к варианту 3 калачевидного типа I отдела [9, pp. 185-186]. Близкий аналог нашему образцу был обнаружен в кург. 46, погр. 2 могильника Бахтияровка II [14, р. 8, fig. 15]. Подобный тип изделий имеет широкую хронологию бытования в степях Вос-

точной Европы (X–XIV вв.). Однако массовое распространение этого варианта у поздних кочевников позволяет датировать его золотоордынским временем (вторая половина XIII – XIV в.) [9, р. 192; 26, р. 113].

Одними из ярких категорий погребально-инвентаря являются элементы костюма – халаты, головные уборы, обувь. Качественные ткани в эпоху средневековья представляли собой даже большую ценность, чем драгоценные металлы или деньги. Обнаруженные в погр. 1 кург. 35 текстильные изделия (верхний запашный халат с правым запахом, с откидывающимися рукавами и застегивавшийся на две текстильные пуговицы и петли, фрагмент нижнего халата, фрагменты головного убора) из парчовой ткани, расшитые золотными нитями, и остатки кожаной обуви позволяют говорить о высоком социальном статусе их обладателя. Дорогие шелковые и парчовые ткани попадали в Золотую Орду из разных городов Востока и Запада. Золотоордынским ханам в первую очередь преподносили в качестве подарков ткани и одежду, выражая наивысшее почтение послам, даровали дорогую одежду [21, р. 194].

Типичным аксессуаром золотоордынского кочевника были кожаные четырехугольные сумки (Бахтияровка I, кург. 18, погр. 1 [13, р. 9, fig. 15]; Бахтияровка II, кург. 46, погр. 2 [14, р. 7, fig. 16], Царев, кург. 31, погр. 1–2 [21, р. 379, fig. 11, 10]; Усть-Курдюм, кург. 8, погр. 1 [1, pp. 160-161, 163, fig. 3]). Найденный в Ковалевке экземпляр (рис. 3, 8, 9) имеет характерные для сумок этого периода черты – несколько отделений и откидной клапан, украшенный тесненным орнаментом по периметру и в центре в виде завитков, замок-застежка и парные элементы крепления к поясу, однако отличается от большинства изделий наличием всего одного клапана. Традиция помещения поясных сумок в могилы кочевников Золотой Орды сохранялась вплоть до последней трети XIV в. [21, р. 214].

Обнаруженные в погребении фрагменты кожаных ремешков и элементы ременной гарнитуры (пряжки, кольца, обоймы) позволяют предположить наличие еще одного аксессуара костюма – поясного ремня, к которому крепились колчан и сумка или же являлись сложной системой крепления берестяного колчана

[21, p. 132]. Железные пряжки в исследуемом комплексе представлены двумя типами – округлая пряжка (рис. 2, 8) тип АІБ (Бахтияровка I, кург. 41, погр. 1 [13, p. 44, fig. 211], Бахтияровка II, кург. 46, погр. 2 [14, p. 8, fig. 18]) и пряжка с трапецевидной рамкой (рис. 2, 9) тип АІе1 (Красная Котлубань, кург. 1, погр. 1 [30, p. 322, fig. 7, 5]). Подобные пряжки являются массовой находкой в раннесредневековых памятниках во второй половине XIII – XIV в. Волго-Донского региона.

Таким образом, погребальный обряд и инвентарь исследуемого погребения позволяет датировать его золотоордынским временем (вторая половина XIII – первая половина XIV в.).

Антропологическое описание костных останков. Степень сохранности посткраниального скелета удовлетворительная (отсутствуют отдельные кости кистей и стоп). Черепная коробка индивида посмертно деформирована и частично разрушена, в результате чего ее полная реставрация и измерения ограничены. Костные останки, судя по специфическому строению тазовых костей, массивности костей посткраниального скелета и черепной коробки, принадлежат мужчине. Возраст погребенного, исходя из стертости зубов, облитерации черепных швов и характера изношенности основных суставов скелета, 30–40 лет.

Мозговой отдел черепа имеет очень большой продольный и очень малый поперечный диаметры (рис. 5, А, Б). Черепная капсула долихокранного типа, овоидных очертаний в верхней норме. Рельеф на внешней поверхности черепа развит интенсивно. Лобная кость по указателю имеет средние размеры, резко профилированная в горизонтальной плоскости и наклонная по линии назион-метопион. Лобная и теменная хорды длинные.

Лицевой отдел высокий, широкий на уровне глазниц и средний по линии зигомаксиллярных точек. Профиль уплощенный в горизонтальной плоскости на верхнем уровне и клиногнатный – на среднем, ортогнатный – по показателю общего лицевого угла. Параметры альвеолярной дуги лежат в пределах малых величин, небо очень длинное и узкое. Нос высокий и очень узкий, лепторинный по указателю. Нижний край грушевидного отвер-

стия – острый, передняя носовая ость развита умеренно. Орбиты низкие и широкие, по указателю – хамэконхные. Переносье узкое и средневысокое, носовые кости средневыступающие. Клыковая ямка средней глубины (табл. 1).

На черепе мужчины были выявлены дискретные признаки в его строении. Так на левой теменной кости обнаружено теменное отверстие. В затылочном шве зафиксированы множественные вставочные вормиевые кости с правой и с левой стороны, а также большая треугольная кость в области краниометрической точки лямбда *lambda*.

На костях свода черепа присутствуют признаки васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки», степень развития, достигающие 3-го балла. На лобной кости в области левого лобного бугра зафиксированы следы от заросших трещин (рис. 5, В). Центр дефекта локализуется в 37 мм от левого верхнего надглазничного края и в 50,5 мм от левой части венечного шва. От центра повреждения по диагонали лобной кости в сторону краниометрической точки брегма отходит полностью заросшая трещина длиной 14 мм. Вторая трещина доходит до левого височного края лобной кости и имеет длину – 17 мм. Третья трещина длиной – 37 мм направлена в сторону краниометрической точки глабелла, проходя над левым надбровьем. На внутренней поверхности лобной кости признаков разлома не выявлено. Повреждение черепа было получено задолго до смерти индивида, так как следов воспалительного процесса не обнаружено. Рентгенологическое исследование черепной капсулы демонстрирует следы консолидированной (полностью зажившей) травмы (рис. 5, Г). Дефект на лобной кости, вероятнее всего, является следствием удара тупым предметом большой плоскости воздействия.

На внутренней поверхности лобной кости со стороны эндокрана выявлены костные образования, по обеим сторонам от лобного синуса. Данные изменения соответствуют развитию внутреннего лобного гиперостоза, степень проявления которого достигает стадии «А» по схеме И. Гершковитца и др. [11].

В глазницах мужчины обнаружены следы поротических изменений. Изучение состояния зубочелюстной системы показало при-

сутствие на втором моляре верхней челюсти с правой стороны кариозной полости. Тип кариеса пришеечный. На коронках зубов имеются минерализованные отложения 1-го балла. Корни зубов несколько оголены, что маркирует развитие пародонтита ранней стадии. Стертость передних зубов и моляров до дентина.

На клыках, премолярах верхней и нижней челюсти обнаружены множественные горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии. Время формирования патологического состояния происходило в возрасте 2–4 г. по схеме Д. Рейда и М. Дина [24, р. 343].

Остеологическое исследование костных останков позволяет говорить о том, что по абсолютным значениям продольных размеров длинных костей скелета индивид отличается малыми величинами. Поперечные размеры на верхних конечностях находятся в категории больших и средних величин, а на нижних – средних и малых величин. Мужчина из погр. 1 кург. 35 характеризуется большими показателями массивности костей верхних конечностей и средними значениями массивности костей нижних конечностей по указателям. Длина тела мужчины средняя, варьирует в зависимости от используемой формулы 161,9 – 168,1, попадая в категорию ниже средних и средних значений. Остеологическая длина рук малая, а ширина плеч средняя, длина ног малая. Нижние конечности короткие (табл. 2).

Изучение состояния костей посткраниального скелета показало, что на всех основных суставах наблюдаются признаки развития деформирующего артроза. Изменения суставных поверхностей проявляются в виде костных разрастаний и потертостей. Межпозвоночная поверхность 5, 6 и 7 шейного позвонка деформированы мелкими хрящевыми грыжками. Узлы Шморля обнаружены на 2-м грудном и на 2-м и 3-м поясничном позвонках. На шейных позвонках зафиксированы горизонтально ориентированные краевые разрастания размером до 2 мм, на грудных и поясничных позвонках остеофиты имеют размеры до 5 мм.

На левой большой берцовой кости чуть ниже центральной части диафиза, на задней поверхности, захватывая латеральный край, наблюдается костная мозоль (рис. 5, Д). Аналогичные изменения надкостницы наблюдаются на медиальной поверхности кости в 28 мм

от середины диафиза. Рентгенологическое исследование диафиза позволило установить на границе средней и нижней трети левой большой берцовой кости утолщение кортикального слоя, которое возникло за счет процесса срастания обломков костей после удачно разрывшегося косоугольного перелома.

Дополнительно на рентгенограмме левой бедренной кости в проксимальной и в дистальной части зафиксированы отчетливые следы линий Гарриса (рис. 5, Е). Эти дефекты, как правило, отражают последствия стрессов в период от рождения до 16,5–18,5 лет. Принято считать, что эти линии являются признаками задержки роста, которые формируются в области росткового диска вследствие преждевременно образующейся костной замыкательной пластины [5, р. 96].

На костях посткраниального скелета фиксируется полный набор признаков, характерных для комплекса всадничества [5; 6]. Мышечный рельеф, в особенности на верхних конечностях, развит интенсивно на уровне 3-го балла. На костях пояса и свободной нижней конечности наблюдается увеличение мышечного рельефа на бедренных костях в области мест прикрепления большой и средней ягодичной мышц, подвздошно-поясничной мышцы и большой приводящей мышцы; на большеберцовых костях в области прикрепления подколенной мышцы и длинного сгибателя пальцев. Также следует отметить окостенение мест прикрепления следующих связок на тазовых костях: *ligamentum illiolumbale*, *ligamentum sacrospinale*, *ligamentum sacrotuberale*.

Из дискретных признаков в строении костей посткраниального скелета следует выделить: экзостоз в вертельной ямке, которая обычно сглаженная, но иногда в ней присутствуют костные наросты и *The vastus notch*, *располагающаяся* на коленных чашечках [23].

Индивид, захороненный в погр. 1 кург. 35, обладал брахиморфным телосложением с относительно короткими, массивными верхними и нижними конечностями и длиной тела около 164,5 см. Краниологическое исследование черепной коробки показало, что мужчина имеет длинную и узкую черепную коробку, высокое лицо несколько уплощенное на верхнем уровне.

Наличие на костях скелета признаков дегенеративных изменений на суставах и позвоночнике, а также присутствие следов травматических повреждений свидетельствует о том, что индивид вел активную и подвижную жизнь. На это указывает комплекс признаков верховой езды на костях посткраниального скелета, а также маркеры длительного воздействия на организм человека низких температур. Массивность верхних конечностей и резко развитый мышечный рельеф на них могут косвенно подтверждать профессиональную специализацию индивида, у которого в погребении обнаружен среди сопровождающего инвентаря колчан со стрелами и остатки лука.

Результаты. Анализ особенностей рассматриваемого погребального комплекса из могильника Ковалевка – погребение с заплечиками, западная ориентировка погребенного, традиционный погребальный инвентарь и заупокойная пища свидетельствует о том, что погребенный был представителем кочевой части населения улуса Джучи.

Представленный в погребальном комплексе разнообразный инвентарь, включающий не только типичные для указанного времени предметы, такие как лук и колчан с набором железных и костяной стрел, нож, кресало и кремь, но и уникальные предметы – медный котел, кожаная сумка, элементы костюма из парчовой ткани, расшитой золотыми нитями, позволяют предположить высокое социальное положение погребенного.

Предметы материальной культуры не дают детальную хронологию исследуемого погребения, но позволяют датировать его второй половиной XIII – началом XIV века.

Принадлежность кномадам доказывают не только особенности погребального обряда и специфический набор сопроводительного инвентаря в захоронении, но и наличие специфических признаков на костях скелета. Присутствие на черепе и на большой берцовой кости следов травм, которые вероятно,

носят насильственный характер, указывают на то, что индивид из погр. 1 кург. 35 мог. Ковалевка мог принимать участие в вооруженных столкновениях. В то же время удачное разрешение всех выявленных травматических дефектов свидетельствует о хороших навыках полевой медицины, которыми обладали кочевники эпохи Золотой Орды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определения выполнены канд. геогр. наук, зав. каф. географии ВолГУ Солодовниковым Д.А.

² Неопубликованные данные лаборанта лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина Волгоградского государственного университета Ковалевой К.С.

Исследование выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва).

³ Исследование и фиксация археозоологических материалов проводились к.и.н., с.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Яворской Л.В.

⁴ Реставрация и определения сделаны научным сотрудником ВООО ВДАО Шашуновой С.М. [19, pp. 46-57].

⁵ Определение выполнено к.и.н., с.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН Яворской Л.В.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда РФ № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтничных социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья».

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772 “Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Краниометрические характеристики и указатели, дискретно варьирующие признаки на черепе

Table 1. Craniometric parameters and indicators, discretely varying signs on the skull

№ признака / указатель	Название признака / указателя	Значения признаков в мм
1	Продольный диаметр	191
8	Поперечный диаметр	133
9	Наименьшая ширина лба	101
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	135
10	Наибольшая ширина лба	122,2
26	Лобная дуга	132
27	Теменная дуга	135
29	Лобная хорда	116,3
45	Скуловой диаметр	127
48	Верхняя высота лица	77
43	Верхняя ширина лица	109
46	Средняя ширина лица	96
55	Высота носа	53
54	Ширина носа	22
51	Ширина орбиты от mf	42,5
52	Высота орбиты	34
60	Длина альвеолярной дуги	52
61	Ширина альвеолярной дуги	60
63	Ширина неба	29,8
FC	Глубина клыковой ямки	5
MC	Максиллофронтальная ширина	19,2
MS	Максиллофронтальная высота	10,9
DC	Дакринальная ширина	18,1
DS	Дакринальная высота	10,9
SC	Симотическая ширина	7,6
SS	Симотическая высота	5,1
77	Назомаллярный угол	141,4
zm^2	Зигомакилллярный угол	131,7
32	Угол профиля лба от назнона	80,0
32a	Угол профиля лба от глабеллы	74,5
72	Общелицевой угол	88,5
73	Угол средней части лица	91,5
74	Угол альвеолярной части лица	79,0
75	Угол наклона носовых костей	61,5
75-1	Угол выступания носа	27,0
8:1	Черепной указатель	69,6
61:60	Альвеолярный указатель	115,4
45:8	Поперечный краниофациальный указатель	95,5
54:55	Носовой указатель	41,5
52:51	Орбитный указатель от mf	80
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	28,7
SS:SC	Симотический указатель	67,1
DS:DC	Дакринальный указатель	60,2
Аномалии		
Foramen parietale – теменное отверстие на левой теменной кости		
Os Wormii suturae Lambdoidea – множественные вставочные кости в затылочном шве		
Os triquetrum – треугольная кость в области краниометрической точки лямбда		

Таблица 2. Остеомерические характеристики и указатели на костях посткраниального скелета

Table 2. Osteomeric parameters and indicators on the bones of the postcranial skeleton

Плечевая кость			Большая берцовая кость		
	Правая	Левая		Правая	Левая
1. Наибольшая длина	312,5	306	1. Общая длина	343	348
2. Общая длина	307	300	2. Суставная длина	325	328
3. Ширина верхнего эпифиза	48,5	48	1а. Наибольшая длина	352	353
4. Ширина нижнего эпифиза	60,5	60	3. Ширина верхнего эпифиза	72	73,5
5. Наиб. ширина сер. диафиза	25	25,5	6. Ширина нижнего эпифиза	51	50,5
6. Наим. ширина сер. диафиза	18,5	18	8. Сагитт. диаметр сер. диафиза	28,5	27
7. Наим. окружность диафиза	66	64	8а. Сагитт. диаметр на ур. for. nutr.	28	31
7а. Окружность сер. диафиза	75	72	9. Попереч. диаметр сер. диафиза	22,5	24
6:5 указатель сечения	74	70,6	9а. Попереч. диаметр на ур. for. nutr.	24,5	26
7:1 указатель массивности	21,1	20,9	10. Окружность сер. диафиза	81	82
Лучевая кость			10b. Наименьшая окружность диафиза	71,5	75
1. Наибольшая длина	244	239	10:1 указатель массивности	23,6	23,5
2. Физиологическая длина	228	223,5	9:8 указатель платикнемии	77,2	88,9
4. Поперечный диаметр	17,5	17	Малая берцовая кость		
5. Сагиттальный диаметр	13	12,5	1. Наибольшая длина	339	–
3. Наим. окружность диафиза	42	40	Дискретно-варьирующие признаки		
5:4 указатель сечения	73,3	73,5	The vastus notch	+	+
3:2 указатель массивности	18,4	17,9	Exostosis in trochanteric fossa	+	+
Локтевая кость			Указатели / формулы		
1. Наибольшая длина	258	254,5	Интермембральный указ.	72,2	71,1
2. Физиологическая длина	22,7	225,5	Плече-лучевой указатель	78,1	78,1
11. Сагиттальный диаметр	13	13	Берцово-бедренный указатель	80,2	81,8
12. Ширина диафиза	18	17	Плече-бедренный указатель	73,1	72
13. Верх. ширина диафиза	21,5	21	Луче-берцовый указатель	71,1	68,7
14. Верх. сагитт. диаметр	27,5	28	Ширина плеч (Cl)	298	
3. Наименьшая окружность	40	37	Длина тела по В.В. Бунаку [4] $\text{♂} = 68,8 + 1,2 \times (F + T)$	161,92	
11:12 указатель сечения	72,2	76,5	Ширина плеч (Cl)	298	
13:14 указатель массивности	17,6	16,4	Длина тела по В.В. Бунаку [4] $\text{♂} = 68,8 + 1,2 \times (F + T)$	161,92	
Ключица			Длина тела по К. Пирсону и А. Ли $\text{♂} = 84,898 + 1,072 (F + T)$	168,1	
1. Наибольшая длина	143,5	145,5	Длина тела по G. Vercellotti [29] $1.50 (Fem2 + Tib) + 46.9$	162,47	
6. Окружность сер. диафиза	38	37			
6:1 указатель массивности	27,2	25,4			
Бедренная кость					
1. Наибольшая длина	432,5	430			
2. Длина в естест. положении	427,5	425			
21. Ширина нижнего эпифиза	81	82,5			
6. Сагитт. диаметр сер. диафиза	27	28			
7. Попереч. диаметр сер. диафиза	27,5	27,5			
9. Верх. попереч. диаметр	31	30			
10. Верх. сагитт. диаметр	29	26			
8. Окружность сер. диафиза	91	89			
6:7 указатель пилеястрии	98,2	101,8			
8:2 указатель массивности	21,3	20,9			

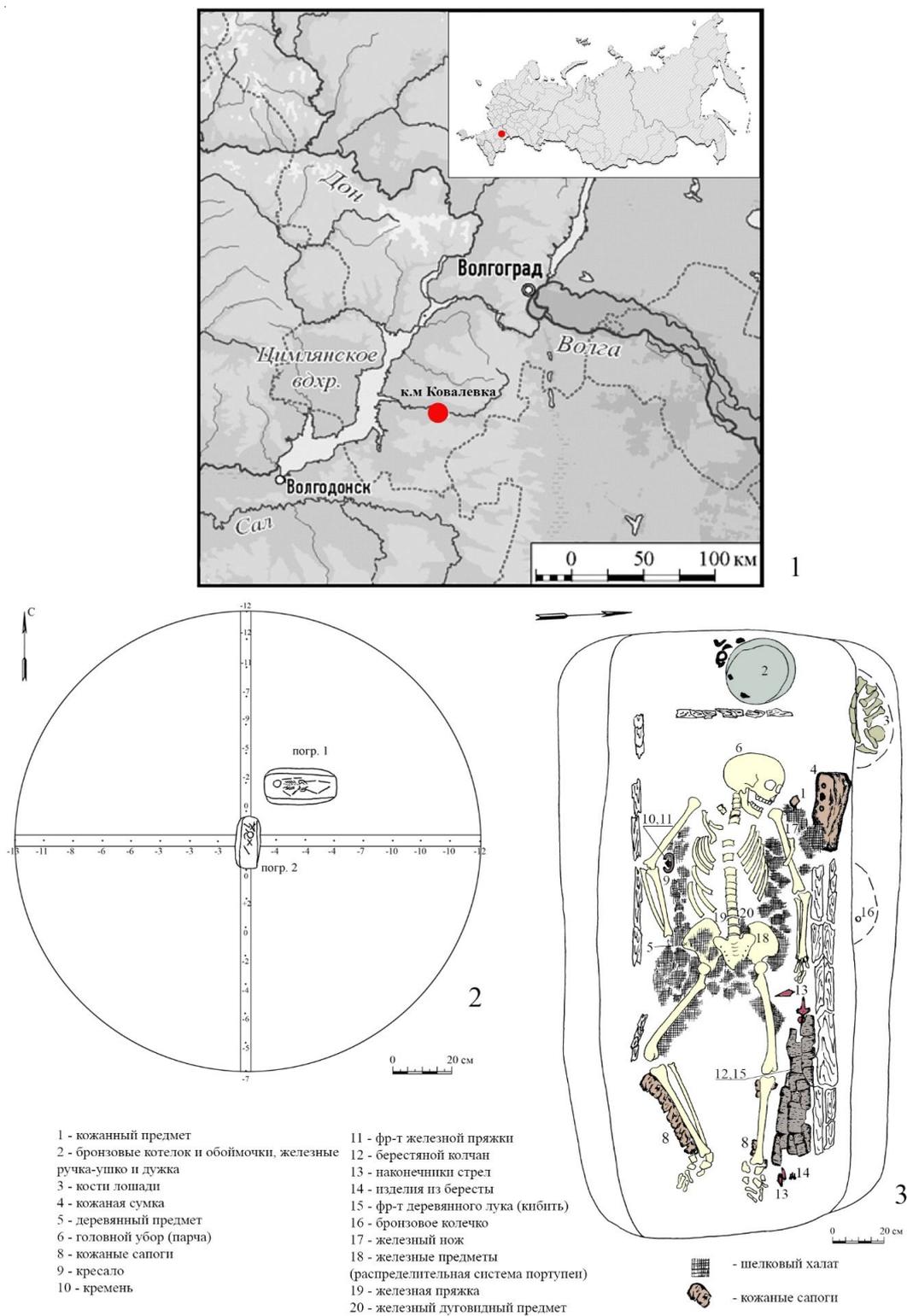

Рис. 1. Курганный могильник Ковалевка, кург. 35, погр. 1:

1 – месторасположение курганного могильника Ковалевка; 2 – план кург. 35; 3 – план погр. 1

Fig. 1. Kovalevka burial mound, Kurgan 35, burial 1:

1 – location of the Kovalevka burial mound; 2 – plan of kurgan 35; 3 – burial plan 1

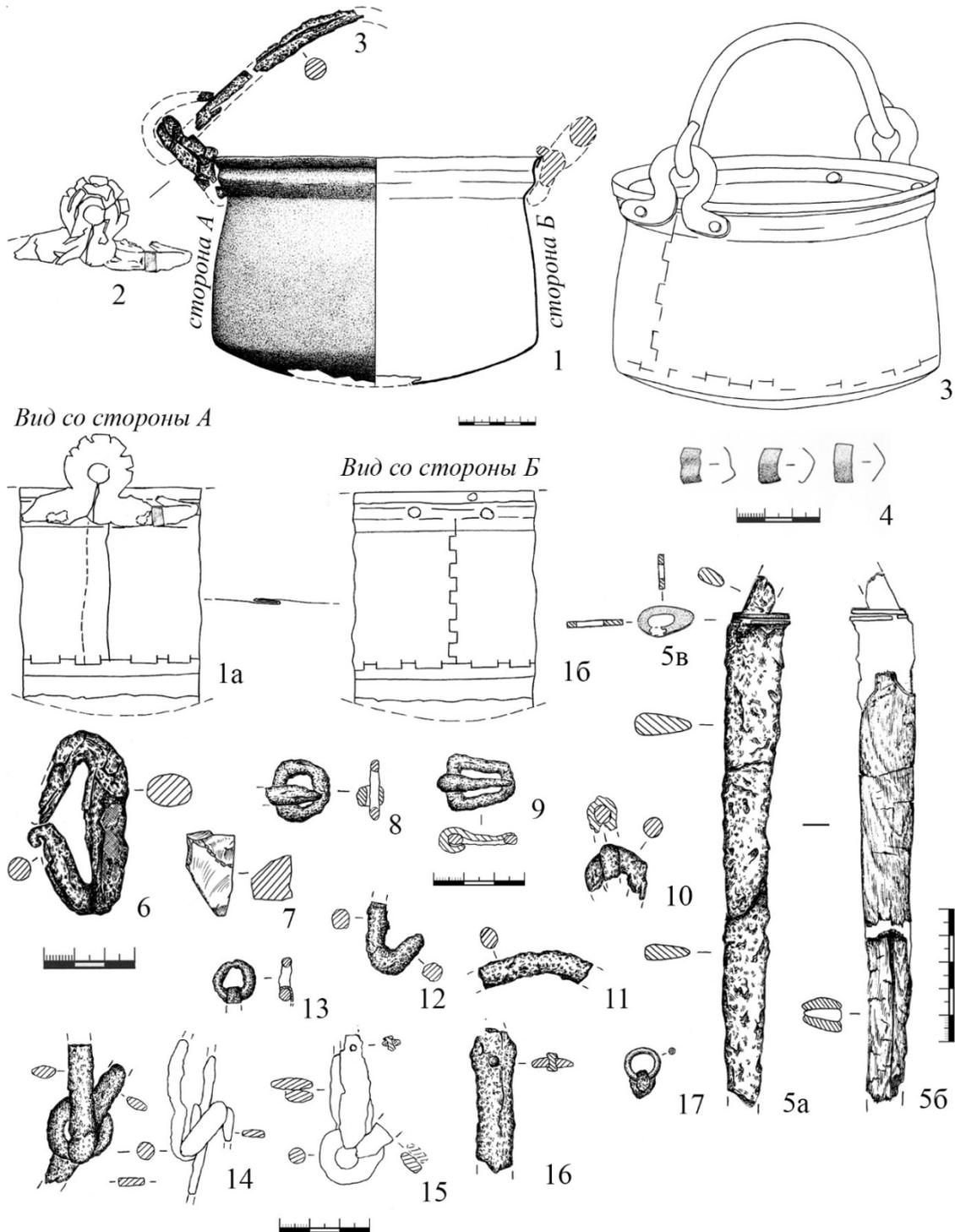

Рис. 2. Погребальный инвентарь:

1 – медный котел; 2 – железная петля; 3 – реконструкция медного котла; 4 – бронзовые обоймочки;
 5а – железный нож; 5б – деревянные ножны; 5в – пластина перекрестия; 6 – кресало; 7 – кремнь;
 8–10 – железные пряжки; 11 – фрагмент железного стержня; 12 – железный крючок; 13 – железное колечко;
 14–16 – железные предметы; 17 – бронзовое колечко

Fig. 2. Funeral inventory:

1 – copper boiler; 2 – iron loop; 3 – reconstruction of a copper boiler; 4 – bronze frames;
 5а – iron knife; 5б – wooden scabbard; 5в – crosshair plate; 6 – firestriker; 7 – flint; 8–10 – iron buckles;
 11 – fragment of an iron rod; 12 – iron hook; 13 – iron ring; 14–16 – iron objects; 17 – bronze ring

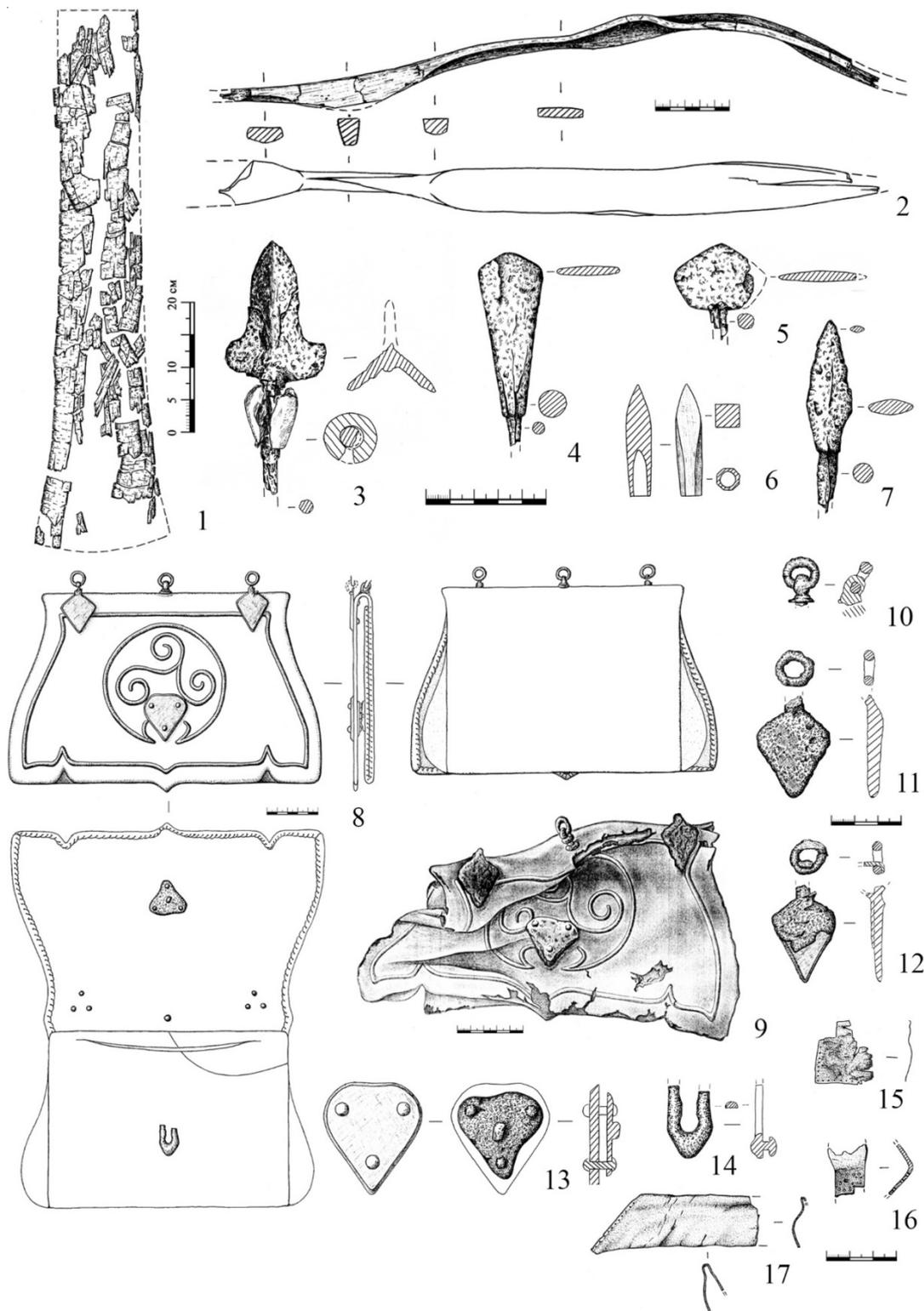

Рис. 3. Погребальный инвентарь:

1 – реконструкция берестяного колчана; 2 – деревянный лук; 3–7 – наконечники стрел;
 8 – реконструкция кожаной сумки; 9 – кожаная сумка; 10–12 – железные накладки пряжки; 13 – железный замок;
 14 – железный приемник замка; 15–17 – фрагменты кожаных изделий

Fig. 3. Funeral inventory:

1 – reconstruction of a birch bark quiver; 2 – wooden bow; 3–7 – arrowheads; 8 – reconstruction of a leather bag;
 9 – leather bag; 10–12 – iron buckle linings; 13 – iron lock; 14 – iron lock receiver; 15–17 – fragments of leather goods

Рис. 4. Элементы костюма погребенного:

1 – фрагмент ткани головного убора; 2 – фрагмент ткани нижнего халата; 3 – верхний шелковый халат

Fig. 4. Elements of the deceased's costume:

1 – fragment of headdress fabric; 2 – fragment of fabric of the lower robe; 3 – outer silk robe

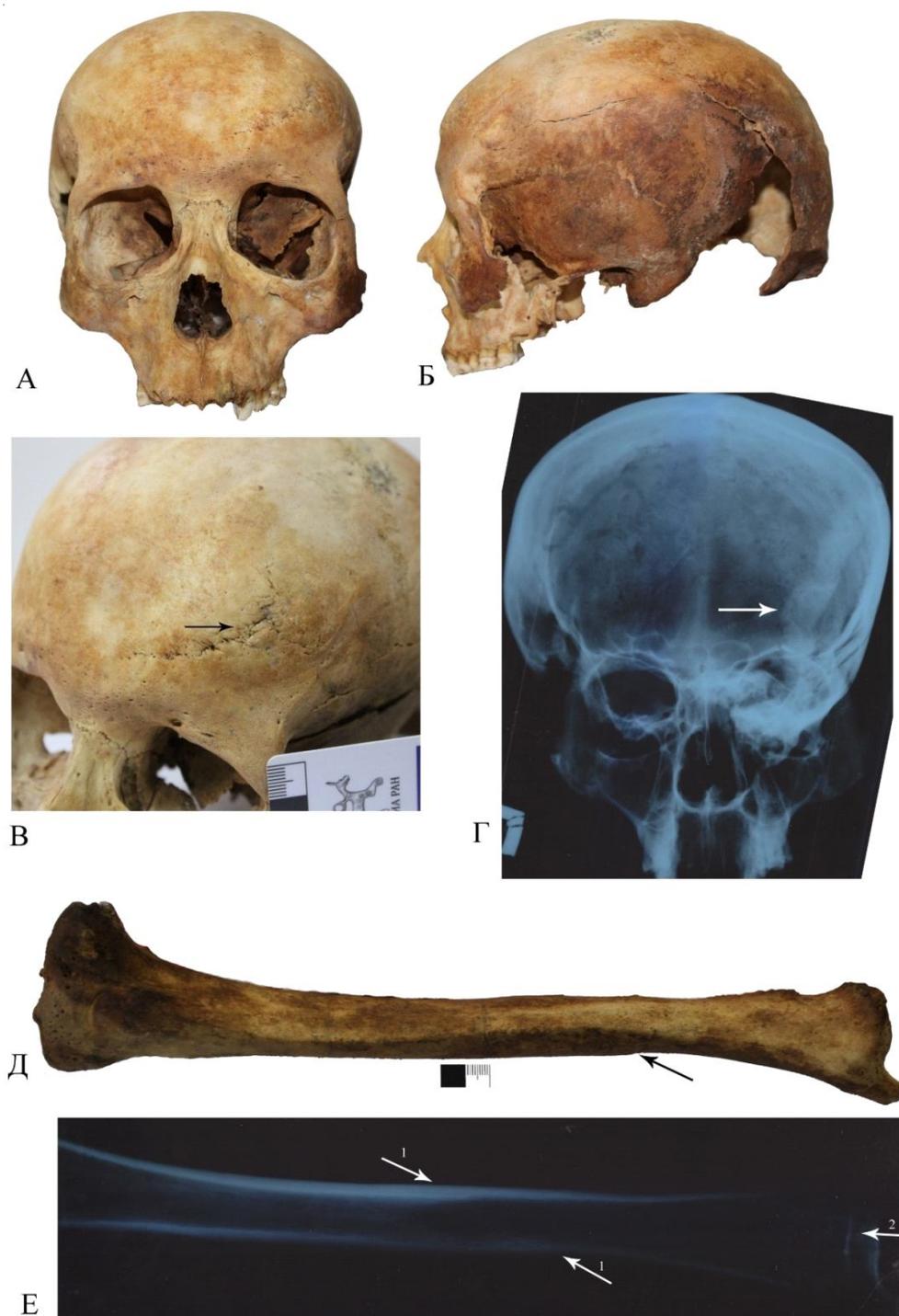

Рис. 5. Патологические состояния на черепе и на большеберцовой кости мужчины из погребения 1 кургана 35 могильника Ковалевка:

А – череп мужчины (фас); *Б* – череп мужчины (профиль); *В* – место локализации травмы черепа на лобной кости мужчины; *Г* – рентгенограмма черепной коробки с указанием локализации травматического дефекта; *Д* – левая большеберцовая кость со следами зажившего перелома; *Е1* – рентгенограмма большой берцовой кости с указанием локализации травмы; *Е2* – линия Гарриса в дистальной области диафиза большой берцовой кости

Fig. 5. Pathological conditions on the skull and tibia of a man from burial 1, Kurgan 35, Kovalevka burial ground:

A – male cranium (front); *B* – male cranium (profile); *B* – location of the skull injury on the frontal bone; *Г* – radiograph of the skull indicating the location of the traumatic defect; *Д* – left tibia with traces of a healed fracture; *Е1* – radiograph of the tibia indicating the location of the injury; *Е2* – Harris line in the distal region of the diaphysis of the tibia

REFERENCES

1. Afonkov N.N. Strelkovyj pojas i koshel zolotoordynskogo vremeni iz kurgannogo mogilnika u s. Ust-Kurdjum [Shooting Belt and Purse of the Golden Horde Period from the Burial Mound near the Village Ust-Kurdyum]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 10. Saratov, Nauchnaja kniga Publ., 2012, pp. 158-163.

2. Alekseev V.P. *Osteometrija metodika antropologicheskikh issledovanij* [Osteometry Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 250 p.

3. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 127 p.

4. Bunak V.V. Sootnoshenie dliny segmentov i polnaja dlina tela po izmerenijam na skeletah (sravnitel'naja karakteristika dvuh grupp) [The Ratio of the Lengths of Segments and the Total Length of the Body According to Measurements on Skeletons (Comparative Characteristics of Two Groups)]. *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1961, vol. 7, pp. 41-65.

5. Buzhilova A.P. *Paleopatologija v bioarheologicheskikh rekonstruktsiiakh* [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaja ekologija cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanij* [Historical Human Ecology Methods of Biological Research]. Moscow, Staryi sad Publ., 1998, pp. 87-147.

6. Buzhilova A.P. K voprosu o rasprostraneni traditsii verkhovoi ezdy: analiz antropologicheskikh istochnikov [To the Question on Distribution of Horse Riding: The Analysis of Anthropological Data]. *Opus: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arheologii* [Opus: Interdisciplinary Investigation in Archeology]. Moscow, Paralleli Publ., 2008, pp. 110-120.

7. Dvornichenko V.V., Fjodorov-Davydov G.A. *Raskopki kurganov v zone stroitelstva Kalmycko-Astrahanskoj i Nikolskoj risovyh orositelnyh system* [Excavations of Mounds in the Construction Zone of the Kalmyk-Astrakhan and Nikolsk Rice Irrigation Systems]. *Sokrovishha sarmatskih vozhdjev i drevnie goroda Povolzhja* [Treasures of Sarmatian Leaders and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 14-132.

8. Dyachenko A.N., Skripkin A.S., Moiseev V.I. *Raskopki kurgannyh mogilnikov Aksaj II i Aksaj III u sela Aksaj oktyabrskogo rajona Volgogradskoj oblasti (k voprosu ob ekonomicheskikh svyazjah sarmatskogo naselenija Volgo-Donskogo regiona)* [Excavations of the Aksai II and Aksai III Burial Mounds near the Village of Aksai, Oktyabrsky District, Volgograd Region

(On the Issue of Economic Relations of the Sarmatian Population of the Volga-Don Region)]. *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepej: sb. st.* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes. Collection of Articles], iss. 4. Volgograd, Izd-vo in-ta upravleniya – fil. RANKhiGS, 2017, pp. 8-82.

9. Evglevski A.V., Potemkina T.M. *Kresala v pozdnekochevnicheskikh pogrebenijah Vostochnoj Evropy* [Firestrickers in Late Nomadic Burials of Eastern Europe]. *Stepi Evropy v epohu srednevekovja* [The Steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 1. Donetsk, Izd-vo DonGU, 2000, pp. 181-208.

10. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskiye pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Monuments]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1966. 276 p.

11. Hershkovitz I. et al. *Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. American Journal of Physical Anthropology*, 1999, no. 109, pp. 303-325.

12. Klepikov V.M. *Otchet o provedenii arheologicheskikh issledovanij v Sredneakhtubinskom i Oktjabrskom rajonah Volgogradskoj oblasti v 1995 g.* Volgograd, 1995 [Report on Archaeological Research in the Sredneakhtubinsky and Oktyabrsky Districts of the Volgograd Region in 1995. Volgograd, 1995]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore], no. 133.

13. Krieger V.A. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Volgogradskoy oblasti v 1982 godu.* Volgograd, 1983 [Report on Archaeological Research on the Territory of the Volgograd Region in 1982. Volgograd, 1983], no. 70. 47 p.

14. Krieger V.A. *Otchet o raskopkah Bahtijarovskogo mogilnika v Leninskom rajone Volgogradskoj oblasti v 1983 godu.* Volgograd, 1984 [Report on the Excavations of the Bakhtiyarovsky Burial Ground in the Leninsky District of the Volgograd Region in 1983. Volgograd, 1984]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore], no. 44. 54 p.

15. Mamonova N.N. *Opyt primeneniya tablic V.V. Bunaka pri razrabotke osteometricheskikh materialov* [Experience in Using Tables V.V. Bunak in the Development of Osteometric Materials]. *Problemy evolyucionnoj morfologii cheloveka i ego ras* [Problems of Evolutionary Morphology of Man and His Races]. Moscow, 1986, pp. 21-33.

16. Mamontov V.I. *Drevneye naseleniye Levoberezhya Dona: (Po materialam kurg. mogilnika Pervomayskiy VII)* [Ancient Population of the Left Bank of the Don River: (Based on Materials from the Burial

Mound Pervomaisky VII)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2000. 145 p.

17. Mamontov V.I. Otchet o rabote Privolzhskogo otryada Volgo-Donskoy ekspeditsii LOIA AN SSSR i Volgogradskogo Oblastnogo otdeleniya VOPIK v Volgogradskoy oblasti (Kalachevskiy, Oktyabrskiy, Surovikinskiy, Sredne-Akhtubinskiy, Ilovinskiy rayony) za sezon 1974 g. Volgograd, 1974 [Report on the Work of the Volga-Don Expedition of the LOIA AN USSR and the Volgograd Regional Branch of VOPIK in the Volgograd Region (Kalachevsky, Oktyabrsky, Surovinsky, Sredne-Akhtubinsky, Ilovinsky Districts) for the 1974 Season. Volgograd, 1974]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore], no. 33.

18. Medvedev A.F. Ruchnoye metatelnoye oruzhiye (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. [Hand-Held Throwing Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of the 8th – 14th Centuries]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov SSSR* [Archeology of the USSR. Collection of Archaeological Sources of the USSR], vol. EI-36. Moscow, Nauka Publ., 1966. 184 p.

19. Moiseev V.I. Otchet o provedenii arkheologicheskogo issledovaniya kurgana № 35 kurgannogo mogilnika Kovalevka v Oktyabrskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2021 godu. Volgograd, 2021 [Report on the Archaeological Research of Kurgan No. 35 of the Kovalevka Burial Mound in the Oktyabrsky District of the Volgograd Region in 2021. Volgograd, 2021]. *Arkhiv laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy im. A.S. Skripkina Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archive of the Laboratory of Archaeological Research Named After A.S. Skripkin of the Volgograd State University]. 98 p.

20. Movsesian A.A. *Feneticheskii analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005. 271 p.

21. Myskov E.P. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes During the Era of the Golden Horde]. Volgograd, Izd-vo Volgograd. fil. RanKhiGS, 2015. 483 p.

22. Nemerov V.F. Voinskoye snaryazheniye i oruzhiye mongolskogo voyna XIII–XIV vv. [Military Equipment and Weapons of the Mongol Warrior of the 13th – 14th Centuries]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1987, no. 2, pp. 212-227.

23. Pererva E.V. Diskretno-varyirujushhie priznaki na kostyah postkranialnogo skeleta: na primere

antropologicheskikh materialov iz nekropolja Vodjanskogo gorodisha [Traits of Non-Metric Variation on Postcranial Skeleton Bones: The Case of Anthropological Material from the Necropolis Site of Ancient Settlement Vodyanskoe]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, vol. 28, no. 4, pp. 51-70. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.6>

24. Reid D.J., Dean M.C. Variation in Modern Human Enamel Formation Times. *Journal of Human Evolution*, 2006, no. 50, pp. 329-346.

25. Rudenko K.A. *Metallicheskaya posuda Povolzhya i Prikamya v VIII–XIV vv.* [Metal Utensils from the Volga and Kama Region of the 8th – 14th Centuries]. Kazan, Reper Publ., 2000. 158 p.

26. Shilov V.P. Otchet o raspokkakh arkheologicheskoy ekspeditsii v 1957 g. Volgograd, 1957 [Report on the Excavations of the Archaeological Expedition in 1957. Volgograd, 1957]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore], no. 6.

27. Shvetsov M.L. Kotly iz pogrebenij srednevekovykh kochevnikov [Coopers from Burials of Medieval Nomads]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], 1980, no. 2, pp. 192-202.

28. Tihonov A.G. *Fizicheskij tip srednevekovogo naselenija Evrazii po dannym osteologii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Physical Type of the Medieval Population of Eurasia According to Osteology. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1997. 36 p.

29. Vercellotti G., Agnew A.M., Justus H.M., Sciulli P.V. Stature Estimation in an Early Medieval (XI–XII c.) Polish Population: Testing the Accuracy of Regression. Equations in a Bioarcheological Sample. *American Journal of Physical Anthropology*, 2009, no. 140, pp. 135-142.

30. Vorontsov I.A. Srednevekovye pogrebenija v nizovjakh reki Ilovli [Mediaeval Burials of the Ilovlya Burials Ground]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2002, iss. 5, pp. 321-334.

31. Zakharov P.E., Yavorskaya L.V. Pamjatniki zolotoordynskogo vremeni u sela Nizhnjaja Dobrinka [Monuments of the Golden Horde Age near the village of Nizhnyaya Dobrinka]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2003, iss. 6, pp. 236-253.

Information About the Authors

Vladimir I. Moiseev, Researcher, Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Valentina Yu. Moiseeva, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, v.chistobaeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7946-3144>

Информация об авторах

Владимир Иванович Моисеев, научный сотрудник лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Валентина Юрьевна Моисеева, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, v.chistobaeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7946-3144>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.4>

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 21.06.2023
Accepted: 30.01.2024

NUMISMATICS OF SALLARIDS

Aygun Musa gizi Mammadova

National Museum of History of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Abstract. Introduction. The goal of the research is to reveal data on coinage and trade routes during the period of the Sallarids (the Musafirids, the Kangarids). Based on unique numismatic facts – both individual coins and coin hoards found in Azerbaijan and European countries – the author made an attempt to clarify and localize mints, the names of territorial regions (“Azerbaijan” and “Arminiyya”), as well as trade routes. *Methods and materials.* Referring to the comparative method, the author explained basic conclusions about the monetary economy of the period. Coins of the Sallarids period were used as actual material. *Analysis and results.* The coins minted during the mentioned period are not only the facts confirming local coinage (the statehood), but also unique examples of trade routes, beliefs, and hereditary authority, including the calligraphy of Azerbaijan in the Middle Ages. Such findings having come down to our time are manifesting rich silver mines and the handiwork of local artisans, as well. Rulers of the Sallarids dynasty, on behalf of whom (sometimes together with their heir or vizier) the coins had been minted in several towns of historical Azerbaijan, benefited from the right of “coin” (coining by the name of the supreme ruler). Founding such coins together with the coins of the other medieval Islamic rulers both in Azerbaijan (Nakhchivan) and in European countries (Switzerland, Estonia, and different areas of Russia) proves extensive trade relations of Azerbaijan with other countries. Various museums and collections currently preserve these coins, which researchers study and showcase in fascinating exhibitions and expositions. The author of the article promotes these facts when teaching the subjects “Numismatic of Azerbaijan” and “Caucasus numismatic” at the Western Caspian University (Baku, Azerbaijan).

Key words: Sallarids, Azerbaijan, mints, territorial regions, hoards.

Citation. Mammadova A.M. gizi. Numismatics of Sallarids. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 65-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.4>

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 21.06.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

НУМИЗМАТИКА САЛАРИДОВ

Айгюн Муса кызы Маммадова

Национальный музей истории Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Введение. Целью статьи является изложение информации о монетной чеканке, торговых путях периода Саларидов (Мусафиридов, Кенгеридов; 333–365 годы хиджры = 944–976). Основываясь на уникальных нумизматических фактах – как отдельных монетах, так и монетных кладах, найденных в Азербайджане и странах Европы – автором сделана попытка разъяснения и локализации монетных дворов, названий территориальных областей – «Азербайджан» и «Арминийа», а также торговых путей. *Методы*

и материалы. С использованием сравнительного метода в статье изложены основные наблюдения о монетной чеканке периода Саларидов. *Анализ и результаты.* Монеты, отчеканенные в данный период, являются не только достоверными свидетельствами существования местной монетной чеканки (государственности), но и неопровержимыми показателями торговых связей, верования, наследственной власти, а также уникальными образцами каллиграфии средневекового Азербайджана. Эти образцы искусства создавались в результате *добычи* благородных *металлов* из рудников и рукоделия местных мастеров. Чеканя от своего имени (а в некоторых случаях вместе с именем наследника или везиря) монеты, в большинстве случаев в городах исторического Азербайджана правители династии Саларидов пользовались правом «сика» (чеканка монет от имени верховной власти). Нахождение таких монет как в пределах Азербайджана (Нахичевань), так и в странах Европы (Швеция, Эстония, различные местности России), вместе с монетами других средневековых исламских правителей подтверждает обширные торговые связи Азербайджана с другими странами. Такие монеты, являющиеся основным объектом исследований и привлекательным экспонатом выставок и экспозиций, ныне хранятся в разных музеях и коллекциях. Автором статьи эти факты используются при преподавании предметов «Нумизматика Азербайджана» и «Нумизматика Кавказа» в Западно-Каспийском Университете (Баку, Азербайджан).

Ключевые слова: Салариды, Азербайджан, монетные дворы, территориальные области, клады.

Цитирование. Маммадова А. М. кызы. Нумизматика Саларидов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.4>

Введение. Нумизматические находки являются достоверными показателями в изучении денежного хозяйства и других вопросов различных исторических периодов. Статья посвящена рассмотрению малоизвестной страницы в истории средневековой мусульманской нумизматики – монетам второй половины X в., отчеканенным в правление саларидских правителей.

Методы и материалы. Территория государства Саларидов (со столичным городом Ардебиль), созданного после распада Саджидов в результате сложившейся политической ситуации в Ближней и Средней Азии, больше славится серебряными монетами – дирхемами. Но известны также редкие золотые динары и медные фельсы.

О разработанности темы. В коллекции Фонда нумизматики Национального музея истории Азербайджана имеется небольшое количество монет Саларидов. Некоторые монеты данной династии демонстрируются в экспозиции музея и были изданы.

Ученым-нумизматом Али Мухаммед оглу Раджабли (1927–2022) в Азербайджане были изданы нижеследующие монеты Саларидов.

Впервые фото серебряного дирхема Саларидов – 355 год хиджры (далее – г. х.) = 965–966 было издано в буклете Музея Истории Азербайджана в прошлом столетии [10, plate 4]. Дирхем того же года, но с обширным описанием, был издан в 1997 г. в учебнике «Нумиз-

матика Азербайджана» (вес – 4,1 г; Нух ибн Вахсудан ибн Мухаммед, абуль Хасан, ал-Мутилиллах) [11, с. 62].

В книге-альбоме 2012 г. «Монеты Азербайджана» и в книге 2017 г. «Монета и государственность» Али Мухаммед оглу Раджабли издал более ранний серебряный дирхем 354 г. х. (965–966) того же города с именами Ибрахима и Вахсудана [12, с. 98; 13, с. 127].

Современные исследователи продолжают изучение таких находок [1; 3; 5] и они размещены на веб-ресурсах [15–19]. Благодаря нумизматическому определению монет на современном этапе выявлены более ранние дирхемы этой династии, которым посвящена статья.

Анализ. *О монетных дворах периода Саларидов (на основе серебряных дирхемов).* Согласно выявленным нумизматическим фактам, ранним чеканом известен монетный двор *Урмийи*. Известны два серебряных дирхема Урмии 333 г. х. (944–945), первый – чеканенный от имени Мухаммеда бин Мусафира и второй – от имени его сына Марзбана бин Мухаммеда (рис. 1) [17].

Среди ранних монетных дворов Саларидов следует отметить город *Марага*. Известны серебряные дирхемы 337 (948–949), 347 (958–959, рис. 2), 359 (969–970), 362 г. х. (972–973, рис. 3) [15; 16].

Серебряные дирхемы 342 (953–954), 343 (954–955), 347 (958–959), 351 (962–963), 354 (965–966), 355 (965), 356 (966–967), 357 (967),

359 (969–970), 360 (970–971) и 361 г. х. (971–972) *Ардабиля*, чеканились от имени различных наместников [18].

Дирхемы *Барды* 351 г. х. (962–963) являются уникальными находками [19, р. 12], подтверждающими важность этого города. Этот город *расположен* на Карабахской равнине в 260 км от города Баку, на притоке Куры.

Выше были перечислены города – монетные дворы периода. Но кроме таких дирхемов также имеются серебряные дирхемы с именами территориальных областей – «Азербайджан» и «Арминийа».

Дирхем 341 г. х. (952–953) чеканен на монетном дворе «Азербайджан» от имени Марзбана бин Мухаммеда (330–347 = 941–958; рис. 4).

Впервые название этого монетного двора появилось на исламских монетах еще с

105 г. х. (723/4, то есть с периода Омейядов) [4, с. 17].

Другим монетным двором периода является «Арминийа», известный дирхемами 353 г. х. (964–965) с куньей «Абу Исхаг». Первые исламские дирхемы на этом монетном дворе были чеканены в 78 г. х. (697–698) [4, с. 17]. Согласно территориальному составу Омейядов Халифат был разделен вначале на девять вилайетов, а далее на пять. В третий вилайет – «ал-Джазиру» входили Азербайджан, Арран, Арминийа и восточная часть Малой Азии [2, с. 43].

Монетные дворы, отмеченные на монетах Саларидов территориальными названиями «Азербайджан» и «Арминийа», были стратегически важными политическими центрами периода.

Наиля Мамедали кызы Велиханлы привлекла к анализу сведения средневеко-

Рис. 1. Салариды. Марзбан бин Мухаммед (941–957) и его отец Мухаммед бин Мусafir, Урмийа, 333 = 944–945, серебро, дирхем, 2,84 г

Fig. 1. Sallarids. Marzban bin Muhammad (941–957) and his father Muhammad bin Musafir, Urmiya, 333 = 944–945, silver, dirham, 2.84 g

Рис. 2. Салариды. Джастан бин Марзбан (957–960), Ардабиль, 347 = 958–959, серебро, дирхем, 2,53 г

Fig. 2. Sallarids. Jastan bin Marzban (957–960), Ardabil, 347 = 958–959, silver, dirham, 2.53 g

вых авторов (Ибн Хордадбега, ал-Йагуби и др.), согласно которым азиатская территория ал-Магриба (Запада) с востока и северо-востока граничила с провинциями Азербайджан и Арминийа, входящими в состав Северной четверти. Однако ал-Магриб также охватывал всю Северную Африку, а на европейском континенте – Пиренейский полуостров.

Административное наименование «Арминийа», отраженное на монетах Саларидов, объединяло в своем составе не только земли собственно Армении, завоеванной арабами за несколько лет до покорения остальной части Южного Кавказа, но и территорию бывшей Албании и Иберии. Арабы унаследовали это название от доарабской административной системы византийской Армении, образовавшейся в середине VI в., после реформы императора Юстиниана I.

Арабские наместники устраивали свои резиденции в основном городе Армении Дабиле – Двине, который функционировал как главный монетный двор периода Омаййадов, Аббасидов, а далее и других государств Азербайджана – Саджидов и Саларидов. Эта территория охватывала Северный кустак вместе с Албанией и Атропатеной, а при арабах относилась только к территории собственно исторического Азербайджана от Дербенда на севере до Занджана на юге [2, с. 456].

Согласно письменным источникам и картам, «I Арабская Арминийа объединяла в своих пределах земли Албании, в том числе и Сюника (Сисаджана), которые вместе с завоеванными арабами в 644 г. грузинским городом Тифлисом (Тбилиси), также подпавшим под мусульманское управление до 1122 г., составляли большую часть арабской провинции Арран. II Арабская Арминийа включала в свои

Рис. 3. Салариды. Рустам бин Джастан (970–973), Марага, 362 = 973–974, серебро, дирхем, 4,37 г
Fig. 3. Sallarids. Rustam bin Jastan (970–973), Maragha, 362 = 973–974, silver, dirham, 4.37 g

Рис. 4. Салариды. Марзбан бин Мухаммед (941–958), Азербайджан, 341 = 952–953, серебро, дирхем, 3,92 г
Fig. 4. Sallarids. Marzban bin Muhammad (941–958), Azerbaijan, 341 = 952–953, silver, dirham, 3.92 g

пределы часть земель, населенных грузинами, лезгинами и другими народностями Кавказа, которые после арабского завоевания также вошли в состав Аррана. Только III и IV арабская Армения охватывала собственно армянские земли от Дабилы до Шимшата» [2, с. 456].

В итоге, «несмотря на формальное образование единого кавказского наместничества, объединявшего в своих пределах Азербайджан, Арран и Армению, каждая из этих стран, где местные феодалы в рамках собственных владений фактически удерживали привилегии и власть, сохраняли и свои внутренние границы и центры» [2, с. 456].

Золотые динары периода. Как известно, золотые динары периода играли роль международной валюты. Правление Саларидов известно золотыми динарами Ардабиля

(342–343 г. х. = 953–955; 2,94 г; 4,3 г; рис. 5), Мараги (347 г. х. = 958–959; вес = 3,4; 3,6; 3,7; 4,1 г) и Арминийи (353 г. х. = 964–965; 3,77 г).

Период нахождения у власти саларидского правителя Вахсудана бин Мухаммеда известен золотыми динарами (9,94 г; со словами «Али – приближенный Аллаха»; рис. 6) и медными фельсами Джалалабада 343-го г. х. (954–955). Медные фельсы этого монетного двора найдены в селе Лапас Астраханского региона [18].

Ныне одноименные села также имеются в различных местностях ИИР (в провинциях – Исфahan, Хорасан, Керман, Фарс). Согласно нашим наблюдениям, этот кратковременный монетный двор возможно отнести к исчезнувшему городам Азербайджана.

Указывание монетных дворов на монетах Саджидов (городом или названием тер-

Рис. 5. Салариды. Марзбан бин Мухаммед (941–958), Ардабиль, 342 = 953–954, золото, динар, 2,94 г
Fig. 5. Sallarids. Marzban bin Muhammad (941–958), Ardabil, 342 = 953–954, gold, dinar, 2.94 g

Рис. 6. Салариды. Джалалабад, 343 = 954–955, золото, динар
Fig. 6. Sallarids. Jalalabad, 343 = 954–955, gold, dinar

риториальной области) прослеживается и на монетах других династий периода.

Монеты Саларидов, найденные в Азербайджане. В 1935 г. из Нахичевани в г. Баку был доставлен клад серебряных монет. Согласно нумизматическому определению Е. Пахомова, в нем были следующие монеты:

Сасаниды: I Хосрой (531–579); II Хосрой (590–628) – 2 шт.;

Табаристан: Омар, 127–129 = 778–780 – 1 шт.;

Омайяды: 700–708 – 2 фрагмента;

Аббасиды: чеканенные до Мамуна (195–218 = 810–833), в том числе – ал-Харуниййа (ал-Махди или ал-Хади), Мединет ас-Салам, 195 = 810–811; халиф Мухаммед и Аббас, 19* = 805–815, 20* = 815–825, ал-Муттеди (869–870): ал-Мединет ас-Салам, ал-Муттаид (870–892) – 2 шт.; ал-Мугтадир (902–932), ал-Гахир (932–934), ар-Ради (934–940), ал-Муттаги (940–944), Мединет ас-Салам, Тифлис, Сурра мен раа, Фарис, Васит.

Саманиды: Исмаил бин Ахмед (892–907): 290 (902–903), Ахмед бин Исмаил (907–914); Наср бин Ахмед (914–943), Нух бин Наср (943–954), Андерабе, Самарканд, аш-Шаш, Мерв, Нисабур.

Бувейхиды: Имад ад-дауля Али (932–949): Мединет ас-Салам; Муиз-ад дауля Ахмед: Адуд ад-дауля Хосрой (949–983), ал-Басра, ...мин ал-ахваз.

Хамданиды: Насир ад-дауля Хасан (929–967) и Сейф ад-дауля Али (944–967), Мединет ас-Салам, а также 331 = 942–943.

Саджид: Юсуф бин Дивдад (901–927) и а-Муктадир (908–932);

Салариды: Вахсудан бин Мухаммед и халиф ан-Насир;

Эмиры Нисабура: Ахмед, Нисабур.

Самая ранняя монета относилась к 531–579, поздняя к 34* = 951–961 [6, с. 39–42].

Вторая партия этого клада (263 шт.) была доставлена в том же году в Баку и состояла из нижеследующих монет:

Сасаниды: II Хосров (25-го года царствования = 614 г.);

Византия: VI Лев и X Константин (тип I Сабатье – 911–912);

Омайяды: 1 фрагмент;

Аббасиды: III–IV вв. хиджры;

Саманиды: 4 шт.;

Зийариды: 1 шт.;

Салариды: с отлом. город. и годом;

Бувейхиды: 6 шт. [6, с. 39–42].

Готландский монетный клад 1883 года. Согласно информации 1883 г., в мызе Ботельс погоста Гафдем (Hafdhem; острове Готланд, Швеция) были найдены монеты разных периодов и династий. Среди 220 целых и 2 046 ломаных дирхемов были определены следующие:

Сасаниды: 3 шт.;

Омайяды: 97 = 715–716 – 5 шт.;

Аббасиды: 193–334 = 808–946 – 90 шт.;

Эмиры аль-умара: 333 = 944–945 – 1 шт.;

Тахириды: 1 шт.;

Саффариды: 268–291 = 881–904;

Саманидов: 280–359 – 886 шт.;

Абу даудидов: 268–281 = 881–895 – 12 шт.;

Волжские эмиры: 337–338 = 948–950 – 9 шт.

Саджиды: Берда 290 = 902–903 – 1 шт.;

Бувейхиды: 324–347 – 44 шт.;

Хамданиды: 330–352 – 22 шт.;

Ихшиниды: 337–355 – 7 шт.;

Салариды: Ардебиль, 355 = 965–966;

Подражания Саманидам: 111 шт.;

Неразборчивых: 1 070 шт.

Крайние даты: VII в. – 359 = 969–970 [7, с. 85].

Везенбургский монетный клад 1926 года. В 1926 г. на участке Ванаверава имения Пейт, Везенбургского округа (Эстония) был выпахан глиняный кувшин с серебряными монетами (более 150 единиц). Клад состоял из нижеследующих монет:

Византия: 963–1025 (3 фрагмента);

Англосаксонские: 976–1016 (3 фрагмента);

Немецкие: 924–2014 (34 целых и 6 фрагментов);

Омайяды: Дабиль 85 (704–705) – 2 шт.;

Аббасиды: 157–333 = 773–945 – 20 шт.;

Идрисиды: 1 шт.;

Хамданиды: 2 шт.;

Бувейхиды: 322–337 = 933–949;

Салариды: Ардабиль, 351 = 962–963 – 1 шт.;

Окайлиды: 386–391 = 996–1001 – 4 шт.;

Мерваниды: 385–387 = 995–998 – 2 шт.;

Саманидов: 290–341 = 902–953 – 46 шт.;

Волжские болгары: 341 = 952–953 – 4 шт.;

Подражания: 9 шт.

Ранняя дата – 963–969, для куфических – 85 = 704–705, самая поздняя – 976–1025 (по византийским) или 995–1024 (по немецким), а для куфических 391 = 1000–1001 [8, с. 77–78].

Самарский клад 1890 года. При вспашке поля в селении Мусорке Ставропольского уезда был найден клад, состоявший из железного боевого топорика, 20 целых и 25 ломаных дирхемов. Клад поступил в Императорский Археологический Комитет, а оттуда в Эрмитаж. По династиям монеты распределялись в нижеследующем порядке:

Саманиды: 32* – 364 = 93* – 990 – 30 шт.;

Подражание Саманидам: 1 шт.;

Бувейхиды: 341–379 = 962–990 – 6 шт.;

Зияриды: 35* – 371 = 96* – 982 – 7 шт.;

Салариды: 351 = 962–963 – 1 шт.;

Клад охватывал 32* – 379 = 93* – 990 гг. [7, с. 81–82].

Виленский клад 1896 года. При копании канавы в деревне Красной Дисненского уезда был найден клад монет, состоявший из 66 целых дирхемов и множества фрагментов. После определения было выяснено следующее:

Аббасиды: 286–323 = 899–940 – 7 шт.;

Хамданиды: 334–356 = 945–967 – 3 шт.;

Саманиды: 304–376 = 916–987 – 64 шт.;

Подражания Саманидам – 2 шт.;

Бувейхиды: 338–369 = 949–980 – 17 шт.;

Зийариды: 357–366 = 967–977 – 8 шт.;

Салариды: Ардабиль, 365 = 975–976 –

1 шт.

Клад охватывал 899–987 гг. [7, с. 74].

Псковский клад 1923 года. В селении Васьков Великолуцкого уезда был найден клад дирхемов, в котором имелся фрагмент монеты Ардабиля периода Саларидов. Клад был куплен Эрмитажем [7, с. 81].

Чистопольский клад 1907 года. В кладе (11,5 кг), найденном в селении Татарский Толкиш Чистопольского района, было обнаружено 957 монет. Среди них были:

Цари Охинда: 875 и 900 – 2 шт.;

Аббасиды: 318–332 = 930–944 – 7 шт. (Басра, Куфа);

Эмир ал-умара: 329 = 940–941 – 1 шт.;

Бавендиды Фирима: 353–369 = 968–980 – 16 шт.;

Эмиры Дамгана: 366 = 976–977 Устундар;

Абу Давудилов Андерабе: 299–370 = 911–981;

Салариды: 354 = 965–966; Ардабиль – 1 шт.;

Волжские булгары: 366 = 976–977; Сувар и Булгар – 3 шт.;

Зийаридов: 358–368 = 968–979; Амоль, Джурджан, Сария, Астрабад, Хаусем – 108 шт.;

Бувейхиды: 324–373 = 935–984; Шираз, Сираф, ал-Басра, Мединет ас-Салам, Джурджан, Астрабад, Сария, аль-Мосул, Васит, Кирмисин, Арраджан, Сук ал-ахваз, Дженнаба, Казерун, Исфахан, Рамхормуз, Сук мин ал-ахваз, Газвин, Мах ал-Куфа, Гум, Хамадан, Хаусем, ал-Мухаммедийа, Динавер, Мах ал-Басра, Тустер мин ал-ахваз – 227 шт.;

Саманиды: 287–374 = 900–985; аш-Шаш, Самарганд, Астрабад, Ферван, Бухара, Мааден, Балх, Амол, Нисабур, Рашт, Андерабе, 532 шт.;

Подражания Саманидам – 21 шт.

В результате были выявлены самая ранняя – 875 г. и самая поздняя монета клада – 374 г. х. = 984–985 [8, с. 71–72].

В прошлом столетии Евгений Пахомов (1880–1965) дал точное определение дирхему Саларидов этого клада (Ардабиль, 354 г. х.) и отметил, что он был отчеканен в правление Ибрахима бин ал-Марзубана и его везиря Саида бин Абдаллаха [9, с. 58].

Киевский клад 1912 года. В селении Денис Переяславского района Киевской области был найден клад серебряных монет. По чеканке 671 дирхемов были распределены в нижеследующем порядке:

Омайяды: 1 фрагмент;

Аббасиды: 190–330 = 805–941 – ал-Басра, ал-Куфа, ал-Мухаммедийа, Мединат ас-Салам (6 целых и 2 фрагмента);

Эмиры ал-умара: Беджкем, ад-Мосул, 329 = 940–941;

Саманиды: 288–393 = 900–1004 – Амол, Андерабе, Бухара, Балх, Рашт, Самарканд, С...а, аш-Шаш, Нисабур (171 цел. и 208 обл.);

Подражания Саманидам: 5 цел. и 1 обл.

Симджуриды: Нисабур 377–385 = 987–996 (16 цел. и 1 обл.);

Абу-давидиды: Эндэрабе, 295 = 907–908 и 297 = 909–910;

Эмиры Андерабе: 360 = 970–971 и 365 = 975–976 (1 цел. и 1 обл.);

Илеки Туркестана: Тараз, 394 = 1103–1104 (1 цел. и 3 обл.);

Бувейхиды: 333–384 = 944–995 (119 цел. и 43 обл.);

Зийариды: 358–366 = 968–977 (49 цел. и 25 обл.);

Хамданиды: 334–347 = 945–959 (3 цел.);

Мерваниды: 399 = 1008–1009 (1 цел. и 3 обл.);

Салариды: Вахсудан бин Мухаммед, Ардабиль, 355 = 965–966 (1 цел.);

Бавендиды: 356–369 = 966–980 (4 цел. и 1 обл.);

Окайлиды: ал-Мосул, 391 = 1000–1001 (1 цел.);

Джуландиды: Хузу, 338–339 = 949–951 (2 обл.).

Ранний 750 = 1349–1350, самый поздний 399 = 1008–1009 [8, с. 72–73].

О морской и сухопутной торговле VII–X веков. Павел Степанович Савельев (1814–1859), ссылаясь на средневековые источники и клады монет, подробно описал прикаспийскую торговлю исследуемого нами периода. Ученый отмечает, что с половины VII до половины VIII в., то есть с первого появления аравитян в прикаспийских странах до прекращения династии Омейядов, на восточной стороне кавказского перешейка происходила кровопролитная борьба с хазарами за владычество над этим краем. В результате арабы овладели западными берегами Хазарского моря (так называли они Каспий). Древнейшие арабские монеты конца VII в., небольшое число экземпляров которых найдено в России и Швеции, как и дирхемы VIII столетия, весьма вероятно, обращались в России, часть этих денег могла быть отбита хазарами у арабов в Закавказье и принесена ими на Волгу как военная добыча.

В IX и X столетиях, когда приволжская торговля пришла в цветущее состояние, жители каспийских городов использовали преимущественно корабли для перевозки своих товаров на Волгу и сношений между Абискуном, Амолем, Баку, Дербендом и другими приморскими городами [14, с. LI]. Халифом Ватек биллахом Селим ал-Тарджуман был выслан для отыскания «стены Гога и Магога», то есть знаменитой Великой Китайской стены. Он отправился через Армению, Кавказ и Хазарию, более двух месяцев скитался по киргизским степям и проник в нынешнюю Сибирь.

Сухопутная дорога по другой стороне Каспия ведет к Волге, с берегов Джейхуна или Амударьи, мимо Хорезмского озера (Аральского моря), через Усть-Урть и нынешнюю Киргизскую степь. С первых годов VIII в. (с 705 и 708 г.) величайшие города Средней Азии, в том числе Бухара и Самарканд, принадлежали также арабам, которые могли отправлять купеческие караваны и этим путем.

Монеты Месопотамии и Мавереннехра, найденные в России, свидетельствуют о том, что караваны аравитян в VIII в. проходили из Закавказья и Средней Азии на Волгу.

Император франков Карл и халиф Харун ар-Рашид способствовали распространению государственности, поощряли литературу, окружали себя учеными людьми, оба дали сильное движение торговой и промышленной деятельности народов. Купцы отваживались на самые опасные путешествия для открытия новых рынков своей торговли [14, с. LIII].

Ослабление политического могущества халифов, обнаружившееся с самого начала X в. стремлением к независимости их наместников и губернаторов, не имело заметного влияния на эту торговлю. С середины X столетия эмиры властвовали над халифами в самом Багдаде, Хамданиды, потом Мерваниды отложились в Сирии и Месопотамии, Дейлемиты на южном берегу Каспийского моря, династии Тагеридов, Саффаринов, Буидов возникли в разных частях Персии, Саманиды в Мавераннахре. Правители областей и начальники армии провозглашали себя независимыми и основывали новые царственные дома, они торговали с приволжским краем и вносили в Россию повторно чеканенные монеты новых династий [14, с. LIII].

В начале X в. купцы-арабы, бывшие на Волге, оставили записки о любопытных для них стран и народах Севера и их торговле. Самыми значимыми являются сообщения Ибн Фадлана, Якута, Масуди, Истахри, Ибн Хаукаля (который был в Булгаре и Итиле в 970 г.) [14, с. LIII].

В сообщениях средневековых авторов отражены торговля города Семендер (в котором находились мечети для мусульман, христианские церкви и синагоги, на базары стекалось много народа, жители которого чеканили серебряные монеты с персидскими, турец-

кими и даже русскими штемпелями), через караванные и морские пути которого переносили товары к устьям Волги или Итиля (около нынешней Астрахани, на восточном берегу жили купцы, которые летом ожидали караваны и корабли). Самим итильцам грубые ткани и одежду привозили из южно-каспийских областей, Джорджана, Таберистана и Азербиджана (Азербайджана), из Константинополя получали материи для знатных.

Кроме сухопутного пути из Закавказья через Семендер, а также морского пути из разных городов западного и южного берега Каспия в Итиль приходили караваны из Мавереннехра и Хорезма (огромная масса монет которых найдена на территории названных стран) [14, с. LXIV].

Четвертый торговый путь был по Волге, из земли буртасов и Булгара, а пятым путем черноморские руссы привозили свои и византийские товары в Итиль. К северу от хазарских владений, не доходя до Булгара, арабы знали народы буртасов. Буртасская земля занимала губернии Саратовскую и часть Симбирской и Казанской по Волге, а далее на западе Пензенскую и часть Тамбовской, по рекам Сур и Мокш до Оки [14, с. LXV].

Арабские писатели (Ибн Фадлан, Ибн Хаукаль, Истахри, Масуди) сообщали об экспорте из Булгара (этот город был северным пунктом торговли Халифата, здесь были найдены монеты IX–X вв.) и Руси соболиных, бобровых, куньих, беличьих и выдровых мехов. Их вывозили в Дербенд, Бардаа, в Хорасан, даже в страны Франков и Испанию. А из Испании эти меха вывозили в Западную Африку [14, с. LXXVIII]. Также существовали торговые связи Булгара (который славился ярмаркой) через Киргизскую степь.

В труде Павла Савельева отмечена информация о древнейшем городе Азербайджана – Бардаа, который был, согласно ас-Самани, восстановлен арабами в 704 г., в 944 г. город razoren руссами (заметки Абулфида и Абулфараджа [14, с. LXXIX]. Строительство средневекового Бардаа, согласно преданию, было осуществлено при царице Мегембану и племяннице Ширин, а возобновление стен Бардаа – при гянджинском Али Наги хане, жившем в начале XVIII века. О средневековом Бардаа в источниках отмечается, что «город

был обширным, стены каменные и кирпичные, развалины имели 14 верст окружности. Кюмбаза – надгробный памятник (с куфическими надписями), сооруженный над прахом какого-то имамзаде (потомка праведника), цитадель стены была построена из кирпичей и зеленых изразцов» [14, с. LXXX].

О морской торговле X в. сообщается: «Плавание по Каспию в осенние месяцы затруднялось из-за господствующих северо-западных и северо-восточных ветров, течения моря от севера на юг, частые буруны, затрудняющие плавание по Каспию, предоставляли большие препятствия и много неудобств арабским и персидским купцам. А весной, с уничтожением льда в северной части моря и с усилением там теплоты, начинали дуть юго-восточные ветры, что создавало удобства для отправления кораблей с южных или хорезмийских берегов к Волге, а в середине лета ветра бывали переменчивыми» [14, с. XCV].

В октябре с нижегородской ярмарки возвращались хивинские и бухарские караваны, но караваны из Баб ал-абваба (Дербенда) в Итиль отправлялись в весеннее время года. Это было самым удобным временем для судоходства по Каспию.

Средневековые авторы (в частности, Ибн Фадлан) указывают, что апрель и май месяцы были самыми благоприятными для путешествий на Волгу (в также в Булгар), как морем, так и степью с берегов Каспия, а также из Хорезма и Бухары.

Путешественница, делавшая этнографические заметки, Александра Фукс при посещении ярмарки в Казанской губернии XIX в. отметила: «Я с любопытством рассматривала (на базаре) их головной убор, который у женщин называется кашпа, а у девок – другой формы – туфья: они все унижены «оловянными, в виде монеты, кругленькими штучками; но на богатых кашпы и туфьи украшены настоящими монетами, между которыми очень много старинных» [14, с. CI].

Результаты. Письменные источники, отражающие информацию об истории Саларидов, подтверждаются самыми точными фактами – кладами, в составе которых дошли чаще всего единичные монеты, ныне хранящиеся в личных и музейных коллекциях, ознакомиться с ними можно на веб-ресурсах.

Как и другие средневековые правители Салариды пользовались правами – «фирман», «хутба» и «сикка» (право чеканки монет). Судя по монетам, правители этой династии управляли по принципу «наследственной власти».

Монеты Саларидов (золотые динары, серебряные дирхемы и медные фельсы), имеющие исключительно надписи (основные догмы ислама, аяты из Корана, год чеканки по мусульманскому исчислению, имена и титуловы правителей), ясно характеризуют регалии и веру представителей этой династии.

Основываясь на монеты Саларидов, с уверенностью можно сказать, что ранний чекан начался с 333 г. х. (944–945), а последние выпуски были отчеканены в 365 г. х. (975–976 – согласно монете вышеперечисленного Виленского клада).

Итак, на современном этапе благодаря труду нумизматов подтверждено тридцатилетнее существование династии, выяснены основные военно-политические города – монетные дворы периода. Именно данные факты создают представление также о территории исторического Азербайджана второй половины X в. и торговых связях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев Р. М., Зеленева Ю. А. Мусульманские монеты как товар и средство платежа Волго-Уралья в VIII – нач. XI вв. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 137–151.
2. Валиханлы Н. М. Азербайджан в VII – XII вв.: история, источники, анализ. Баку: [б. и.], 2016. 480 с.
3. Гомзин А. А. Дирхамы Ка'усидов Табаристана в Поочье // Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С. 45–50.
4. Маммадова А. М. Монетная чеканка и денежное обращение Азербайджана в период Арабского Халифата (VIII – IX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 2013. 26 с.
5. Моисеенко Н. С. Пополнение числа кладов с древнерусскими монетами X–XI веков // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.», Санкт-Петербург, Старая Ладога 18–20 апреля 2014 года: материалы докл. и общ. СПб.: Знак, 2014. С. 84–95.
6. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку: АзФАН, 1940. 42 с.

7. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I. Баку: О-во обслед. и изучен. Азербайджана, 1926. 68 с.

8. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II. Баку: АзФАН, 1938. 101 с.

9. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку: АзФАН, 1959. 80 с.

10. Раджабли А. М. Древние и средневековые монеты Азербайджана. Памятники материальной культуры Азербайджана (буклет № 8) / под ред. П. Азизбековой. Баку: [б. и.], 1976. 40 с.

11. Раджабли А. М. Нумизматика Азербайджана. Баку: Элм ва хаят, 1997. 232 с.

12. Раджабли А. М. Монеты Азербайджана (на азерб. и рус. яз.). Книга-альбом. Баку: Халгбанк, 2012. 358 с.

13. Раджабли А. М. Монета и государственность (на азерб. и рус. яз.). Баку: Afpoliqraf, 2017. 182 с.

14. Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. 182 с.

15. 1 Dirham – Jastan b. al-Marzuban Ardabil, Iran // Numista, a Unique Platform to Learn, Collect, Swap and Share About Numismatics. URL: <https://en.numista.com/catalogue/pieces385926.html>

16. 1 Dirham – Rustam b. Jastan, al-Maragha, Iran // Numista, a Unique Platform to Learn, Collect, Swap and Share About Numismatics. URL: <https://en.numista.com/catalogue/pieces385931.html>

17. Sallarid, al-Marzuban b. Muhammad, Dirham, Urmia 333h. URL: <https://www.invaluable.com/auction-lot/sallarid-al-marzuban-b-muhammad-c-330-346h-dirham-88-c-5604b7ab00>

18. Sallarid. Adarbayjan, 341AH. al-Marzuban b. Muhammad. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=122789>

19. Vardanyan A. The Sallarid Coinage of Armenia and Adharbayjan in X AD // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2007. No. 191. P. 8–19. URL: https://www.academia.edu/1498299The_Sallarid_coinage_of_Armenia_and_Adharbayjan_in_X_AD

REFERENCES

1. Valeev R.M., Zeleneva Yu.A. Musulmanskiye monety kak tovar i sredstvo platezha Volgo-Uralya v VIII – nach. XI vv. [Muslim Coins as a Commodity and Means of Payment in International and Internal Trade in Volga-Ural Region in 8th – Beginning of 11th cc.]. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2021, no. 4 (38), pp. 137-151.

2. Valikhanli N.M. *Azerbaydzhana v VII–XII vv.: istoriya, istochniki, analiz* [Azerbaijan in the 7th – 12th Centuries: History, Sources and Comments]. Baku, s.n., 2016. 480 p.
3. Gomzin A.A. Dirkhamy Ka'usidov Tabaristana v Poochye [Dirhams of Tabaristan Kausids in the Oka Region]. *Arkheologiya yevraziyskikh stepey. Numizmatika i epigrafika*, 2017, no. 6, pp. 45-50.
4. Mammadova A.M. *Monetnaya chekanka i denezhnoye obrashcheniye Azerbaydzhana v period Arabskogo Khalifata (VIII–IX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Coinage and Monetary Circulation of Azerbaijan During the Arab Caliphate (The 8th – 9th Centuries). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Baku, 2013. 26 p.
5. Moiseyenko N.S. Popolneniye chisla kladov s drevnerusskimi monetami X–XI vekov [Replenishment of the Number of Hoards with Ancient Russian Coins of the 10th – 11th Centuries]. *Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoy Yevrope v pamyatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.»*, Sankt-Peterburg, Staraya Ladoga 18–20 aprelya 2014 goda: materialy dokl. i soobshch. [International Numismatic Conference “The Viking Age in Eastern Europe in Numismatic Monuments of the 8th – 11th Centuries”, St. Petersburg, Staraya Ladoga, April 18–20, 2014. Proceedings of Reports and Communications]. Saint Petersburg, Znak Publ., 2014, pp. 84-95.
6. Pakhomov E.A. *Monetnyye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza. Vyp. III* [Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories, and Regions of the Caucasus. Iss. 3]. Baku, AzFAN, 1940. 42 p.
7. Pakhomov E.A. *Monetnyye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza. Vyp. I* [Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories, and Regions of the Caucasus. Iss. 1]. Baku, O-vo obsled. i izuchen. Azerbaydzhana, 1926. 68 p.
8. Pakhomov E.A. *Monetnyye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza. Vyp. II* [Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories, and Regions of the Caucasus. Iss. 2]. Baku, AzFAN, 1938. 101 p.
9. Pakhomov E.A. *Monetnyye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, krayev i oblastey Kavkaza. Vyp. VIII* [Coin Hoards of Azerbaijan and Other Republics, Territories, and Regions of the Caucasus. Iss. 8]. Baku, AzFAN, 1959. 80 p.
10. Rajabli A.M. *Drevniye i srednevekovyye monety Azerbaydzhana. Pamyatniki materialnoy kultury Azerbaydzhana (buklet № 8)* [Antique and Medieval Coins of Azerbaijan. Monuments of Azerbaijani Material Culture (Booklet No. 8)]. Baku, s.n., 1976. 40 p.
11. Rajabli A.M. *Numizmatika Azerbaydzhana* [Numismatics of Azerbaijan]. Baku, Elm va khayat Publ., 1997. 232 p.
12. Rajabli A.M. *Monety Azerbaydzhana (na azerbaydzhanskom i russkom yazykakh). Kniga-albom* [Coins of Azerbaijan (In Azeri and Russian). Book-Album]. Baku, Khalgbank, 2012. 358 p.
13. Rajabli A.M. *Chekanka monet i gosudarstvennost (na azerbaydzhanskom i russkom yazykakh)* [Coin and Statehood (In Azeri and Russian)]. Baku, Afpoligraf, 2017. 182 p.
14. Savelyev P.S. *Mukhammedanskaya numizmatika v otnoshenii k russkoy istorii* [Muhammadan Numismatics in Relation to Russian History]. Saint Petersburg, 1847. 182 p.
15. 1 Dirham – Jastan b. al-Marzuban Ardabil, Iran. *Numista, a Unique Platform to Learn, Collect, Swap and Share About Numismatics*. URL: <https://en.numista.com/catalogue/pieces385926.html>
16. 1 Dirham – Rustam b. Jastan, al-Maragha, Iran. *Numista, a Unique Platform to Learn, Collect, Swap and Share About Numismatics*. URL: <https://en.numista.com/catalogue/pieces385931.html>
17. *Sallarid, al-Marzuban b. Muhammad, Dirham, Urmiya 333h*. URL: <https://www.invaluable.com/auction-lot/sallarid-al-marzuban-b-muhammad-c-330-346h-dirham-88-c-5604b7ab00>
18. *Sallarid. Adarbayjan, 341AH. al-Marzuban b. Muhammad*. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=122789>
19. Vardanyan A. The Sallarid Coinage of Armenia and Adharbayjan in X AD. *Journal of the Oriental Numismatic Society*, 2007, no. 191, pp. 8-19. URL: https://www.academia.edu/1498299The_Sallarid_coinage_of_Armenia_and_Adharbayjan_in_X_AD

Information About the Author

Aygun Musa gizi Mammadova, PhD (History), Senior Researcher, Fund of Numismatics, National Museum of History of Azerbaijan, Taghiyeva Haji Zeynalabdina St, 4, 1005 Baku, Azerbaijan, aygun_kons@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0274-5191>

Информация об авторе

Айгюн Муса кызы Маммадова, PhD (история), старший научный сотрудник, Фонд нумизматики, Национальный музей истории Азербайджана, ул. Гаджи Зейналабдина Тагиева, 4, 1005 г. Баку, Азербайджан, aygun_kons@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0274-5191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.5>

UDC 737.1
LBC 63.221

Submitted: 17.11.2023
Accepted: 01.07.2024

HISTORY OF COIN MINTING IN YEREVAN

Teymur A. ogly Kuliyeв

Institute of Archeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Azerbaijan

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to study the coinage in Yerevan, which is one of the ancient cities of the Caucasus, located on the most important trade routes. The study of the history of the Yerevan Mint is important for the study of topical socio-economic and political issues of the history of the Caucasus. **Methods and materials.** Based on the comparative method, the article examines the coinage in Erivan using written and numismatic sources. Along with the descriptions of coins given by R.S. Pul, A.K. Markov, R. Fasmer, E.A. Pakhomov, M.A. Seyfeddini, A.M. Rajabli, E.A. Sinitsyna, and A.V. Hakobyan, information taken from medieval written historical sources containing important data on Yerevan, such as the works of Arakel Davrizhetsi, Zakaria Akulisi, Kirakos Gandzaketsi, Parsadan Gorgijanizde, Evliya Chelyabi, and Iskender bek Munshi Turkman, is also used. **Analysis and results.** Having arisen during the period of weakening of the Hulaguid state, the Yerevan Mint began periodically minting coins under the Safavid dynasty and under subsequent rulers from the Afsharid dynasty, Zand dynasty, and Qajar dynasty. Tanka was fought in Yerevan until the mid-90s of the 16th century. The catalogs describe the tankas minted at the Yerevan Mint on behalf of Tahmasp I and Ismail II. As a result of the monetary reform of Abbas the Great in 1595, abbasi weighing 7.8 grams began to be minted at the Yerevan mint. The location of the Erivan Khanate on favorable trade routes contributed to the activation of the mint of the Erivan Khanate. The coins found in the Caucasian coin hoards, minted at the Yerevan mint, testify to the developed trade relations of Yerevan with the countries of the East. Until 1828, the monetary circulation and coinage of the Erivan/Yerevan Khanate were integral parts of the currency and coinage of Qajar Iran.

Key words: Erivan Khanate, coinage, Ilkhan dynasty, Safavid dynasty, Ottoman dynasty, Afsharid dynasty, Zand dynasty, Qajar dynasty.

Citation. Kuliyeв T.A. ogly. History of Coin Minting in Yerevan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 77-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.5>

УДК 737.1
ББК 63.221

Дата поступления статьи: 17.11.2023
Дата принятия статьи: 01.07.2024

ИСТОРИЯ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В ЕРЕВАНЕ

Теймур Адалят оглы Кулиев

Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Введение. Целью статьи является изучение монетного дела в Ереване, одном из древних городов Кавказа, располагавшемся на важнейших торговых путях. Изучение истории монетного двора Еревана важно для исследования актуальных социально-экономических и политических вопросов истории Кавказа. **Методы и материалы.** Основываясь на сравнительном методе в статье рассмотрено монетное дело в Ереване с использованием письменных и нумизматических источников. Наряду с описаниями монет, приводимых Р.С. Пулем, А.К. Марковым, Р. Фасмером, Е.А. Пахомовым, М.А. Сейфеддини, А.М. Раджабли, Е.А. Синициной и А.В. Акопяном, используются также сведения, почерпнутые из средневековых письменных исторических источников, содержащих важные сведения по истории Еревана, таких как сочинения Аракела Даврижеци, Закария Акулисского, Киракоса Гандзакеци, Парсадана Горгиджанизде, Эвлия Челяби и Искендера бека Мунши Туркмана. **Анализ и результаты.** Возникнув в период ослабления государства Хулагуидов,

монетный двор Еревана начал периодически чеканить монеты при Сефевидях и при последующих правителях из династий Афшаридов, Зендидов и Каджаров. До середины 90-х гг. XVI в. в Ереване бились тенге. В каталогах приводятся описание тенге, чеканившихся на Ереванском монетном дворе от имени Тахмаспа I и Исмаила II. В результате денежной реформы Аббаса I в 1595 г. на монетном дворе Еревана начались чеканиться аббаси, весившие 7,8 г. Расположение Ереванского ханства на выгодных торговых путях способствовало активизации монетного двора Ереванского ханства. Обнаруженные в составе монетных кладов Кавказа монеты, чеканенные на монетном дворе Еревана, свидетельствуют о развитых торговых связях Еревана со странами Востока. История монетного двора Еревана связана с возникновением и существованием мусульманских феодальных государств. Вплоть до 1828 г. денежное обращение и монетное дело Эриванского / Ереванского ханства являлось составной частью денежного обращения и монетного дела Каджарского Ирана.

Ключевые слова: Ереванское ханство, монетное дело, Ильханы, Сефевиды, Османы, Афшариды, Зендиды, Каджары.

Цитирование. Кулиев Т. А. оглы. История монетной чеканки в Ереване // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 77–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.5>

Введение. Обнаруженные на территории Еревана и в его окрестностях римские монеты Феодосия I, Гонория и Валентиниана III (№ 51)¹, монеты Александра Македонского (№ 1530, 1531), боспорские статеры Рискуприда III (№ 1363), селевкидские тетрадрахмы (№ 1534), драхмы Фраата III и Орода I (№ 1542, 1545), сасанидские драхмы (№ 1559, 1565), византийские серебряные и медные монеты (№ 1093, 1576, 1598) свидетельствуют о существовании на территории нынешнего Еревана поселения с античных времен, о наличии товарно-денежных отношений на данной территории. Однако в данной статье речь пойдет о монетах, чеканенных преимущественно на монетном дворе Ереванского ханства.

Анализ. Располагающийся на берегу реки Арпачай-Раздан Ереван является одним из древних городов Кавказа. Согласно данным Г.А. Меликишвили, эта территория, именовавшаяся в урартских надписях Этиуни, была заселена албанскими племенами [23, с. 2–3]. Турецкий путешественник Эвлия Челяби связывал образование города с именем одного из приближенных эмира Тимура или сефевидским шахом Исмаилом [38, с. 150]. В.В. Бартольд, основываясь на труде турецкого путешественника Эвлия Челяби, считал, что Ереван возник в качестве селения при Тимуре, а городом сделался только в XVI в. при сефевидском шахе Исмаиле и тогда же получил свое нынешнее название [10, с. 212–213]. Однако нумизматические источники свидетельствуют, что уже при Хулагуидах в Ереване возник монетный двор. Так, в выпусках «Мо-

нетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа» Е.А. Пахомовым приводятся монеты, чеканенные от имени Хулагуидов Аргуна и Ануширвана в Ереване (см. рис. 1), что позволяет нам отодвинуть возникновение города Ереван и его монетного двора к более раннему времени. По данным Т.Х. Акопяна, впервые Ереван упоминается в VII в. в связи с Двинским церковным собором, созванным армянским католиком Абраамом против халкедонства, а также в сочинении средневекового армянского историка Себеоса «История императора Иракла» [6, с. 20]. В «Истории императора Иракла», составленной епископом Себеосом, действительно приводятся сведения о сражении около крепости вблизи Еревана [16, с. 99]. Но Т.Х. Акопян признает, что среди армянских филологов и историков имеются расхождения во мнениях относительно того, какой населенный пункт имели ввиду армянские летописцы, описывая данное событие [6, с. 20]. Так, А.Н. Тер-Гевондян сражение в 650 г., описанное Себеосом, относит к крепости Ереван, которая располагалась в Васпуракане [35, с. 34]. В «Картлис Цвахреба» неоднократно упоминаются Ани / Аниси [19, с. 214–215] и Двин / Довин [19, с. 215, 245], а Ереван впервые отмечен в «Истории Грузии» Парсадана Горгиджанидзе [12] в связи с событиями первой половины XVI в., когда Ереван уже был городом, обнесенным крепостной стеной. А.В. Акопян и А.Р. Варданян приводят сведения историка XV в. Товма Мецопеци (1378–1446 гг.), современника событий, связан-

ных с тимуридским периодом истории Армении, который называл Ереван городом сельского типа [2, с. 554]. Отсюда мы можем сделать вывод, что, по-видимому, в VII–XII вв. Ереван был небольшим сельским населенным пунктом. Это подтверждается Т.Х. Акопяном, который отмечает, что основным занятием населения Еревана в VII–IX вв., как и в прежние времена, было садоводство [6, с. 21].

Впервые нумизматические источники фиксируют название Эривани / Еревана в период ослабления государства Хулагуидов. Постоянная междоусобная борьба за власть между наследниками Хулагу, нашествия Музаффаридов Фарса, Джучидов Кыпчака, Тимуридов Средней Азии сопровождалась снижением веса дирхема Газан-хана Махмуда. Изнурительные войны вели к разорению городов и сел, к уничтожению производительных сил. Пришло в расстройство монетное дело [32, с. 12–13]. Хотя количество монетных дворов оставалось прежним, вес дирхема продолжал падать. К последней четверти XIV в. он дошел до 1 г [27, с. 90]. Эти оккупационные дирхемы, битые различными завоевателями на монетных дворах, которые неоднократно переходили из рук в руки, являются ценным источником для исследования политической и социально-экономической истории рассматриваемого периода.

Как отмечает Е.А. Пахомов, до половины XIV в. и несколько позже власть ослабшего Хулагуидского государства, раздираемого борьбой внутренних сил, формально признавалась во всем Закавказье и монеты

до 756 г. х. (1355 г.) повсюду чеканились от имени ильхана Ануширвана [25, с. 46]. Территория Хулагуидского государства была разделена на части, которые управлялись местными феодалами. А.К. Марковым [22, с. 594], Е.А. Пахомовым (№ 154; 157, 1), М.А. Сейфеддини [31, с. 190] и А.В. Акопяном [1, с. 146–148] приводятся подробные описания монет, которые чеканились в Ереване при ильханах Сулеймане и Ануширване, в процессе их изготовления не соблюдались установленные в результате денежной реформы Газан-хана весовые нормы. Если на лицевой стороне данных монет указывалось имя ильхана и место чекана, то на оборотной стороне суннитский символ веры. М.А. Сейфеддини приводит сведение о дирхеме Еревана, выпущенной от имени ильхана Сулеймана, по данным М.А. Сейфеддини, монеты данного типа чеканились также в Баку, Базаре, Барде, Герми, Ал-Кире [32, с. 67].

А.В. Акопян утверждает, что ослабление центральной власти в государстве Хулагуидов стало причиной чеканки армянскими князьями (ишханами) монеты общехулагуидского типа в своих землях [1, с. 123]. Он перечисляет армянские княжества (Анийское княжество, княжество Прошянов, княжество Хачен, Сюникское княжество), которыми чеканились монеты ильханов Хулагуидов. В частности, монеты от имени ильханов Сулеймана и Ануширвана на монетном дворе Ереване, по мнению А.В. Акопяна, чеканились анийским князем Шахиншахом III Закарянном [1, с. 137]. Но чеканке хулагуидских монет пред-

Рис. 1. Двойной дирхам ильхана Ануширвана, чекан монетного двора Эривани / Еревана в 747 г. х.

Fig. 1. Double dirham of Ilkhan Anushirvan, coinage from the Erivan/Yerevan mint in 747 AH

Примечание. Источник: [42].

шествовал самостоятельный чекан феодальными государствами Азербайджана и Грузии. В феодальных государствах Азербайджана и Грузии, накануне монгольского вторжения, чеканились монеты с указанием имен местных государей (Ширваншахов, грузинских царей). А.М. Раджабли описывает монеты, которые чеканились в государстве Ширваншахов с IX в. до монгольского нашествия [30, с. 114]. Д.Г. Капанадзе приводит описание домонгольских монет, чеканенных в Грузии в XII–XIII вв. [18, с. 60]. После вторжения монголов в Грузию также продолжался чекан грузинских монет. Так, Д.Г. Капанадзе отмечал наличие чекана двух видов монет: монет собственно грузинских, сообщающих имена грузинских царей, и монет, чеканившихся в Грузии, но с мусульманскими или монгольскими надписями и с именами иноземных владык – Чингисидов, а потом Хулагуидов [18, с. 74]. А.М. Раджабли указывает, что даже после образования государства Хулагуидов ширваншахи продолжали чекан собственных монет [30, с. 135]. Если после окончательного распада государства Хулагуидов в Грузинском царстве начался чекан национальных монет, выпуск которых, по данным Д.Г. Капанадзе [18, с. 98], продолжался до XVI в., то выпуска национальных армянских монет не было обнаружено. По данным А.М. Раджабли, в государстве Ширваншахов в период царствования ширваншаха Фаррух Йасара бин Халилуллаха Второго (1465–1500) возобновился суверенный чекан [28, с. 144]. В отношении перечисленных А.В. Акопяном княжеств можно привести мнение грузинских историков, согласно которому ни одно армянское княжество не было в Грузинском государстве XII–XIII вв. полностью независимым хотя бы во внутренних делах, в сочинениях армянских авторов того времени нигде не встречаются даже единичные указания на существование армянского суверенитета обособленно от грузинского царского двора, источники не содержат сведений о существовании каких-либо элементов, выражающих суверенитет «армянских княжеств», в том числе в период монгольского владычества.

Кроме отсутствия до монгольского нашествия на Кавказ монет на армянском языке, чеканенных армянскими феодалами, че-

кан хулагуидских монет армянским феодалами в условиях ослабления государства Хулагуидов невозможен был также из-за налоговой политики Монгольского государства, а затем государства Хулагуидов, которые налогами разоряли не только крестьян и ремесленников, но также феодалов. Киракос Гандзакеци сообщал о бедствиях, причиненных монгольскими феодалами «всем странам своими податями и грабежом, нескончаемыми требованиями пищи и питья» [11, с. 227], о владетелях областей (местных феодалах), «притесняемые и угнетенные, продавшие и заложившие города и области свои и так и не сумевшие насытить ненасытных, подобных злым пиявкам» [11, с. 234]. Как указывает С.Т. Еремян, крупная и мелкая армянская знать, вынужденная платить тяжелые налоги, постепенно лишалась своих владений. Это было как нельзя более на руку монгольским правителям, стремившимся ослабить армянские княжеские роды. Отобранные у армянских феодалов угоды ильханы дарили монгольским военачальникам и должностным лицам, предоставляя им право пожизненно пользоваться доходами с этих земель, которые постепенно превращались в наследственные владения, именуемые икта [17, с. 198–199]. Следует отметить, что сведения Киракоса Гандзакеци относятся к начальному периоду правления Хулагуидов, между тем в период правления последующих ильханов положение местных феодалов еще более ухудшалось. Как указывал А.А. Али-заде, когда кочевые феодалы-завоеватели укрепили свое положение в стране и больше не нуждались в помощи местных феодальных владетелей, то они при самом Хулагу-хане и особенно при его преемнике Абака-хане (1265–1282), да и в дальнейшем, вплоть до царствования Газан-хана (1295–1304), стремились еще больше ослабить оставшихся местных феодальных владетелей. С этой целью монгольская знать в одних случаях сразу, в других – постепенно лишала местных феодалов земель путем конфискации их, а иногда просто сгоняла с земель прежних владетелей [7, с. 146]. Л.О. Бабаян указывает, что составной частью политики монголов было сознательное ослабление экономической мощи местных феодалов, с конца XIII – начала XIV в. армянские феодальные

роды постепенно уступили свое место пришедшей кочевой монгольской знати, и уже в 60–70-х гг. XIV в. они фактически исчезли с исторической арены Армении [9, с. 129, 286]. М.К. Зулалян пишет о массовом уничтожении в XIII–XV вв. армянской феодальной знати [14, с. 3]. Естественно, что в подобных условиях невозможен был чекан армянским феодалами монет от имени ильханов Хулагуидов, а потому утверждение А.В. Акопяна о чеканке хулагуидских монет армянскими феодалами (Закарянами, Прошянами, Хасан-Джалаляном или Допянами, Орбелянами) не кажется убедительным.

После чекана монет от имени последних ильханидов в Ереване деятельность монетного двора в Ереване возобновилась при Сефевидах. В 1501 г. в битве в местности Шарур, где кызылбашский шах Исмаил I Сефевид одержал победу над Алвенд Мирзой, прекратилось существование государства Ак-Коюнлу и было основано государство Сефевидов со столицей в Тебризе, где в июле 1501 г. Исмаил I провозгласил себя шахом [26, с. 253]. Территориальным ядром азербайджанского Сефевидского государства являлось владение одного из суфийско-дервишского ордена «Сефевие» в Ардебиле. В состав государства Сефевидов, кроме Южного Кавказа и Персии, входили также Ирак, часть Афганистана и Средней Азии. Армения в период существования государства Сефевидов обозначалась термином «Чухур-Саад» и наряду с Азербайджаном входила в состав одного из беглярбегств Сефевидского государства, под названием Чухур-Саадское (или Ереванское) беглярбегство. О.А. Эфендиев приводит мнение В.Ф. Минорского, который считал «Чухур-Саад» географическим термином, впервые отмеченным источниками в сефевидский период и относящимся главным образом к области Еревана [39, с. 111]. При этом А.В. Акопян и А.Р. Варданян приводят свидетельства, что использование данного термина произошло гораздо раньше. Так, например, известны упоминания о Чухур-Сааде, датированные эпохой правления Искандара Кара-Коюнлу ал-Тихрани и в вагаршапатской купчей 1428 г. [2, с. 556]. В «Карлис Цвохреба», в «Истории и восхвалении венценосцев», в которой описываются события, происходившие в период цар-

ствования царя Георгия III и царицы Тамар, сообщается о проживании около озера Гелакун (Севан) туркмен [19, с. 260], что свидетельствовало о проживании на этой территории также тюрок. По данным Эвлия Челяби, крепостная стена, опоясывавшая Ереван, была сооружена по повелению шаха Исмаила везирем Реван-кулу-ханом за семь лет, давшем ему название Реван [38, с. 150].

Шах Исмаил I и его преемники не только осуществляли принадлежащее им после вступления на престол монетное право, – прерогативу независимого государя, но также использовали монету как средство для выражения идей шиизма, ставшего государственной идеологией государства Сефевидов [29, с. 46–47]. Именно на период существования Сефевидского государства приходится наиболее активный чекан монет Ереванским монетным двором. А.М. Раджабли среди монетных дворов государства Сефевидов упоминает также Иреван [29, с. 23]. А.В. Акопяном приводится описание недатированных золотых монет в мискал чеканки Еревана, чеканенных от имени шаха Тахмаспа Первого [4, с. 52], хотя А.В. Акопян отмечает редкость чеканки золотых монет в Ереванском беглярбекстве, тем не менее наличие чекана золотых монет в Ереванском беглярбекстве позволяет отнести территорию данного беглярбекства к шахскому домену (хасэ). Р. Фасмер указывает, что поскольку известно, что персидские серебряные монеты произошли от Тимуридских тенга, весьма вероятно, что влияние монетного дела Тимуридов могло временно распространиться и на золотые монеты, но, как показывают монеты, это влияние было недолгим: тилла, которая также была представлена Тимюридами в очень небольшом количестве, не смогла удержаться в Персии вместе с египетско-турецким ашрафи и была полностью вытеснена последним через короткое время [47, S. 147–148]. А.К. Марковым приводится описание тенег, битых в Ереване, от имени Тахмаспа Первого 957 г. х., тенег от имени шаха Мухаммеда Худабенде, аббаси от имени Аббаса Второго, аббаси и махмуди, битых от имени Сулеймана Первого 1083 и 1084 г. х., махмуди от имени Султан Хусейна в 1117 г. х., аббаси от имени Тахмаспа Второго в 1135 г. х. [22, с. 709–720]. В девяти вы-

пусках Е.А. Пахомова приводится описание монет преемниками Исмаила I, – Тахмаспом I, Исмаилом II, Аббасом I, Хусейном I, Сулейманом, Тахмаспом II, обнаруженных в кладах № 187, 194, 196, 203, 208, 502, 504, 508, 512, 518, 520, 521, 522, 884, 885, 893, 894, 895, 898, 900, 901, 906, 1194, 1200, 1203, 1206, 1207, 1646, 2015, 2019, которые были чеканены в 1557–1577 гг., 1712–1716 годах. М.А. Сейфеддини приводит описание ереванской монеты 956 г. х., но без указания названия монеты, чеканенной от имени шаха Тахмаспа Первого, которая была найдена в с. Борсунлу Тертерского района Азербайджанской ССР [33, с. 74].

Монетная система Сефевидского государства, равно как и система почти всех предшествующих, а также современных Сефевидам восточных государств, базировалась на серебряном монометаллизме и основной монетной единицей был принят крупный высокопробный номинал, – «шахи», весом в 2 мискаля (9,36 г) с номинальной стоимостью 50 медных динаров или 25 двойных динаров [29, с. 207]. Первоначально вплоть до середины 90-х гг. XVI в., денежное обращение Сефевидского государства основывалось на тенге, чеканившейся в том числе и в Ереване. Так, в Ереванском монетном дворе чеканились тенга от имени Тахмаспа I и Исмаила II (№ 884, 885, 1207, 1215, 1194). После денежной реформы Аббаса I в 1595 г. и вплоть до падения государства Сефевидов в XVIII в., денежное обращение государства Сефевидов базировалось на «аббаси», – аббасова монета, весившая 7,8 г. При шахе Аббасе I денеж-

ное обращение государства Сефевидов состояло из: аббаси (7,8 г), мухаммади (3,90 г), шахи (1,91 г), бисти (0,78 г), чеканившихся из серебра [28, с. 228]. Новая монета, названная в честь своего учредителя аббаси – «аббасова» монета (рис. 2), чеканилась также в Ереванском монетном дворе, – № 194, 196, 203, 238, 520, 894, 895, 898, 901, 1646, 2019, которые были чеканены в 1115 г., 1119 г., 1130–1135 годах.

На Ереванском монетном дворе чеканились не только аббаси, но также медные монеты-фулусы, встречавшиеся в кладах (№ 548, 550, 551, 562, 892, 1307, 1651, 1652, 1655, 1661, 2029, 2030, 2036) и использовавшиеся в мелкой розничной торговле. Их описания приведены Р.С. Пулем в каталоге монет шахов Персии в Британском музее, это медные анонимные монеты Эривани за 1084, 1120, 1160, 1176, 1180, 1187 гг. [45, р. 221–222]. А.В. Акопян указывает, что только к 980–990 гг. х. был повсеместно внедрен единый иранский мискаль в 4,61 г как весовая единица для расчета в производстве медных монет, им также приводятся сведения о медных монетах монетного двора Кахед, который он считает первым названием монетного двора, расположенного в Загеме [4, с. 69], хотя Т.С. Кутелия связывает чекан монет в Загеме от имени Сефевидов с Кахетинским царством [20, с. 21]. Следует отметить, что с момента утверждения власти династии Сефевидов в Грузии нам не известен чекан национальных грузинских монет, на что указывает также Д.Г. Капанадзе [18, с. 118].

Рис. 2. Аббаси шаха Аббаса Первого, чекан Эривани / Еревана 1030 г. х.

Fig. 2. Abbasi of Shah Abbas the Great, coinage from Erivan/Yerevan 1030 AH

Примечание. Источник: [43].

Отношения Сефевидов с западным соседом – Османской империей – несмотря на существовавшую между османами-суннитами и кызылбашами-шиитами вражду вначале, в период царствования султана Баязита, протекали нормально. Но после дворцового переворота, когда к власти пришел Селим I, отношения между Сефевидами и Османами крайне обострились, что вылилось впоследствии в неоднократные османо-сефевидские войны. В ходе этих войн в состав Османской империи отходил Ереван, о чем сообщают письменные источники [12, с. 40]. По данным Т.Х. Акопяна, в период первой османо-сефевидской войны Ереван в течении семи лет (1514–1521) находился под властью турок [6, с. 42]. И в последующих османо-сефевидских войнах Ереван переходил из рук в руки, о чем повествуют летописцы: Искендер бек Мюнши Туркман писал об укреплении Ереванской крепости османским военачальником во время военных действий [44, с. 576], а Аракел Даврижеци сообщал об осаде Еревана во время османо-сефевидских войн сефевидским шахом Аббасом I [8, с. 56].

Согласно условиям Стамбульского мирного договора 1590 г. к Османской империи отошли Азербайджан, Армения и Грузия, а также западные области Ирана (Нехавенд, Луристан, Шахризур). Как указывает Л.Х. Тер-Мкртичян, продолжавшийся более 80 лет (1639–1722) мир между Османской империей и Ираном значительно оживил хозяйственную жизнь Ереванского ханства, основанного в 1604 г. шахом Аббасом I, а Ереван стал узло-

вым пунктом торговых путей караванов, шедших из Турции в Иран через Тифлис, Гянджу, Шемаху, Гилян и Исфахан [36, с. 28]. Это нашло свое отражение в чеканке в Ереване османских монет, – онлыках и нисфбешлыках Ахмеда III, приводимых в выпусках Е.А. Пахомова (№ 521, 896, 906), чеканенных в 1703–1730 годах. В Национальном музее истории Азербайджана хранится онлык султана Ахмеда III, чеканенный в год коронации султана в 1115 г. х. / 1703 г., инвентарный номер № 1198 / 1590 (рис. 3).

Монет, чеканенных от имени Надира Афшара, в Ереване неизвестно. По данным А.В. Акопяна, эмиссионная активность в Ереване практически замерла в период между последними выпусками афшаридского типа (1164 г. х. / 1750–1751 г.) и началом каджарской чеканки (в 1213 г. х. / 1798–1799 г.) [5, с. 171]. Однако от царствования последнего шаха из династии Афшаридов Шахруха сохранились рупия 1161 г. х., аббаси 1163 и 1164 г. х. и махмуди 1164 г. х., чеканенные в Ереване [4, с. 158]. После смерти шаха Надира, в условиях ослабления государства Афшаридов, в завязавшейся между Керим-ханом Зендом и остальными феодальными правителями борьбе, Керим-хан сумел подчинить себе значительную часть Ирана, Азербайджан и Армению. А.К. Марковым [22, с. 739] и А.В. Акопяном [4, с. 159] приводятся описания аббаси, чеканенных в Ереванском монетном дворе при Керим-хане Зенде без сохранения года и в 1180 г. х. / 1766–1767 г. соответственно. К этому периоду относятся также анонимные аб-

Рис. 3. Онлык Ахмеда III Османита 1115 г. х., чеканенный в Ереване

Fig. 3. Onlyk of Ahmed III Osmanid 1115 AH, minted in Yerevan

Примечание. Источник: [40].

баси Зендов, чеканенные в 1185 г.х./1771 г. в Ереване (№ 1209). В создавшейся после убийства Надир-шаха обстановке произошло образование Ереванского ханства. Основателем ханства был Мехди хан Гасымлы Афшар [15, с. 51]. После смерти Керим-хана Зенда возобновились феодальные распри, так как он не сумел добиться централизации власти и страну начали раздирать междоусобные войны, сопровождавшиеся возникновением ряда независимых ханств (княжеств) на территории Южного Кавказа.

По мнению Е.А. Синициной, в конце XVIII – начале XIX в. номинал аббаси выходит из обращения, основной монетной системой становится номинал шахи и его производные, а в качестве платежного средства, как правило, используется номинал достоинством 3 шахи [34, с. 26]. В этот период происходило снижение веса номинала шахи от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ данга мискаля в зависимости от принадлежности выпуска тому или иному монетному двору [34, с. 27]. Но, согласно данным В. Хинца, среднее значение персидского мискаля начиная с XVI в. составляло 4,6 г [37, с. 16], а данг – $\frac{1}{6}$ дирхама, или $\frac{1}{6}$ динара-мискаля [37, с. 20]. Приводя в качестве примера монеты Тифлиса и Гянджи, Р. Фасмер отмечает, что тифлиссские абаси имеют номинальный вес 3,33 г, более крупные тифлиссские серебряные монеты весят 3 г. В Гяндже в 1172–1178 гг. х. / 1758–1765 гг. чеканились монеты достоинством 4,65 г, то есть обычные аббаси первого периода правления Керимхана. После этого чеканка монет прекращается и на их месте появляются монеты весом около 3,7 г [47,

S. 153–154]. Согласно данным Р. Фасмера, по монетной стопе 180 горошин = 500 динарам монеты чеканились во всех городах до 1182 г. х. / 1768 г. в соответствии с номиналом 192 горошин = 1 000 динаров в Ереване до 1206 года. Переход от одной монетной стопы к другой происходил не одновременно во всей Персидской империи, а в разных местах в разные годы [47, S. 158]. В данном случае горошина или нухуд (ноход), согласно данным В. Хинца, являлась персидской мерой веса, равной $\frac{1}{24}$ мискаля и составлявшей до 1935 г. 0,192 г [37, с. 33], которая, возможно, составляла вес одного счетного динара. Надо учесть, что монетное дело и денежное обращение ханств Кавказа и Грузии являлось составной частью монетного дела и денежного обращения Ирана, оно не было застывшим, постоянно развивалось, что выражалось в появлении новых денежных единиц. Признавая, что в XVIII – начале XIX в. аббаси и шахи оставались основным средством обращения не только в Азербайджане, но и в соседних странах – в Грузии и Иране [27, с. 162], А.М. Раджабли считает, что Ереванский монетный двор в период существования Ереванского ханства оставил только медные анонимные городские монеты-фулусы нескольких номиналов в 2,5, 10 и 14 г [28, с. 262], описание которых приводится А.К. Марковым [22, с. 764–765]. Но в период царствования шахов из династии Каджаров на Ереванском монетном дворе чеканили не только медные фулусы, но также золотые и серебряные риалы (рис. 4).

А.К. Марковым приводится описание риалов Эривани 1216 и 1219 г. х., туманов

Рис. 4. Риал шаха Фатх Али, чекан Эривани / Еревана, 1217 г. х.

Fig. 4. Rial of Shah Fath Ali, coinage from Erivan/Yerevan, 1217 AH

Примечание. Источник: [41].

1217 и 1218 г. х. и шахи 1224 г. х., битых от имени Фетх-Али шаха в Эривани [22, с. 750–755]. Самый последний туман Эривани, описанный А.К. Марковым, был чеканен от имени Фетх-Али шаха и относится к 1235 г. х., что при переводе на григорианский календарь соответствует 1819 г. [22, с. 756]. А.В. Акопяном и А.Р. Варданяном также приводятся описания золотых и серебряных монет, чеканенных в Ереванском монетном дворе с упоминанием имени шаха Фатх Али-шаха Каджара [2, с. 553–576, 562–574]. По данным А.В. Акопяна, монетная система Ереванского ханства в 1148–1216 гг. х. / 1748–1801 гг. состояла из: золотых монет – иранский туман, который являлся основной единицей; серебряных монет – рупия, аббаси, махмуди; медных монет – двойной пул; а также счетных единиц – туман, хазар динар, динар [4, с. 169–170]. Не только в Ереванском ханстве [4, с. 160], но также в Гянджинском ханстве и в Карабахском ханстве начиная с 1215 г. х. чеканились монеты с именем Фатх’Али шаха [4, с. 130, с. 146]. Таким образом, золотые и серебряные монеты с именем шаха бились также в Южнокавказских ханствах, что позволяет установить их положение в составе Каджарского Ирана.

К периоду правления Каджаров относится начало чеканки монет на Ереванском монетном дворе с названием «Чухур-и Са’ад», А.В. Акопян относит появление на монетах данного названия, обозначавшего край, к 1220 г. х. / 1805–1806 годам. На этом лакабе чеканились серебряные риалы и его фракции (1/2, 1/5, 1/8) и золотые туманы [4, с. 160]. Т.С. Кутелия считает, что независимыми нередко становились и правители подчиненных государственному дивану провинций, беглярбеги, которые имели собственный аппарат управления, организованный по образцу шахского двора, с собственными визирями и другими чиновниками [21, с. 28]. Возможно, беглярбеги имели собственных визирей, но при этом они не осуществляли чекан золотых или серебряных монет от своего имени, это была прерогатива шаха, что позволяет сделать вывод о правовом положении Ереванского и других ханств в составе Каджарского Ирана как провинций Ирана.

Наиболее важные сведения по истории организации монетного дела в Ереванском

ханстве периода правления Сефевидов можно найти в анонимном средневековом персидском письменном источнике «Тазкират ал-мулук» [46, р. 10]. Если учесть, что регулярный чекан монет на монетном дворе Еревана начался в период царствования династии Сефевидов, то сведения, приводимые в данном письменном источнике, можно отнести также к монетному двору Ереванского ханства. Так, применительно к организации монетного дела на монетном дворе Тифлиса Т.С. Кутелия указывает, что на основании сведений в «Тазкират ал-мулук» и «Даустураламали» можно определить процесс чеканки монет на монетном дворе Тифлиса [20, с. 32]. Согласно «Тазкират ал-мулук», при дворе шаха действовал монетный двор, состоящий из семи отделений, наряду с арсеналом и придворной ткацкой фабрикой, во главе которых стоял назир-убуютат, который был начальником всех мастерских шахского двора [46, р. 29]. Согласно сведениям Э. Кемпфера, приводимым А.М. Раджабли, работой монетного двора руководил главный монетарий «зарраб-баши», а его помощником являлся главный пробирер «муаййер-баши» [27, с. 180]. С монетных дворов взимался сеньораж-ваджиби за изготовление золотых и серебряных монет, который вначале с золота составлял 30 динаров за мискал, с серебра 2 динара, а впоследствии увеличился за золото 50 динаров за нуткал, а за серебро 5 динаров [46, р. 59], при этом динар использовался как счетная единица с момента денежной реформы шаха Аббаса Первого.

Ереванский монетный двор передавался на откуп, о чем сообщал Закарий Акулиский [13, с. 63]. Будучи феодальным способом финансирования правительства и сбора налогов, откуп был распространен не только в странах Европы, но также в странах мусульманской Азии. При откупе монетного двора разница между номинальной стоимостью монеты и металла, из которого изготавливали монету, представляла собой доход, поступавший в казну или являвшийся доходом откупщика. Согласно данным Советской исторической энциклопедии, в Иране откуп распространялся также на монетный двор [24, с. 688]. Наряду с доходом от разницы между стоимостью монеты и стоимостью металла при из-

готовлении новой монеты другим источником дохода была перчеканка привозной иностранной монеты на персидские монеты, о чем сообщает Закарий Акулиссский [13, с. 130], а также доход от периодической замены медных анонимных городских монет. А.В. Акопян выделяет 15 типов медных монет Ереванского ханства, выпущенных с 1747 г. [5, с. 165], кратных иранскому мискалю в 4,61 г [4, с. 168], и если до прихода к власти Сефевидов на медных монетах указывались имя шаха, то впоследствии их заменили место и год чекана с изображением зооморфного, растительного или мифологического сюжета [3, с. 110–111]. Согласно сведениям Т.С. Кутелия, в Ереване медный монетный тип регулярно менялся в 1119, 1120 и 1121, 1134, 1135, 1136 и 1143, 1144 г. х. [21, с. 30], что с запретом обращения старых медных монет становилось источником дохода владельца монетного двора.

Результаты. Таким образом, возникнув в период существования государства Хулагуидов, монетный двор Еревана действовал с перерывами в период существования государств Сефевидов и Каджаров, а также в качестве монетного двора Ереванского (Эриванского) ханства. При этом выпуск монет на Ереванском монетном дворе соответствовал общеиранским монетным стандартам. Судя по девяти выпускам «Монетных кладов...» Е.А. Пахомова, являющихся одним из важнейших источников по истории Кавказа, наибольшую активность монетный двор Еревана проявлял в период существования государства Сефевидов, о чем свидетельствуют большое количество кладов с сефевидскими монетами с чеканом Еревана. За весь период существования монетного двора Еревана на нем не были чеканены монеты на армянском языке от имени армянских феодальных правителей, за исключением малоазиатского монетного двора Сис, чеканившего монеты от имени армянских феодальных государей Киликийского армянского царства. Данный вывод относится не только к монетному двору Еревана, но также монетным дворам Ани, Двина (Дабиля), которые были крупнейшими армянскими городами, центрами ремесел и торговли, резиденциями крупных армянских феодалов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее нумерация по девяти выпускам Е.А. Пахомова «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян А. В. Ильханы и ишханы. Монеты армянских княжеств периода заката Хулагуидского государства (737–759 гг. х. / 1336–1358 гг.) // Нумизматика и эпиграфика. Выпуск XIX / ГМИИ им. А.С. Пушкина; Институт археологии РАН. М.: Памятники ист. мысли, 2015. С. 122–160.
2. Акопян А. В., Варданян А. Р. Наследие Кара-Коюнлу в Армении. Топоним Чухур-Саад и его нумизматическое отражение в XIX в. // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней): сб. ст. / отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 553–576.
3. Акопян А. В. О классификации медных иранских монет XVI–XIX вв. // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2016 года. М.: [б.и.], 2016. С. 109–113.
4. Акопян А. В. Монеты и клады Гянджинского, Шушинского, Ереванского и Нахичеванского ханств (1747–1828 гг.). Источниковедческий анализ: дис. ... канд. ист. наук. В 2 т. Казань, 2019. 355 с.
5. Акопян А. В. Монетное дело и денежное обращение Ереванского и Нахичеванского ханств (1747–1828 гг.) // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: материалы конгресса / отв. ред. Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева Кая. Т. 1. СПб.: Студия «НП-Принт», 2021. С. 171–172.
6. Акопян Т. Х. Очерк истории Еревана. Ереван: Ерев. гос. ун-т, 1977. 490 с.
7. Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку: Кавказ, 2012. 460 с.
8. Аракел Даврижеци. Книга историй / пер. с арм. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1973. 623 с.
9. Бабаян Л. О. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1969. 336 с.
10. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана // Сочинения. В 9 т. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 31–225.
11. Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. с древнеармян. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.

12. Горгиджанидзе П. История Грузии / пер. с грузин. Р.К. Кикнадзе и В.С. Путиридзе. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 183 с.
13. Дневник Закария Акулисского (пер. с арм.). Ереван: Армянский филиал АН СССР, 1939. 159 с.
14. Зулалян М. К. Армения в первой половине XVI в. М.: Наука, 1971. 125 с.
15. Иреванское ханство / отв. ред. Г. Наджафли. Баку: Ин-т истории им. А.А. Бакиханова, 2010. 620 с.
16. История епископа Себеоса / пер. с армян. С. Малхасянц. Ереван: Армян. Филиал АН СССР, 1939. 184 с.
17. История армянского народа. В 2 т. Т.1. Ереван: Айпетрат, 1951. 290 с.
18. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М.: Академия Наук СССР, 1955. 186 с.
19. Картлис Цховреба (История Грузии): пер. с груз. / под ред. Р. Метревели. Тбилиси: АРТАНУДЖИ, 2008. 455 с.
20. Кутелия Т. С. Грузия и сефевидский Иран (по данным нумизматики). Тбилиси: Мецниереба, 1979. 120 с.
21. Кутелия Т. С. Каталог иранских медных монет (по фондам Государственного музея Грузии). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 546 с.
22. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
23. Меликишвили Г. А. Население северных областей Наири-Урарту и его роль в древневосточной истории. XXV Международный конгресс востоковедов: докл. делегации СССР. М.: Вост. лит., 1960. 18 с.
24. Откуп // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 10. М.: Сов. энцикл., 1967. 1038 с.
25. Пахомов Е. А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с первой половины XIV – до начала XV в. по монетным данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. 66. М.: АН СССР, 1956. С. 46–49.
26. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Ленинград: Ленингр. ун-т, 1958. 390 с.
27. Раджабли А. М. Нумизматика Азербайджана. Баку: Элм ве Хаят, 1997. 232 с.
28. Раджабли А. М. Монеты Азербайджана. Баку: Халг Банк, 2012. 358 с.
29. Раджабли А. М. Монетное дело Азербайджанского государства Сефевидов. Баку: Зия, 2014. 232 с.
30. Раджабли А. Монетная чеканка в государстве Ширваншахов (VIII–XVI вв.). Баку: Elm və həyat, 2015. 240 с.
31. Сейфеддини М. А. Монеты ильханов XIV века. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1968. 218 с.
32. Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Книга II. Баку: Элм, 1981. 243 с.
33. Сейфеддини М. А. Средневековые монетные клады Азербайджана (1968–1983 гг.). Баку: Элм, 1994. 194 с.
34. Сеницина Е. А. Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербендского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1992. 214 с.
35. Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский Халифат. Ереван: АН Армянской ССР, 1977. 319 с.
36. Тер-Мкртчян Л. Х. Армения под властью Надир-шаха. М.: Вост. лит., 1963. 83 с.
37. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему / пер. с нем. Ю. Э. Брегеля // Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. 147 с.
38. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. 376 с.
39. Эфендиев О. А. Территория и границы Азербайджанских государств в XV–XVI вв. // Историческая география Азербайджана / глав. ред. З. М. Буниатов. Баку: Элм, 1987. 148 с.
40. #134811: Ottoman AR 10 para, Ahmed III, Revan (=Iraivan) 1115 AH // Zeno.ru – Oriental Coins Database. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=134811&cat=18171&ppuser=&sortby=d&way=desc>
41. #207697: Fath 'Ali Shah, 1797-1834, AR riyal, Iraivan, AH1217 // Zeno.ru – Oriental Coins Database. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=207697&cat=8748&ppuser=&sortby=d&way=desc>
42. #2837: Irawan 747AH, Ilkhans 2 dirhams, Anushiravan // Zeno.ru – Oriental Coins Database. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=2837&cat=23781&ppuser=&sortby=d&way=desc>
43. #304496: Safavid, Shah 'Abbas I, AR abbasi, type D2, Iraivan 1030 AH // Zeno.ru – Oriental Coins Database. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=304496&cat=2661&ppuser=&sortby=d&way=desc>
44. İskəndər bəy Münşi Türkman. Tarix-i aləmarayi Abbasi (Abbasın dünyanı bəzəyən tarixi). Искендер бек Мюнши Туркман. История украшающего мир шаха Аббаса. В 2 т. Т. 1 / пер. с перс. на азерб. яз. О. Эфендиев. Баки: Təhsil, 2009. 790 с.

45. Pool R. St. Catalogue of Coins of the Shahs of Persia in the British Museum. London: Printed by order of the TRUSTEES, 1887. 472 p.

46. Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administration by V. Minorsky. London: W. HEFFER & SONS LTD, 1943. 356 p.

47. Vasmer R. Zur Münzkunde der persischen Schahs // *Islamica*, Leipzig. 1933. Band VI, Heft 2. S. 137–179.

REFERENCES

1. Akopjan A.V. Ilhany i ishhany. Monety armjanskikh knjazhestv perioda zakata Hulaguidskogo gosudarstva (737–759 gg. h. / 1336–1358 gg.) [Il Khans and Ishkhans. Coins of the Armenian Principalities During the Decline of the Ilkhanate (737–759 AH/1336–1358)]. *Numizmatika i epigrafika. Vypusk XIX* [Numismatics and Epigraphy. Issue 19]. Moscow, Pamjatniki ist. mysli, 2015, pp. 122–160.

2. Akopjan A.V., Vardanjani A.R. Nasledie Kara-Kojunlu v Armenii. Toponim Chuhur-I Sa'd i ego numizmaticheskoe otrazhenie v XIX v. [The Legacy of Kara-Koyunlu in Armenia. The Toponym Chuhur-I Sa'd and Its Numismatic Reflection in the 19th Century]. Baytanaev B.A., ed. *Kulturnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dnei): sb. st.* [Cultural Heritage of Eurasia (From Antiquity to the Present Day). Collection of Articles]. Almaty, In-t arheologii im. A.H. Margulana, 2016, pp. 553–576.

3. Akopjan A.V. O klassifikacii mednyh iranskikh monet XVI–XIX vv. [On the Classification of Copper Iranian Coins of the 16th – 19th Centuries]. *Numizmaticheskie chtenija Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeja 2016 goda* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2016]. Moscow, 2016, pp. 109–113.

4. Akopjan A.V. *Monety i klady Gyandzhinskogo, Shushinskogo, Yerevanskogo i Nakhichevanskogo khanstv (1747–1828 gg.)*. *Istochnikovedskiy analiz: dis. ... kand. ist. nauk. V 2 t.* [Coins and Treasures of the Ganja, Shusha, Yerevan and Nakhichevan Khanates (1747–1828). Source Analysis. Cand. hist. sci. diss. In 2 Vols.]. Kazan, 2019. 355 p.

5. Akopjan A.V. Monetnoe delo i denezhnoe obrashhenie Yerevanskogo i Nahichevanskogo hanstv (1747–1828 gg.) [Coinage and Monetary Circulation of the Yerevan and Nakhichevan Khanates (1747–1828)]. Dyjakov N.N., Rysakova P.I., Pobedonosceva Kaja A.O., eds. *XXXI Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: Rossiya i Vostok. K 100-letiyu politicheskikh i kulturnykh svyazey noveyshego vremeni. 23–25 iyunya 2021 g.: materialy kongressa* [The 31st International

Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. To the 100th Anniversary of Political and Cultural Relations of Modern Times. June 23–25, 2021: Congress Materials], vol. 1. Saint Petersburg, Studija «NP-Print», 2021, pp. 171–172.

6. Akopjan T.H. *Ocherk istorii Erevana* [An Essay on the History of Yerevan]. Yerevan, Yerev. gos un-t, 1977. 490 p.

7. Ali-zade A.A. *Socialno-ekonomicheskaja i politicheskaja istorija Azerbajdzhana XIII–XIV vv.* [Socio-Economic and Political History of Azerbaijan 13th – 14th Centuries]. Baku, Kavkaz Publ., 2012. 460 p.

8. Arakel Davrizheci. *Kniga istorij* [The Book of Stories]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 623 p.

9. Babajan L.O. *Socialno-ekonomicheskaja i politicheskaja istorija Armenii v XIII–XIV vekah* [Socio-Economic and Political History of Armenia in the 13th – 14th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 336 p.

10. Bartold V.V. Istoriko-geograficheskij obzor Irana [Historical and Geographical Overview of Iran]. Bartold V.V. *Sochinenija. V 9 t. T. 7* [Essays. In 9 Vols. Vol. 7]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 31–225.

11. Kirakos Gandzakeci. *Istorija Armenii* [History of Armenia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 357 p.

12. Gorgidzhanizde P. *Istorija Gruzii* [The History of Georgia]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1990. 183 p.

13. *Dnevnik Zakarija Akulisskogo* [The Diary of Zakariy Akulisky]. Yerevan, Armyanskiy filial AN SSSR, 1939. 159 p.

14. Zulaljan M.K. *Armenija v pervoj polovine XVI v.* [Armenia in the First Half of the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 125 p.

15. *Irevanskoe hanstvo* [Erivan Khanate]. Baku, Institute of History Publ., 2010. 620 p.

16. *Istorija episkopa Sebeosa* [The History of Bishop Sebeos]. Yerevan, Armyanskiy filial AN SSSR, 1939. 184 p.

17. *Istorija armjanskogo naroda. V 2 t. T. 1* [The History of the Armenian People. In 2 Vols. Vol. 1]. Yerevan, Aypetrat Publ., 1951. 290 p.

18. Kapanadze D.G. *Gruzinskaja numizmatika* [Georgian Numismatics]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR, 1955. 186 p.

19. Metreveli R., ed. *Kartlis Cvohreba (Istorija Gruzii)* [The Georgian Chronicles (History of Georgia)]. Tbilisi, ARTANUJI Publ., 2088. 455 p.

20. Kutelija T.S. *Gruzija i sefevidskij Iran (po dannym numizmatiki)* [Georgia and Safavid Iran (According to Numismatics)]. Tbilisi, Mecniereba Publ., 1979. 120 p.

21. Kutelija T.S. *Katalog iranskikh mednyh monet (po fondam Gosudarstvennogo muzeja Gruzii)* [Catalog of Iranian Copper Coins (According to the Funds of the State Museum of Georgia)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1990. 546 p.

22. Markov A.K. *Inventranyj katalog musulmanskih monet Imperatorskogo Ermitazha* [Inventory Catalog of Muslim Coins of the Imperial Hermitage]. Saint Petersburg, 1896. 872 p.

23. Melikishvili G.A. *Naselenie severnyh oblastej Nairi-Urartu i ego rol v drevnevostochnoj istorii* [The Population of the Northern Regions of Nairi-Urartu and Its Role in Ancient Eastern History]. *XXV Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov: dokl. delegatsii SSSR* [The 25th International Congress of Orientalists. Reports of the USSR Delegation]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1960. 18 p.

24. Otkup [Farm (Revenue Leasing)]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. V 16 t. T. 10* [Soviet Historical Encyclopedia. In 16 Vols. Vol. 10]. Moscow, Sov. encycl. Publ., 1967. 1038 p.

25. Pahomov E.A. *Borba feodalnyh dinastij za Vostochnoe Zakavkazyje s pervoj poloviny XIV – do nachala XV vv. po monetnym dannym* [The Struggle of Feudal Dynasties for Eastern Transcaucasia from the First Half of the 14th to the Beginning of the 15th Century According to Coin Data]. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii materialnoj kultury (KSIIMK). Vyp. 66* [Summary of Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture. Iss. 66]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 46-49.

26. Pigulevskaja N.V., Jakubovskij A.Ju., Petrushevskij I.P., Stroeva L.V., Belenickij A.M. *Istorija Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [The History of Iran from Ancient Times to the End of the 18th Century]. Leningrad, Leningr. un-t, 1958. 390 p.

27. Radzhabli A.M. *Numizmatika Azerbajdzhana* [Numismatics of Azerbaijan]. Baku, Elm ve Hayat Publ., 1997. 232 p.

28. Radzhabli A.M. *Monety Azerbajdzhana* [Coins of Azerbaijan]. Baku, Halg Bank Publ., 2012. 358 p.

29. Radzhabli A.M. *Monetnoe delo Azerbajdzhanskogo gosudarstva Sefevidov* [The Coining (Mint) of the Safavid State of Azerbaijan]. Baku, Ziya Publ., 2014. 232 p.

30. Radzhabli A. *Monetnaja chekanka v gosudarstve Shirvanshahov (VIII–XVI vv.)* [Coinage in the State of Shirvanshahs (The 8th – 16th Centuries)]. Baku, Elm və həyat Publ., 2015. 240 p.

31. Sejfeddini M.A. *Monety ilhanov XIV veka* [Coins of the Il Khans of the 14th Century]. Baku, AN Azerbaydzhanskoy SSR, 1968. 218 p.

32. Sejfeddini M.A. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashhenie v Azerbajdzhane XII–XV vv. Kniga II* [Coinage and Money Circulation in Azerbaijan of the 12th – 15th Centuries. Book 2]. Baku, Elm Publ., 1981. 243 p.

33. Sejfeddini M.A. *Srednevekovye monetnye klady Azerbajdzhana (1968–1983 gg.)* [Medieval

Coin Hoards of Azerbaijan (1968–1983)]. Baku, Elm Publ., 1994. 194 p.

34. Sinicina E.A. *Denezhnoe obrashhenie Azerbajdzhana (Gjandzhinskogo, Karabahskogo, Shemahinskogo, Shekinskogo, Bakinskogo, Derbendskogo i Kubinskogo hanstv) vo vtoroj polovine XVIII – pervoj chetverti XIX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Monetary Circulation of Azerbaijan (Ganja, Karabakh, Shamakhi, Sheki, Baku, Derbend and Quba Khanates) in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Baku, 1992. 214 p.

35. Ter-Gevondjan A.N. *Armenija i Arabskij Halifat* [Armenia and the Arab Caliphate]. Yerevan, AN Armyanskoy SSR, 1977. 319 p.

36. Ter-Mkrtychjan L.H. *Armenija pod vlastju Nadir-shaha* [Armenia Under the Rule of Nadir Shah]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1963. 83 p.

37. Hinc V. *Musulmanskie mery i vesa s perevodom v metriceskuj sistem* [Muslim Measures and Weights with Conversion to the Metric System]. Davidovich E.A. *Materialy po metrologii srednevekovoj Srednej Azii* [Materials on the metrology of medieval Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 147 p.

38. Chelebi E. *Kniga puteshestvija. Vyp. 3. Zemli Zakavkazyja i sopredelnyh oblastej Maloj Azii i Irana* [Travel Book. Iss. 3. Lands of Transcaucasia and Adjacent Regions of Asia Minor and Iran]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 376 p.

39. Efendiev O.A. *Territorija i granicy Azerbajdzhanskih gosudarstv v XV–XVI vv. Istoricheskaya geografiya Azerbaydzhana* [The Territory and Borders of the Azerbaijani States in the 15th – 16th Centuries. Historical Geography of Azerbaijan]. Baku, Elm Publ., 1987. 148 p.

40. #134811: Ottoman AR 10 para, Ahmed III, Revan (=Iravan) 1115 AH. *Zeno.ru – Oriental Coins Database*. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=134811&cat=18171&ppuser=&sortby=d&way=desc>

41. #207697: Fath ‘Ali Shah, 1797-1834, AR riyal, Iravan, AH1217. *Zeno.ru – Oriental Coins Database*. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=207697&cat=8748&ppuser=&sortby=d&way=desc>

42. #2837: Irawan 747AH, Ilkhans 2 dirhams, Anushiravan. *Zeno.ru – Oriental Coins Database*. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=2837&cat=23781&ppuser=&sortby=d&way=desc>

43. #304496: Safavid, Shah ‘Abbas I, AR abbasi, type D2, Iravan 1030 AH. *Zeno.ru – Oriental Coins Database*. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=304496&cat=2661&ppuser=&sortby=d&way=desc>

44. İskəndər bəy Münşi Türkman. *Istorija ukrashajushhego mir shaha Abbasa. V 2 t. T. 1*

[The Story of Shah Abbas Adorning the World. In 2 Vol. Vol. 1]. Bakı, Təhsil Publ., 2009. 790 p.

45. Pool R.St. *Catalogue of Coins of the Shahs of Persia in the British Museum*. London, Printed by order of the TRUSTEES, 1887. 472 p.

46. Tadhkirat al-Muluk. *A Manual of Safavid Administration by V. Minorsky*. London, W. HEFFER & SONS LTD, 1943. 356 p.

47. Vasmer R. Zur Münzkunde der persischen Schahe. *Islamica, Leipzig*, 1933, Bd. VI, Heft 2, S. 137-179.

Information About the Author

Teymur A. ogly Kuliyeв, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Numismatics and Epigraphy, Institute of Archeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Prosp. Huseyn Javida, 115, AZ1143 Baku, Azerbaijan, seyfedini@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0003-1699-9261>

Информация об авторе

Теймур Адалят оглы Кулиев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел нумизматики и эпиграфики, Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, просп. Гусейн Джавида, 115, AZ1143 г. Баку, Азербайджан, seyfedini@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0003-1699-9261>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.6>

UDC 904
LBC 63.221

Submitted: 13.01.2024
Accepted: 16.04.2024

STUDYING AND COLLECTING COINS OF THE GOLDEN HORDE IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 17th – EARLY 19th CENTURIES

Alexander V. Pachkalov

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to find out the state of Jochi numismatics in the Russian Empire by the end of the 18th and beginning of the 19th centuries. *The novelty of the research.* For the first time in one work, the currently known information about the origin of the study of the coins of the Golden Horde in the 18th century is presented. The beginning of systematic coin collecting in Russia was laid by Peter I, who himself was one of the first Russian collectors and collected coins, including “Tatar” (i.e. Golden Horde) coins in his collection. *Methods and materials.* Numismatics is based on information from a number of human sciences: paleography, chronology, etc. Numismatics is characterized by a complex study of coins and attention to their role in historical processes. The materials for writing the article were mainly publications of the late 17th century – early 19th century, containing information about the coins of the Golden Horde. *Analysis.* In 1714, the Cabinet of Curiosities – the Kunstkamera – was founded in St. Petersburg. Before the emergence of the Hermitage, it was the Kunstkamera, which had its own Minskabinet, that was the main numismatic treasury of Russia; coins from its collection later entered the Hermitage. There is evidence that Golden Horde coins were also stored in the Kunstkamera of the 18th century. The origin of private coin collecting in Russia, including Juchid coins (collections of Y.V. Bruce, A.P. Volynsky, P.I. Musin-Pushkin, etc.), belongs to the first half of the 18th century. Readings of inscriptions on coins (and, accordingly, definitions) were often erroneous. Rather, the exception is the activity of the orientalist Georg Jacob Kehr (1692–1740), who was in many ways ahead of the level of science of his time and who, judging by the surviving prints, made many correct definitions. *Results.* There was no systematic fixation of coin finds in the 18th century; only fragmentary information about the places of coin finds (Bolgar and Selitrennoe settlements, etc.) was preserved. At the same time, the base created in the 18th century (the development of private coin collecting, the Minskabinet in the Kunstkamera, the activities of G.J. Kehr, etc.) contributed to bringing research to a qualitatively new level in the first half of the 19th century.

Key words: Golden Horde, Jochi Ulus, numismatics, coins, treasures.

Citation. Pachkalov A.V. Studying and Collecting Coins of the Golden Horde in the Russian Empire in the Late 17th – Early 19th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 91-100. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.6>

УДК 904
ББК 63.221

Дата поступления статьи: 13.01.2024
Дата принятия статьи: 16.04.2024

ИЗУЧЕНИЕ И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Александр Владимирович Пачкалов

Литературный институт им. А.М. Горького, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Цель статьи – выяснить состояние джучидской нумизматики в Российской империи к концу XVIII – началу XIX века. *Новизна исследования.* Впервые в одной работе представлены известные в настоящее время сведения о зарождении изучения монет Золотой Орды в XVIII веке. Начало систематического коллекционирования монет в России положил Петр I, сам бывший одним из первых российских коллекци-

онеров и собиравший монеты, в его коллекции в том числе имелись и «татарские» (то есть золотоордынские) монеты. *Методы и материалы.* Нумизматика опирается на информацию ряда гуманитарных наук: палеографии, хронологии и др. Для нумизматики характерно комплексное изучение монет, внимание к их роли в исторических процессах. *Анализ.* Материалами для написания статьи послужили в основном публикации конца XVII в. – начала XIX в., содержащие сведения о монетах Золотой Орды. В 1714 г. в Санкт-Петербурге был основан кабинет редкостей – Кунсткамера. До возникновения Эрмитажа именно Кунсткамера, имевшая собственный Минцкабинет, являлась главной нумизматической сокровищницей России, монеты из ее собрания позднее поступили в Эрмитаж. Сохранились данные о том, что в Кунсткамере XVIII в. имелись и золотоордынские монеты. К первой половине XVIII в. относится зарождение в России частного коллекционирования монет, в том числе джучидских (собрания Я.В. Брюса, А.П. Волинского, П.И. Мусина-Пушкина и др.). Чтения надписей на монетах (и, соответственно, определения) часто были ошибочными. Скорее исключением является деятельность ориенталиста Георга Якоба Кера (1692–1740), во многом опередившего уровень науки своего времени; сделавшего, судя по сохранившимся оттискам, множество верных определений. *Результаты.* Систематической фиксации находок монет в XVIII в. не велось, сохранились лишь отрывочные сведения о местах находок монет (Болгарское и Селитренное городища и др.). Вместе с тем созданная в XVIII в. база (развитие частного коллекционирования монет, Минцкабинет в Кунсткамере, деятельность Г.Я. Кера и др.) способствовала выведению исследований на качественно новый уровень в первой половине XIX века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, нумизматика, монеты, клады.

Цитирование. Пачкалов А. В. Изучение и коллекционирование монет Золотой Орды в Российской империи в конце XVII – начале XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 91–100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.6>

Введение. Начало изучения нумизматики Золотой Орды относится к XVIII веку. Отдельные сведения об истории исследований золотоордынских монет в XVIII в. можно обнаружить в работе известного ориенталиста XIX в. В.Г. Тизенгаузена «Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике» [18]. Вместе с тем специальной научной работы, посвященной изучению монет Золотой Орды в XVIII в., ранее не издавалось.

Долгое время точкой отсчета истории изучения монет Золотой Орды было принято считать начало XIX в., время деятельности выдающегося ориенталиста Христиана Мартина Френа (1782–1851 гг.).

В целом уровень изучения восточной нумизматики до Х.М. Френа достаточно справедливо оценивается невысоко на основании того, что в XVIII в. не велось систематических исследований в сфере восточной нумизматики [19, с. 3]. Анализ сведений о собственно золотоордынских монетах затруднено тем, что в XVIII в. золотоордынские монеты часто назывались «татарскими», в некоторых случаях они могли ошибочно смешиваться с куфическими и другими восточными монетами, найденными в России. При этом «татарскими» могли называть и другие монеты с восточными надписями, например, монеты Ос-

манской империи, а также русские подражания монетам Золотой Орды. Вместе с тем известные на сегодняшний день источники позволяют считать, что уже в XVIII в. были достигнуты определенные успехи в изучении джучидских монет. Зарождение интереса к коллекционированию и (или) исследованию джучидских монет связано с именами Петра Первого, Я.В. Брюса, А.П. Волинского, В.Н. Татищева, Г.Я. Кера, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа и других известных деятелей той эпохи. Рассмотрению их вклада в становление восточной нумизматики посвящена данная статья.

Методы и материалы. Среди методов нумизматики важное значение имеют методы типологического анализа, хронологическая сериация, картографирование монетных находок. Нумизматика опирается на информацию ряда гуманитарных наук: палеографии, хронологии и др. Для нумизматики характерно комплексное изучение монет, внимание к их роли в исторических процессах. Материалами для написания статьи послужили в основном публикации конца XVII в. – начала XIX в., содержащие сведения о монетах Золотой Орды.

Анализ. Конец XVII – первая половина XVIII века. Свидетельства иностран-

цев. Сведения о находках джучидских монет, обнаруженных где-то в России, уже были известны голландцу Николаасу Витсену (1641–1717 гг.), посетившему Россию в 1664–1665 годах. Витсен долгое время работал над обобщением своих записок о путешествии по России, впоследствии использовал данные различных русских корреспондентов и в 1692 г. опубликовал в Амстердаме книгу на голландском языке «Северная и Восточная Тартария» (*Noord en Oost Tartarye*), ставшей первым в Европе подробным этнографическим и географическим описанием сибирских земель. Книга в дальнейшем переиздавалась. В работе были приведены изображения серебряных монет, найденных в «сибирских могилах» [22]. Среди восточных монет присутствуют изображения двух джучидских (вероятно, чеканенных в Сарае ал-Джедид и в Хорезме в XIV в.) [6, с. 111].

В России начало интереса к старинным монетам положил Петр I, сам бывший одним из первых российских коллекционеров и собиравший монеты, в его распоряжении в том числе имелись и «татарские» (то есть золотоордынские) монеты. В 1714 г. в Санкт-Петербурге был основан первый кабинет редкостей – Кунсткамера. До возникновения Эрмитажа именно Кунсткамера, имевшая собственный Минцкабинет, являлась главной нумизматической сокровищницей России, монеты из ее собрания позднее поступили в Эрмитаж. Сохранились данные о том, что в Кунсткамере XVIII в. хранились и золотоордынские («татарские») монеты. Некоторая часть из них могла быть найдена в районе Нижнего и Среднего Поволжья [18].

В 1728 г. из личного собрания императора Петра I в Кунсткамеру было передано более тысячи старинных российских и «татарских» монет [18].

Распоряжение Петра I о присылке находимых старинных монет, дошедшее до нас без обращения и даты [6], имело определенные последствия для восточной нумизматики. Сохранились сообщения как минимум о двух кладах золотоордынских дирхемов, найденных в начале XVIII в. в Пензенском уезде [18, с. 45]. Вместе с тем, последствия распоряжения не были значительными. Население, очевидно, и не знало о его существовании.

К первой половине XVIII в. относится зарождение в России частного коллекцио-

нирования монет. Несколько сотен неких татарских монет имелось в коллекциях Якова Вилимовича Брюса (1669–1735 гг.), Артемия Петровича Волынского (1689–1740 гг.), Платона Ивановича Мусина-Пушкина (1698–1743 гг.).

А.П. Волынский (занимал в 1719–1730 гг. должность казанского и астраханского губернатора) и П.И. Мусин-Пушкин (казанский губернатор в 1732–1735 гг.) имели возможности для коллекционирования золотоордынских монет, находимых как в Нижнем, так и в Среднем Поволжье.

Коллекция А.П. Волынского какое-то время изучалась переводчиком с «азиатских диалектов» А.И. Тевкелевым, который смог верно определить некоторые из джучидских монет коллекции [18, с. 48, 52–53]. Алексей Иванович Тевкелев (Кутлу-Мухаммед Тевкелев, 1674–1766 гг.) служил чиновником Коллегии иностранных дел, а позже получил известность как дипломат и основатель города Челябинска. Вместе с тем монеты остались в основном неопределенными. Как справедливо впоследствии заметил нумизмат и востоковед В.В. Григорьев, «мало быть ориенталистом, чтобы уметь разбирать легенды на этих магометанских монетах» [2, с. 157]. Коллекция А.П. Волынского поступила в Кунсткамеру после его казни в 1741 году.

Коллекция П.И. Мусина-Пушкина после ссылки владельца в Соловецкий монастырь в 1740 г. также поступила в Кунсткамеру. Известно, что золотоордынская часть коллекции П.И. Мусина-Пушкина состояла из 74 «татарских монет разных ханов», «куриозных» [18, с. 48].

В Минцкабинет Кунсткамеры в XVIII в. поступила и коллекция монет знаменитого «русского Фауста» и «чернокнижника», графа, генерала-фельдмаршала, ученого и дипломата Якова Вилимовича (Якова Даниеля) Брюса (1670–1735 гг.). Сохранились рукописи со списками золотоордынских монет из коллекции Я.В. Брюса с определениями 150 экземпляров; 400 экземпляров остались в то время неразобранными [11, с. 71].

В 1732 г. в Санкт-Петербург по приглашению известного российского государственного деятеля графа А.И. Остермана прибыл востоковед из Германии Георг Якоб Кер (1692–

1740 г.) [1]. Исследователь начал работать над атрибуцией хранившихся в Кунсткамере восточных монет. В Российском государственном архиве древних актов имеется фонд Г.Я. Кера, в котором находятся обширные материалы по мусульманской нумизматике [14; 21]. Чрезвычайно многочисленны бумажные оттиски серебряных золотоордынских монет, приводятся прорисовки легенд и картушей на золотоордынских монетах. Тексты составлены Г.Я. Кером, как правило, на латинском языке. Преобладают серебряные монеты, а золотые и медные в описании довольно редки. Очевидно, исследователь имел дело как минимум с несколькими кладами серебряных джучидских монет (это мог быть клад времени правления Токтамыша, сокрытый в европейской части Улуса Джучи; а также, возможно, клад болгарских монет начала XV в., и клад хорезмских монет конца XIV в.). Имеется у Г.Я. Кера и принцип разделения нумизматических источников по ханам и городам. Сходный принцип классификации использовался в дальнейшем и в работах Х.М. Френа [7].

Г.Я. Кером были правильно прочитаны многие имена и титулы ханов, а также названия монетных дворов и их эпитеты (рис. 1). Хаджи-Тархан на ордынских монетах был верно отождествлен с городом Астраханью, а город Сыгнак помещен на «Сыре», то есть на Сырдарье [14].

Укажу на некоторые определения Г.Я. Кера, которые можно считать ошибочными. Так, есть монеты «Чингиз-хана» [14], которые в действительности являются монетами золотоордынского хана начала XV в. Чекре. Так и не удалось Г.Я. Керу прочитать имя хана Токты, вместо которого он видел имя какого-то правителя «Ток-кула» [14]. Наиболее заметная ошибка касается чеканки Гюлистана, монеты которого всюду читаются как чеканенные в Казани [14]. Вероятно, Г.Я. Кер отождествлял Гюлистан с современной Казанью. Не появилось пока еще и научной критики в отношении дат на монетах, Г.Я. Кер не учитывал того обстоятельства, что даты на золотоордынских монетах резчиками штемпелей часто искажались. Монета Сарая ал-Джедид «872» года хиджры была отнесена ко времени Казанского ханства, к эмиссиям хана Ибрахима [14]. Однако на монете дата явно

искажена, и ее следует отнести ко времени правления золотоордынского хана Токтамыша, так как во второй половине XV в. в Сарая ал-Джедид не осуществлялась чеканка монет, а на монете перепутана последовательность цифр (вместо «872» следовало читать «782»). Стандартной можно назвать также ошибку Г.Я. Кера, когда он принимал цифру «0» за цифру «5» [14]. Несмотря на различные досадные промахи, надо отметить, что подавляющее большинство джучидских монет были определены Г.Я. Кером верно.

После смерти Г.Я. Кера в 1740 г. и вплоть до начала XIX в. в Российской империи не появилось исследователя восточной нумизматики такого уровня [9; 17], хотя интерес к монетам Золотой Орды у некоторых исследователей сохранялся.

Находки джучидских монет упоминал выдающийся российский историк и государственный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750 гг.), в 1741–1745 гг. управлявший Астраханской губернией, богатой на находки золотоордынских древностей. При посещении развалин одной из столиц Золотой Орды, Селитренного городища, В.Н. Татищеву в 1741 г. удалось купить у местного населения ряд монет. Насколько известно, В.Н. Татищев сам не коллекционировал монеты, а некоторые из приобретенных им восточных монет были переданы в Санкт-Петербург А.И. Остерману и И.Д. Шумахеру и позже поступили в Кунсткамеру. Сохранилась переписка В.Н. Татищева с указанными лицами, где среди прочего упоминаются и монеты Золотой Орды, оставшиеся в то время неопределенными [5].

Советский нумизмат, сотрудник Государственного Эрмитажа И.Г. Спасский в очерке, посвященном истории русской нумизматики, рассматривает интересную коллекцию «попа Федора», состоявшую, исходя из описания 1742 г., не только из русских монет, но также и из монет Золотой Орды (28 монет «скифских и сарматских или татарских», а также 7 монет «с российскими и татарскими литерами») [18, с. 37].

В 1747 г. в Кунсткамере возник пожар, разрушивший помещение и тяжело отразившийся на состоянии ее документации и коллекций, в том числе Минцкабинета.

(Argentea)
Tatarica moneta in urbe Asof seu
 (jam) à Georgio Jacobo Kehr, Linguarum Orientalium 1
 singulatim è confuso acervo separata, acutis oculis,
 remoto pulveris squalore, secundum singulos caract
 examinata, & exactè considerata, secundum omne
 digesta, ac disposita, descripta

Chanorum sive Dominorum Tataricorum		typorum & characteri
3. mo. no. 76	Husejn-Beg-Chan Asofi	(2.) moneta ejusdem typi. مين بك خان (1.) moneta, alius typi حسين بك خان
10	al-Adil, i.e. justus qui Dschani-Beg-Chani filium, & Usbek-Chani nepotem se vocavit	(1.) moneta. خان كلدی العادل // in alt
1a	 Hui moneta verlane recusa Asofi	(2g.) moneta ejusdem typi. طان خدرخان (5.) moneta, Asofi, anno hegira 762. à Toktamisch (50.) moneta, Asofi, anno hegira 762. à Toktamisch nomen توگتامیش (194.) moneta, Asofi, anno hegira 762. à Toktamisch in omnibus hisce, aequè ac in praeced contra ea in completibus eorum obs.
(1.)	Sulthani anonymi moneta Asofi.	(1.) السلطان العادل assulthân - al-Adil, i moneta Asofi.
(1.)	Sulthân Toktamisch-Chan, Asofi.	(1.) السلطان توگتامیش خان assulthân Toktamisch-
(2.)	Toktamisch-Chan - Asofi.	(2.) السلطان العادل و قسطنطين assulthân - al-Adil بالمعروفه ازاق
(1.)	Toktamisch-Chân, Asofi.	(1.) السلطان العادل و قسطنطين sulthânus justus
(1.)	Toktamisch-Chan, Asofi.	(1.) السلطان العادل و قسطنطين sulthânus justus
(3.)	Toktamisch-Chani, Asofi.	(2.) السلطان توگتامیش خان assulthân Toktamisch
(3.)	Toktamisch-Chânis Asofi.	(1.) السلطان توگتامیش خان
		a. (1.) السلطان العادل و قسطنطين
		b. (1.) السلطان العادل و قسطنطين
		c. (1.) السلطان و قسطنطين
(1.)	Sulthân Chedhyr-Chân Asofi.	(1.) السلطان
(67.)	Toktamisch-Chani, moneta, Asofi,	Inter hos numeros dantur 22. variationes typorum a. 1.) b. 2.) c. 3.) f. 2.) g. 2.) h. 2.) i. 2.) k. 3.) l. 3.) ازاق العادل و قسطنطين ازاق العادل و قسطنطين السلطان العادل و قسطنطين
	Toktamisch-Chani moneta Asofi	(2.) السلطان العادل و قسطنطين

Рис. 1. Описание монет Золотой Орды чекана города Азака. Из определений Г.Я. Кера
 Fig. 1. Description of the coins of the Golden Horde minted in the city of Azak. From the definitions of G.J. Kehr

Хранителем Минцкабинета Кунсткамеры в середине XVIII в. являлся И.К. Тауберт. К этому периоду относится заключение Минцкабинета, где содержались предложения ежегодно оглашать в людных местах указ Петра I о доставке в Кунсткамеру «куриозных вещей», так как «уповательно, что и поныне в разных местах много таких старинных, как арапских и татарских, так и российских денег... в земле находят, токмо... вовсе об оных не объявляют» [18, с. 40].

Вторая половина XVIII века – начало XIX века. В Каталоге Минцкабинета Кунсткамеры 1768 г. содержатся сведения как о «монетах российских с татарской надписью незнаемых», так и о неопределенных монетах только «с подписью татарской» [18, с. 42].

В Географическом лексиконе Российского государства 1773 г. упоминается, что в Кунсткамере к этому времени уже хранилось более 500 татарских монет, если верить определению, «битых только в Азове» (то есть золотоордынском городе Азаке) [16, с. 4].

Во второй половине XVIII в. в Российской империи продолжала накапливаться информация о новых находках джучидских монет.

В 1761 г. директор Казанской гимназии М.И. Веревкин получил от главного куратора И.И. Шувалова повеление описать «развалины Болгар» (то есть Болгарское городище). М.И. Веревкин привлек к этому делу ученика гимназии Г.Р. Державина (впоследствии знаменитого писателя и государственного деятеля) и несколько его товарищей. В июне 1761 г. М.И. Веревкин с учащимися Казанской гимназии отправился в Болгары, но, пробыв там всего несколько дней, уехал, оставив Г.Р. Державина за старшего. Последний находился в Болгаре до конца осени, и, помимо составления описания городища и различных планов, занимался сбором медных и серебряных монет на городище [4, с. 45].

Древности Золотой Орды на Волге, в районе современного села Селитренное, упоминаются Екатериной II: «По левому берегу реки Ахтубы видимо строений каменных непрерывно верст на семьдесят, наипаче где ныне селитренный завод, именуемый Чигит-Аджи был город великий, который вал и рвы на великом пространстве...» [8, с. 240]. Здесь же упоминаются находки неких монет с «арап-

скою подписью», оставшиеся неопределенными [8, с. 241].

Один из наиболее известных ученых в Российской империи XVIII в., Петр Симон Паллас (1741–1811 гг.), осмотревший некоторые золотоордынские городища, в том числе Болгар в 1768 г., опубликовал изображения нескольких серебряных джучидских монет, найденных в Болгаре (рис. 2): «У сих монет на одной стороне находятся либо звездочки или другие украшения, а на другой стороне высокие точки и кружок, в котором изображен произвольный знак почти такой же, какой башкирцы и другие безграмотные народы еще ныне употребляют вместо своеручной подписи» [13, с. 194]. По словам П.С. Палласа, «можно еще о великом его торге заключить из серебряных и медных малых монет, которые еще и ныне собирают крестьянские дети на тамошних пашнях. В числе серебряных не редко попадаются с изрядною арапскою и куфинскою надписью; и такие монеты чеканены из чистого серебра; при том же они нарочито толсты, и величиною обыкновенно не больше ногтя большого пальца. Но есть много из худого и хрупкого серебра, да и чеканены очень тонко и не чисто» [13, с. 194].

В 1768 г. на Увекском городище в окрестностях города Саратова в ходе академической экспедиции побывал русский исследователь И.И. Лепехин, отметивший находки серебряных и медных «татарских» монет, сделанные местными жителями. И.И. Лепехин обнаружил на городище «немало медных денег и другой мелочи» [10, с. 379–380], таким образом первым обративший внимание на обилие нумизматических находок на Увекском городище.

В 1770 г. Селитренное городище (развалины второй столицы Золотой Орды, города Сарай ал-Джедид) в ходе экспедиции осмотрел академик И.П. Фальк, упомянувший находки монет, оставшиеся неопределенными [20, с. 140].

Сведения о золотоордынских монетах присутствуют в работах известного исследователя XVIII в. Герарда Фридриха Миллера (1705–1783 гг.), приглашенного в 1725 г. из Лейпцига для службы в Академию наук. Впоследствии историк писал, что «в Санкт-Петербургской Академии наук есть собрание вос-

точных монет, какого во всех прочих европейских областях не сысцается» [12, с. 72].

В 1785 г. граф А.А. Безбородко переслал из Царского Села в Академию наук отправленные Казанским и Вятским губернатором П.С. Мещерским 78 джучидских монет [18, с. 42].

Появление в Российской империи новых университетов в самом начале XIX в. дало импульс и для развития нумизматики. Так, в Минцкабинете Императорского Виленского университета имелись «магометанские», «восточные», «татарские» монеты, найденные в Витебской губернии, которые, по мнению исследователей Д. Грималаускайте и И. Синчук, могли быть в том числе и золотоордынскими монетами [3, с. 174].

В начале XIX в., то есть до появления основных нумизматических работ Х.М. Фре-

на, над «Историей государства Российского» работал выдающийся русский литератор и историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826 гг.). В «Примечаниях к истории...» содержатся некоторые сведения о джучидских монетах, основанные частично на трудах исследователей XVIII в. (Г.Ф. Миллера и др.), а частично, видимо, на предположениях самого Н.М. Карамзина [7, с. 52–53, № 135]. Н.М. Карамзиным упоминались нумизматические собрания А.И. Мусина-Пушкина, Ф.И. Круга, И.П. Бекетова, Ф.А. Толстого и др., в которых были как русские подражания джучидским монетам, так и «собственно татарские» монеты [7, с. 53, № 135]. Отмечалось, что «название Саин видим на монетах татарских XIV века» [7, с. 16, № 41], но это наблюдение ошибочно, так как монеты «Саина» впослед-

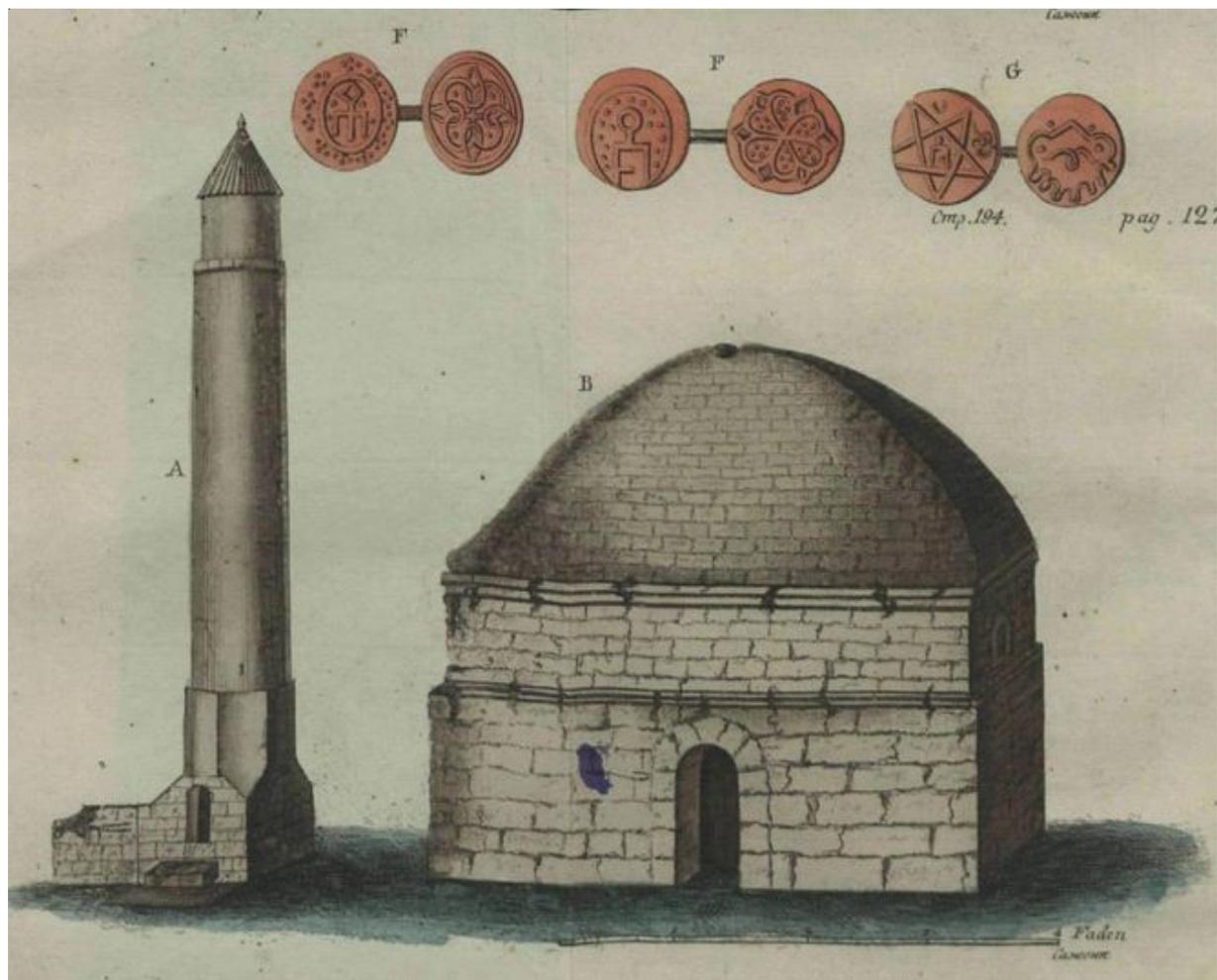

Рис. 2. Монеты Золотой Орды, найденные П.С. Палласом в Болгаре

Fig. 2. Coins of the Golden Horde found by P.S. Pallas in Bolgar

Примечание. Источник: [13].

ствии так и не стали известны. По словам Н.М. Карамзина, «монет ханских у нас довольно в Кабинетах, с разными татарскими надписями. На многих изображениях орлы, павлины, лебеди, тигры, всадники, человеческой головы, и слова: "...Алкаб Саин хан, коего царствие да продлит Божья милость...". Абулгази именует Саин ханом Батыя, но может быть и другие ханы так прозывались. На иных вырезано имя Абулхайр-хана или изречения, взятые из Алкорана» [7, с. 52, № 135]. Интересно упоминание Н.М. Карамзиным имени Абулхайра (хан Узбекского ханства с 1428 по 1468 гг.), по его словам, встреченного на монетах. В каких-либо исторических работах, написанных до Н.М. Карамзина, сведения об этих монетах мне не попадались, источник этих сведений неясен. Возможны разные объяснения появления сведений об этих монетах у Н.М. Карамзина: 1) это ошибочное определение, так как до XXI в. подобные монеты не были известны нумизматам (в том числе Г.Ф. Миллеру, работы которого в основном и использовал Н.М. Карамзин для характеристики Золотой Орды); 2) это верное определение, и у Н.М. Карамзина действительно оказались сведения о монетах Абулхайра, информация о существовании которых подтвердилась в XXI в. (автором статьи была встречена монета с именем Абулхайра при работе в фондах Музея истории Азербайджана, монета происходит из коллекции известного нумизмата Е.А. Пахомова) [15].

Результаты. Подводя итоги уровню изучения джучидской нумизматики, достигнутого в Российской империи к концу XVIII – началу XIX в., надо отметить, что чтения надписей на монетах (и, соответственно, определения) часто были ошибочными. Скорее исключением является деятельность Георга Якоба Кера, во многом опередившего уровень науки своего времени; сделавшего, судя по сохранившимся оттискам, множество верных определений. Систематической фиксации находок монет в XVIII в. не велось, сохранились лишь отрывочные сведения о местах находок монет (Болгарское и Селитренное городища и др.). Вместе с тем, созданная в XVIII в. база (развитие частного коллекционирования монет, Минцкабинет в Кунсткамере, деятельность Г.Я. Кера и др.) способствовала выведению джучидове-

дения на качественно новый уровень в первой половине XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гохнадель В. Г.Я. Кер // Немцы России. Энциклопедия. М.: ЭРН, 2004. Т. II. С. 71–72.
2. Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним В. В. Григорьева. СПб., 1861. 306 с.
3. Грималаускайте Д., Синчук И. Монеты из Городища в минцкабинете Императорского Виленского университета (1803–1832) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 19. Мінск, 2004. С. 173–180.
4. Державин Г. Р. Записки. 1743–1812 гг. Полный текст. М.: Мысль, 2000. 334 с.
5. Егоров В. Л., Юхт А. И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1986. № 3. С. 232–239.
6. Завитухина М. П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник. № 34. Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. С. 102–114.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Примечания к 5 тому. СПб., 1842. Изд. 5. Кн. II. Т. 5–8. 632 с.
8. Катанов Н. Ф. Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXIII. Вып. 3. Казань, 1907. С. 238–244.
9. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. V. 299 с.
10. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 годов. СПб., 1795. В 4 ч. Ч. 1. 537 с.
11. Лепехина Е. В. Нумизматическая коллекция Я. В. Брюса по материалам архива Академии Наук // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1992. С. 69–72.
12. Миллер Г. Ф. Избранные труды. М.: Янус-К; Моск. учеб. и картолитография, 2006. 816 с.
13. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1773. Ч. I. 786 с.
14. Пачкалов А. В. Георг Якоб Кер (1692–1740), первый исследователь нумизматики Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Вып. 2. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 199–208.
15. Пачкалов А. В. Джучидские монеты в фондах Музея истории Азербайджана // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас: Пилигрим, 2010. С. 205–207.

16. Полуниин Ф., Миллер Г. Ф. Географический Лексикон Российского Государства. М., 1773. 479 с.
17. Сенковский И. Рецензия на Fraehn Ch.M. *Recensio numorum muhammedanorum*. Petropoli, 1826 // Северная пчела. № 107 (6 сент.). СПб., 1827.
18. Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М.: Гос. истор. музей, 1955. С. 34–108.
19. Тизенгаузен В. Г. Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1878. 32 с.
20. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. 545 с.
21. Шувалов М. Очерк жизни и деятельности ориенталиста Г. Я. Кера // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 5. М., 1893. С. 90–98.
22. Witsen N. C. *Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1785. XXV, 503 p.

REFERENCES

1. Gokhnadel V. G. Ya. Ker [G.J. Kehr]. *Nemcy Rossii. Enciklopediya* [Germans of Russia. Encyclopedia]. Moscow, ERN, 2004, vol. II, pp. 71-72.
2. Grigoryev V.V. *Zhizn i trudy P.S. Savelyeva preimushhestvenno po vospominaniyam i perepiske s nim V.V. Grigoryeva* [The Life and Works of P.S. Savelyev, Mainly Based on the Memories and Correspondence with Him of V.V. Grigoriev]. Saint Petersburg, 1861. 306 p.
3. Grimalauskajte D., Sinchuk I. *Monety iz Gorodishha v minczkabinete Imperatorskogo Vilenskogo universiteta (1803–1832)* [Coins from the Settlement in the Mints cabinet of the Imperial Vilnius University (1803–1832)]. *Gistarychna-archealogichny zbornik. № 19* [Historical and Archaeological Collection of Works. No. 19]. Minsk, 2004, pp. 173-180.
4. Derzhavin G.R. *Zapiski. 1743–1812 gg. Polnyj tekst* [Notes. 1743–1812. Full Text]. Moscow, Mysl Publ., 2000. 334 p.
5. Egorov V.L., Yukht A.I. V.N. *Tatishhev o gorodakh Zolotoj Ordy v Nizhnem Povolzhye* [V.N. Tatishchev About the Cities of the Golden Horde in the Lower Volga Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1986, no. 3, pp. 232-239.
6. Zavutukhina M.P. N.-K. *Vitsen i ego sobranie sibirskikh drevnostej* [N.-K. Witsen and His Collection of Siberian Antiquities. Archaeological Collection]. *Arkheologicheskij sbornik. № 34. Materialy i issledovaniya po arkheologii Evrazii* [Archaeological Collection. No. 34. Materials and Research on the Archaeology of Eurasia]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 1999, pp. 102-114.
7. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Primechaniya k 5 tomu* [History of the Russian State. Notes to Volume 5]. Saint Petersburg, 1842, ed. 5, book II, vols. 5–8. 632 p.
8. Katanov N.F. *Dva istoricheskikh dokumenta imperatricy Ekateriny II o drevnostyakh Volgi i Kavkaza* [Two Historical Documents of Empress Catherine II on the Antiquities of the Volga and Caucasus]. *Izvestiya Obshhestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. T. XXIII. Vyp. 3* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University. Vol. 23. Iss. 3]. Kazan, 1907, pp. 238-244.
9. Krachkovskij I.Yu. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1958, vol. V. 299 p.
10. Lepekhin I.I. *Dnevnye zapiski puteshestvij doktora Akademii nauk adyunkta Ivana Lepekhina po raznym provinciyam Rossiyskogo gosudarstva 1768 i 1769 godov. V 4 ch. Ch. 1* [Day Notes of the Travels of the Doctor of the Academy of Sciences, Adjunct Ivan Lepekhin, in Different Provinces of the Russian State in 1768 and 1769. In 4 Pts. Pt. 1]. Saint Petersburg, 1795. 537 p.
11. Lepexina E.V. *Numizmaticheskaya kollekcija Ya. V. Bryusa po materialam arkhiva Akademii Nauk* [Numismatic Collection of Y. V. Bruce Based on Materials from the Archive of the Academy of Sciences]. *Kratkie tezisy dokladov numizmaticheskoy konferencii* [Brief Abstracts of Reports of the Numismatic Conference]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 1992, pp. 69-72.
12. Miller G.F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Yanus-K Publ.; Mosk. ucheb. i kartolitografiya Publ., 2006. 816 p.
13. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskoj Imperii* [Traveling Through Different Provinces of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1773, pt. I. 786 p.
14. Pachkalov A.V. *Georg Yakob Ker (1692–1740), pervyj issledovatel numizmatiki Zolotoj Ordy* [Georg Jacob Kehr (1692–1740), the First Researcher of Numismatics of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya civilizaciya: sb. st. Vyp. 2* [Golden Horde Civilization. Collection of Articles. Iss. 2]. Kazan, Izd-vo «Fen» AN RT, 2009, pp. 199-208.
15. Pachkalov A.V. *Dzhuchidskie monety v fondakh Muzeya istorii Azerbajdzhana* [Jochid Coins in the Funds of the Museum of History of Azerbaijan]. *XXVI Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Problemy khronologii i periodizacii arkheologicheskikh pamyatnikov i kultur Severnogo Kavkaza* [The 26th Krupnovsky Readings on the Archaeology of the North Caucasus. Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments and Cultures of the North Caucasus]. Magas, Piligrim Publ., 2010, pp. 205-207.

16. Polunin F., Miller G.F. *Geograficheskij Leksikon Rossijskogo Gosudarstva* [Geographical Lexicon of the Russian State]. Moscow, 1773. 479 p.

17. Senkovskij I. Recenziya na Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826 [Review of Fraehn Ch.M. Recensio Numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826]. *Severnaya pchela. № 107 (6 sent.)* [Northern Bee. No. 107 (September, 6)]. Saint Petersburg, 1827.

18. Spasskij I.G. Oчерki po istorii russkoj numizmatiki [Essays on the History of Russian Numismatics]. *Numizmaticheskij sbornik* [Numismatic Collection]. Moscow, Gos. istor. muzej, 1955, pp. 34-108.

19. Tizengauzen V.G. *Obzor sovershennykh v Rossii trudov po vostochnoj numizmatike* [Review of

Works on Oriental Numismatics Completed in Russia]. Saint Petersburg, 1878. 32 p.

20. Falk I.P. *Zapiski puteshestviya akademika Falka. Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij po Rossii* [Travel Notes of Academician Falk. Complete Collection of Scientific Travels Around Russia]. Saint Petersburg, 1824, vol. 6. 545 p.

21. Shuvalov M. Oчерk zhizni i deyatelnosti orientalista G. Ya. Kera [Essay on the Life and Work of the Orientalist G. Kehr]. *Sbornik Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del. Вып. 5* [Collection of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Iss. 5]. Moscow, 1893, pp. 90-98.

22. Witsen N.C. *Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1785. XXV, 503 p.

Information About the Author

Alexander V. Pachkalov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social Sciences, Maxim Gorky Literature Institute, Tverskoy Boulevard, 25, 123104 Moscow, Russian Federation, zolornum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-3224>

Информация об авторе

Александр Владимирович Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской бульвар, 25, 123104 г. Москва, Российская Федерация, zolornum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-3224>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.7>

UDC 94
LBC 63.221

Submitted: 23.02.2024
Accepted: 29.06.2024

FOREIGN ADOPTIONS IN EXTERIOR OF THE RUSSIAN CHANGE MONEY OF 1718–1724

Vadim V. Serov

Barnaul Orthodox Seminary, Barnaul, Russian Federation;
Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The last phase of Peter's coinage reform was marked, among others, by the alteration of all coin denomination appearances, specifically small ones. The reasons for this did not receive a clear explanation in the specialized literature, and the question of the origin of the forms of the new coin design was not raised at all. The article asks these questions, and it offers a historical reconstruction of novelties in the minor coins exterior of 1711–1724. The *analysis* of Russian and foreign numismatic material gives any possibility to conclude about the elaboration and introduction of a new design concept in this period, which was distinguished by the more simplicity of coin images. Comparing the exterior's details of new Russian coins with foreign ones does point to the most probable sources and forms of the adoption. *Conclusions.* The change of the concept of coin appearance began in 1711 and finished in 1724. As a result, small denominations forfeited their long legends and bulky images. Each adoption was targeted to a concrete part of coin space; it was selected by Peter's choice and taste. This explains both why the concept of the design was realized so long and why the sources of adoption were so numerous – from countries in Europe and Asia.

Key words: coin images, concept, foreign adoptions, Peter's I coinage, small change of 1711–1724.

Citation. Serov V.V. Foreign Adoptions in Exterior of the Russian Change Money of 1718–1724. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 101–116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.7>

УДК 94
ББК 63.221

Дата поступления статьи: 23.02.2024
Дата принятия статьи: 29.06.2024

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭКСТЕРЬЕРЕ РАЗМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОНЕТ 1718–1724 ГОДОВ

Вадим Валентинович Серов

Барнаульская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация;
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Последний этап петровской денежной реформы ознаменовался изменением внешнего вида всех монетных номиналов, в особенности мелких. Причины этого не получили в специальной литературе внятного объяснения, а вопрос о происхождении форм нового дизайна монет и вовсе не ставился. В статье задаются данные вопросы, и предпринимается реконструкция нововведений в экстерьере разменных денег Петра 1711–1724 годов. *Анализ* нумизматического материала России и зарубежья позволяет утверждать о формировании в указанный период дизайнерской концепции, отличающейся упрощенностью монетных изображений. Сравнение деталей экстерьера российских и иностранных монет выводит на наиболее вероятные источники заимствований. *Выводы.* Переход к новой концепции монетного экстерьера при Петре I начался еще в 1711 г. с серебряного алтынника и завершился медной копеей в 1724 году. Это была концепция лаконичного дизайна, предусматривавшая отказ от длинных легенд и громоздких изображений. Соответствующие заимствования совершались с учетом конкретного номинала и под влиянием субъективных обстоятельств (предпочтения царя), что объясняет как длительность реализации концепции, так и обшир-

ность источниковой базы экстерьерных элементов, представленной монетами стран Центральной и Северной Европы, а также крупнейших азиатских соседей России.

Ключевые слова: монетные изображения, концепция, зарубежные заимствования, денежное дело Петра I, разменная монета 1711–1724 годов.

Цитирование. Серов В. В. Иностранные заимствования в экстерьере разменных российских монет 1718–1724 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 101–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.7>

Введение. Затянувшаяся денежная реформа Петра I, по распространенному мнению, завершилась прекращением чеканки проволочных копеек и резким увеличением монетной стопы медных номиналов, что сопровождалось значительным изменением их внешнего вида, наиболее ярким примером чего считается медный пятикопеечник. Он, как и копейка, претерпел в 1718–1724 гг. полную экстерьерную трансформацию. Кроме того, в этот же период заметно обновился внешний вид *полушки*, *алтына* и *гривенника*, которые лишились деталей прежнего орнамента и обрели новые, а также *рубля* и *червонца*, – у них полностью видоизменилось оформление оборотной стороны.

При этом в специальной литературе обычно не придается самостоятельного значения тому, что существенные перемены в экстерьере монет, концептуально оформившиеся в 1720-е гг., фактически начались задолго до 1718 г., считающегося началом последнего этапа петровской реформы [16, с. 42]¹. Принципы нового монетного дизайна стали формироваться еще в 1711 г., когда объектом преобразований послужил внешний вид *алтына*, чеканка которого возобновилась после семилетнего перерыва. Вместе с изменением наименования («алтынник» вместо «алтын») монета лишилась важных деталей первоначального оформления – букв БК и украшения в виде кругового венка на обеих сторонах. Тем самым получила развитие концепция лаконичного дизайна, характерного для монет последнего десятилетия правления Петра Алексеевича. Эта концепция предполагала отказ от длинных легенд на мелких номиналах и от объемных и сложных натуральных изображений.

Анализ. На примере *алтына* видно, как непросто совершался переход к новому типу оформления: титло над кириллической датой преобразовалось в некое украшение в верх-

ней части реверса, которое вскоре, в свою очередь, заменили три так называемых трилистника, впоследствии преобразованные в трюеточие; круговой венок заместился более простым «шнуровым» узором; на месте обозначения монетного двора (БК – то есть в ведении Приказа Большой Казны, уступившей данную функцию специальной комиссии Сената именно в 1711 г.) на короткое время появились инициалы минцмейстера (D + L), которые сменились тремя другими «трилистниками», исчезнувшими в 1713 году. В том же году монете было возвращено прежнее название *алтын*, что тоже следует считать проявлением общего стремления к упрощению композиционного построения. Это упрощение, означавшее удешевление производственного процесса, дополнилось существенным – почти вдвое – понижением пробы монетного металла.

Перечисленные мероприятия, вполне логичные и последовательные, не завершили поиска окончательного концептуального решения, которое должно было распространиться на все тогда производившиеся монеты. В 1718 г. *алтын* вновь стал официально именоваться алтынником, гербовый орел был заменен на более привычного для обывателя всадника с копьем, что означало попытку отхода от принятого курса на максимально лапидарный стиль и поставило под сомнение необходимость в дальнейшем существовании данного номинала. Однако его чеканка прекратилась не только и не столько из-за этого. По-видимому, как монета *алтын* оказался нежизнеспособен в силу невозможности извлекать желаемую прибыль из его эксплуатации в денежной системе тогдашней России. Правительство выяснило, что с точки зрения наличной финансовой ситуации низкое содержание серебра в разменной монете весьма непрактично, а повышение его в условиях жесткой экономии ресурсов нерентабельно², и кон-

цепция монетного дизайна здесь ни на что не влияла³. На исходе петровского правления мелкую серебряную монету (копейку, алтын и пятак) вытеснила медная, оформленная в том же дизайнерском стиле.

Одним из характерных признаков этого стиля было использование счетных точек, или «бусин». Впервые появившиеся на алтыне в 1713 г. (рис. 1), они позднее были использованы в экстерьере копейки, пятикопеечника, гривенника, а в рамках авантюрного меншиковского проекта – даже на *полуполтинах*. Считается, что многоточия такого рода являлись дополнительным к словесному числительным обозначением номинала якобы для неграмотных подданных русского царя [14, с. 31]. Несмотря на кажущуюся очевидность подобного объяснения, оно порождает вопросы, на которые историография пока не дала ответов. В первую очередь, почему точки, а не что-то другое? Потом, зачем неграмотным и, скорее всего, не могущим уверенно считать людям количественное обозначение вдобавок к буквенному? И, наконец, имеется ли какой-либо иной нумизматический объект, послуживший образцом для заимствования подобного элемента оформления монетного пространства, или то была гениальная находка российских мастеров?

Известно, что «точкам» на серебряной «круглой» *копейке* и *пятикопеечнике* предшествовал другой счетный элемент – так называемые «палочки» (рис. 2). Соответствующее номиналу число таких палочек выглядит, как на некоторых европейских монетах того времени, достоинство которых, правда, не превышало четырех единиц⁴. Возможность заимствования Петром I элементов монетного экстерьера, в том числе латинских графических символов, не вызывает сомнения, и получила подтверждение в современных исследованиях [6; 25]. Подтверждает это и само слово «монета», появившееся на российских деньгах в петровское время.

Рассмотренные с данной точки зрения «палочки» на копеечной и пятикопеечной монетах 1713 г. предстают римскими единицами (I) и символизируют попытки российского правительства перейти в денежном деле к обозначению достоинства монет цифрами. Отказ от такой своеобразной латиницы в

пользу универсальных «точек» мог быть мотивирован различными обстоятельствами⁵, но наиболее вероятной причиной использования точек-бусинок следует признать стремление к более простому внешнему оформлению и, как следствие, ускорению и удешевлению производства массовой монеты. Подобное предположение подтверждается изменениями в дизайне петровских монет, имевшими место в период с 1711 по 1724 год. Вырезать «точки» на штемпеле было технически проще, чем римские единицы, и «точечная» форма цифри при обозначении номинальной стоимости закрепились на мелких (во всех смыслах слова) деньгах более чем на десятилетие. Однако остается не вполне ясным, почему счетные палочки в таком случае не появились и на *алтыне*. Очевидно, впрочем, что объяснение этой загадки должно опираться на наличие труднопреодолимого препятствия в виде неопределенности термина «алтын» в системе традиционных народных представлений в России [18]. До 1713 г. *алтын*, как и будущий *пятак*, мог выражаться в денгах, а не в копейках; на это намекает и число «трилистников» на реверсе алтынника 1711–1712 гг. выпуска. В конце концов, формирование единообразного экстерьера устранило разночтения в передаче на монетах их номинальной цены, и впоследствии на них уже указывались номиналы, кратные исключительно копейке, либо ее фракции.

История со счетными символами вплотную подводит к вопросу о поводе, который мотивировал использование в денежном деле петровского времени перечисленных суррогатов обозначения монетного номинала. Официальное объяснение, что подобная мера служила удобству неграмотного участника денежных отношений, появилось только в 1735 г., предпосылалось только *гривеннику*⁶ и мало что объясняет по существу: во-первых, безграмотные не умели как читать, так и считать, а, во-вторых, даже необразованный люд всегда был способен при необходимости быстро запомнить, как выглядит любая денежная единица, и легко различал их в общем потоке денежных отношений⁷, тем более что о монетах нового вида объявлялось повсюду⁸. Поэтому наиболее правильным ответом на поставленный вопрос будет признание «пало-

чек» и «точек» частью концептуально проработанного композиционного построения монетного пространства, в значительной мере заимствованного за рубежом. Если принять этот ответ, то останется определить, экстерьер каких зарубежных монет мог бы повлиять на выбор «точек» для обозначения номинала русских денег 1710–1720-х годов.

Важно заметить, что у Петра I и его ближайших советников был доступ к обширному нумизматическому материалу, который доставлялся в страну целенаправленно, нередко по прямому указанию царя⁹. Задавшись целью подобрать желаемый вариант оформления, в данном случае – временный элемент, обозначающий нарицательную стоимость, царь должен был организовать целенаправленный поиск подходящего образца. Судя по «трилистникам» на *алтыннике* 1711–1712 гг. и «палочкам» на *пятикопеечнике* 1713 г., этот поиск не был скорым¹⁰. Очевидно, в Европе не нашлось прототипов суррогатных счетных символов, так как европейские монетные сеньоры не утруждались обеспечением идентификации новых денег неграмотным населением своих государств и обходились традиционными цифровыми и буквенными обозначениями. Поэтому в России идея употреблять «точки» для обозначения номинала монеты была взята не из какого-то конкретного образца, но из самой практики использования точки в качестве декоративного элемента¹¹. Применение его в сгруппированном виде в качестве дублирующего обозначения стоимости монеты едва ли преследовало специальную цель дидактического свойства. Скорее, подобные многоточия являлись частью общей экстерьерной композиции.

Сказанное дополнительно объясняет, почему подходы к решению единой задачи оформления внешнего вида разных номиналов в ходе петровской денежной реформы были различны и разрабатывались не одновременно. Монеты с заметно обновленным экстерьером появлялись начиная с 1711 г., в течение тринадцати лет: за *алтыном* последовали *пятикопеечник* и *копейка*, потом – *гривенник*, *полушка*, *червонец*, *рубли* и, наконец, вновь *пятикопеечник* и *копейка*, на этот раз в меди. Каждый из этих случаев заслуживает отдельного рассмотрения с точ-

ки зрения единой концепции и конкретной реализации. В настоящей статье рассматриваются случаи разменных монет.

Дизайн мелких серебряных номиналов от *копейки* до *гривенника* оформился в 1713–1718 годах. Он включал, помимо уже рассмотренных счетных элементов («точек»), буквенное обозначение номинала и цифирное – даты на реверсе, и гербового орла с тремя коронами – на аверсе. В 1718 г. к этой группе присоединилась *полушка*, во внешнем оформлении которой по понятной причине не было счетных точек, но взамен над наименованием цены были поставлены буквы ВРП – аббревиатура, не несущая особенной смысловой нагрузки и потому кажущаяся избыточной, если не принимать, что в той дизайнерской концепции пространство над обозначением номинала должно было заполняться каким-либо декоративным элементом, желателен несложным. Поэтому и точки, и буквки в этом месте перечисленных монет – это не вполне самостоятельные детали общей экстерьерной конструкции, какой бы смысл в них ни закладывался (рис. 3).

Перечень элементов и описанная схема их расположения на монетном поле не являлись редкостью в европейском денежном деле. Аналогичное композиционное построение (конечно, с учетом различия символов суверенитета) встречается, к примеру, на разменных монетах германских и нидерландских эмитентов начала XVIII века¹². Примечательно, что на всех известных зарубежных аналогах пространство над буквенным обозначением номинала заполнено какими-либо декоративными элементами – украшениями в виде точек, звездочек и розеток, римскими цифрами или инициалами. Тем самым дизайн разменной российской монеты образца 1713–1718 гг. был заимствован Петром в Европе целиком, как матрица, все элементы которой должны присутствовать на своих местах. С данной точки зрения дизайнеру гораздо проще было поменять изображение лицевой стороны (гербового орла на всадника, например), нежели отказаться от принятого украшения вверху реверса.

Однако с 1723 г. дизайн разменной монеты был радикальным образом пересмотрен. Базовый принцип стилистической лапидарно-

сти остался неизменным, но признанная в правительстве перспективная идея уменьшения содержания серебра в субсидиарных деньгах достигла логической завершенности, что выразилось в прекращении чеканки даже низкопробного *алтына* и *гривенника*, а также в переходе к чеканке только медных *копейки* и *пятикопеечника*. Для этих последних пришлось разрабатывать новый внешний вид, опираясь на прежние принципы простоты композиционного построения¹³ и зарубежного заимствования.

Внешний вид пятикопеечной монеты, которая заслуживает преимущественного внимания (*копейку* образца 1724 г., имевшую сходную организацию экстерьера, перестали чеканить в том же году), исчерпывающе описан в сенатском указе, введшем ее в оборот: «...с одной стороны в *середине* изображен Его Величества *герб* мелкою резьбою и *около* того герба *пять точек*, а на другой стороне *крест* и в нем *год* и ...литерами *пять копеек*, и по ребрам того пятикопеечника учинить тисненныя рубежки...» [11, т. VII, № 4276, с. 96] (курсив наш. – В. С.). В этом описании указаны все обязательные элементы экстерьера, фактическое расположение которых на поле монеты отдавалось на волю дизайнера, а потому, вероятнее всего, приняло окончательный вид под влиянием внешних заимствований, коль скоро собственный российский опыт не имел ничего подобного описанному (рис. 7, а–б).

Указанные элементы образуют оригинальную для петровского денежного дизайна композицию с символом государственного суверенитета в центре, окруженным широким круговым полем, преимущественно чистым; на этом свободном монетном поле, занимающем более половины общей площади гербовой стороны, находятся пять крупных выпуклых точек, размещенных на равном расстоянии друг от друга и от края монеты. Похожий дизайн аверса встречается как на западных, так и на восточных монетах. Примером среди первых может служить *сольдо* тосканского герцога Козимо III [26, р. 1098], среди вторых – иранский *фальс* Гусейна I [26, № 96, р. 965] и серия османских *аббаси*. Все они в равной степени претендуют на роль концептуального прототипа и источника деталей

заимствований в оформлении аверса медного *пятикопеечника*.

Три кватрины 1710 г. (рис. 8, а–б) несут на аверсе герб Великих герцогов Тосканы из рода Медичи, главным элементом которого являлось шеститочие в виде расставленных по окружности стилизованных медицинских пилюлей. На монетном поле эти точки-пилюли также занимают главное место, визуальнo оттесняя прочие детали декора. Поэтому, несмотря на то что поле вокруг них не вполне свободно, шеститочие (с короной, венчающей верхнюю «пилюлю» и потому нивелирующей ее, что при мимолетном взгляде создает эффект пятиточия) выглядит как самостоятельный элемент экстерьера.

Именно такой вариант оформления аверса *пятикопеечника*, одобренный Петром I, весьма вероятно, оформился при непосредственном знакомстве российского монетного дизайнера (которым мог оказаться и сам царь) с образцами италийской денежной системы, конкретно – с деньгами Тосканского герцогства, которые попадали в Россию благодаря тесным российско-итальянским контактам¹⁴. Идея с размещением в центре монетного поля принципиально значимой детали оформления, окруженного чистым пространством, также могла прийти из Италии¹⁵.

Что касается «восточных» прототипов, то на их роль претендуют любые мусульманские монеты с так называемой *тугрой* – принципиальной деталью экстерьера лицевой стороны. Обычно этот персональный знак правителя находился в центре монетного поля в окружении пустого пространства (рис. 10). Однако Россия в петровскую эпоху имела регулярные контакты лишь с Ираном и Османской империей, деньги которых, соответственно, не могли не оказаться в центре внимания заинтересованного наблюдателя¹⁶. Кроме того, восточного происхождения могла оказаться и идея использовать в оформлении крупные точки, которые на мусульманских деньгах часты и очень заметны как в составе легенд, так и, особенно, в круговом декоре медных, серебряных и золотых монет¹⁷. Россия, торговавшая и воевавшая при Петре и с Турцией, и с Ираном, получала искомые нумизматические образцы через посредничество купцов, военных и дипломатов [5, с. 253, 266; 7, с. 6, 45 сл.; 10, с. 48].

Кроме этого, нельзя игнорировать и опосредованное воздействие, которое оказывал на заинтересованного дизайнера внешний вид монет иной страновой принадлежности, но выражающий, пусть и не столь явно, ту же самую концепцию со значительным свободным полем вокруг небольшого центрального элемента, и с равноудаленными от центра несколькими равновеликими деталями. Из контрагентов петровской России такими монетами обладали Китай и Швеция.

Широко известны в России были, например, медные шведские *платы* – плоские слитки прямоугольной формы, удостоверенные круглым клеймом по углам и в центре (рис. 12). Их расположение схематически воспроизводит композиционное построение деталей на аверсе петровского *пятикопеечника* типа 1723 года. Возможность такого заимствования тем более реальна, что российское правительство в 1720-е гг. проявляло все более усиливавшийся интерес к экономической и денежной политике Шведского королевства, достигшего позитивных результатов в преодолении кризиса [9, с. 263; 23].

Дизайн массовых китайских денежных единиц, так называемых *цяней*, так же включал центральный элемент малого размера (в данном случае это квадратное отверстие) и крестообразно (на равном расстоянии друг от друга) расположенные вокруг него элементы, обозначающие условные номинал («ходячая монета») и дату (период правления конкретного императора) (рис. 13, а). На оборотной стороне иногда размещались круглые точки, уточнявшие номинальную стоимость монеты [26, № 128, р. 155; № 272, р. 161] (рис. 13, б). Контакты Российского царства и Цинской империи являлись редкими, но носили преимущественно торговый характер и были очень интересны российской стороне, благодаря чему неплохое представление о китайских средствах обращения, их внешнем виде и стоимости у русских сложилось еще в конце XVII в. [17, с. 211, 214]. В правление Петра Великого отношения с Китаем заметно расширились [20, с. 189–190; 24, с. 123], причем, очевидно, не в последнюю очередь благодаря личной заинтересованности в этом царя¹⁸.

Таким образом, заимствования в оформлении лицевой (гербовой) стороны российс-

кой монеты достоинством *пять копеек* образца 1723 г. конкретны и хорошо прослеживаются. Что же касается внешнего вида ее оборотной стороны, оформленной в том же лапидарном стиле, то нельзя не признать очевидность его несколько большей независимости от иностранного влияния.

Все изображение реверса – это две надписи внутри перекладин прямого креста. И если идея использовать в дизайне монеты крест с «полыми» перекладинами была реализована давно и многими монетными сеньорами (к примеру, на том же сольдо Козимо III), то замысел поместить внутрь его лепестков буквенное обозначение номинала и дату цифрами воплотился в рассматриваемом пятаке, кажется, впервые в мировой истории. Нечто похожее можно было увидеть на весьма редкой монете, отчеканенной в герцогстве Брауншвейг-Вюльфенбюттель в 1622 г. [26, № 338–339, р. 444]¹⁹, а также при желании усмотреть в крестообразно расположенных иероглифах дальневосточных монет, особенно если учесть вышеупомянутое знакомство русских с китайскими денежными средствами. Кроме *цяней*, денежную систему Китая составляли тогда серебряные и золотые слитки (*ланы*), на внутренней поверхности которых иероглифические надписи оттискивались внутри продолговатых прямоугольных углублений, напоминающих перекладину креста (рис. 14) (см., например: [3]). Царские казна и монетные дворы достаточно близко познакомились с этими слитками уже к началу XVIII в. [22], так что нет ничего невероятного в предположении, что отдельные детали их композиционного построения могли быть использованы при разработке дизайна российских монет. В противном случае, в отсутствие иных вариантов заимствования идеи с надписями внутри креста, источником подобного заимствования следует признать объект не нумизматической принадлежности²⁰, что маловероятно.

Формулируя **выводы**, следует отметить, что для экстерьера российских разменных монет 1711–1724 гг. выпуска был характерен лаконичный дизайн, разработанный из сугубо практических видов. Аскетический характер оформления стал универсальной идеей, своеобразной концепцией в тогдашнем денежном

деле. Под нее подстраивались все зарубежные заимствования, без которых оформление экстерьера петровских монет было немислимо.

«Экономичный» дизайн предполагал малое количество деталей изображения на обеих сторонах монеты, значительное свободное пространство в монетном поле, отказ от длинных легенд и сложных изображений (кроме государственного герба, предельно схематизировать который едва ли допускалось). Работа в рамках данной концепции привела к появлению всех известных нумизматам особенностей в оформлении разменных монет того времени – «точек», арабской цифири взамен славянских букв, почти полное отсутствие легенды титулования Петра Алексеевича.

Выявление источников заимствования позволило воссоздать многосложную картину, состоящую из географических и нумизматических элементов, то отдельных, то группирующихся вокруг какой-либо концептуальной идеи (например, значимая деталь экстерьера в центре свободного от изображений пространства, или минимальный набор деталей оформления реверса – номинал, год и рудиментарный декор). В отличие от монет 1700–1701 гг. выпуска, где иностранные заимствования носили комплексный характер, так что прототипы всех номиналов, в общем, легко угадываются, в выпусках 1711–1724 гг. некоторые экстерьерные детали и идеи проходили более глубокую «русификацию» или вовсе рождались опосредованно, через аллюзии и ассоциации, приобретая тем самым авторский характер. Из-за такого извилистого пути от прототипа до известной композиции оказывается весьма затруднительно выявить конкретный источник определенного заимствования.

Тем не менее проведенные сравнения нумизматического материала первой четверти XVIII в. и анализ обстоятельств внешнеполитического и экономического характера, влиявших на денежную политику Петра I, позволяют достаточно уверенно локализовать географию иностранных заимствований в указанный период территорией Средней Европы (Германскими и Итальянскими государствами, находившимися в орбите российских интересов), включая Соединенные провинции, и крупнейших государств Азии, граничивших с Россией (Иран, Турция и Китай).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вообще, изучение зарубежного (не только европейского) влияния на российское денежное дело в петровскую эпоху находится на начальной стадии. В специальной литературе мимоходом фиксируются немногочисленные случаи явного заимствования в оформлении отдельных типов номиналов, в том числе пробных монет (например, червонца 1701 г. [22] и пробного пятикопеечника 1723 г. [4, с. 143]), однако до постановки проблемы, и тем более до обоснованных обобщений, дело пока не дошло. Сам факт влияния европейской традиции оформления монет на российскую практику сомнений не вызывает, однако скудость доказательной базы и отсутствие эффективной методики изучения этого предмета переводят означенную проблему в искусствоведческую плоскость. В настоящей статье, как и в предыдущей работе автора [25], предпринята попытка провести на более широкой, чем обычно, источниковой основе преимущественно нумизматическое исследование явления заимствований в российском денежном деле периода правления Петра I, и тем самым интенсифицировать данное научное направление.

² См.: [11, т. VI, № 3748, с. 365]: «А во мнении Берг-Коллегии написано: ... Не худо б было алтынники отставить, а вместо их пятикопеечники по 70 пробы делать, ... нежели нынешнего дела, которые по 38 пробы делаются...».

³ Решающую роль в этом сыграл, по всей вероятности, практический меркантилизм, о чем подробнее можно ознакомиться в статье автора «Меркантилистская концепция правильной чеканки денег и ее восприятие в петровской России», принятой к публикации в «Вестнике ТГУ. История».

⁴ Например: 1 *мариенгрошен* Брауншвейг-Люнебург-Целле 1703–1706 гг. выпуска [26, № 33, 53, 62, р. 347], 4 *мариенгрошена* Брауншвейг-Люнебург-Каленберг-Ганновера 1703–1713 гг. [26, № 338, р. 367], 4 *пфеннига* Косфельда 1708–1713 гг. [26, № 7, р. 392].

⁵ В.В. Уздеников, например, объяснял затянувшееся по времени обозначение номинала буквицами уступкой царя духовенству, державшемуся за старину [19].

⁶ См.: [11, т. IX, № 6742, с. 527]: «... а сверху такая ж 10 точек для знания безграмотным и цифири незнающим людям; и для того такие люди нынешние новые гривенники с старыми, которые 10 точками различать не умеют, и тех новых гривенников, почитая за старые, в народе слышно не принимают...».

⁷ О привыкании народонаселения России к европейским денежным единицам см.: [21].

⁸ Вот пример того, как такая информация доносилась до неграмотного населения [11, т. VI,

№ 4076, с. 761): «И для подлого народа, из таких воровских серебряных и медных денег для знания, ...священникам при чтении о том указа народу объявлять, и сей указ... во всех церквах... читать по часту, и прибить... где пристойно, дабы о том был всяк сведом».

⁹ Некоторые примеры приводятся в книге: [15, с. 17, 20]. Кроме того, в одном из указов Петра [11, т. IV, № 2586, с. 867] говорится о том, что «...монетной надзиратель Иван Лан... в прошлом 1711 году послан был с Москвы в другие государства для проб всяких ходячих монет...».

¹⁰ О прототипе «палочек» говорилось выше; по поводу идеи с трилистниками бытует неопубликованное и маловероятное предположение об их формальном и количественном сходстве с коронами на шведских мелких номиналах первых лет XVIII в., например, эре Карла XII. С большей основательностью можно предположить, что трилистник, изредка встречающийся вместо розетки, креста или точки в круговой легенде аверса медных копеек 1700-х гг., является знаком кого-то из резчиков штемпелей.

¹¹ И в Европе, и Азии точки являлись распространенным элементом декора. Например, после цифры, обозначающей номинальную цену, или как обозначение сокращения слов, или на оборотной стороне литых дальневосточных монет, или в составе арабской легенды.

¹² Медные *дуиты* (*двойные штиверы*) Нидерландских провинций (Голландия, *дуит* образца 1702 г.) (рис. 4), германские *геллеры* (Хеннеберг-

Ильменау, геллер образца 1702 г.) (рис. 5) и *пфенниги* (Пруссия, пфенниг 1705 г.) (рис. 6).

¹³ В именном указе [11, т. VII, № 4258, с. 87], объяснявшем изменение экстерьера пятикопеечника борьбой с фальшивомонетчиками, выбор сделан не в пользу усложнения декоративного оформления, а, напротив, в пользу простоты, что, как известно, не возымело успеха в той борьбе.

¹⁴ Например, в потоке обширного культурного и дипломатического обмена Санкт-Петербурга с Флоренцией: [2; 8; 12].

¹⁵ Например, П.А. Толстой, бывший во Флоренции, упоминает обращавшиеся там «павлы римские» [13, л. 147 об.], то есть распространенные в Италии серебряные монеты типа *джулио*, на реверсе которых встречалось изображение в широком свободном поле картуша с папским девизом [26, № 593, р. 1260] (рис. 9).

¹⁶ Об иранском влиянии см., например: [14, с. 62].

¹⁷ Например, золотой турецкий *зери* Ахмеда III [26, № 162, р. 1439] (рис. 11).

¹⁸ См., например: [11, т. IV, № 2349, с. 662–665] (сенатский указ «О китайском и персидском торге»).

¹⁹ Крест с надписью внутри выступает своеобразным разделителем монетного поля на четыре равные части, в каждой из которых представлены некие аллегорические сцены. Он едва заметен в изобилующем деталями интерьере монеты.

²⁰ Например, традицию помещать на нательные кресты XVII–XVIII вв. фрагменты псалмов и другие религиозные надписи [1].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Алтын 1713 года
Fig. 1. Altyn of 1713

Рис. 2. Пять копеек 1713 года
Fig. 2. 5 kopecks of 1713

Рис. 3. Полушка 1718 года
Fig. 3. Polushka of 1718

Рис. 4. Республика Соединенных Провинций. Дуйт провинции Голландия 1769 г., тип 1702 года
Fig. 4. Republic of the Seven United Netherlands. Duit of the Province of Holland 1769, type of 1702

Рис. 5. Графство Хеннеберг-Ильменау, геллер 1702 года
Fig. 5. County of Henneberg-Ilmenau, heller of 1702

Рис. 6. Королевство Пруссия, пфенниг 1705 года
Fig. 6. Kingdom of Prussia, pfennig of 1705

Рис. 7, а–б. Пять копеек 1723 года
Fig. 7, a–b. 5 kopecks of 1723

Рис. 8, а–б. Великое герцогство Тосканское. Три кватрини (сольдо) 1710 года
Fig. 8, a–b. Grand Duchy of Tuscany. Three quattrini (soldos) of 1710

Рис. 9. Папская область. Джулио 1702 года
Fig. 9. Papal States. Giulio of 1702

Рис. 10. Османское государство. Пара 1703 года
Fig. 10. Ottoman Empire. Para of 1703

Рис. 11. Османское государство. Зери 1705 года
Fig. 11. Ottoman Empire. Zeri of 1705

Рис. 12. Шведское королевство. Полдалера 1719 года
Fig. 12. Kingdom of Sweden, S daler s.m. of 1719

Рис. 13, а–б. Империя Цин. Цянь эры Канси (1662–1723 гг.)
Fig. 13, a–b. Great Qing. Cash of the Kangxi era (1662–1723)

Рис. 14. Империя Цин. Весовой серебряный слиток
Fig. 14. Great Qing. Weight silver ingot

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII века // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1999. С. 326–361.
2. Еропкин В. В. Посылка Петра Беклемишева во Флоренцию в 1716 г. // Русская старина. 1903. Т. 115, вып. 8. С. 479–480.
3. Ивочкина Н. В., Невский Н. А. Китайские ланы-таэли и их части // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXI. Л.: Искусство, 1981. С. 173–185.
4. Калинин В. А. О пробных пятикопеечниках 1723 г. // VII Всероссийская нумизматическая конференция. М.: ГИМ, 1999. С. 143–146.
5. Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М.: АН СССР, 1941. Т. 10. С. 250–279.
6. Лепёхина Е. В. Две денги 1700 г. с латинской легендой из Кунсткамеры // II Всероссийская нумизматическая конференция. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 23–25.
7. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722–1723. М.: Изд-во МГУ, 1951. 248 с.
8. Молодченко О. А. Русско-итальянские связи в эпоху Петра I: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2021. 272 с.
9. Некрасов Г. А. Торгово-экономические отношения России со Швецией в 20–30-х годах XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1966. С. 259–290.
10. Огуй А. Прутский поход Петра I и особенности денежного обращения Молдавии и Буковины // Русин. 2011. № 1. С. 44–51.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отд-ния император. канцелярии, 1830. Т. I–XLV.
12. Попов Н. А. Путешествие в Италию и на остров Мальту стольника Толстого в 1697 и 1698 годах // Атеней. 1859. Ч. 2. 77 с.
13. Путешествия стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699) / под ред. Л. А. Ольшевской. М.: Наука, 1992. 387 с.
14. Рзаев В. П. Загадки российской нумизматики. М.: Хобби Пресс, 2011. Т. I. 287 с.
15. Саверкина И. В. История частного коллекционирования в России. СПб.: Изд-во СПбГУКиИ, 2004. 192 с.
16. Семенов В. Е. Монетное дело Российской империи. СПб.: Конрос-Информ, 2010. 184 с.
17. Скачков П. Е. Ведомость о китайской земле // Страны и народы Востока. 1936. Вып. II. С. 206–219.
18. Трутовский В. К. Алтын, его происхождение, история, эволюция. Экскурс в историю древних русских ценностей // Труды секции археологии РАНИОН. М.: [б.и.], 1928. Т. II. С. 131–137.

19. Уздеников В. В. Переход на цифирь // XI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 207–209.
20. Шафрановская Т. К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. М.: АН СССР, 1936. Вып. II. С. 188–205.
21. Ширяков И. В. Немного о зарубежных влияниях на развитие российской денежной системы в XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2022 года. М.: ГИМ, 2022. С. 231–236.
22. Ширяков И. В. «Червонные российские двухрублевые» в денежной системе при Петре I // Нумизматика. 2009. № 3. С. 40–42.
23. Юхт А. И. Из наследия В. Н. Татищева. Материалы об экономическом положении Швеции в первой четверти XVIII века // История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М.: Наука, 1975. С. 298–321.
24. Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1966. С. 122–151.
25. Serov V. The Adoption of European Norms in Peter I's Russian Coinage of 1700–1701 // The Numismatic Chronicle. 2021. Vol. 181. P. 241–246.
26. Standard Catalog of World Coins 1701–1800 / ed. by M. Thomas, T. L. Schmidt. 7th ed. Iola (Wi.): Krause Publications, 2018. 1474 p.

REFERENCES

1. Vinokurova E.P. Metallicheskie litye kresty-telniki XVII veka [Cast Metal Pectoral Crosses of the 17 Cent.]. *Kultura srednevekovoy Moskvy* [Culture of Medieval Moscow]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 326-361.
2. Eropkin V.V. Posylka Petra Beklemisheva vo Florentsiyu v 1716 g. [Trip of Peter Beklemishev to Firenze in 1716]. *Russkaya starina* [Russian Olden Time], 1903, vol. 115, no. 8, pp. 479-480.
3. Ivochkina N.V., Nevskiy N.A. Kitayskie lany-taeli i ikh chasti [Chinese Taels and Their Parts]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XXI* [State Hermitage Editions. Vol. 21]. Leningrad, Iskustvo Publ., 1981, pp. 173-185.
4. Kalinin V.A. O probnykh pjatikopechnikakh 1723 g. [About the Trial Coins of Five Kopecks Denomination of 1723]. *VII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the Seventh All-Russian Numismatic Conference]. Moscow, GIM, 1999, pp. 143-146.
5. Krylova T.K. Russko-turetskiye otnosheniya vo vremya Severnoy voyny [Russian-Turkey Relations

in the Time of the North War]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes]. Moscow, AN SSSR, 1941, vol. 10, pp. 250-279.

6. Lepyokhina E.V. Dve dengi 1700 g. s latinskoy legendoi iz Kunstkamery [Two Denga of 1700 with Latin Inscriptions from the Petersburg's Kunstkamera]. *II Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the Second All-Russian Numismatic Conference]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 1994, pp. 23-25.

7. Lystsov V.P. *Persidskii pokhod Petra I 1722–1723* [Persian March of Peter I in 1722–1723]. Moscow, Izd-vo MGU, 1951. 248 p.

8. Molodchenko O.A. *Russko-italianskiye svyazi v epokhu Petra I: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian-Italian Communication in Peter I's Epoch. Cand. hist. sci. diss.]. Rostov-On-Don, 2021. 272 p.

9. Nekrassov G.A. Torgovo-ekonomicheskiye otnosheniya Rossii so Shvetsiy v 20–30-kh godakh XVIII v. [Trade-Economic Relations Between Russia and Sweden in 1720-s and 1730-s]. Beskrovny L. V., ed. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv.* [International Relations of Russia in the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 259-290.

10. Oguy A. Prutskiy pokhod Petra I i osobennosti denezhnogo obrashcheniya Moldavii i Bukoviny [Prut March of Peter I and the Features of Coin Circulation in Moldavia and Bukovina]. *Rusin*, 2011, no. 1, pp. 44-51.

11. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye Pervoye. 1649–1825 gg.* [Full Collection of Russian Imperial Laws, Part I: 1649–1825]. Saint Petersburg, Tip. II Otd-niya imperator. kantselyarii, 1830, vol. I–XLV.

12. Popov N.A. Puteshestviye v Italiyu i na ostrov Maltu stolnika Tolstogo v 1697 i 1698 gg. [Trip of Stolnik Tolstoy to Italy and Malta Island in 1697–1698]. *Atheney*, 1859, pt. 2. 77 p.

13. Olshevskaya L.A., ed. *Puteshestviya stolnika P.A. Tolstogo po Evrope (1697–1699)* [Travels of Stolnik P. Tolstoy to Europe in 1697–1699]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 387 p.

14. Rzaev V.P. *Zagadki rossiyskoy numizmatiki* [Mysteries of the Russian Numismatics]. Moscow, Hobby Press, 2011, vol. I. 287 p.

15. Saverkina I.V. *Istoriya chastnogo kollektionirovaniya v Rossii* [History of Private Collecting in Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUKiI, 2004. 192 p.

16. Semenov V.E. *Monetnoe delo Rossiyskoy imperii* [Russian Imperial Coinage]. Saint Petersburg, Konros-Infom Publ., 2010. 184 p.

17. Skachkov P.E. Vedomost o kitayskoy zemle [Record of Chinese Land]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East], 1936, iss. II, pp. 206-219.

18. Trutovskiy V.K. Altyn, ego proiskhozhdeniye, istoriya, evolutsiya [Altyn, Its Origin, History, and Development]. *Trudy sektsii arkhologii RANION* [Proceedings of the Archaeological Section of RARISS]. Moscow, s.n., 1928, vol. II, pp. 131-137.

19. Uzdenikov V.V. Perekhod na tsifir [The Change from Letters to Figures]. *XI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the Eleventh All-Russian Numismatic Conference]. Saint Petersburg, Gos. Ermitazh, 2003, pp. 207-209.

20. Shafranovstaya T.K. Puteshestvie Lorentsa Langa v 1715–1716 gg. v Pekin i ego dnevnik [Journey of Lorenz Lang to Beijing in 1715–1716, and His Diary]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Moscow, 1936, iss. II, pp. 188-205.

21. Shiriyakov I.V. Nemnogo o zarubezhnykh vliyaniyakh na razvitie rossiyskoy denezhnoy sistemy v XVII v. [Something About Foreign Influences on the Russian Coin System in the 17th Century]. *Numizmaticheskie chteniya GIM 2022 goda* [Numismatic Readings in SHM]. Moscow, GIM, 2022, pp. 231-236.

22. Shiriyakov I.V. «Chervonnye rossiiskije dvukhrubl'jovye» v denezhnoi sisteme pri Petre I [Gold Coins of Two Rubles Denomination in the Russian Coinage Under Peter the First]. *Numizmatika*, 2009, no. 3, pp. 40-42.

23. Iucht A.I. Iz nasledija V.N. Tatishcheva. Materialy ob ekonomicheskom polozhenii Shvetsii v pervoy chetverti XVIII veka [From the Heritage of V.N. Tatishchev. Materials on the Economic of Sweden in the Early 18th Century]. *Istoriya i istoriki. Istoriographicheskii ezhegodnik. 1973* [Historians and History. Historiography Annual. 1973]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 298-321.

24. Yakovleva P.T. Russko-kitayskaya trgovlya cherez Nerchinsk nakanune i posle zaklucheniya Nerchiskogo dogovora (1689 g.) [Russian-Chinese Trade by Way of Nerchinsk-Town Before and After the Nerchinsk Treaty of 1689]. Beskrovnyy L.G., ed. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv.* [International Relations of Russia in the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 122-151.

25. Serov V. The Adoption of European Norms in Peter I's Russian Coinage of 1700–1701. *The Numismatic Chronicle*, 2021, vol. 181, pp. 241-246.

26. Thomas M., Schmidt T.L., eds. *Standard Catalog of World Coins 1701–1800*. Iola (Wi.), Krause Publications, 2018. 1474 p.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Barnaul Orthodox Seminary, Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation; Professor, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Dimitrova St, 66, 656099 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, доцент, профессор, Барнаульская православная духовная семинария, пер. им. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация; профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, ул. Димитрова, 66, 656099 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0348-5499>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫСЛОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.8>

UDC 94(47+57)“18”:338.3

LBC 63.3(2)521-2

Submitted: 18.02.2024

Accepted: 08.07.2024

STATE REGULATION OF THE SALT INDUSTRY ON THE ASTRAKHAN SALT LAKES IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Taisiya V. Yudina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Marina M. Khairlapova

College of the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Based on the materials of the State Archive of the Astrakhan region, which were first introduced into scientific circulation, the issues of salt extraction by the Kalmyks and its transportation by state peasants and Tatars on the Astrakhan salt lakes in the first half of the 19th century are highlighted. *Methods and materials.* The research is based on both published and unpublished sources. *Analysis.* The role of the state in organizing the selection of salt lakes, determining the amount of salt extracted and its transportation, hiring labor, remuneration, catering, and supply issues is analyzed. It was revealed that in the Astrakhan province, in addition to state-owned salt extraction, work was carried out on lakes owned by private salt producers, with the mandatory conclusion of a contract with the Astrakhan Salt Board and their payment of excise duty. Attention is focused on the rules developed by the Astrakhan Commission of Kalmyk Affairs for Kalmyks who were employed in government and private jobs. *Results.* Increased centralization and regulation of the organization of the salt business on the salt lakes of the Astrakhan province by the state was expressed in the identification of specific lakes for salt extraction, the organization of labor for its extraction, storage, and transportation, the establishment of wages, the price of sold salt, and the attraction of salt industrialists. It was aimed at increasing the Treasury's income from the extraction and sale of Astrakhan salt. *The contribution of the authors.* Identification, collection, and processing of documents from the State Archive of the Astrakhan region were carried out by M.M. Khairlapova; preparation of sections of the article; and analysis of the process of organizing the salt industry by T.V. Yudina.

Key words: salt lakes, treasury chamber, salt board, salt producers, Astrakhan province, government regulation, salt workers, salt carriers.

Citation. Yudina T.V., Khairlapova M.M. State Regulation of the Salt Industry on the Astrakhan Salt Lakes in the First Half of the 19th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 117-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.8>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЛЯНОГО ДЕЛА
НА АСТРАХАНСКИХ СОЛЯНЫХ ОЗЕРАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Таисия Васильевна Юдина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Марина Марксовна Хайрлапова

Колледж Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* На основе материалов Государственного архива Астраханской области, впервые вводимых в научный оборот, освещаются вопросы добычи соли калмыками и ее перевозки государственными крестьянами и татарами на астраханских соляных озерах в первой половине XIX века. *Методы и материалы.* Исследование основано как на опубликованных, так и на неопубликованных источниках. *Анализ.* Проанализирована роль государства в организации выбора соляных озер, определении количества добываемой соли и ее перевозки, найма рабочей силы, оплаты труда, вопросов организации питания и снабжения работников. Выявлено, что в Астраханской губернии, помимо казенной добычи соли, производились работы на озерах, принадлежавших частным лицам – солепромышленникам, с обязательным заключением контракта с Астраханским соляным правлением и оплатой ими платежа на соль. Акцентировано внимание на правилах, разработанных Астраханской комиссией калмыцких дел для калмыков, нанимавшихся на казенные и частные работы. *Результаты.* Усиленная централизация и регламентация организации соляного дела на соляных озерах Астраханской губернии со стороны государства, выражавшаяся в определении конкретных озер для добычи соли, организации рабочей силы по ее выломке, хранению и перевозке, установлению оплаты труда, цены продаваемой соли, привлечении солепромышленников, была направлена на увеличение доходов казны от добычи и продажи астраханской соли. *Вклад авторов.* Выявление, сбор и обработка документов из Государственного архива Астраханской области осуществлены М.М. Хайрлаповой, подготовка разделов статьи, анализ процесса организации соляного промысла – Т.В. Юдиной.

Ключевые слова: соляные озера, казенная палата, соляное правление, солепромышленники, Астраханская губерния, государственное регулирование, солеломщики, солевозчики.

Цитирование. Юдина Т. В., Хайрлапова М. М. Государственное регулирование соляного дела на астраханских соляных озерах в первой половине XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 117–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.8>

Введение. На рубеже XVIII–XIX вв. начинается активное заселение Астраханского края, отдаленного от центра, но обширного в Российской империи по своим размерам. Начало хозяйственному освоению территории, по мнению коллектива авторов «Истории Астраханского края», положили беглые крепостные и крестьяне-переселенцы. В 1802 г. были уточнены границы губернии, и она была разделена на Астраханскую и Кавказскую. До середины XIX в. в Астраханской губернии насчитывалось 4 уезда и 6 калмыцких улусов, которые по своему управлению приравнивались к уездам [12, с. 320–321].

Население Астраханской губернии, не только русские, но и калмыки, занимались на

рыбные промыслы [12, с. 323]. Однако, наряду с рыбным, одним из основных для населения был соляной промысел. Значение соляного промысла для экономики страны и особенно для экономического освоения Астраханской губернии в первой половине XIX в. было велико. Если к началу XIX в. доход казны от добычи соли (до миллиона пудов в год) и ее продажи был незначительным, то к середине указанного века, к 1850 г., количество добываемой соли в Астраханской губернии, по подсчетам авторов статьи, возросло почти в 4 раза, до 3 790 543 пудов [15, с. 430]. С 1853 по 1862 г. (1862 г. – год введения акцизной системы государственного соляного дохода Александром II) общая добыча соли на аст-

раханских озерах составила 22 350 81 пудов [20, с. 14].

Развитие соляного дела в Астраханской губернии в первой половине XIX в. специально историками не изучалось, обычно исследователи освещали отдельные соляные промыслы губернии [4], труд солевозчиков на конкретных промыслах [7; 21]. Отдельные сведения по добыче соли, ее перевозке, этническом составе рабочих в указанном периоде встречаются в работах В.М. Гаркема [5], А.М. Головащенко [6], Я.Я. Никитинского [16], Г.П. Федченко [20], в коллективной работе по истории края [12].

Изучение организации соляного дела в Астраханской губернии в первой половине XIX в., являющееся целью данной статьи, позволит оценить эффективность проводившейся правительством Российской империи политики и существенно дополнит наши представления об истории развития соляного промысла Астраханской губернии в указанный период.

Методы и материалы. Применение историко-описательного и историко-сравнительного методов позволило авторам составить общее представление о процессе организации соляного промысла в Астраханской губернии в первой половине XIX века. Привлечены опубликованные источники: доклад министра внутренних дел Российской империи, Устав о соли [17; 19], а также неопубликованные материалы из фондов Государственного архива Астраханской области: Канцелярия Астраханского гражданского губернатора (ф. 1), Канцелярия Астраханского военного губернатора (ф. 2), Астраханское соляное правление (ф. 369). Это договоры, контракты Астраханского соляного правления, правила Астраханской комиссии калмыцких дел для калмыков и т. д.

Анализ. В первой половине XIX в. в России целенаправленное воздействие государства на организацию соляного дела диктовалось необходимостью получения дохода в казну. Управляло соляным делом Российской империи с 1802 г. Министерство внутренних дел, а с 1810 г. – Министерство финансов. В губерниях ответственными лицами выступали губернаторы, непосредственно же вопросами соли занимались казенные палаты [3, с. 20] –

губернские учреждения Министерства финансов Российской империи. Для заготовления «знатного количества соли у мест добычи и в главных запасных магазинах» были учреждены 7 соляных правлений, в том числе и в Астрахани [12, с. 349].

В Астраханской губернии, включавшей в себя большое количество самосадочных соляных озер, от берегов Каспийского моря по обеим сторонам Волги, имелось большое количество соли. Изобилие источников настолько было велико, что позволяло ежегодно производить достаточное количество соли для продажи в губернии и отпускать в верховые города, однако доход казны был незначителен. С целью повышения доходов казны в области соляного дела Астраханской губернии государством были предприняты попытки скрупулезного регулирования процесса организации работ, начиная с выбора конкретных озер для добычи соли.

Так, несмотря на большие запасы соли во многих озерах и солончаках Астраханской губернии, казенной палатой ее добыча в начале XIX в. была признана на следующих озерах: Большом и Малом Басинских, Горькинском, Новонайденном, Большом и Малом Мочаговских или Курочкинских, Новодарминском, Алгаринском, Малом Кордуанском, четырех Леденецких и Баскунчакском. Выломка соли, например, на Большом и Малом Басинских озерах, составлявших в окружности четыре-пять версты, находящихся от пристани в четырех и семи верстах, Горькинском – одну версту 300 сажень и Новонайденном – две версты, находящихся от пристани в трех верстах, производилась по ее «выгодности и надобности». Добыча на последних четырех озерах достигала до миллиона пудов соли [14, л. 1].

Важным источником соли в Астраханской губернии считалось Эльтонское озеро – крупнейшее озеро по добыче соли в России, находившееся в казенном управлении до 1862 года. Так, в 1803 г. государством было продано более 17 миллионов пудов эльтонской соли [20, с. 10].

На меньших озерах, например Малом Кордуанском, окружностью девятьсот десять сажень, находившихся в четырехсот сажнях от пристани, добыча соли планировалась в

меньших объемах и составляла до 200 тысяч пудов соли [14, л. 3].

Однако, если озеро и включалось казенной палатой в список, работы могли не производиться. Например, на Баскунчакском озере, окружностью сорок верст и двести восемьдесят саженей, располагавшемся значительно далеко от пристаней: от Черного Яра – в пятидесяти пяти верстах, от селения Владимировки – в пятидесяти верстах, выломка соли не производилась по причине отдаленности городов Черного Яра и Енотаевки, куда можно было ее поставлять [14, л. 7].

На тех же озерах, которые не попадали в списки казенной палаты, работы по выломке соли определенное время не организовывались «для лучшего ее укрепления».

Правительство, как владелец главных соляных источников в государстве, производило добычу соли из них и ее продажу, но вместе с тем допускало соперничество частных лиц, подвергая их платежу при вывозе добытой ими соли с источников, или таможенной пошлине при получении заграничной соли [1, с. 70].

Астраханская губерния не являлась исключением – ряд соляных промыслов принадлежал частным лицам. Солепромышленники всю вывариваемую соль поставляли в казну по высоким ценам. С ними каждые четыре года заключались контракты [3, с. 20]. Так, 27 мая 1801 г. был заключен контракт в главной соляной конторе купцом Петром Семеновичем Сапожниковым о выломке с соляных озер Астраханской губернии соли и поставке ее в магазины: окружные – в Астрахани, Красноярские, Енотаевские, Черноярские и запасные – Бертюльские и Алгаринские [11, л. 23].

В соответствии с контрактом Петр Семенович Сапожников и подрядчик получали с каждой тысячи пудов за выломку и доставку в окружные магазины: Астрахани – по двадцать три рубля, Красноярские – по двадцать восемь рублей пятьдесят копеек, Енотаевские – по тридцать пять рублей, Черноярские – по сорок рублей, в запасные магазины: Бертюльские – по восемнадцать рублей, Алгаринские – по двадцать восемь рублей пятьдесят копеек [11, л. 24].

Порядок организации казенной добычи соли при этом возлагался на соляные правле-

ния в соответствии с высочайше утвержденным «Уставом соли» от 5 августа 1818 года [19, с. 369].

Разработка и добыча соли на астраханских соляных озерах в первой половине XIX в. велась в основном государственными крестьянами, куда относили только русских, а также калмыками и татарами, устраивающимися на работу по найму. Ломкой соли занимались калмыки, ее перевозкой на своих судах – русские и татары. В конце 40-х гг. XIX в. на соляные промыслы начинают наниматься казахи [7, с. 586], ставшие наиболее многочисленной рабочей силой в соляной промышленности Астраханской губернии во второй половине XIX века.

Организовывались работы следующим образом: калмыки – будущие солеломщики перекочевывали к конкретному озеру, на котором они собирались работать, и недалеко от этого озера, около пресной воды, устанавливали свои кибитки [16, с. 114].

Приведем пример, наглядно показывающий организацию работ Астраханским соляным правлением и участие калмыков в ломке соли на Басинских соляных озерах.

В декабре 1819 г. калмыки Гендыкова улуса Зайсанга Генцук Арши: Даржа Васька, Тюме Хочугур, Хара Самтон, Самтон Хара, Хара Манжи, Васька Тебекте, Дамба Дензин, Шерип Дензин, всего восемь человек, заключили договор с Астраханским соляным правлением. Они брали обязательство выломать в 1820 г. на Басинских соляных озерах 32 тысячи пудов соли казенными инструментами в период с июня по октябрь, когда соль «садкою поспеет» и будет опробована по химическому испытанию [8, л. 70].

В процессе работы в соответствии с договором калмыки должны были разбивать выломанную соль достаточно мелко, промывать очень чисто рапою, чтобы она была без земли, грязи, «дурного запаха», а затем складывать на берегах в точки или копны до того времени, пока она не просыхала. Однако если соль оказывалась непригодной для употребления в пищу, то она не принималась Астраханским соляным правлением. Вместо нее в соответствии с заключенным договором калмыки обязывались вновь приступить к выломке хорошего качества соли, в таком же

количестве, 32 тысячи пудов, и на прежних условиях.

Далее в договоре подробно прописывалось, что после просушки соли солеломщики должны были насыпать ее в мешки, складывать на фуры или отдавать на пристань мешками по три пуда тридцать фунтов, ссыпая в удобные, у соляных озер, места – бугры, «правильные и одинаковые с другими», на возвышенных местах, безопасных от размытия. Бугры соли солеломщики укрывали выданным казной тростником или обжигали им же, чтобы соль не подвергалась потерям от дождей и снега, не перемешивалась с наносной пылью, но если же соль подвергалась размытию, то денег калмыки не требовали, а обязаны были наломать в таком же количестве новую соль [8, л. 70].

За выломку соли калмыки получали за каждую тысячу пудов, перевезенную фурами на пристань или ссыпанную у соляных озер, 15 рублей, при этом при поступлении на работу они брали в задаток на каждого человека по 45 рублей, остальные деньги на необходимые нужды им выдавали в зависимости от результатов работы.

Для перевозки соли с озер на пристань рабочие обращались в казну с просьбами выделения им необходимого количества фур, а для ее ссыпки в бугры – выделения мешков и всего необходимого для выломки и перевозки соли.

Работа по договору длилась до 1 октября, однако, если солеломщики не выполняли свои обязательства, то без разрешения соляного правления они не могли оставлять рабочие места и продолжали добывать соль.

Нанимавшиеся на работу брали на себя обязательства точного выполнения договора и так называемой круговой поруки, то есть поручительства друг за друга при условии получения задаточных денежных средств, например, в вышеописанном случае 360 рублей (8 человек по 45 рублей).

Не только на Большом и Малом Басинских, но и на других – Новонайденном, Горькинском, а также с 1826 г. – Кобыльском и двух Хочатинских соляных озерах, на трех озерах из семи, которые определяло соляное начальство, производилась выломка соли. В соответствии с заключенным договором в

январе 1826 г. Астраханским соляным правлением с калмыками Икицохуровского улуса во главе с Церен Убаши, Зайсанга Боро последние принимали обязательства выломать в 1826 г. 32 тысячи пудов соли, начав выломку казенными инструментами с 20 июля, и закончить в течение трех месяцев, как «соль поспеет и будет опробована» [9, л. 2].

Требования к качеству выломленной соли, ее хранению, перевозке на пристань на вышеперечисленных соляных озерах Астраханским соляным правлением предъявлялись такие же, как и на Басинских.

Однако начиная с 1826 г. стали наблюдаться некоторые изменения в вопросах организации питания и снабжения солеломщиков. Если до указанного года заготовлением съестных припасов, чая, табака на соляные работы занималось правление, то в последующие годы солеломщики заявляли: «Не требуем никакого попечения со стороны правления... как было в прошедшие семь лет, ибо... запастись считаем своей обязанностью», получая при этом на закупку жизненных потребностей еще по 10 рублей на человека [9, л. 2], помимо задатка в 45 рублей.

Также солеломщики заранее определялись с соляным правлением о принятии и оплате соли, выломанной сверх договора. Обязательным в договоре был согласованный пункт между правлением и солеломщиками о количестве рабочей силы, точного выполнения обязательств по выломке соли и штрафных санкций: «Если не явимся или явимся неполным составом и забранных из казны денег не заработаем, то обязуемся внести в правление с добавлением 6 процентов, то есть по 6 на 100 рублей, по силе существующих законов» [9, л. 2].

И, наконец, еще одно условие предъявляли калмыки представителям Астраханского соляного правления: не принуждать их в случае болезни во время работы на соляных озерах обращаться к русским врачам, принимать медикаменты, а предоставить лечение по их обычаям.

Взяв обязательства от нанимающихся по точному выполнению договора, поручительства друг за друга и предоставив задаточные денежные средства в размере 360 рублей, представители Астраханского соляного прав-

ления ставили печать и договор вступал в силу [9, л. 2].

Однако не только солеломщики, но и другие рабочие не всегда выполняли условия договоров. В связи с этим 22 октября 1827 г. Астраханская комиссия калмыцких дел разработала правила для калмыков, нанимавшихся на казенные и частные работы, которые часто отклонялись от них под разными предлогами, во избежание затруднений, особенно происходящих при выдаче задатков астраханскими рыбопромышленниками.

В правилах указывалось, что калмыки, нанимающиеся на частные и казенные работы, могли спросить у владельцев казенных участков, правителей улусов письменное одобрение в том, что каждому из них можно доверить до 15 рублей, и каждый из них явится в урочное время. Также письменно подтверждалось, что нанимающиеся проработают весь указанный срок – «пробудут в действительной работе», а владельцы и правители несут ответственность за свои обязательства. В одобрениях обязательно указывалось «с какого по какое время мог нанимающийся пребывать в работе». Такой документ выдавался одному или нескольким калмыкам с засвидетельствованием этих одобрений местным правительством [2, л. 1].

Далее в правилах для калмыков отмечалось, что, если кто-то из нанятых рабочих не являлся в срок на работу, или, явившись, не доработал обозначенного времени, то состоящие с ними в товариществе калмыки должны были за общий счет нанять вместо него другого. Это требование указывалось и в договорах с круговой порукою, и в общей ответственности одобрителей [2, л. 2].

Владельцы казенных участков, правители улусов предоставляли от себя такое удостоверение своим посредникам, специальным людям – бодокчям. По принятым тогда правилам бодокчей имел право на удостоверение о ручательстве, был уполномочен от владельцев и правителей письменной доверенностью предоставить удостоверение и доверенность на 1 год [2, л. 2].

Таким образом, владельцы и правители казенных участков и улусов, подчинив этим правилам калмыков, поступающих на работу солеломщиками, ограждали их от притязаний

людей, к которым они нанимались на работу. Лица, приглашавшие на работу калмыков, не должны были удерживать им принадлежащее, а любые необходимые сделки они могли заключать только с бодокчями в присутствии местных частных приставов или главного пристава.

Выяснив организацию работ солеломщиков, проанализируем организацию труда солевозчиков. Перевозкой соли занимались в основном государственные крестьяне. Так, в марте 1823 г. государственные крестьяне Красноярского уезда Кордуанского селения: Степан Демосиненко, Прокопий Горбачев, Михаил Бондаренко, Дорофей Устинцев, Дмитрий Малюк, Михаил Чугунов, Роман Костенко, Данила Лиспицкий заключили договор о перевозке соли в казенные магазины с Красноярских озер на Кигацкую пристань своими пароваловыми фурами, а также брали обязательство с соляного правления о том, что насыпать соль в мешки и накладывать на фуры будут солеломщики.

С каждой тысячи мешков, перевезенных на Кигацкую пристань с Красноярских озер: Малого Кордуанского и Леденецкого, солевозчики получали по сорок рублей [10, л. 2].

Наряду с государственными крестьянами перевозку соли осуществляли татары. 14 февраля 1831 г. юртовский татарин Копар Сафаров заключил контракт с Астраханским соляным правлением на перевозку летом текущего года собственными двенадцатью дощаниками с Басинской и Дарминской пристаней 150 тысяч пудов соли.

Условия были следующие: начинать перевозку соли необходимо после таяния льда на реке. В предоставленные в хорошем рабочем состоянии дощаники погружалась соль, ее принимали от определенных со стороны казны смотрителей, взвешивая на казенных весах. Затем перевозчики, получив удостоверяющий документ – билет, должны были быстро доставить соль до магазинов, сдать ее, взвешивая на весах, в надлежащем качестве и чистоте, «без всякого недостатка». При обнаружении недостатка перевозчики обязаны были заплатить в казну деньги по проданной в магазинах цене недоставленной соли и за ее перевозку.

Солевозчики согласно контракту брали обязательства, чтобы вся соль была достав-

лена в магазины летом и не позже 1 октября, но если по каким-либо причинам запланированного количества соли они не могли перевезти, и это становилось известно представителям соляного правления, то последнее могло нанимать других солевозчиков.

Оговаривались также условия по качеству соли при ее транспортировке. Например, требовалось соблюдать «умеренность по нагрузке дощаников солью и излишним грузом не отягощать принятую в дощаники соль, беречь, покрывая для устранения в пути от нечистоты прочными покрывалами. За малейшую нечистоту соли во время пути никому соль не продавать, ни менять, ни дарить. За выявленные нарушения перевозчиков привлекали к ответственности в соответствии со строгой законностью» [13, л. 22].

Весь необходимый инвентарь для перевозки соли, например, мешки, деревянные лопаты и другое нанимающиеся должны были иметь собственные.

При этом Астраханское соляное правление учитывало возможные усушки и утечки соли при ее перевозке и разрешало солевозчикам получить «безденежно по пять пудов на каждую тысячу пудов, но если по хозяйственному сбережению из этой соли будет остаток, то их обязывали» сдавать ее в магазины и получать за перевозку деньги по установленной цене.

Какая же оплата предусматривалась при перевозке соли с соляных пристаней в магазины? Приведем конкретный пример с вышеупомянутым К. Сафаровым. Так, с Басинской и Дарминской пристаней в Бертюльские оптовые магазины за благополучную перевозку 150 тысяч пудов соли нанимающийся получал за каждую тысячу пудов по сорок рублей, всего, согласно контракту, за сто пятьдесят тысяч пудов – шесть тысяч семьдесят пять рублей ассигнациями. В итоговую сумму при заключении контракта включались в задаток суммы на каждый дощаник – по сто девяносто рублей, за двенадцать дощаников (такое количество определяло правление) – две тысячи двести восемьдесят рублей. Деньги перевозчик получал в следующие сроки: часть – после освидетельствования судов, приготовленных к пути, затем – по решению доверенного от правления чиновником разре-

шения передвигаться в магазины. Далее, следующую сумму (по шестьдесят рублей) можно было получить на каждый дощаник, соответственно на двенадцать дощаников – семьсот двадцать рублей и передаче соли в Бертюльские магазины в объеме семидесяти пяти тысяч пудов соли. Затем при наличии квитанции, выданной соляным приставом, получить еще тысячу пятьсот рублей, а остальную сумму (по подсчетам авторов – тысячу пятьсот семьдесят пять рублей. – Т. Ю., М. Х.) после перевозки оставшегося количества соли и при предоставлении надлежащей квитанции о ее сдаче в магазины.

Контракты Астраханского соляного правления на перевозку соли с нанимающимися завершались следующим обязательством со стороны последних: «В верности перевозки и в обеспечении получаемых задатков, предоставляем мы залогом дощаники со всеми припасами, а также все движимое и недвижимое имущество, какое имеется» [13, л. 59].

Для найма солевозчиков на перевозку с астраханских озер на пристани соли Астраханское соляное правление организовывало торги. Например, 13 и 14 марта 1844 г. на торгах были определены следующие цены: за каждую тысячу трехпудовых мешков с Басинских озер государственным крестьянам Басинского селения Егору Дорошенкову с товарищами – в размере пятидесяти пяти рублей ассигнациями, с Курочкинских озер – им же и татарам Курочкинского селения Байтемиру с товарищами – по пятьдесят рублей пятьдесят копеек ассигнациями [18, л. 1].

Затрагивая вопрос устройства быта работников на соляных промыслах, отметим, что проживали они, например, в Эльтоне, в «отвратительных земляных норах, душных в засуху, сырых и смрадных в дождь» [4, с. 281]. Питание, которое организовывало Астраханское соляное правление до 1826 г., было постным: мука приобреталась в Камышине, крупа, масло и другие припасы привозились из Пензенской губернии. Вода употреблялась из одного колодца, вырытого около озера.

Отсутствие удобных жилищ, качественной воды и полноценного питания способствовали появлению эпидемических болезней. Распространенными болезнями были ревматизм, ломота, глазные болезни, лихорадка.

Власти для разрешения указанной проблемы открыли в Эльтоне больницу на 10 кроватей, назначили доктора, обязанного осматривать рабочих. Однако сами рабочие обращались за врачебной помощью в крайнем случае, при совершенной неспособности к работе [6, с. 28].

Результаты. Таким образом, в первой половине XIX в. добыча и перевозка соли велась на соляных озерах Астраханской губернии, определяемых казенной палатой «по выгоды и надобности», то есть по количеству добываемой соли, ее продажи. Работы производились только на озерах, выявленных и разрешенных палатой, на остальных, не включенных в список, – наступало временное затишье для естественного пополнения соли. Также не организовывались работы на озерах с отдаленными, труднодоступными местами для перевозки и продажи соли.

Владельцами соляных озер Астраханской губернии являлись не только государство, но и частные лица, которые заключали контракты с соляным правлением на организацию работ по добыче и перевозке соли.

Порядок организации казенной добычи и продажи соли в Астраханской губернии регламентировался законодательными документами. В соответствии с вышеупомянутым «Уставом соли» от 5 августа 1818 г. казна занималась разработкой и продажей соли. Однако соль, разрешенную добывать из соляных озер частным лицам, облагали платой. Уставом разрешалась свободная торговля солью каждому ее покупателю из магазина оптовой продажи. Также по Уставу государство устанавливало контроль над соляными озерами: они охранялись вольнонаемными объездчиками, казаками Астраханского казачьего войска, урядниками, вахтерами. Однако, несмотря на организацию охран озер, соляное корчемство (нелегальная добыча и продажа соли. – Т. Ю., М. Х.) на астраханских соляных озерах оставалось распространенным явлением.

В первой половине XIX в. способ добычи соли на астраханских озерах, как и в XVIII в., оставался прежним: солеломщики добывали соль лопатами и пешнями, измельчали ее, затем промывали в рапе и складывали на озерах для просушки, далее высу-

шенную соль, предварительно сложив в мешки, перевозили на пристани и укладывали в бугры. Затем солевозчики приступали к перевозке соли в магазины. Она доставлялась в магазины летом и, как правило, не позже 1 октября.

Однако организация труда на астраханских промыслах в начале XIX в. претерпела изменения. Так, на Эльтонском озере к 1803 г. казенные солевозчики, занимавшиеся провозом соли, были освобождены от казенных повинностей и приписаны к озеру с обязанностью возить соль. Им отмежевали земли, по солевозному покровскому тракту построили колодцы. Благодаря этим мерам вывоз астраханской соли в начале XIX в. увеличился, и казна стала снабжать больше губерний продуктом первой необходимости – эльтонской солью. Введенное разделение труда солеломщиков и солевозчиков на всех астраханских озерах с четко разделенными обязанностями и дифференцированной оплатой работников также способствовало увеличению добычи соли и ее поставок на внутренний рынок страны.

При такой регламентации и организации соляных работ добыча соли постепенно возрастала. Если в начале XIX в. добыча соли достигала до миллиона пудов, затем, ежегодно до 1849 г., с астраханских озер добывалось 1 700 000 пудов соли, то в 1850 г. с Новонайденного озера было добыто 381 327 пудов соли, Большого Басинского – 141 594, Малиновского – 1 073 433, Курочкинского – 1 350 870, Белинского – 140 970, Большого Кордуанского – 171 530, Можарского – 530 819 пудов [15, с. 430], в общей сложности почти 3 800 000 пудов. Высокой оставалась добыча соли и на Эльтонском озере, крупнейшем озере России: с 1807 по 1862 г., по нашим подсчетам, было добыто 258 750 594 пуда [16, с. 16].

В вопросах организации питания и снабжения солеломщиков на протяжении первой половины XIX в. также произошли изменения: если в первой четверти XIX в. данными вопросами занималось Астраханское соляное правление, то с 1826 г. – по собственной инициативе нанимающиеся на работу. Особые требования предъявляли калмыки в медицинском вопросе, отказываясь от услуг русских врачей.

Рабочая сила на астраханских озерах была представлена русскими – государственными крестьянами, а также калмыками, татарами, и к середине XIX в. на соляные промыслы начинают наниматься казахи. Представители национальных групп выполняли определенные виды работ: ломкой соли занимались калмыки, ее перевозкой на своих судах – русские и татары, с конца 1840-х гг. еще и казахи.

Казенная палата Астраханской губернии определяла конкретные озера для работ по выломке соли; Астраханское соляное правление организовывало добычу, транспортировку и продажу соли путем организации торгов для найма работников, заключения контрактов с будущими солеломщиками (с определением выломки конкретного количества соли и только хорошего ее качества) и солевозчиками. В договорах подробно прописывались конкретные сроки работ, численность рабочей силы и количество качественной выломанной соли, все операции по выломке, разбивке, промывке, хранению, просушке, перевозке, транспортировке, продаже соли, а также вопросы оплаты труда, организации питания, снабжения, предоставления необходимого рабочего материала и инструментов, оказания медицинской помощи. От нанимавшихся требовалось точное выполнение всех пунктов договора, и без разрешения правления они не могли покидать промыслы. Солеломщики-калмыки в свою очередь заранее определялись с Астраханским соляным правлением о принятии и оплате соли, выломанной сверх договора, а также о медицинском обслуживании без участия русских врачей. Определенную роль в защите интересов солеломщиков-калмыков играла Астраханская комиссия калмыцких дел, составляя документ – письменные одобрения для нанимающихся. Солевозчиками соляное правление нанимало государственных крестьян и татар и для их найма организовывало торги.

Управление соляным делом в начале XIX в. неоднократно менялось, однако продолжавшиеся централизация и регламентация его со стороны государства, что наглядно представлено в статье, определялись целью увеличения доходов казны от добычи и продажи соли в Астраханской губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия: история-статистика. СПб.: Общественная польза, 1882. Т. 3. 232 с.
2. В Астраханское соляное правление. 14 ноября 1828 г. // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 315. Л. 1–2.
3. Введенский Р. М. Проекты реорганизации соляного дела в начале XIX в. и их социальная сущность // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1995. С. 20–35.
4. Гаврилов Д. П. Елтонский соляной промысел: из путевых заметок // Русский вестник. 1869. Т. 83, № 9. С. 265–289.
5. Гаркема В. М. Очерк месторождений соли и добыча ее в Астраханской губернии // Приложение к Памятной книжке Астраханской губернии на 1890 г. Астрахань: Изд. Губ. Стат. Ком., 1889. С. 1–44.
6. Головащенко А. М. Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Тип. Астрахан. губ. стат. ком., 1877. Вып. 5. С. 1–46.
7. Джумагалиева К. В. Участие казахов в перевозке Баскунчакской и Эльтонской соли // Известия ПГПУ им. В.И. Белинского. 2012. № 7. С. 586–589.
8. Договоры, заключенные калмыками с Астраханским соляным правлением на добычу соли в декабре 1819 г. // ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 89. Л. 70–73.
9. Договоры, заключенные калмыками Икицохуровского улуса с Астраханским соляным правлением на добычу соли в январе 1826 г. // ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–3.
10. Договоры, заключенные с государственными крестьянами на перевозку соли в казенные магазины с Красноярских озер на Кигацкую пристань // ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–2.
11. Заключение контракта купцом П.С. Сапожниковым на доставку соли в 1801 г. // ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1893. Л. 23–27.
12. История Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000. 1122 с.
13. Контракт, заключенный юртовским татаринном с Астраханским соляным правлением о перевозке соли в феврале 1831 г. // ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 461. Л. 22–59.
14. Краткое описание озер, состоявшим в ведении экспедиции Астраханских соляных промыслов озерам, с показанием, в каких добывается соль, и с каких не добывается по изъясненным причинам // ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–8.
15. Милованов Г. К. Астраханские соляные промыслы // Горный журнал. 1850. № 3. С. 420–446.

16. Никитинский Я. Я. О самосадочной соли Астраханской губернии. М.: Университет. тип., 1876. 144 с.

17. О новом положении управления Астраханских соляных промыслов. Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел от 20 апреля 1806 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2-е. В 45 т. Т. 29. № 22103. СПб.: Гос. тип., 1806–1807. С. 186–195.

18. О ценах на перевозку с озер на пристани соли 14 марта 1844 г. // ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 800. Л. 1–2.

19. Устав о соли и учреждении соляного управления от 5 августа 1818 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2-е. В 45 т. Т. 35. № 27448. СПб.: Гос. тип., 1818. С. 369–403.

20. Федченко Г. П. О самосадочной соли и соляных озерах Каспийского и Азовского бассейнов. М.: Изд. О-ва при содействии М-ва фин., 1870. 150 с.

21. Шульга И. И. Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2008. № 5 (24). С. 156–159.

REFERENCES

1. Blioh I.S. *Finansy Rossii XIX stoletiya: istoriya-statistika* [Finance of Russia of the 19th Century: History-Statistics]. Saint Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1882, vol. 3. 232 p.

2. V Astrahanskoe soljanoe pravlenie. 14 nojabrja 1828 g. [To the Astrakhan Salt Board. November 14, 1828]. *Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO)* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 315, l. 1-2.

3. Vvedenskij R.M. Proekty reorganizacii soljanogo dela v nachale XIX v. i ih socialnaja sushhnost [Projects of Reorganization of the Salt Business in the Early 19th Century and Their Social Essence]. *Iz istorii obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii XIX veka* [From the History of Socio-Political Thought in Russia of the 19th Century]. Moscow, MGPI im. V.I. Lenina, 1995, pp. 20-35.

4. Gavrilo D.P. Eltonskij soljanoy promysel: iz putevyh zametok [The Elton Salt Fishery: From Travel Notes]. *Russkij vestnik*, 1869, vol. 83, no. 9, pp. 265-289.

5. Garkema V.M. Oчерк mestorozhdeniy soli i dobycha eye v Astrahanskoy gubernii [An Outline of Salt Deposits and Its Extraction in the Astrakhan Province]. *Prilozhenie k Pamyatnoj knizhke Astrahanskoj gubernii na 1890 g.* [Appendix to the Memorial Book of the Astrakhan Province for 1890]. Astrakhan, Izd. Gub. Stat. Kom., 1889, pp. 1-44.

6. Golovashchenko A.M. Soljanye promysly Astrahanskoy gubernii [Salt Mines of Astrakhan Province]. *Trudy Astrahanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Works of the Astrakhan

Provincial Statistical Committee]. Astrakhan, Tip. Astrahan. gub. stat. kom., 1877, iss. 5, pp. 1-46.

7. Dzhumagalieva K.V. Uchastie kazahov v perevozke Baskunchakskoj i Eltonskoj soli [Kazakhs' Participation in the Transportation of Baskunchak and Elton Salt]. *Izvestiya PGPU im. V.I. Belinskogo*, 2012, no. 7, pp. 586-589.

8. Dogovory, zakljuchennye kalmykami s Astrahanskim soljanym pravleniem na dobychu soli v dekabre 1819 g. [Kalmyks' Contracts with Astrakhan Salt Board for Salt Mining, December 1819]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 89, l. 70-73.

9. Dogovory, zakljuchennye kalmykami Ikitsokhurovskogo ulusa s Astrahanskim soljanym pravleniem na dobychu soli v janvare 1826 g. [Agreements Concluded by the Kalmyks of Ekitsokurov Ulus with the Astrakhan Salt Board for Salt Extraction in January 1826]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 258, l. 2-3.

10. Dogovory, zakljuchennye s gosudarstvennymi krestjanami na perevozku soli v kazennye magaziny s Krasnojarskih ozer na Kigackuju pristan [Contracts with State Farmers for Transportation of Salt from Krasnoyarsk Lakes to Kigatskaya Pier to State Warehouses]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 168, l. 1-2.

11. Zakljuchenie kontrakta kuptsom P.S. Sapozhnikovym na dostavku soli v 1801 g. [The Conclusion of a Contract by Merchant P.S. Sapozhnikov for the Delivery of Salt in 1801]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 1, inv. 1, d. 1893, l. 23-27.

12. *Istorija Astrahanskogo kraja* [The History of the Astrakhan Region]. Astrakhan, Izd-vo Astrakhan. gos. ped. un-ta, 2000. 1122 p.

13. Kontrakt, zakljuchennyj jurtovskim tatarinom s Astrahanskim soljanym pravleniem o perevozke soli v fevrale 1831 g. [Yurt Tatar's Contract with the Astrakhan Salt Board for Salt Transportation in February 1831]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 461, l. 22-59.

14. Kratkoe opisanie ozer, sostojavshim v vedenii ekspedicii Astrahanskikh soljanyh promyslov ozeram, s pokazaniem, v kakih dobyvaetsja sol, i s kakih ne dobyvaetsja po izjasnennym prichinam [A Brief Description of the Lakes, Which Were Under the Supervision of the Astrakhan Salt Industry Expedition, with an Indication of Which Salt Is Extracted and from Which It Is Not Extracted for Explained Reasons]. *GAAO* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 369, inv. 1, d. 24, l. 1-8.

15. Milovanov G.K. Astrahanskije soljanye promysly [Astrakhan Salt Fields]. *Gornyj zhurnal*, 1850, no. 3, pp. 420-446.

16. Nikitinskij Ja.Ja. *O samosadochnoj soli Astrahanskoj gubernii* [About Self-Seeding Salt of

Astrakhan Province]. Moscow, Universitet. tip., 1876. 144 p.

17. O novom polozhenii upravlenija Astrahanskijh soljanyh promyslov. Vysochajshe utverzhennyj doklad ministra vnutrennih del ot 20 aprelja 1806 g. [About the New Regulation of the Astrakhan Salt Industry Management. The Most Highly Approved Report of the Minister of the Interior Dated April 20, 1806]. *PSZ RI. Sobranie 2-e. V 45 t. T. 29. № 22103* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2nd. In 45 Vols. Vol. 29. No. 22103]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1806–1807, pp. 186–195.

18. O cenah na perevozku s ozer na pristani soli 14 marta 1844 g. [On the Prices of Transportation from the Lakes to the Salt Pier on March 14, 1844]. *ГААО* [State Archive of the Astrakhan Region], f. 2, inv. 1, d. 800, l. 1-2.

19. Ustav o soli i uchrezhdenii soljanogo upravlenija ot 5 avgusta 1818 g. [The Charter on Salt and Salt Management Institutions Dated August 5, 1818]. *PSZ RI. Sobranie 2-e. V 45 t. T. 35. № 27448* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2nd. In 45 Vols. Vol. 35. No. 27448]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1818, pp. 369–403.

20. Fedchenko G.P. *O samosadochnoj soli i soljanyh ozerah Kaspijskogo i Azovskogo bassejnov* [About Self-Seeding Salt and Salt Lakes of the Caspian and Azov Basins]. Moscow, Izd. O-va pri sodejstvii M-va fin., 1870. 150 p.

21. Shulga I.I. Povolzhskie solevozhchiki [Volga Salt Trucks]. *Vestnik Saratovskogo socialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov Socio-Economic University], 2008, no. 5 (24), pp. 156–159.

Information About the Authors

Taisiya V. Yudina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, taisia.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

Marina M. Khairlapova, Candidate of Sciences (History), College Teacher, College of the Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Sofyi Perovskoy St, 96, 414056 Astrakhan, Russian Federation, marina.aldongarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>

Информация об авторах

Таисия Васильевна Юдина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, taisia.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

Марина Марковна Хайрлапова, кандидат исторических наук, преподаватель колледжа, Колледж Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, ул. Софьи Перовской, 96, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, marina.aldongarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5718-083X>

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ГОСУДАРСТВА К СВЕТСКОМУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

UDC 94(476)«18/19»:322
LBC 63.3(4Бел)53-37

Submitted: 29.07.2023
Accepted: 29.12.2023

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN BELARUS AT THE END OF THE 19th CENTURY – 1917

Tatsiana V. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The article describes the process of transformation of state-confessional relations in the Belarusian lands as part of the Russian Empire from the end of the 19th century to 1917. **Methods and materials.** To obtain verified results, the study is based on the analysis of administrative and regulatory materials, office documents of the Mogilev diocese, and domestic and foreign historiography. The study was conducted using an interdisciplinary methodology: historical-typological and historical-comparative methods, formal-legal, and the method of interpretation of legal norms were used. In addition, to identify the features of the socio-political discourse on the issue of changes in state-church relations, discourse analysis was used. **Analysis.** The historically established model of a religious state with the dominance of the Orthodox Church in the Russian Empire was established in the 19th century on Belarusian lands with a different confessional structure and traditions of state-church relations. The author noted a tendency to transition from the model of a religious state to the model of a secular state – in the period March – October 1917, the Provisional Government tried to establish an identification model of a secular state. This model corresponded to the religious system of Belarusian society with the dominance of the Orthodox Church and the expectations of socio-political actors and also ensured the implementation of religious rights and freedoms of adherents of other religions but was not fully implemented due to the transfer of power to the Bolshevik Party in October 1917. **Results.** Transformational processes in state-confessional relations in the Belarusian provinces took place in the direction from the model of a religious state to the model of a secular state as accompanying changes in the political system of the Russian Empire. Internal factors in the development of the state-confessional system of the Russian Empire, as well as the peculiarities of the confessional environment of the Belarusian provinces (diversification of the religious structure of Belarusian society, limitation of the rights of traditional actors rooted in the Belarusian religious environment, confessional dualism “Orthodoxy-Catholicism”), did not play a significant role in the transformation processes.

Key words: state-confessional relations, religious policy, secular state, religious state, Belarus.

Citation. Lisouskaya T.V. Transformation of the Model of State-Confessional Relations in Belarus at the End of the 19th Century – 1917. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 128-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX в. – 1917 ГОДУ

Татьяна Витальевна Лисовская

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* В статье охарактеризован процесс трансформации государственно-конфессиональных отношений на белорусских землях в составе Российской империи с конца XIX в. до 1917 года. *Методы и материалы.* Для получения верифицированных результатов исследование основано на анализе административных и нормативно-правовых материалах, документов делопроизводства Могилевской епархии, отечественной и иностранной историографии; исследование проведено с применением междисциплинарной методологии: были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, формально-юридический и метод толкования правовых норм. Для выявления особенностей общественно-политического дискурса по вопросу изменений государственно-церковных отношений также был применен дискурс-анализ. *Анализ.* Исторически сложившаяся в Российской империи модель религиозного государства с доминированием православной церкви устанавливалась в XIX в. на белорусских землях с иной конфессиональной структурой и традициями государственно-церковных отношений. Автором отмечена тенденция к переходу от модели религиозного государства к модели светского государства в период марта – октября 1917 года. Временным правительством была сделана попытка установления идентификационной модели светского государства. Данная модель соответствовала религиозной системе белорусского общества с доминированием православной церкви и ожиданиям общественно-политических акторов, а также обеспечивала реализацию религиозных прав и свобод приверженцев иных религий, однако не была реализована до конца по причине перехода власти к партии большевиков в октябре 1917 года. *Результаты.* Трансформационные процессы в государственно-конфессиональных отношениях в белорусских губерниях проходили в направлении от модели религиозного государства к модели светского государства как сопутствующие изменениям политической системы Российской империи. Внутренние факторы развития государственно-конфессиональной системы Российской империи, а также особенности конфессиональной среды белорусских губерний (диверсификация религиозной структуры белорусского общества, ограничение прав традиционных, укорененных в белорусской религиозной среде акторов, конфессиональный дуализм «православие – католицизм») не сыграли значительной роли в трансформационных процессах.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, светское государство, религиозное государство, Беларусь.

Цитирование. Лисовская Т. В. Трансформация модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX в. – 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 128–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.9>

Введение. Религия как социальный институт оказывает огромное влияние на общественное, культурное и политическое развитие общества и является значимым фактором национально-государственной идентичности. Формирование отношений государства с религиозными организациями происходит на основе национальных и исторических традиций общества, а также в зависимости от политических целей государства. В связи с этим существует плюрализм моделей государствен-

но-конфессиональных отношений, которые исторически сформировались на основе развития общественно-политических систем общества, традиций и идеологий. Религиозная структура белорусского общества исторически характеризовалась конфессиональным дуализмом «православие – католицизм» доминирующих в Беларуси христианских конфессий и широкой представленностью исторически традиционных для Беларуси представителей иных религий – иудаизма, ислама, а так-

же протестантских конфессий. Общественно-политические процессы, изменение конфессиональной структуры общества Беларуси, революционные преобразования конца XIX – начала XX в. актуализировали не только преобразование государственной системы, но и изменение положения религиозных организаций и их взаимоотношений с государством.

Вопросы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX – начале XX в. в современной белорусской и российской историографии затрагиваются в контексте изучения государственной религиозной политики Российской империи и Временного правительства. Положение конфессий и религий в белорусских губерниях Российской империи отражены в работах белорусских исследователей В.В. Яновской [40], В.И. Новицкого [13], И.И. Янушевича [41]. Общие направления религиозной политики, применимые для изучения белорусской конфессиональной истории, рассмотрены в работах российских историков Т.К. Никольской [18], О.Ю. Редькиной [30], А.А. Сафонова [31], М.И. Одинцова [23], В.В. Андрощука [1]. Однако при достаточной разработке общих положений религиозной политики есть ряд лакун в изучении государственно-конфессиональных отношений в Беларуси. В частности, недостаточно рассмотрены вопросы формирования и трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в контексте поликонфессиональности белорусского общества и наличия этноконфессионального дуализма «православный белорус – католик-поляк», особенностей ее построения на территории Беларуси.

Целью данной статьи является характеристика трансформации модели государственно-церковных отношений в Беларуси в конце XIX в. – 1917 г. в контексте социально-политических изменений в обществе.

При изучении трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений следует принимать во внимание отсутствие единой научной классификации моделей в исторических и юридических исследованиях. При этом большинство ученых в качестве факторов классификации выделяют: степень взаимосвязи государственных и церковных институтов, степень идеологического монополизма, наличие привилегированного статуса опреде-

ленного вероисповедания, дифференциацию правового статуса и правомочий разных вероисповеданий, степень реализации свободы совести граждан в индивидуальном и в коллективном измерении. Характеристика процесса трансформации государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в конце XIX в. – первой половине XX в., а также идентификация моделей, которые основаны на выявлении и анализе основных индикаторов моделей.

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы Российской империи, Временного правительства, материалы административных процессов, документы делопроизводства Могилевской епархии. При анализе процесса трансформации государственно-конфессиональных отношений были применены историко-типологический и историко-сравнительный методы, а также для выявления особенностей общественно-политического дискурса по вопросу изменений государственно-церковных отношений был применен дискурс-анализ.

Анализ. Модель государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (конец XIX в. – 1905 г.). После вхождения белорусских земель в состав Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг. в белорусских губерниях происходило установление российского политико-правового режима, который включал в себя и регулирование государственно-конфессиональных отношений. Процессы унификации политико-правовой и конфессиональной системы белорусских губерний с центральными губерниями России активизировались в XIX в. в связи с нормативно-правовым закреплением принципов государственно-конфессиональных отношений в Своде Законов Российской империи 1835 г., а также в связи с необходимостью реакции властей на восстания 1830–1831 гг., 1863–1864 годов.

Следует отметить, что система государственно-конфессиональных отношений Российской империи была исторически детерминирована. В основе системы лежал принцип цезарепапизма [35, с. 34], который предполагал примат и тесную взаимосвязь государства

и религиозных организаций на основе взаимных интересов. Верховенство государства осуществлялось прежде всего через контроль государством всех религиозных организаций на белорусских и российских землях и управление ими: православной церковью – Святейшим правительствующим Синодом, утвержденным в 1721 г., иными вероисповеданиями – Департаментом духовных дел иностранных исповеданий [33, ст. 46] при Министерстве внутренних дел. Государство оставляло за религиозными организациями вопросы духовного характера, однако и многие вопросы религиозной деятельности, в том числе вопросы внутреннего устройства, находились в ведении светских властей – утверждение епископов, архиереев, открытие кафедр, назначение архиереев на кафедры и т. д. Так, Священный синод имел право издания указов, обязательных для выполнения всем православным духовенством, право назначения новых праздников и обрядов, канонизации святых [14, с. 11]. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий распоряжался назначением членов Римско-католической коллегии, католических прелатов, руководителей протестантских консисторий и мусульманских духовных правлений, в его компетенции находились вопросы открытия католических епархий и приходов, устройство конфессиональных округов и учреждений, решение имущественных вопросов инославия. Департамент контролировал финансирование, доходы и расходы, распоряжался постройкой и ремонтом культовых зданий, имел право установления праздничных дней для инославия и т. д. [2, с. 350]. При этом религиозные организации также были интегрированы в государственно-административную систему: им были переданы вопросы метрикации, а православная церковь, кроме религиозных функций (культовая практика, религиозное образование) и социальных (милосердие), выполняла функции исполнительной власти (общественное просвещение), зачастую выступая как судебная и отчасти законодательная инстанция [14, с. 10],

Статус православной церкви как «первенствующей и господствующей» [34, ст. 40] в государстве был характерной чертой модели государственно-конфессиональных отношений в Российской империи. Император про-

возглашался Главой Русской православной церкви [34, ст. 42], Статус главы церкви, а также чин миропомазания при возведении на престол обеспечивали, с одной стороны, сакрализацию власти императора и государства, а с другой стороны, определяли обязательства государства по защите интересов, учения и внутренней чистоты православной церкви, что определило правовые основы для расширения полномочий православной церкви в общественно-политическом пространстве. Так, в качестве государственных были признаны основные православные праздники, духовенство привлекалось к официальному участию в мероприятиях (коронование, благодарственные молебны, открытие государственных учреждений), отдельные административные процедуры в отношении инославных исповеданий согласовывались с Православной Духовной Консисторией. В целом статус православной церкви и ее тесное взаимодействие с государством определили основной концепт религиозной политики – защиту прав и интересов православной церкви как институциональной части государства и его мировоззренческой основы, консолидирующей общество. Обязанность императора как «блюстителя правове-рия» [34, ст. 41–42] закрепила православную веру в качестве идеологической основы общества и определила позицию государства к иным религиям и конфессиям, а также оказала влияние на возможности реализации свободы совести и вероисповедания приверженцев неправославных религий и внерелигиозного мировоззрения.

Следует отметить, что исторически сложившаяся в Российской империи модель религиозного государства с доминированием православной церкви устанавливалась в XIX в. на белорусских землях с иной конфессиональной структурой и традициями государственно-конфессиональных отношений. Перед вхождением в состав Российской империи в конце XVIII в. конфессиональная структура Великого княжества Литовского выглядела следующим образом: 39 % униатов, 38 % католиков, 6,5 % православных, 4 % староверов, 1,6 % лютеран и кальвинистов от общей численности населения [13, с. 5]. Православная церковь по всей Речи Посполитой насчитывала всего 500 тыс. человек (в Великом кня-

жестве Литовском – 250 тыс.) с одной Белорусской епархией в Могилеве. На протяжении конца XVIII – конца XIX в. в белорусских губерниях проходило установление российской модели религиозного государства и усиление позиций православной церкви. Проведение Полоцкого собора 1839 г. и перевод греко-католической церкви в православную, создание новых православных епархий (Могилевская, Минская, Литовская, Полоцкая) содействовали увеличению численности православного населения [42, с. 76]. Участие католического клира в восстании 1863–1864 гг. привело к радикализации религиозной политики и интенсификации процессов усиления влияния православия в конце XIX века. В первые годы после подавления восстания в православие были переведены 30 тыс. католиков Литовской епархии (Виленская, Гродненская и Ковенская губернии) и 37 тыс. католиков Минской епархии [25, с. 51]. Изменение конфессиональной принадлежности населения белорусских губерний и установление системы религиозного государства привело к появлению в Беларуси «упорствующих в латинстве» – лиц, которые юридически перешли в православие, но не желали подчиняться православной канонической дисциплине. Отмечается, что «упорствующие в латинстве» преимущественно были расселены компактными группами в Виленской, Гродненской и Минской губерниях [6, с. 3, 8, 9, 26, 28, 32, 49, 90].

В рамках реализации политики закрепления монополизма православия и преодоления конфессионального оппонирования «православие – католицизм» на белорусских землях за православной церковью были законодательно закреплены исключительные права в общественно-религиозной сфере, а внерелигиозное состояние не подразумевалось [9, л. 1–4]. В частности, ст. 38 Свода законов 1879 г. запрещала выход из православной церкви [39, ст. 38]. Вопрос вероисповедных переходов особенно остро стоял в белорусских губерниях в связи с наличием разных христианских конфессий, нехристианских религий, лиц «упорствующих в латинстве», и большого числа межрелигиозных браков. В отчете оберпрокурора Священного Синода за 1883 г. в отношении Минской епархии отмечалось, что возрастные верующие в большинстве случа-

ев молятся по-польски, отправляются с католиками на богомолье в Царство Польское, а молодые молятся как по-славянски, так и по-польски [16, с. 39]. В 1884 г. Минская духовная консистория предъявила обвинение крещенному еврею Я.Ц. Розенталю в переходе из православия в иудаизм [22, с. 7]. Кроме того, в рамках защиты православной веры и религиозного мировоззрения действовало законодательство, предусматривающее серьезное наказание за антирелигиозные действия, под которым подразумевалось и критика, и публичное исповедание своей веры. К примеру, ст. 176 Уложения предполагала каторжные работы от 12 до 15 лет за хулу на основы христианской веры (Троицу, Иисуса Христа, крест и др.), за порицание христианской веры и православия – каторжные работы от 6 до 8 лет, за кощунство и язвительное насмехание над правилами и обрядами православной церкви и христианства – тюремное заключение от 4 до 8 месяцев [37, ст. 178, 182]. Так, в 1887 г. были осуждены крестьяне-штундисты Гомельского уезда Могилевской губернии П.Е. Пискунов и Л.М. Пехтерев за высказывания, порочащие православную веру [7, л. 2–5, 42, 55].

За православной церковью также было закреплено исключительное право на деятельность в публичном пространстве, а все инославные вероисповедания были исключены из общественной сферы [38, ст. 97]. Так, после восстания 1861–1863 гг. в белорусских губерниях были введены ограничения для римско-католической церкви: запрещены крестные ходы и процессии вне храма, открытое ношение Святых Даров, установка крестов на дорогах и в населенных пунктах без разрешения администрации [13, с. 85]. В то же время в 1865 г. было основано Русское миссионерское общество, а с 1870 г. в епархиях созданы миссионерские комитеты, призванные ограждать православное население и противодействовать распространению неправославных вероисповеданий, бороться с ересями и расколом [11, с. 1–2]. Миссионерство неправославных церквей, прозелитизм трактовались как «сворачивание» православных в инославие, иноверие и «раскол», участие православных в обрядах и таинствах инославных вероисповеданий [37, с. 21–22; 6, с. 43] – как посягательство на господствующую православную цер-

ковь и относилось к уголовным преступлениям. Так, в 1909 г. в отношении настоятеля Мозырского костела встал вопрос о возбуждении уголовного преследования за совершение таинства венчания над православной прихожанкой Ю.А. Колать с католиком Ю. Леосевичем [6, с. 4–5], так как венчание католика и православного могло быть проведено только в православной церкви. Крещение в смешанных браках также допускалось исключительно по православному обряду. За нарушение данного предписания священнослужители преследовались на основании ч. 1 ст. 193 Уложения 1885 г. [19, с. 28].

К концу XIX в. на белорусских землях была окончательно закреплена государственно-конфессиональная система Российской империи, которая представляла собой модель религиозного государства с доминированием православной церкви. В результате на протяжении XIX в. конфессиональная структура белорусских губерний была трансформирована в сторону увеличения доли и влияния православной церкви, при этом сохранилось присутствие традиционных для белорусских земель неправославных вероисповеданий. Согласно переписи, 1897 г. в белорусских губерниях Северо-Западного края доминировало православие (5 114,7 тыс. человек, а также более 145 тыс. староверов). Римско-католическая церковь оставалась второй по численности конфессией – 1 947,6 тыс. человек. Кроме того, были представлены евангельско-аугсбургский и евангельско-реформированный костелы – более 46 тыс. человек, иудаизм – 1 202 тыс., ислам – 5 592 [13, с. 93–94].

От религиозного государства – к светскому государству (начало XX в. – 1917 г.). Начало обсуждения необходимости изменений в религиозной политике и положении религиозных организаций, в том числе православной церкви, было связано с распространением идей свободомыслия, веротерпимости, свободы совести и вероисповедания в общественной мысли российского и белорусского общества в рамках либеральных реформ 60–70-х гг. XIX века. Однако из сферы идей в плоскость политических мер вопросы трансформации религиозной политики перешли только в начале XX в., чему содействовали общественно-политическая и религиозная ситуация

конца XIX – начала XX века. С конца XIX в. в Российской империи идет распространение неправославных вероисповеданий (штундизма, баптизма, адвентизма) не только в среде национальных меньшинств (в немецких поселениях в Центральной России, среди латышей в Северо-Западном крае, в Лифляндии), в этот процесс вовлекается и белорусское православное население: в 1870-х гг. возникают общины штундистов в Гомельском уезде Могилевской губернии, в 80-е гг. – общины в Витебской губернии, в начале XX в. – общины баптистов в Гродненской и Минской губерниях [15, с. 8], увеличивается количество «упорствующих в латинстве». Учитывая фактор религиозной дифференциации белорусского общества, углубление этноконфессионального дуализма «православный белорус – католик-поляк» при ограничении прав неправославного населения, а также требования демократических прав и свобод накануне и в период Первой русской революции, вопрос свободы совести и вероисповедания, церковная (православная) самостоятельность стали вопросами, решения которых требовали и политические партии, и представители религиозных кругов, в том числе и православная церковь [3, с. 9].

В 1903–1904 гг. в рамках стабилизации общественно-политической ситуации был издан Манифест Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., 2 декабря 1904 г. – Именной Высочайший указ Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [12, с. 140, 141], в которых была закреплена правовая норма о свободном исповедании веры и проведении богослужений приверженцами инославных и иностранных вероисповеданий. Данная норма декларировала свободу вероисповедания, однако носила номинальный характер в связи с тем, что уголовное и административное законодательство оставалось без изменений.

Ключевые трансформации в религиозной политике были введены Именным Высочайшим Указом Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Именным Высочайшим Указом Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действий старообрядческих и сектантских об-

щин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». Данные документы, во-первых, закрепили новый правовой статус отдельных религиозных меньшинств (старообрядцев, а также баптистов, штундистов и других сект, отпавших от православия) и создали условия легализации их деятельности, что изменило существующую систему иерархии вероисповеданий. Во-вторых, эти указы снизили степень идеологического монополизма православной церкви в обществе, предоставив гражданам право на свободный выход из православной церкви и переход в иное вероисповедание. Легализация свободного выбора веры привела к активным переходам из православия в инославие [10, с. 1]. Как отмечает епископ Минский и Туровский, после издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» только до конца 1905 г. в его епархии в католицизм перешло 12 901 человек [11, л. 368]. Однако данные реформы не затронули основных принципов религиозного государства.

Следует также отметить, что хотя Указ 1905 г. устанавливал возможность вероисповедных переходов, но, вместе с тем, были сохранены нормы, содействующие сохранению социальной базы православия и ее доминирующего положения в обществе. Так, Положение комитета министров «Правила для перехода лиц, числящихся православными, в инославные христианские исповедания и вероучения» от 1905 г. [17, с. 112] устанавливал разрешительный порядок переходов, который предполагал выяснение причин смены веры и «увещевания» православным духовенством желающих выйти из православия [32, л. 35, 37, 63], что ставило возможность выхода из православия в зависимость от решения административных властей и рекомендаций православного духовенства. К примеру, в 1914 г. при рассмотрении дела о переходе из православной церкви в адвентизм крестьянина г. Витебска настоятель Витебской Петро-Павловской церкви посчитал, что в его действиях есть материальная заинтересованность, и не выдал разрешения на переход [21, л. 294], а также благочинный Новогрудского уезда отказал в разрешении крестьянину уезда на переход в католицизм в связи с подозрениями в мате-

риальном поощрении ксендзом Свержанским [5, с. 110, 338]. Кроме того, государство по-прежнему сохранило верховенство в отношениях с церковными организациями, новые нормы при расширении полномочий религиозных организаций предполагали разрешительный принцип, который приводил к многочисленным фактам администрирования и создавал препятствия для свободной деятельности религиозных меньшинств [15, с. 15; 36, л. 46]. Так, община баптистов д. Уть Гомельского уезда Могилевской губернии, которая существовала с 80-х гг. XIX в., была зарегистрирована только в 1908 г. [15, с. 10], витебская община баптистов, действовавшая с 1911 г. [8, л. 17, 19–19 об., 20], получила регистрацию только в 1914 г. [13, с. 193].

Начало Первой мировой войны и оккупация части белорусских территорий немецкими войсками привели к отказу от либеральной политики в отношении белорусских православных организаций, в особенности связанных с иностранными религиозными центрами – евангельско-лютеранской и католической церкви, евангельско-баптистских общин и др. Так, по подозрению в антироссийской деятельности и объединении «немецких элементов» в апреле 1915 г. было закрыто Двинское товарищество трезвости Синего Креста евангельско-лютеранской церкви [29, л. 124], были ограничены и личные права немцев-протестантов в белорусских губерниях. В апреле 1914 г. министр МВД М. Маклаков в секретном циркуляре на примере проповеди крестьянина Виленской губернии, члена общины евангельских христиан, отмечал, что антигосударственная деятельность в определенных местностях развивается более интенсивно и выражается в антимилитаристской пропаганде [21, л. 1]. В связи с этим особое внимание властей уделялось пресечению антивоенной пропаганды на прифронтовых белорусских территориях. К примеру, при наступлении немецких войск осенью 1915 г. за антимилитаристскую агитацию был выслан из Минска пресвитер общины баптистов Г. Андрухов [20, л. 270, 267, 274].

Незавершенность решения проблем государственно-конфессиональных отношений в 1903–1906 гг., сохранение модели религиозно-государства, приоритетного статуса пра-

вославной церкви, ранжирования вероисповеданий, ограничение индивидуальной свободы совести неправославных граждан вызвали необходимость в дальнейшей трансформации взаимоотношений государства с религиозными организациями в контексте политической трансформации российского государства.

Белорусские и общероссийские политические партии к 1917 г. окончательно закрепили в своих программах в качестве приоритетных вопросы изменения политического строя, вопрос свободы совести и вопрос государственно-церковных отношений. Идеи полного отделения церкви от государства и правового равенства религий заделарированы в программах Белорусской социалистической громады [26, с. 66], эсеров [27] и РСДРП [28, с. 4]. Белорусская социалистическая громада, Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси, представители белорусского национального движения (С. Рак-Михайловский, Б. Тарашкевич, А. Луцкевич и др.) выступали за отделение государства от церкви и за равенство религий как единственный способ преодоления конфессионального дуализма и противостояния католической и православной церкви в Беларуси и расширения прав белорусского неправославного населения.

К трансформации модели государственно-конфессиональных отношений приступило уже Временное правительство в 1917 году. Основной задачей в период марта – июня 1917 г. стало провозглашение полной свободы совести и вероисповедания граждан как части гражданских свобод. В первом же документе – «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» – была провозглашена полная амнистия как по политическим, так и по религиозным делам. Постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 г. [14, с. 60] отменило все ограничения, связанные с вероисповедным статусом гражданина [4]. Последующие изменения статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Положения об инородцах, Устава о воинской повинности, Уставов иностранных вероисповеданий и др. позволили реализовать принцип равенства религий. Как результат, правомочия и льготы духовных лиц и верующих христианских исповеданий распро-

странялись на иностранные и нехристианские исповедания: усыновление, освобождение от воинской службы духовных лиц, наследование, организация школ и синагог, установление органов местного самоуправления национально-религиозных меньшинств и т.д. основополагающим законом в сфере религиозной политики Временного правительства стал Закон «О свободе совести» от 14 июля 1917 года. Закон утвердил свободу совести как гражданскую свободу личности, предполагающую как свободный выбор религии, так и наличие невероисповедного статуса граждан с 14 лет [14, с. 85], ликвидировал ограничения в правах по вероисповедному признаку, отменил наказания за межконфессиональные браки и т. д.

Вторым вопросом, требующим решения в рамках формирования новой политической системы государства, был вопрос новой модели взаимоотношений государства и церкви. Следует отметить, что, начиная с марта 1917 г., правительство постепенно выстраивало политику обеспечения равенства конфессий в правовом поле государства. Постановление «О собраниях и союзах» от 12 апреля 1917 г. в вопросах легализации деятельности уравнило в правах светские и религиозные организации [14, с. 76] и предоставило право свободной регистрации и деятельности религиозных союзов. 27 марта 1917 г. Временное правительство утвердило автокефалию Грузинской православной церкви [14, с. 277–278], что привело к появлению в российском пространстве еще одной православной церкви. Постановление «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства Народного Просвещения» от 20 июня 1917 г. и Закон «О свободе совести» закрепили принцип светскости народного образования, а церковно-приходские, второклассные и церковно-учительские школы передавались в ведомство Министерства народного просвещения. Обеспечение индивидуальной свободы совести и вероисповедания, равенства конфессий, отделение школы от государства свидетельствуют о тенденции к построению нерелигиозного (внеконфессионального) государства. Однако в данном процессе остро стоял вопрос положения православной церкви и степени ее взаимодействия с государством.

Обострение общественно-политической обстановки с июля 1917 г. подвигло Временное правительство, с одной стороны, к более активному решению вопроса государственно-конфессиональных отношений, а с другой стороны, к поиску союзников в общественно-политическом поле. Временное правительство с доминирующей в нем партией кадетов, стоящей на консервативной позиции, с июля 1917 г. пошло по пути сближения с православной церковью, стремясь найти в ней социальную опору. Разработанный в июле 1917 г. совместно с Предсоборным советом законопроект «К вопросу о правовом положении церкви в государстве» предполагал «культурное сотрудничество» государства с религиозными организациями – автономию и отсутствие вмешательства государства в дела религиозных организаций при широком сотрудничестве и государственном финансировании церкви (православной), участии церкви в ряде административных процессов [14, с. 141–142]. Несмотря на то что проект не был принят, он определил стремление к сохранению особых взаимоотношений православной церкви с государством. Так, при упразднении Священного Синода и создании 5 августа 1917 г. Министерства исповеданий Постановление «Об учреждении Министерства исповеданий» [14, с. 89–90] сохраняло в системе государственного управления: министр и его два заместителя должны были быть православного исповедания. Дальнейшие преобразования в вопросах управления и статуса православной церкви в государственно-конфессиональной системе ставились в зависимость от решений Поместного собора православной церкви, а дальше должны были быть переданы на рассмотрение Учредительного собрания.

Ключевые положения Поместного Собора «О правовом положении Православной Российской Церкви» от 2 декабря 1917 г. декларировали равенство всех конфессий и придание публично-правового статуса церковным организациям, неотделимость церковного имущества, автономию религиозных организаций во внутренних делах, ограничение контроля государства над деятельностью церкви исключительно исполнением законов. Собор попытался сохранить первенствующее положение православной церкви посредством введе-

ния нормы об обязательном православном вероисповедании главы государства и министра по делам вероисповеданий, закреплении за церковью отдельных административных функций (церковная метрикация, регистрация браков при венчании и т. д.), государственном финансировании православной церкви, установлением церковно-государственных праздников [24, с. 60–62].

Таким образом, нормативно-правовая деятельность Временного правительства с марта по ноябрь 1917 г. была направлена на формирование модели светского государства через обеспечение свободы вероисповедания и равенства конфессий, снижение степени контроля над внутренними вопросами церковной организации, дифференциацию функций государства и церковных институтов. При этом консервативная позиция Временного правительства обеспечила ориентацию на сохранение особого статуса православной церкви в государстве. Переход власти в руки большевиков и роспуск Учредительного собрания 6 января 1918 г. поставили точку в поиске путей урегулирования государственно-конфессиональных отношений Временным правительством.

Результаты. Как мы видим, процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформация в конце XIX в. – 1917 г. на белорусских землях находился в сильной зависимости от политического положения белорусских земель. Белорусские земли до 1917 г. входили в состав Российской империи, и, учитывая абсолютистский характер государственного строя и задачу политической и идеологической интеграции земель Северо-Западного края в единое российское государство, в белорусских губерниях устанавливался общероссийский политико-правовой режим для религиозных организаций, несмотря на отличную от центральных районов России религиозную структуру и диверсификацию религиозных акторов. Установление на белорусских землях модели религиозного государства с «первенствующей и господствующей» православной церковью к концу XIX в. привело к религиозной конверсии населения, а также к изменениям в религиозной структуре общества: значительно увеличилась доля православной, и снизилась доля католи-

ческой церкви, изменилась структура католической церкви за счет ликвидации униатской церкви. При этом изменения в конфессиональном ландшафте и реализация модели государственно-конфессиональных отношений при ограничении прав неправославного населения вызвали углубление этноконфессионального дуализма «православный-белорус – католик-поляк».

В начале XX в. начинается процесс трансформации государственно-конфессиональных отношений от модели религиозного государства к модели светского государства при сохранении особого статуса православной церкви в политико-правовой и общественной сферах. В данном процессе особое значение имели внешние факторы. Общественно-политические преобразования общества в ходе русских революций 1905 и 1917 гг. привели к изменению государственной системы от абсолютной монархии к парламентской, а затем к республике, к расширению прав и свобод граждан, что вызвало необходимость изменения концептуальных подходов к положению церковных институтов в государстве в новых политических условиях, в первую очередь для стабилизации внутригосударственного положения. Данные социально-политические процессы и стали двигателями либерализации религиозной политики.

При этом внутренние факторы развития государственно-конфессиональной системы Российской империи, такие как изменение влияния религиозных институтов в обществе, изменение уровня религиозного сознания граждан в начале XX в., а также особенности конфессиональной среды белорусских губерний (диверсификация религиозной структуры белорусского общества, ограничение прав традиционных, укорененных в белорусской религиозной среде акторов, конфессиональный дуализм «православие – католицизм») не сыграли значительной роли в трансформационных процессах.

Приоритет внешних факторов над внутренними в трансформационных процессах привел к тому, что религиозные реформы 1903–1906 гг. не отражали потребности белорусского общества, были половинчатыми и не были направлены на трансформацию государственно-конфессиональных отношений. В связи с

этим права традиционных для Беларуси конфессий (римско-католическая церковь, евангельско-аугсбургский костел и др.), а также новых религиозных акторов (баптизм, шундизм, адвентизм) хотя и были расширены, но, особенно с началом Первой мировой войны, подлежали значительному администрированию, что ограничивало действие либеральных правовых норм. Временное правительство пошло по пути установления идентификационной модели светского государства, которое максимально соответствовало религиозной структуре белорусского общества начала XX в. и требованиям белорусских религиозных и политических кругов, однако в условиях политического кризиса не смогло полностью реализовать поставленные цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук В. В. Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. М.: [б. и.], 2015. 267 с.
2. Арапов Д. Ю. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIV. 420 с.
3. Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость?: полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 24. С. 5–14.
4. Декларации Временного правительства о его составе и задачах // Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л. С. Гапоненко [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 857 с.
5. Дело о переходе крестьян д. Смоляники Слуцкого у. Коршуков и С. Ревяко из православного вероисповедания в секту штундистов // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 37077. 385 л.
6. Дело о склонении ксендзами и лицами, перешедшими в католическое вероисповедание православных епархии, к переходу в римско-католическое вероисповедание // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36705. 450 л.
7. Дело по обвинению крестьян деревни Ужи Могилевской губернии Пискунова и Пехтерева в распространении штундизма и высказывания против православной церкви // НИАБ. Ф. 2131. Оп. 1. Д. 25. 121 л.
8. Дело по отношению Директора департамента духовных дел о предоставлении сведений о

секте баптистов // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 4820. 45 л.

9. Дело по прошению баптистов Павара, Глиденсона и др. О заведении в Ливенгофском волостном правлении особых метрических книг для регистрации родившихся, бракосочетавшихся и умерших баптистского вероучения // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45855. 65 л.

10. Дело по прошениям лиц разных вероисповеданий, перешедших в православное, о разрешении возвращаться в прежнюю веру, в связи с выходом указа Синода от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37171. 386 л.

11. Дело по указу Синода об учреждении должности минского епархиального миссионера для борьбы с сектантством и его деятельности по пресечению распространения раскольников // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. 415 л.

12. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие. В 4 ч. Ч. 3 : Со вт. пол. XVIII в. до окт. 1917 г. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. 260 с.

13. Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; пад рэд. У. І. Навіцкага. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.

14. Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. док. / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Моск. пед. гос. ун-т; сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: Полит. энцикл., 2017. 558 с.

15. Лисовская Т. В. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в к. XIX – в начале XX вв. // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1. С. 7–18.

16. Литовские епархиальные ведомости за 1886 г. Вильна, 1887. 9 с.

17. Наградов И. С. Взаимоотношения старообрядцев, российского правительства и синодальной церкви в 1905–1917 годах // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 111–114.

18. Никольская Т. К. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) // Богословские рассуждения. 2004. № 4. С. 161–181.

19. О настоятеле Каменского костела ксендзе Урбановиче, обвиненном по статье 193 Уложения // НИАБ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 367. 39 л.

20. О сектантском движении в связи с обстоятельствами военного времени // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 312. 455 л.

21. О сектантском движении во время войны и списки сектантов, уклоняющихся от военной службы // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 314. 228 л.

22. Об отставном рядовом Якове Цезарове Розентале, обвиненном в двоеженстве и переходе из христианства в иудейство // НИАБ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 221. 29 л.

23. Одинцов М. И. От государства конфессионального к государству светскому: российский путь. 1917–2017 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 14. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 12–32.

24. Определение Поместного собора «О правовом положении Православной российской церкви». 2 декабря 1917 г. // Церковные ведомости. Петергоф, 1918. № 9–10. С. 60–62.

25. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг.: [статистический обзор] / сост. Ив. Преображенский. СПб.: Тип. Сиб. акц. общ. печ. дела в России, 1901. 236 с.

26. Программа Белорусской Социалистической Громады // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. Мінск: Універсітэцкае, 1993. № 1. С. 65–68.

27. Программа партии социалистов-революционеров. [1906 г.] // Сборник программ политических партий в России / под ред. В. Водовозова. Вып. 3. СПб.: Знание – Сила, 1906. С. 14–27. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74934-programma-partii-sotsialistov-revoljucionerov-1906-g#mode/inspect/page/3/zoom/4>

28. Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Белгород: Нар. воля, 1917. 30 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/439592>

29. Прощения старообрядцев об отводе им земельных участков для устройства кладбищ, а также жалобы их на погребение на их кладбищах единоверцев // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 142. 14 л.

30. Редькина О. Ю. Основные принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России: к истории вопроса // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества в России: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 22–33.

31. Сафонов А. А. Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. С. 28–40.

32. Сведения об адвентистах и баптистах Минской губернии // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8462. 120 л.

33. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1832. Т. 1. Ч. 1. 192 с.

34. Свод Законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1892. Т. 1. Ч. 1. 215 с.

35. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб.: Сенат. тип., 1905. 2 июля. № 117. Отдел 1.

36. Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. Л. 65.

37. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

38. Устав (Св. Зак. Т. XIV изд. 1857 г.) Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1808, 1869 и 1871 годов с разъяснениями по уложению о наказаниях изд. 1866 г. М.: Тип. Т. Рис, 1872. 159 с.

39. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: С разъяснениями по решениям кассац. деп. Правительствующего Сената. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1879. III, 152 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/459983>

40. Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск: БДУ, 2002. 163 с.

41. Янушевич И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. Минск: БГУ, 2005. 143 с.

42. Kolbuk W. Koscioly wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. 1772–1914. Lublin: Wydawnictwo KUL, 1992. 617 p.

REFERENCES

1. Androshhuk V.V. *Prestuplenija protiv religii po zakonodatelstvu Rossii konca XIX – nachala XX vv.: dis. ... kand. jurid. nauk* [Crimes Against Religion Under Russian Legislation of the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, s.n., 2015. 267 p.

2. Arapov D.Ju. Department duhovnyh del inostrannyh veroispovedanij [Department of Spiritual Affairs of Foreign Faiths]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserk.-nauch. tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2006. Vol. XIV. 420 p.

3. Bendin A.Ju. Svoboda sovesti ili veroterpimost?: polemika v rossijskoj pechati (nachalo XX v.) [Freedom of Conscience or Religious Tolerance? Controversy in the Russian Press (Beginning of the 20th Century)]. *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2010, no. 24, pp. 5-14.

4. Deklaracii Vremennogo pravitelstva o ego sostave i zadachah [Declaration of the Provisional Government on its Composition and Tasks]. Gaponenko L.S. et al., eds. *Revoljucionnoe dvizhenie v Rossii posle sverzhenija samodержavija* [The Revolutionary Movement in Russia After the

Overthrow of the Autocracy]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957. 857 p.

5. Delo o perehode krestjan d. Smoljaniki Sluckogo u. Korshukov i S. Revjako iz pravoslavnogo veroispovedanija v sektu shtundistov [Case on the Transition of Peasants of the Village of Smolyaniky, Slutsk District Korshukov and S. Revyako from the Orthodox Faith to the Stundist Sect]. *Nacionalnyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 37077. 385 l.

6. Delo o sklonenii ksendzami i licami, pereshedshimi v katolicheskoe veroispovedanie pravoslavnyh eparhii, k perehodu v rimsko-katolicheskoe veroispovedanie [The Case on the Inclination of Priests and Persons Who Converted to the Catholic Faith of the Orthodox of the Diocese to Convert to the Roman Catholic Faith]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 36705. 450 l.

7. Delo po obvineniju krestjan derevni Uzhi Mogilevskoj gubernii Piskunova i Pehtereva v rasprostranenii shtundizma i vyskazyvanija protiv pravoslavnoj tserkvi [The Case Against the Peasants of the Village of Uzhi in the Mogilev Province, Piskunov and Pekhterev, for Spreading Stundism and Making Statements Against the Orthodox Church]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 2131, inv. 1, d. 25. 121 l.

8. Delo po otnosheniju Direktora departamenta duhovnyh del o predostavlenii svedeniy o sekte baptistov [The Case Against the Director of the Department of Spiritual Affairs for Providing Information About the Baptist Sect]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 1430, inv. 1, d. 4820. 45 l.

9. Delo po prosheniju baptistov Pavara, Glizdensona i dr. O zavedenii v Livengofskom volostnom pravlenii osobyh metriceskikh knig dlya registracii rodivshihsj, brakosochetavshihsj i umershih baptistskogo verouchenija [The Case at the Request of Baptists Pavar, Glidenson and Others. About the Establishment in the Livenhof Volost Administration of Special Registers for Registering Births, Marriages and Deaths of the Baptist Faith]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 1430, inv. 1, d. 45855. 65 l.

10. Delo po proshenijam lic raznyh veroispovedanij, pereshedshih v pravoslavnoe, o razreshenii vozvrashhatsja v prezhnjuju veru, v svjazi s vyhodom ukaza Sinoda ot 17 aprelja 1905 g. o svobode veroispovedanij [The Case on the Petitions of Persons of Different Faiths Who Converted to Orthodoxy, for Permission to Return to Their Former Faith, in Connection with the Issuance of the Decree of the Synod of April 17, 1905 on Freedom of Religion]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 37171. 386 l.

11. Delo po ukazu Sinoda ob uchrezhdenii dolzhnosti mingskogo eparhialnogo missionera dlja

borby s sektantstvom i ego dejatelnosti po presecheniju rasprostraneniya raskolnichestva [The Case on the Decree of the Synod on the Establishment of the Position of the Minsk Diocesan Missionary to Combat Sectarianism and His Activities to Suppress the Spread of Schismatics]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 136, inv. 1, d. 35812. 415 l.

12. Starostenko V.V., Starostenko E.V., eds. *Istorija religii i svobody sovesti v Belarusi v dokumentah i materialah: posobie. V 4 ch. Ch. 3: So vt. pol. XVIII v. do okt. 1917 g.* [History of Religion and Freedom of Conscience in Belarus in Documents and Materials. Manual. In 4 Pts. Pt. 3: From the Second Half of the 18th Century to October 1917]. Mogilev, MGU im. A.A. Kuleshova, 2015. 260 p.

13. Hryhorjeva V.V. et al. *Kanfesii na Belarusi* [Confessions in Belarus]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1998. 340 p.

14. Babkin M.A., ed. *Konfessionalnaja politika Vremennogo pravitelstva Rossii: sb. dok.* [Confessional Policy of the Provisional Government of Russia. Collection of Documents]. Moscow, Polyt. encycl. Publ., 2017. 558 p.

15. Lisouskaya T.V. Zarozhdenie pozdne-protestantskogo dvizhenija v Belarusi v k. XIX – v nachale XX vv. [The Origin of the Late Protestant Movement in Belarus in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk State University. Series “Historical Sciences”], 2022, no. 1, pp. 7-18.

16. *Litovskie eparhialnye vedomosti za 1886 g.* [Lithuanian Diocesan Statements for 1886]. Vilna, 1887. 9 p.

17. Nagradov I.S. Vzaimootnosheniya staroobrjadcev, rossijskogo pravitelstva i sinodalnoj tserkvi v 1905–1917 godah [Relationships Between the Old Believers, the Russian Government and the Synodal Church in 1905–1917]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU Named After N.A. Nekrasov], 2011, no. 2, pp. 111-114.

18. Nikolskaja T.K. Russkij protestantizm na etape utverzhdenija legalizacii (1905–1917 gg.) [Russian Protestantism at the Stage of Approval of Legalization (1905–1917)]. *Bogoslovskie rassuzhdenija* [Theological Reasoning], 2004, no. 4, pp. 161-181.

19. O nastojatele Kamenskogo kostela ksendze Urbanoviche, obvinennom po statye 193 Ulozhenija [About the Rector of the Kamensk Catholic Church, Priest Urbanovich, Accused Under Article 193 of the Code]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 193, inv. 1, d. 367. 391.

20. O sektantskom dvizhenii v svjazi s obstojatelstvami voennogo vremeni [On the Sectarian Movement in Connection with the Circumstances of Wartime]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij*

arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 312. 455 l.

21. O sektantskom dvizhenii vo vremja vojny i spiski sektantov, uklonjajushhijhsja ot voennoj sluzhby [On the Sectarian Movement During the War and Lists of Sectarians Evading Military Service]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 314. 228 l.

22. Ob otstavnom rjadovom Jakove Tsezarove Rozentale, obvinjonnom v dvoezhenstve i perehode iz hristianstva v iudejstvo [About Retired Private Yakov Tsezarov Rozental, Accused of Bigamy and Conversion from Christianity to Judaism]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 193, inv. 1, d. 221. 291.

23. Odintsov M.I. Ot gosudarstva konfessionalnogo k gosudarstvu svetskemu: rossijskij put. 1917–2017 [From a Confessional State to a Secular State: The Russian Path. 1917–2017]. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekt: sb. st. Vyp. 14* [Freedom of Conscience in Russia. Historical and Modern Aspects. Collection of Articles. Iss. 14]. Vladivostok, IIAE DVO RAN, 2008, pp. 12-32.

24. Opredelenie Pomestnogo sobora «O pravovom polozhenii Pravoslavnoj rossijskoj tserkvi» [Definition of the Local Council “On the Legal Status of the Russian Orthodox Church”]. *Cerkovnye vedomosti. Petergof* [Church Gazette. Peterhof], 1918, no. 9–10, pp. 60-62.

25. Preobrazhenskij Iv. *Otechestvennaja tserkov po statisticheskim dannym s 1840–1841 po 1890–1891 gg.: statisticheskij obzor* [The Russian Church According to Statistical Data from 1840–1941 to 1890–1891]. Saint Petersburg, Tip. Sib. akts. obshch. pech. dela v Rossii, 1901. 236 p.

26. Programma Belorusskoj Socialisticheskoj Gromady [Program of the Belarusian Socialist Community]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 3. History. Philosophy. Politology. Sociology. Economics. Rights]. Minsk, Univiersiteckaje Publ., 1993, no. 1, pp. 65-68.

27. Programma partii socialistov-revoljucionerov. 1906 g. [Program of the Socialist Revolutionary Party. 1906]. Vodovozov V., ed. *Sbornik programm politicheskij partij v Rossii* [Collection of Programs of Political Parties in Russia], iss. 3. Saint Petersburg, Znanie – Sila Publ., 1906, pp. 14-27. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74934-programma-partii-sotsialistov-revoljutsionerov-1906-g#mode/inspect/page/3/zoom/4>

28. *Programma Rossijskoj social-demokraticeskoj rabochej partii* [Program of the Russian Social Democratic Labor Party]. Belgorod, Nar. volja Publ., 1917. 30 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/439592>

29. Prosheniya staroobryadcev ob otvode im zemelnyh uchastkov dlja ustrojstva kladbishh, a takzhe zhaloby ih na pogrebenie na ih kladbishhah edinovercev [Petitions of Old Believers for the Allocation of Land Plots for the Construction of Cemeteries, as Well as Their Complaints About the Burial of Fellow Believers in Their Cemeteries]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 821, inv. 133, d. 3142. 141.

30. Redkina O.Ju. Osnovnye principy vzaimootnoshenij gosudarstva i religioznyh organizacij v Rossii: k istorii voprosa [Basic Principles of Relations Between the State and Religious Organizations in Russia: On the History of the Issue]. *Obshhestvennye otnosheniya v uslovijah stanovlenija grazhdanskogo obshhestva v Rossii: sb. st.* [Public Relations in the Conditions of the Formation of Civil Society in Russia. Collection of Articles]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 22-33.

31. Safonov A.A. Gosudarstvo i tserkov v imperskoj Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenij [State and Church in Imperial Russia: Legal Aspects of Relationships]. *Gosudarstvo, tserkov, pravo: konstitucionno-pravovye i bogoslovskie problemy: IX Rumjancevskie chteniya* [State, Church, Law: Constitutional, Legal and Theological Problems. The 9th Rumyantsev Readings]. Moscow, Izd-vo Ros. gos. org.-ekon. un-ta, 2011, pp. 28-40.

32. Svedeniya ob adventistah i baptistah Minskoj gubernii [Information About Adventists and Baptists of the Minsk Province]. *NLAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 295, inv. 1, d. 8462. 1201.

33. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kancelyarii, 1832, vol. 1, pt. 1. 192 p.

34. *Svod Zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kancelyarii, 1892, vol. 1, pt. 1. 215 p.

35. *Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitelstva, izdavaemoe pri Pravitelstvujushhem Senate*

[Collection of Laws and Orders of the Government, Published Under the Governing Senate]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1905, July 2, no. 117, department 1.

36. Soobshhenija gubernatorov na zapros MVD o politicheskijh partijah, ih organizacii, chislennosti i ideologii [Messages from Governors to a Request from the Ministry of Internal Affairs About Political Parties, Their Organization, Numbers and Ideology]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1284, inv. 187, d. 157, l. 65.

37. *Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitelnyh 1885 goda* [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. Saint Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha, 1886. 714 p.

38. *Ustav (Sv. Zak. T. XIV izd. 1857 g.) Dopolnennyi i izmenonnyj po prodolzheniyam 1863, 1864, 1808, 1869 i 1871 godov s razjasneniyami po ulozheniyu o nakazaniyakh izd. 1866 g.* [Charter (Code of the Law, Vol. 14 ed. 1857) Amended According to the Continuations of 1863, 1864, 1808, 1869, and 1871 with Clarifications on the Penal Code ed. 1966]. Moscow, Tip. T. Ris, 1872. 159 p.

39. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij: S razjasneniyami po reshenijam kassats. dep. Pravitelstvujushhego Senata* [Charter on the Prevention and Suppression of Crimes: With Explanations on the Decisions of the Cassation Department of the Governing Senate]. Moscow, Tip. F.B. Millera, 1879. III, 152 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/459983>

40. Janošskaja V.V. *Chryscijanskaja carkva ŷ Bielarusi 1863–1914 hh.* [Christian Church in Belarus 1863–1914]. Minsk, BDU, 2002. 163 p.

41. Janushevich I.I. *Konfessionalnaja politika sovetского gosudarstva: uroki istorii, 1917–1928 gg.* [Confessional Policy of the Soviet State: Lessons from History, 1917–1928]. Minsk, BGU, 2005. 143 p.

42. Kolbuk W. *Koscioly wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. 1772–1914.* Lublin, Wydawnictwo KUL, 1992. 617 p.

Information About the Author

Tatsiana V. Lisouskaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Belarus of Modern and Contemporary Times, Belarusian State University, Prosp. Nezavisimosti, 4, 220030 Minsk, Republic of Belarus, Lisovski_rb@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

Информация об авторе

Татьяна Витальевна Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет, просп. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, Lisovski_rb@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.10>

UDC 94(470.4)“1920”:342.553
LBC 63.3(235.47)614-33

Submitted: 14.05.2024
Accepted: 08.07.2024

ZONING OF THE LOWER VOLGA REGION AND FORMATION OF TERRITORY, OKRUG, DISTRICT AND RURAL BODIES OF SOVIET AUTHORITY IN 1928: FIRST STAGE

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the process of formation of the Lower Volga region and Soviet authorities at the level of regional, district, and rural administration at the first stage of zoning (before the liquidation of okrugs). *Methods and materials.* The research was carried out based on traditional methods of historical research (historical-genetic, retrospective, historical-systemic, and historical-comparative). The use of an array of unpublished archival documents stored in the State Archives of the Volgograd Region and the Documentation Center for Contemporary History of the Volgograd Region, and materials from periodicals and legislative sources of government bodies of the USSR and the RSFSR, greatly facilitated the research process. *Analysis.* The study is aimed at identifying the regional specifics of the zoning process and the accompanying process of formation of Soviet authorities (at the level of councils and executive committees of councils of the Lower Volga region). *Results.* The zoning of the Lower Volga region already at the first stage revealed a range of problems, the systematic solution of which in the future will make it possible to transform the agricultural region into the industrial center of the Volga region. In the process of reform, along with positive aspects – the reduction in cost of the management apparatus, the bringing closer to the population of Soviet authorities endowed with significant powers (district executive committees and councils) – there were also clearly negative consequences. The distance of rural councils from middle management and the consolidation of individual rural councils, on the one hand, led to the planned reduction of hardware costs but, on the other hand, excluded remote villages from active public life. Districts became the main operational unit of economic and Soviet work in the region. There were several issues to address, including the imbalance between districts with different population sizes, from small ones with just over 2,000 people to large ones with populations approaching 100,000. Additionally, there was a lack of communication between administrative units and personnel problems, which emerged as a significant hurdle in the development of district and rural Soviet administration at the second stage of zoning (in the conditions of the liquidation of okrugs).

Key words: zoning, Lower Volga region, Soviet authorities, district, okrug, rural council, personnel.

Citation. Furman E.L. Zoning of the Lower Volga Region and Formation of Territory, Okrug, District and Rural Bodies of Soviet Authority in 1928: First Stage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 142-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.10>

УДК 94(470.4)“1920”:342.553
ББК 63.3(235.47)614-33

Дата поступления статьи: 14.05.2024
Дата принятия статьи: 08.07.2024

РАЙОНИРОВАНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КРАЕВЫХ, ОКРУЖНЫХ, РАЙОННЫХ И СЕЛЬСКИХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1928 г.: ПЕРВЫЙ ЭТАП

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется процесс формирования Нижне-Волжского края и советских органов власти на уровне краевой, окружной, районной и сельской администрации на первом этапе районирования (до ликвидации округов). *Методы и материалы.* Исследование осуществлено с опорой на традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, ретроспективный, историко-системный, историко-сравнительный) и состоялось во многом благодаря использованию массива неопубликованных архивных документов, хранящихся в Государственном архиве Волгоградской области и Центре документации новейшей истории Волгоградской области, а также материалов периодической печати и законодательных источников органов государственной власти СССР и РСФСР. *Анализ.* Исследование нацелено на выявление региональной специфики процесса районирования и сопутствующего процесса формирования советских органов власти (на уровне советов и исполнительных комитетов советов Нижне-Волжского края). *Результаты.* Районирование Нижнего Поволжья уже на первом этапе выявило круг проблем, системное разрешение которых в последующем позволит трансформировать аграрный регион в промышленный центр Поволжья. В процессе реформирования, наряду с позитивными моментами – удешевлением аппарата управления, приближением к населению советских органов власти, наделенных значительными полномочиями (районные и окружные исполкомы и советы), наблюдались и явно отрицательные – отдаление сельсоветов от среднего звена управления, укрупнение отдельных сельсоветов, что, с одной стороны, приводило к планируемому сокращению аппаратных расходов, но, с другой стороны, исключало отдаленные села из активной общественной жизни. На уровне районов, ставших основной оперативной единицей хозяйственной и советской работы в крае, приходилось решать целый ряд проблем – от неравномерности сформированных районов (от карликовых в количестве немногим более 2 тыс. жителей до гигантских, насчитывавших до 100 тыс. человек); отсутствия связи между административными единицами до кадровых проблем, которые станут и на втором этапе районирования (в условиях ликвидации округов) одной из самых проблемных точек в процессе развития районной и сельской советской администрации.

Ключевые слова: районирование, Нижне-Волжский край, советские органы власти, район, округ, сельсовет, кадры.

Цитирование. Фурман Е. Л. Районирование Нижнего Поволжья и формирование краевых, окружных, районных и сельских органов советской власти в 1928 г.: первый этап // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 142–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.10>

Введение. Первое десятилетие советской власти было сопряжено с интенсивными поисками оптимальных форм и методов хозяйственно-экономического развития страны и моделей системы управления в условиях построения новой советской государственности. При этом уже на первом этапе государственного строительства станет ясно, что старое административно-территориальное деление (губерния – уезд – волость) не отвечает тем глобальным хозяйственно-экономическим и культурным задачам, которые ставились советской властью уже в первые годы существования советской республики. Новое административно-территориальное деление рассматривалось, как возможный вариант через оптимизацию управления (удешевление аппарата управления и приближение его к населению) создать модернизированную экономику с опорой на внутренние ресурсы и хозяйственно-экономические связи регионов на основе наилучшего использования их ресурсов при наименьших инвестициях.

В научной литературе тема административно-территориальных реформ в советской России и СССР исследовалась в работах А.В. Лужина [14], С.А. Тархова [46]. На региональном уровне проблему районирования Нижнего Поволжья рассматривали В.Н. Данилов [6], Н.В. Кудряшова [13], в рамках противостояния партийно-государственной номенклатуры по вопросу определения центра Нижне-Волжского края – Н.В. Саранцев [42]. В отдельных сюжетах тема районирования Нижнего Поволжья и формирования системы управления нового административно-территориального образования поднималась в работе Е.В. Булюлиной [5]. В 2012 г. было опубликовано издание справочного характера по истории административно-территориального деления Сталинградского края, где представлена детальная информация по движению населенных пунктов в процессе осуществлявшегося районирования в Нижнем Поволжье в 1928–1936 годах [4]. Несмотря на ряд исследований, на сегодняшний момент проблема

формирования Нижне-Волжского края и советских органов власти на уровне краевого, окружного, районного аппаратов управления системному и детальному анализу не подвергалась.

Методы и материалы. В процессе работы автор обращалась к методам исторического исследования, в классической исторической науке ставшим уже традиционными – историко-генетическому, ретроспективному, историко-системному и историко-сравнительному, позволившим проанализировать процесс осуществления административно-территориальной реформы и создание Нижне-Волжского края в системе взаимосвязанных событий, определив специфические черты осуществления первого этапа данной реформы – от идеи до воплощения проекта.

Исследование проведено преимущественно с опорой на неопубликованные источники, хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области, в фонде Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-313), а также в Центре документации новейшей истории Волгоградской области в фонде Нижне-Волжского краевого комитета ВКП(б) (Ф. 76). Среди привлеченных документов – постановления краевых органов власти, делопроизводственная документация различных ведомств и организаций. В данной работе также использовались постановления государственных органов власти, опубликованные в специализированных сборниках постановлений, а также материалы периодической печати.

Анализ. В начале 1920-х гг. уже в условиях перехода к нэпу группа советских ученых приступила к разработке теории экономического районирования. Устаревшая система губернского – уездного – волостного деления должна была быть реорганизована. Весь цикл подготовительных работ и значительная часть практических мероприятий по воплощению в жизнь проекта экономического районирования СССР велись Госпланом под руководством ученого, члена президиума Госплана и непосредственного участника разработки плана ГОЭЛРО Ивана Гавриловича Александрова (возглавлял учрежденную с этой целью секцию районирования Госплана).

В процессе осуществления подготовительных работ секция по районированию взаимодействовала с Административной комис-

сией ВЦИК, комиссией по районированию Наркомзема, знакомилась с разработками Центрального статистического управления в области промышленного районирования. В процессе взаимодействия выяснилось, что, работая над общим вопросом районирования, каждое ведомство в первую очередь исходило при разработке вопроса из своих ведомственных интересов, определяя принципы и методы районирования. Например, Наркомзем, ориентируясь на рациональное распределение сельскохозяйственных угодий, исключал из сферы внимания недра, водные ресурсы, целый ряд иных природных особенностей, транспортных развязок, существовавших промышленных объектов, плотность населения в регионах.

Отдельные данные компенсировались Центральным статуправлением, но, по мысли И.Г. Александрова, давались они в разработках статистиков без учета динамики прошлого и будущего развития регионов. В итоге общие узкие места призвана была компенсировать работа Госплана, итогом которой стала разработка предварительной схемы районов [2, р. 3].

Районирование в первоначальном варианте планировалось проводить без нарушения границ уездов, количество районов не должно было быть, по мысли специалистов Наркомзема, очень большим (10–15 районов для Европейской России) [2, р. 2]. В основу деления был положен принцип экономической «законченности», построенный на основе наилучшего использования всех возможностей при наименьших вложениях [2, р. 10]. Узким местом, по мысли И.Г. Александрова, являлось достижение совпадения границ создаваемых областей с пределами национальных образований. Царицынская, Саратовская и часть Области войска Донского, наряду с Воронежской губернией, первоначально выделялись И.Г. Александровым в Юго-Восточную область, имеющую в целом аграрную специализацию [2, р. 13]. Предложенный Госпланом проект районирования неоднократно обсуждался и редактировался (в частности, на IX Всероссийском съезде советов 22–27 декабря 1921 г. прозвучало предложение о сокращении количества административно-территориальных единиц) [1, р. 79].

Несмотря на то что специалисты Госплана рассмотрели наиболее полно среди прочих факторов районирования не учтенные ранее природно-климатические характеристики и динамику развития регионов в предшествующие периоды развития, очевидно, что запланированная сетка районирования не могла в 1921–1922 гг. предусмотреть всех особенностей и специфику развития отдельных районов, которые были выявлены уже на исходе этапа восстановления хозяйственного комплекса страны в конце 1920-х годов. Кроме того, накопившийся опыт по районированию ряда областей, ключевые задачи модернизации народно-хозяйственного комплекса страны привели к необходимости пересмотра и редакции предложенных Госпланом ранее вариантов районирования.

С начала 1920-х гг. свои варианты районирования Нижнего Поволжья предлагали и царицынские ученые. Среди рассмотренных вариантов Нижне-Волжская область планировалась в составе Царицынского, Астраханского, Сальского, Михайловского, Камышинского округов с центром в Царицыне, также рассматривалась возможность включения Царицынской губернии в состав административно-хозяйственной области с центром в Ростове (Северо-Кавказский край). Однако все предлагавшиеся варианты, как правило, негативно оценивались Нижне-Волжской областной плановой комиссией в Саратове. В частности, недостаточно обоснованной представлялась саратовским ученым мысль о формировании Нижне-Волжской области с центром в Царицыне (Сталинграде) [12, pp. 73-75].

В апреле 1928 г. на высшем партийном уровне было принято решение о создании Нижне-Волжской области. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. Нижне-Волжская область была сформирована в составе Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области и части Пугачевского уезда Самарской губернии [25]. В июне 1928 г. область была переименована в Нижне-Волжский край [24] с административным центром в Саратове (до 1932 г., с 10 января 1932 г. и до 1934 г. в Сталинграде) и включением в территорию края Автономной Советской Социалистической

Республики немцев Поволжья (далее – АССР НП, Немреспублика).

Несмотря на тот факт, что АССР немцев Поволжья и Калмыцкая автономная область входили в состав Нижне-Волжского края, сохраняя свою самостоятельность, которая закреплялась конституционно, разброс мнений о вхождении в краевую структуру представлялся достаточно широким. Так, в рядах высшего партийно-государственного руководства Немреспублики высказывались диаметрально противоположные мнения – от полного принятия проекта до его отрицания, высказывались опасения, что включение в Нижне-Волжский край приведет к частичной или полной потере республикой независимости [10, pp. 241-246].

Формировавшийся Нижне-Волжский край занимал десятое место в РСФСР по территории (более 300 тыс. кв. км) и девятое место по численности населения (более 5 млн чел.). В состав утвержденной постановлением ВЦИК 23 июля 1928 г. административно-территориальной структуры входили 8 округов (Астраханский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Пугачевский, Саратовский, Сталинградский, Хоперский), 76 районов (вместе с районами АССР НП и Калмыцкой автономной областью – 98) и четыре города, в непосредственном подчинении крайисполкомов: Сталинграда, Саратова, Астрахани и Вольска [27]. При этом в Астраханской губернии районирование было проведено раньше, чем в других регионах Нижнего Поволжья. В 1925 г. в губернии, вместо 3 уездов и 29 волостей, уже было создано 13 районов и соответствующих районных исполнительных комитетов (далее – РИК).

Количество округов, районов, их границы и центры устанавливались решением президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР (далее – ВЦИК) и могли изменяться лишь с санкции ВЦИК [18]. Для подготовки и проведения в жизнь всех вопросов, связанных с образованием краевых и областных объединений, на местах создавались организационные комитеты [26]. Так, в соответствии с особым положением был создан Нижне-Волжский областной организационный комитет с местом пребывания в Саратове, при котором

организовывалась областная плановая комиссия [25].

К компетенции оргкомитета относились: разработка и согласование с заинтересованными органами вопросов о внешних границах края (области); определение состава округов и районов края; составление проекта краевого бюджета и руководство составлением бюджетов административно-территориальных единиц, включенных в край; составление и утверждение проекта распределения существующих на территории края промышленных и других хозяйственных предприятий, а также социально-культурных учреждений местного значения; составление штатов краевых, окружных и районных учреждений; подготовка и созыв съездов советов в пределах районируемого края; образование окружных и районных организационных комиссий и руководство их работой. В связи с этим оргкомитет был уполномочен осуществлять непосредственную связь со всеми центральными учреждениями и вносить в законодательные органы РСФСР вопросы, касающиеся указанных территорий. При оргкомитете создавалась соответствующая плановая комиссия.

Все проекты по уточнению внешних и внутренних (окружных и районных) границ и иные вопросы, требующие законодательного оформления, должны были быть предоставлены организационным комитетом в законодательные органы РСФСР до первого июля 1928 г. [25].

Обсуждаемый в первоначальном варианте, как более представительный орган (в составе председателя, секретаря, заместителя председателя, двух представителей от АССР НП и одного от Калмыцкой автономной области, председателя профбюро, представителей от Астраханского, Саратовского, Сталинградского губисполкомов), оргкомитет в итоговом варианте, был сформирован в менее представительном формате [32].

Так, приказом № 1 по секретариату Нижне-Волжского областного (позже краевого) оргкомитета «на денежное довольствие в размере 183 рублей по должности председателя оргкомитета с 1 июня 1928 г. зачислялся Михаил Иванович Хлопьянкин» [28], приказом № 2 от 18.06.1931 г. «на денежное довольствие

в размере 183 рубля с 1 июля 1928 г. зачислялся председатель краевой плановой комиссии Г.Н. Амосов» [29], он же решением от 31 июля 1928 г. назначался председателем крайплана» (позже его заменит на данной должности И.М. Шаров) [38]. С 1 августа 1928 г. в штате Нижне-Волжского краевого оргкомитета, утвержденные президиумом оргкомитета 17 июня 1928 г., числились: председатель оргкомитета М.И. Хлопьянкин, секретарь оргкомитета – Михаил Соломонович Гутин, управляющим делами – Карл Карлович Клуц, секретарь президиума оргкомитета – Борис Сергеевич Безруков [39]. Согласно распоряжению по секретариату Нижне-Волжского краевого оргкомитета с 1 августа 1928 г. также в штат зачислялся с окладом 150 рублей уполномоченный представитель Нижне-Волжского краевого оргкомитета в Москве А.С. Шапиро [40] (в 1929 г. представительство Нижне-Волжского крайисполкома в Москве разместилось по адресу: ул. Белинского, д. 4, пом. 16) [17].

Значительную роль на организационном этапе также играли партийные органы региона. Партийные деятели, принимавшие активное участие в процессе районирования края, на время проведения реорганизационных мероприятий должны были сократить сроки пребывания в отпусках и согласовывать графики своих отпусков с организованным бюро ЦК ВКП(б) Нижне-Волжского края (позже краевой комитет ВКП(б)) [32]. Для осуществления плановых консультаций и бесперебойного руководства процессом районирования члены бюро ЦК ВКП(б) Нижне-Волжского края устанавливали воскресные и вечерние дежурства [35, л. 125].

Для проведения в жизнь и руководства всеми вопросами, связанными с образованием окружных, районных и сельских объединений, также создавались окружные партийные бюро (позже окркомитеты ВКП(б)), которые назначались краевым бюро ЦК ВКП(б) и находились под его непосредственным руководством. На окружные партбюро, наряду с советскими органами власти, возлагалось также осуществление партийного руководства процессом точного определения внешних границ округа, составление сети районов и сельсоветов в округе, организация и укомплекто-

вание работниками окружного, районного, сельского партийного, советского, хозяйственного аппаратов; распределение по территории округа промышленных предприятий, коммунального имущества; контроль за составлением окружного, районного и сельского бюджетов и иных вопросов в рамках районирования округа [19].

С 25 июня 1928 г. районные оргкомиссии должны были приступить к организационному оформлению районов – к перестройке всей системы управления и переходу от волостной к районной, от уездной к окружной системе организации аппарата управления. В течение июля работа по реорганизации аппарата управления должна была быть завершена. В связи с упразднением волисполкомов повышалась роль сельсоветов, увеличивалось число сельсоветов, имеющих самостоятельный бюджет. В сельсоветы переводились работники волисполкомов, что рассматривалось на практике, как приближение аппарата к массам. Планировалось сокращение расходов на содержание административно-управленческого аппарата, в первую очередь за счет сокращения численности служащих [3, no. 155]. Так, несмотря на сокращение численности аппарата управления на 1 500 человек и повышение заработной платы работникам районной и сельской сети советских органов власти, было намечено снизить расходы на содержание аппарата управления на 600 тыс. рублей [3, no. 173].

Несмотря на то что сроки реорганизации и перевода старого аппарата управления не должны были переноситься, на первой неделе июля по Сталинградскому округу в организациях и ведомствах ни один отдел бывшего губернского исполкома не был свернут до размеров окружного, что запланировано было сделать до 1 июля 1928 года. По свидетельству заведующего орготделом Сталинградского окрисполкома Н. Богданова: оргкомиссии на местах никакой работы не проводили, ожидая директив сверху, в то время как необходимо было немедленно устранить на местах аппараты волостных и уездных исполкомов, чтобы ликвидировать на местах двоевластие [3, no. 154], с целью чего из союзного центра было выделено 40 тыс. рублей.

В процессе районирования планировалась и чистка советского аппарата: «необходимо действовать против чуждых элементов в аппарате управления, какой бы высокой квалификацией они не обладали», – в соответствии с этим отмечалось на страницах Сталинградской газеты «Борьба» [3, no. 155].

Согласно действующему законодательству, высшей властью на территории края, округа, района, в пределах своего ведения, являлись съезды советов, в перерывах между съездами советов – исполнительные комитеты, обладавшие, кроме управленческих и административных функций (в силу ограниченного времени действия съездов советов), еще и властными полномочиями, как постоянно действующий орган.

Для руководства всей текущей работой на территории края, округа, района и проведения всех решений вышестоящих органов власти из состава своих членов исполкомы избирали президиум, который в перерывах между заседаниями комитета пользовался всеми правами последнего (исключая право принятия местного бюджета). Постановления исполнительных комитетов и их президиумов могли быть изменены, отменены, приостановлены как соответствующими съездами советов, так и вышестоящими, а также их исполкомами, решениями ВЦИК и СНК [18]. Председатели исполкомов разного уровня и секретари могли избираться из числа членов его президиума (за исключением секретаря районного исполнительного комитета, который мог быть назначен не из числа его членов).

Для осуществления работ по отдельным отраслям управления в составе краевого исполнительного комитета учреждались отделы или управления (совета народного хозяйства, земельный, торговый, финансовый, коммунальный, труда, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, рабоче-крестьянской инспекции, административный, военный, политический, статистический отдел и архивное бюро) [18], в составе окружных – отделы, районных исполкомов – отделения. Заведующие отделами / отделениями могли не являться членами соответствующих исполкомов.

Заседания районных исполнительных комитетов (далее – РИК, райисполком) дол-

жны были проводиться: краевого не реже 1 раза в три месяца, окружного – не реже одного раза в два месяца, районного – не реже одного раза в месяц [18]. Заседания считались действительными, если на них присутствовали не менее половины членов. При президиуме краевого / областного исполнительного комитета формировались: секретариат, организационный отдел (далее – орготдел) и плановая комиссия.

Так, число членов краевого исполнительного комитета определялось особым постановлением президиума ВЦИК по каждому краю отдельно. Состав РИКов, сформированных в период с июня по сентябрь 1928 г., в соответствии с законодательством, определялся окружным исполнительным комитетом (далее – ОИК, окрисполком), и не мог превышать более 21 члена (краевым исполнительным комитетам предоставлялось право в особых случаях увеличить количество членов райисполкомов до 30), пяти-шести кандидатов (не более $\frac{1}{3}$ от количества членов РИКа), ревизионной комиссии в составе трех-пяти членов при двух кандидатах. Для осуществления своей деятельности по отдельным отраслям управления в составе райисполкома создавались отделения (земельное, финансовое, местного хозяйства, народного образования, здравоохранения, административное), кроме того, при райисполкомах должны были состоять уполномоченный Государственного политического управления (далее – ГПУ) и районный статистик.

РИК избирал из состава своих членов президиум в количестве трех-пяти человек, а также двух кандидатов к ним [18]. В заседаниях районного исполнительного комитета могли принимать участие с правом совещательного голоса заведующие отделениями РИКа (если они не являлись его членами), представители горсоветов, находящихся на территории районов, участковый прокурор, члены районных ревизионных комиссий, а также отдельные специально приглашенные лица. На расширенные заседания райисполкома могли приглашаться представители сельсоветов и горсоветов, с правом совещательного голоса.

Окружной исполнительный комитет избирался в составе 45 членов и $\frac{1}{3}$ кандидатов

от общего количества членов окрисполкома. Президиум окрисполкома в соответствии с законодательством определялся в составе 9 членов (включая председателя, заместителя председателя и секретаря) и четырех кандидатов. При окрисполкоме также должны были состоять: уполномоченный государственного политуправления, уполномоченный краевого управления (отдела) рабоче-крестьянской инспекции, камеры инспекции труда, архивное бюро [18].

В сентябре 1928 г. избранные на внеочередных окружных съездах председатели окрисполкомов, наряду с ответственными секретарями окружных партийных комитетов, были утверждены на заседании бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б). Так, председателем Саратовского окрисполкома был утвержден В.И. Погонялин, Сталинградского – Н.Ф. Кучмин, Астраханского – А.Н. Васильев, Балашовского – Я.И. Соломенцев, Вольского – Ф.Л. Ерасов, Хоперского – В.Н. Анциферов, Камышинского – В.Н. Синяев, Пугачевского – М.И. Фисенко [34].

В июне – сентябре 1928 г. формировался и руководящий состав аппарата краевой администрации. Избранных 8 сентября 1928 г. на пленуме Нижне-Волжского крайисполкома зачисляли в штат и ставили на денежное довольствие: на должность председателя – Михаила Ивановича Хлопьянкина (1894 г.р., образование высшее – закончил Московский коммерческий институт, Высший институт народного хозяйства (экономическое отделение), социальное происхождение – служащий, член ВКП(б)), на должность 1-го заместителя председателя крайисполкома – Г.М. Амосова (1891 г.р., образование среднее, социальное происхождение – рабочий, член ВКП(б)), на должность 2-го заместителя председателя крайисполкома и председателя крайплана – И.М. Шарова (1892 г.р., социальное происхождение – служащий, член ВКП(б)), на должность секретаря – члена президиума – М.С. Гутина (1898 г.р., член ВКП(б), социальное происхождение – служащий), на должность заведующего орготделом крайисполкома – Г.Н. Кокина (1900 г.р., социальное происхождение – рабочий, образование высшее, член ВКП(б)), на должности заместителей председателя крайплана: Е.С. Попова (1890 г.р., со-

циальное происхождение – служащий, потомок почетного гражданина, беспартийный, образование высшее), П.А. Залуцкого (1887 г.р., социальное происхождение – рабочий, образование низшее, член ВКП(б)), В.Я. Шпренгера (1896 г.р., социальное происхождение – служащий, образование высшее – народный учитель, член ВКП(б)) [41; 43; 44, л. 19–22, 28–29 г.]. В сентябре 1928 г. на уровне краевого партийного комитета обсуждался вопрос о целесообразности, в целях принятия оперативных решений, образования «малого крайисполкома» в составе М.И. Хлопьянкина, Г.Н. Амосова, И.М. Шарова, М.С. Гутина и Г.Н. Кокина [33, л. 15].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 сентября 1927 г. «о госнормировании заработной платы служащих государственных учреждений и предприятий» и соответствующего постановления краевого отдела труда с 1 октября 1928 г. всем служащим Нижне-Волжского крайисполкома устанавливались твердые оклады [23].

К началу 1929 г. в составе Нижне-Волжского крайисполкома и его отделов насчитывалось уже 102 сотрудника, из них в президиуме три человека (все члены партии, по социальному происхождению – два служащих, один рабочий) (табл. 1).

Как видно из представленных данных, по состоянию на 15 января 1929 г. партийная про-

слойка среди сотрудников крайисполкома незначительная – из общего количества служащих (105 чел.) только 35 человек являлись кандидатами или членами партии (и один сотрудник являлся членом ВЛКСМ), что составляло 33 % от общего количества служащих. Из общей численности сотрудников крайисполкома было только 23 женщины (21 %). В условиях ставки на «орабочивание» партийно-государственного аппарата процент рабочих в аппарате крайисполкома был достаточно невысоким – 29 чел., или 27 %. Большой процент служащих имели крестьянское происхождение – 38 чел. (36 %), что в целом соответствовало аграрной специфике Нижне-Волжского края, где почти 80 % населения составляло крестьянство.

В процессе формирования краевого аппарата в июле 1928 г. остро встал жилищный вопрос в краевом центре. Учитывая жилищный кризис в Саратове, на уровне краевого партийного руководства было принято решение ограничить перемещение работников из других городов в краевые учреждения, не допуская в первую очередь переезда технического персонала в Саратов. Дальнейшее перемещение кадров в Саратов, в краевые органы, допускалось только с санкции организационно-распределительного отдела Нижне-Волжского краевого бюро ЦК ВКП(б), советских работников окружного уровня – с санкции

Таблица 1. Штат Нижне-Волжского крайисполкома: социальный состав, партийность, половая идентичность (15.01.1929)

Table 1. Staff of the Lower Volga Regional Executive Committee: social composition, party affiliation, gender identity (January 15, 1929)

Структурные подразделения Нижне-Волжского крайисполкома	Социальное происхождение				Партийность		
	Рабоч.	Служ.	Кр.	Проч.	Канд. в члены ВКП(б)	Член ВКП(б)	Б/п
Управление делами и хозяйственная часть (49 чел.)	16	11	20	2	1	4	45
Орготдел (12 чел.)	5	8	12	–	–	8	4
Крайплан (31 чел.)	4	8	12	7	2 1 (чл. ВЛКСМ)	10	18
Управление стройконтроля (5 чел.)	1	4	–	–	–	1	4
Краевой совет физической культуры (5 чел.)	2	2	1	–	1	2	2

Примечание. Составлено по: [45].

Саратовского губкома партии (Саратовского окружного комитета партии) и Саратовского губисполкома (окрисполкома). Контроль за размещением переведенных в Саратов работников возлагался на президиум горсовета Саратова, а общий контроль за процессом – на его партийную фракцию [36, л. 95].

Территория вновь созданного края составляла на момент районирования 314 485 кв. км с населением 5 346 507 человек. При этом ту неравномерность в распределении населения по территории административных единиц, которая существовала ранее (52,6 % населения края проживали на территории Саратовской губернии, Сталинградской – 25,5 %, Астраханской – 9,2 %, АССР НП – 10,3 %, Калмыцкой автономной области – 2,4 %) [9, р. 5], удалось отчасти сгладить в новых условиях. Из общей численности населения восьми округов края (без АССР НП и Калмобласти) на Саратовский округ приходилось теперь 18,5 %, Балашовский – 15,3 %, Сталинградский – 14,7 %, Астраханский – 12,7 %, Вольский – 11,9 %, Хоперский – 10,2 %, Камышинский – 9,5 %, Пугачевский – 7,2 % [9, р. 14] (табл. 2).

Самые малочисленные округа, расположенные на левом берегу Волги, насчитывали 357 тыс. человек, по правому берегу – 334 тыс. человек, самый густонаселенный насчитывал 834 тыс. человек [3, по. 173]. Хоперский и Сталинградский округа были сформированы полностью из земель бывшей Сталинградской губернии. Таким образом, проблема неравномерности распределения населения и ресурсов теперь переместилась, в большей мере, на уровень района – объединенные в Нижне-Волжский край районы были неравновесны как по численности населения, так и по хозяйственно-экономическому потенциалу. Самый малочисленный район (национальный) объединял 10 тыс. человек, самый крупный – 100 тыс. человек. Например, крупнейшим округом края являлся Саратовский, насчитывавший 10 районов с численностью населения 843 173 человек, затем Балашовский, объединяющий 10 районов с численностью населения 694 915 человек, и Сталинградский, в составе 11 районов и 671 187 человек.

Так, например, до районирования площадь Сталинградской губернии составляла

Таблица 2. Административно-территориальное деление Нижне-Волжского края по итогам районирования (июль 1928 г.)

Table 2. Administrative-territorial division of the Lower Volga region based on the results of zoning (July 1928)

Наименование округов (количество районов в составе)	Численность населения		Количество объединенных на территории округа			Перечень городов, входящих в округ
	общая	сельское	хозяйств	сельсоветов	населенных пунктов	
Саратовский (10)	843 173	598 091	118 135	417	1231	Саратов Аткарск Петровск
Балашовский (10)	694 915	648 924	128 218	381	1368	Балашов Сердобск Ртищево
Сталинградский (11)	671 187	501 913	104 718	375	1164	Сталинград Ленинск Дубовка
Астраханский (10)	570 550	417 416	98 963	188	688	Астрахань
Вольский (9)	543 572	476 822	97 427	277	577	Вольск Хвалынский Балаково
Хоперский (10)	462 437	462 437	93 408	443	1249	–
Камышинский (7)	432 800	395 200	86 119	233	889	Камышин Николаевск
Пугачевский (9)	324 869	293 478	64 580	218	648	Пугачевск Новоузенск

Примечание. Составлено автором по: [9, pp. 7-12].

9 778 000 га, после районирования часть земель была выделена в Астраханский и Камышинский округа (до 1 млн га), из оставшихся 8 820 000 га сформировали Сталинградский и Хоперский округа [3, по. 177]. В состав Хоперского вошла большая часть бывших Усть-Медведицкого и Хоперского округов в количестве 10 районов [4, р. 6]. Астраханский, Балашовский, Саратовский также объединяли по 10 районов, Вольский, Пугачевский – 9 и Камышинский – 7 районов. Каждый район в среднем охватывал прежних 3 волости (всего 194 волости в процессе районирования были реорганизованы в районы) [9, р. 5]. В процессе районирования было сформировано 5 национальных районов, из них два татарских, два мордовских, один немецкий – самый малочисленный (аппарат управления которых в рамках политики коренизации планировалось укомплектовать работниками-националами) [11, л. 17 г.].

Между тем неравномерность распределения населения по реорганизованным волостям до районирования была не меньшей, чем колебания численности населения по губерниям, объединенным в Нижне-Волжском крае, и составляла от волостей, объединяющих свыше 45–50 тыс. человек (3 волости), до карликовых, где проживало 2 194 человек [9, р. 5].

По восьми округам в среднем на один район приходилось 60 тыс. жителей, сельсоветов на один район в среднем – 33,7 (по самому крупному Сталинградскому округу на один район в среднем – 34,6) [3, по. 173]. Реорганизация сельсоветов была фактически отложена до 1929 г. вследствие большого объема работ по организации окружного и, в большей мере, районного аппаратов. До районирования на территории административных единиц, объединенных в Нижне-Волжский край, насчитывался 2 851 сельсовет, после районирования – 2 910 (без АССР НП и Калмобласти – 2 532 сельсовета на 7 834 населенных пункта) [9, р. 4, 16].

География формиовавшихся округов и районов становилась важнейшим фактором в процессе организации дальнейшей работы органов советской власти на местах. Чем более «рваный» район выделялся (больше количество объединенных волостей), тем сложнее шел процесс его организации. На внеоче-

редном съезде советов Сталинградского округа в июле 1928 г. в докладе председателя оргкомитета Нижне-Волжского края М.И. Хлопьянкина отмечалось, что Сталинградский округ, несмотря на ряд очевидных проблем, первым сумел перестроить окружные органы управления [3, по. 161]. На деле, если окружной аппарат и был перестроен в сжатые сроки, то на уровне формируемой районной администрации выявлялся целый ряд сложностей.

Так, например, Фроловский район формировался из восьми волостей. В процессе районирования Фроловский оргкомитет приступил к работам 28 июня 1928 года. Кроме недостатка бюджетных средств (бюджет Фроловского райисполкома составил 279 тыс. рублей, дефицит выражался в сумме 70 тыс. рублей), открытым оставался и кадровый вопрос. В аппарате райисполкома к исходу июня 1928 г. состояли: председатель, секретарь, заведующий финансовым отделом, финансовый инспектор, инспектор политпросветработы и социального воспитания (далее – соцвос), начальник административного отдела (далее – адмотдел), районный врач [3, по. 161].

В Клетском районе Сталинградского округа отмечалась еще более затруднительная ситуация, чем во многих других районах округа. Клетский район – это станицы: Клетская, Распопинская, Перекопская, бюджеты у всех станиц дефицитные. Так, в Перекопской из 22 тыс. бюджетных рублей – 19 тыс. составляли дотации, в Распопинской из 27 тыс. – дотация 22 тыс. рублей. Районный бюджет в целом дефицитный – доходная часть составляла 102 тыс. рублей, расходная – 204 тыс. рублей (при самых минимальных расходах), что серьезным образом отражалось на проведении организационных мероприятий и на функционировании аппарата управления в целом. Отсутствовали необходимые квалифицированные кадры: бухгалтеры, фининспекторы, райстатистик, агроном, инспектор соцвоса, техник, секретарь, заведующий адмотдела. В итоге в аппарате управления к концу июня 1928 г. работали: председатель райисполкома, заведующие – райфинотделом, земотделом, народным образованием [3, по. 161].

На третьем пленуме Сталинградского окружного исполкома констатировали, что

практически во всех районах края и в самом округе на исходе ноября 1928 г. по-прежнему возникали проблемы с бюджетом – и в райисполкомах, и окрисполкоме бюджет был дефицитный. Так, по районам округа доходы составляли 2 521 тыс. рублей, а расходы – 3 848 тыс. рублей, и около 50 % из этой суммы были потрачены на заработную плату (46,8 %). В губернском бюджете расходы на заработную плату составляли 50 % и выше. В окружном бюджете удалось несколько снизить эти расходы за счет снижения заработной платы отдельным категориям служащих при снижении объема работ [3, по. 270].

При этом по-прежнему не снималась с повестки дня задача снижения аппаратных расходов на 20 % [21]. Так, согласно решению бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) партийные фракции окружных исполкомов обязывались «к составлению бездефицитных бюджетов», контролировать исполнение решения краевого партийного руководства должны были окружные комитеты ВКП(б), а краевой финансовый отдел (далее – крайфо) обязывался не принимать к рассмотрению дефицитные бюджеты, председателю крайисполкома М.И. Хлопьянкину предписывалось принять всесторонние меры к реализации данного решения [33, л. 15].

По этой же причине тормозились работы по свертыванию аппаратов волостных исполкомов – отсутствовали средства на погашение задолженности по выплате заработной платы сотрудникам и выплате выходного пособия [3, по. 161]. Одной из самых сложных и трудно реализуемых задач в условиях районирования для новых, районных преимущественно, аппаратов управления был поиск объектов обложения. В связи с этим создавались специальные поверочные комиссии, объезжающие хутора и села новых районов. Так, Иловлинский райисполком «потерял» три села в процессе районирования, которые отошли от Александровской волости к Иловлинскому району, вся Александровская волость вошла в Дубовский район. Дубовский райисполком исключил данные три села, а Иловлинский в процессе реорганизации упустил их из вида, и недоучет посевной составил 3 тыс. га. Ситуацию спасли крестьяне, которые сами

пришли и заявили о скрытых посевах в размере 4 га, после чего были найдены и остальные гектары [3, по. 175]. В результате ни одно бедняцкое хозяйство «потерянных» сел не было освобождено от налогов (35 % хозяйств бедняков имели право быть освобождены от налогов) [3, по. 175].

Среди прочих проблем отмечались также весьма ощутимые трудности с осуществлением коммуникации с окружными центрами. Так, например, станица Клетская Сталинградского округа располагалась в 70 км от ближайшей железнодорожной станции, прямое почтовое сообщение отсутствовало, сообщение можно было осуществлять только окружным путем – через станицу Михайловскую, Усть-Медведицкую или Распопинскую. В итоге информация, проходя 200 км пути, попадала в Клетскую только через пять или шесть дней, когда она могла стать уже не актуальной [3, по. 230].

На территории бывшей Саратовской губернии до районирования расстояние до волостных центров на правом берегу Волги составляло в среднем 35 верст, на левобережье доходило до 70 верст. В условиях районирования проблема удаленности населенных пунктов от районных центров, хотя и была сглажена (в среднем расстояние составляло 30 верст) [15, р. 25], но в условиях отсутствия развитой системы связи, по-прежнему, являлась крайне негативным фактором, серьезно влияющим на эффективность управления. Нижне-Волжский край и к лету 1931 г. оставался в отдельных районах без связи. Не хватало квалифицированных связистов, ощущались серьезные проблемы с финансированием, материалами, поставляемыми краю Наркомпочтелем РСФСР. Только в 1931 г. было запланировано строительство линии связи Москва – Саратов – Сталинград – Астрахань, на 1932 г. при разработке плана развития системы связи в крае только предусматривалось соединение телефонной связью всех районов с краевым центром, телефонизация всех сельсоветов, МТС и совхозов, строительство автоматической телефонной станции в Саратове, ввод новых мощностей для Сталинградской автоматической телефонной станции (в дополнение к вводимым к 1 октября 1931 г. 2 000 абонентских номеров) [30].

Лучше всего иллюстрируют сложившуюся после районирования ситуацию выводы, озвученные на Первой Нижне-Волжской краевой конференции ВКП(б) в сентябре 1928 г.: «с ликвидацией волостных органов власти мы отдалили друг от друга два звена советской власти – райисполкомы от сельских советов – этот факт приходится констатировать. Если мы наделим наши сельсоветы теми же полномочиями, что и обладали волысполкомы, а райисполкомы сумеют работать, как уездные исполкомы, то мы приблизим советский аппарат к массам» [3, no. 209], те же мысли высказывались на Втором пленуме Сталинградского окружного исполкома в октябре 1928 г.: «что районирование приблизило власть к населению, об этом можно говорить лишь с большой осторожностью. Чтобы приблизить власть, надо расширить власть сельсоветов согласно декрету, а с этим дела обстоят скверно. Кроме того, нужны подходящие технические работники. Ускорять переход сельсоветов на самостоятельные бюджеты не стоит. Какие могут быть бюджеты, когда мы даже счетоводов не можем найти сейчас. Так, в Сталинградский район за короткий промежуток времени биржа труда отправила 50 человек, но никто не согласился остаться... Укрупнение сельсоветов, объединение нескольких сел в один сельсовет, дает больше минусов, чем плюсов. В селах, где нет сельсоветов, замирает всякая общественная жизнь, а укрупненный сельсовет – это маленькая волость, но без прежних ее прав» [3, no. 230]. Показательны в этом смысле заключительные слова председателя Сталинградского исполнительного комитета И.Ф. Кучмина, подводившего итоги пленума: «сторонников укрупнения сельсоветов на пленуме не оказалось. Укрупнять надо лишь самые мелкие сельсоветы» [3, no. 230].

В этих условиях земельные общества (выполняющие по сути роль общины) фактически руководили крестьянским землепользованием и «являлись первыми и ближайшими органами, удовлетворяющими нужды и запросы деревни, умаляя при этом значение сельсоветов, как органов советской власти, ставя их в материальную зависимость от земельных обществ» [31, l. 39–40]. Проблема повышения роли сельсоветов в противовес

земельным обществам в центр внимания была поставлена на XV съезде ВКП(б), но реализовать делегирование реальных административно-хозяйственных функций сельсоветам удастся уже в условиях осуществления сплошной коллективизации, где сельсоветам отводилась руководящая роль [22]. Сельсоветы, особенно в районах сплошной коллективизации, должны были иметь собственные бюджеты, распоряжаться всеми земельными фондами, наблюдать за их рациональным использованием в колхозах, рассматривать ходатайства колхозов о предоставлении им кредитов [20].

Учитывая, что в среднем на районы края приходилось 34 сельсовета (и около 60 тыс. жителей), по 29 из 76 районов Нижне-Волжского края (56,8 % всех сельсоветов края), объединялось от 35 до 50 и более сельсоветов, что очевидным образом, наряду с малочисленностью служащих (председатель, секретарь и, при условии наличия в сельсовете самостоятельного сельбюджета, счетовод) и низким уровнем квалификации сотрудников низового аппарата, серьезным образом усложняло работу районного аппарата и приводило к необходимости выделения в окружных и районных штатах специальных уполномоченных по разным вопросам, наряду с многочисленными комиссиями постоянными и ситуативными [9, p. 21]. Другой проблемой большого количества объединенных в район сельсоветов было кратное увеличение документооборота: «бумажный поток из округа необычайный. Председатели РИКов говорят, что ничего подобного не видели. По семь-восемь телеграмм получает райисполком в день и бесчисленное количество циркуляров; наблюдается полная бесплановость» [3, no. 230].

В вопросе обеспечения кадрами советских органов власти соблюдался принцип иерархии в процессе районирования. Оперативнее всего проблема кадров советского аппарата решалась на уровне краевого звена, где в целом проблему удалось решить к концу 1928 г. – началу 1929 года. Но на уровне окружных и районных звеньев отмечалась очень высокая текучка, и аппарат в общем был сформирован к началу Первой краевой партийной конференции (сентябрь 1928 г.) лишь «в чер-

новом варианте» [7, л. 1]. Более того, по ряду округов состав руководящих кадров был перемещен и заменен в 1929 г. почти на 100 % (Хоперский округ) или в большей своей массе (Вольский округ), что отчасти объяснялось необходимостью укрепления кадрами сформированных районных аппаратов [7, л. 5 г., 12 г.]. Изначально округа планировалось обеспечивать кадрами за счет губернского аппарата, районы – за счет уездных кадров, также перебрасывая работников по территории края по горизонтали, по вертикали, выдвигая лучших работников с волостной работы на районную, с уездной на окружную и выше [16, л. 37].

Усугубляла ситуацию с дефицитом квалифицированных кадров в крае общая политика «отбора» в центр (в распоряжение ЦК ВКП(б), ВЦИК, наркоматы) наиболее способных и подготовленных кадров, прошедших все ступени карьерной лестницы и обретших, таким образом, необходимый опыт управления на практике, но в данном случае, думается, Нижне-Волжский край не являлся исключением из правил, а, скорее, существовал в рамках уже отработанной центром политики ротации кадров. В итоге нередки были случаи «откомандирования» окружных или краевых работников в центральные органы власти, и далее могла последовать переброска в другой регион, республику. Так, в июне 1928 г. при весьма напряженной ситуации с квалифицированными кадрами в процессе районирования, на уровне партийного руководства края было принято решение согласиться с «откомандированием» бывшего председателя Сталинградского губисполкома М.Ф. Болдырева в распоряжение ЦК ВКП(б) для руководящей работы в аппарате плановых органов в Средней Азии [37, л. 48]. В октябре 1928 г. утвержденный заместителем председателя крайплана Л.Г. Гаврилов, после отзыва председателя Нижне-Волжского краевого земельного управления (далее – крайзу) Г.А. Лясковского в распоряжение Народного комиссариата земледелия РСФСР (далее – наркомзем), был утвержден на его место, но, проработав на данной должности восемь месяцев, также был отозван в Москву, в распоряжение наркомзема РСФСР [47; 48, л. 5]. Подобные «переброски» станут одним из факторов частой рота-

ции кадров как на уровне краевого аппарата, так и на уровне окружных и районных аппаратов Нижне-Волжского края.

При этом нельзя исключать и установки в процессе распределения и подбора кадров на их системное «орабочивание», с целью обеспечения «пролетарского руководства по отношению к округам и районам с исключительно крестьянским населением» [16]. Проблема «орабочивания» советского аппарата, которая ставилась перед всеми партийно-государственными органами в масштабах страны, начнет меняться в сторону «улучшения» в крае только в 1929 году. Если на момент районирования рабочая прослойка в среднем по всем аппаратам советских органов власти составляла 34 %, то в 1929 г. она достигнет 39 % к общей численности советских служащих. Социальный состав с 34 % рабочей прослойки в среднем (на момент районирования) увеличится до 39 % (краевых – до 42,5 %, окружных – до 34,1 %), за счет снижения процента социальной категории служащих и крестьян.

Также ставилась задача вовлекать в органы государственной власти и прошедших гражданскую войну «красных партизан», а также партийцев с дореволюционным стажем, так называемых «подпольщиков», впрочем, количество последней категории в советском аппарате края, вследствие ее малочисленности в целом, увеличится незначительно – с 7 до 8,6 % [7, л. 1]. Обратной стороной процесса «орабочивания» кадров станет общее снижение среднего уровня квалификации по аппаратам советских органов власти. Так, по данным на 6 сентября 1930 г., по районам Нижне-Волжского края только 6 % руководящего состава райисполкомов и горсоветов (председатели, члены президиума, инструкторы) имели высшее образование, среднее – 25 %, имели низший уровень образования – 69 % (являлись азбучно грамотными), $\frac{3}{4}$ состава считались малоквалифицированными работниками [8, р. 110].

Результаты. Несмотря на тот факт, что приоритетной задачей районирования была хозяйственно-экономическая оптимизация административно-территориального деления – формирование хозяйственно полноценных самостоятельных единиц путем оптимизации

управления (в первую очередь на уровне районов), в реальном воплощении далеко не все задачи хозяйственного и административного характера удалось воплотить. Вопросы уездного рассмотрения смещались на уровень районной администрации, структура новых органов власти в целом отвечала структуре района с целью наиболее полного учета культурных и хозяйственно-экономических запросов населения, что отражалось в дифференцированной структуре райисполкома и появлении разветвленной сетки отделов. По отношению к старому советскому аппарату до районирования новые органы советской власти были сокращены более чем на 1 500 штатных единиц и привели к сокращению расходов на 21,4 %.

Между тем, наряду с позитивными моментами – удешевлением аппарата управления, приближением к населению советских органов власти, наделенных значительными полномочиями (райисполкомы, окрисполкомы), наблюдались и явно отрицательные – отдаление сельсоветов от среднего звена управления, в условиях отсутствия у сельсоветов реальных прав, хотя в условиях начавшейся коллективизации от правильного и рационального определения функций сельсоветов зависела оценка проведенной работы широкими народными массами. Сельсоветы в условиях отсутствия самостоятельных бюджетов вряд ли могли претендовать на превращение в центр хозяйственно-политической власти на селе, обладающий административно-финансово-хозяйственными функциями. Но наделение сельсоветов в массовом порядке самостоятельными бюджетами обнажало другую проблему – отсутствие на селе достаточного количества квалифицированных кадров, способных сопровождать финансовые операции. При этом введение даже одной дополнительной платной должности счетовода увеличивало расходы на содержание одного сельсовета на 180–240 рублей в год (из расчета 15–20 рублей в месяц на ставку счетовода-конторщика). Сокращение же аппаратных расходов за счет укрупнения сельсоветов также негативно расценивалось на уровне райисполкомов и самих сельсоветов, потому что отрезало отдельные села, в условиях отсутствия во многих из них удобных транс-

портных узлов и связи, от активной общественной жизни.

Еще одним узким местом в процессе районирования оказалась специфика формирования административно-территориальных единиц, составляющих округа и районы. Чем более «рваный» район в процессе формирования создавался (из большого количества волостей), тем большее количество проблем организационного и системного характера приходилось решать в последующем в процессе управления – от налаживания связи до объединения и координации разбросанных сел. В этом смысле, решив проблему и сделав более равновесными округа, получились неравновесные районы – от карликовых с населением чуть более двух тысяч человек до гигантских до 100 тыс. жителей. При этом в процессе районирования именно район должен был стать основной оперативной единицей хозяйственной и советской работы, объединяя в среднем на своей территории 50–60 тыс. человек. Именно на уровне района необходимо было создать оптимальную модель управления. В результате данный фактор будет иметь непосредственное влияние и на следующий этап районирования – ликвидацию окружной системы административно-территориального деления.

REFERENCES

1. *IX Vserossijskij Sovet: Stenograficheskiy otechet* [The 9th All-Russian Council: Verbatim Report]. Moscow, Gosizdat, 1921. 308 p.
2. Aleksandrov I.G. *Ekonomicheskoe rajonirovanie Rossii* [Economic Zoning of Russia]. Moscow, Gosplan Publ., 1921. 15 p.
3. *Borba: okružhnaja gazeta. Staljingrad* [Struggle: District Newspaper. Stalingrad], 1928, no. 155-270.
4. Bujanov V., Lobchuk N.S., eds. *Noricyna Istorija administrativno-territorialnogo delenija Staljingradskogo (Nizhnevolzhskogo) kraja. 1928–1936 gg.* [History of the Administrative-Territorial Division of the Stalingrad (Lower Volga) Region. 1928–1936]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2012. 575 p.
5. Buljulina E.V. *Mestnye gosudarstvennye uchrezhdenija Sovetskoj Rossii, 1917–1929 gg. (Na materialah Nizhnego Povolzhja)* [Local State Institutions of Soviet Russia, 1917–1929 (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2011. 390 p.

6. Danilov V.N. *Образование Саратовской области в контексте административно-территориальных реформ 1920–1930-х гг.* [Education of the Saratov Region in the Context of Administrative-Territorial Reforms of the 1920–1930s]. *Aktualnye problemy Rossijskoj civilizacii i metodiki prepodavanija istorii: sb. materialov XII Vseros. nauch. konf. (Saratov, 14 fevralja 2019 g.)* [Current Problems of Russian Civilization and Methods of Teaching History. Collection of Proceedings from the 12th All-Russian Scientific Conference (Saratov, February 14, 2019)]. Saratov, IC Nauka, 2019, pp. 36-37.
7. *Doklad organizacionno raspredelitel'nogo otdela kraevogo komiteta VKP(b) Nizhne-Volzhsogo kraja «O raspredelenii rukovodjashhikh kadrov»: tekuchest i smenjaemost kadrov* [Report of the Organizational Distribution Department of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (b) of the Lower Volga Region “On the Distribution of Management Personnel”: Turnover of Personnel]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (TsDNIVO)* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 61, l. 1-13.
8. Furman E.L. *Podgotovka i perepodgotovka kadrov v sisteme sovetskih organov vlasti v Nizhne-Volzhskom krae na pervom etape socialisticheskoj rekonstrukcii (1928–1932 gg.)* [Training and Retraining of Personnel in the System of Soviet Authorities in the Lower Volga Region at the First Stage of Socialist Reconstruction (1928–1932)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 107-121. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.8>
9. Gavrilov L., Dyjakonov K. *Administrativno territorialnoe delenie Nizhne-Volzhsogo kraja* [Administrative Territorial Division of the Lower Volga Region]. Saratov, 1928. 27 p.
10. German A.A. *Nemeckaja avtonomija na Volge. 1918–1941* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Moscow, MSNK-press Publ., 2007. 576 p.
11. *Informsvodka o predvaritel'nyh itogah obsuzhdenija massami voprosov rajonirovanija Nizhne-Volzhsogo kraja i komplektovanija vremennogo partijno-sovetskogo i profapparata (sentjabr 1928 g.)* [Information Report on the Preliminary Results of the Discussion by the Masses of the Issues of Zoning the Lower Volga Region and Staffing the Temporary Party-Soviet and Trade Union Apparatus (September 1928)]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 12, l. 14-21.
12. Klejtman A.L. *Proekty ekonomicheskogo rajonirovanija i administrativno-territorialnogo ustrojstva Nizhnego Povolzh'ja v trudah caricynskih (stalingradskih) uchenyh 1920-h gg.* [Projects of Economic Zoning and Administrative-Territorial Structure of the Lower Volga Region in the Works of Tsaritsyn (Stalingrad) Scientists of the 1920s]. *Genesis: istoricheskie issledovanija* [Genesis: Historical Studies], 2018, no. 3, pp. 69-76.
13. Kudrjashova N.V. *Provedenie administrativno-territorialnoj reformy na Nizhnej Volge v 1920-e gg.* [Carrying Out Administrative-Territorial Reform in the Lower Volga in the 1920s]. *Saratovskij kraevedcheskij sbornik: nauchnye trudy i publikacii* [Saratov Collection of Local History: Scientific Works and Publications]. Saratov, 2007, pp. 121-128.
14. Luzhin A.V. *O sovershenstvovanii administrativno-territorialnogo ustrojstva Sovetskogo gosudarstva* [On Improving the Administrative-Territorial Structure of the Soviet State]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1962, no. 9, pp. 48-49.
15. *Organizacija rajonov v Saratovskoj gubernii. Material dlja obsuzhdenija v ispolkomah, selsovetah i na selskih shodah* [Organization of Districts in the Saratov Province. Material for Discussion in Executive Committees, Village Councils and Village Gatherings]. Saratov, Izd-vo Saratov. GIK, 1928. 32 p.
16. *Pismo № 1 oblastnogo bjuro TsK VKP(b) Nizhne-Volzhskoj oblasti (ijun 1928 g.)* [Letter No. 1 of the Regional Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Lower Volga Region (June 1928)]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 32-39.
17. *Pismo ot predstavitel'stva Nizhne-Volzhsogo krajispolkoma v Moskve v Nizhne-Volzhskoj krajispolkom v Saratove (1929 g.)* [Letter from the Representative Office of the Lower Volga Regional Executive Committee in Moscow to the Lower Volga Regional Executive Committee in Saratov (1929)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1534, l. 175.
18. *Polozhenie o kraevyh (oblastnyh), okružnyh, rajonnyh syezdah sovetov i ih ispolnitel'nyh komitetah. 06.04.1928 g.* [Regulations on Regional and District Congresses of Councils and Their Executive Committees. April 6, 1928]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1928, no. 70, art. 503.
19. *Polozhenie ob okružnyh partijnyh bjuro Nizhne-Volzhskoj oblasti (maj 1928 g.)* [Regulations on District Party Bureaus of the Lower Volga Region (May 1928)], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 51.
20. *Postanovlenie TsIK i SNK SSSR «O novyh zadachah sovetov v svjazi s shiroko razvernushejsja kollektivizaciej v derevne».* 25.01.1930 g. [Resolution of

the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On the New Tasks of the Councils in Connection with the Widespread Collectivization in the Countryside." January 25, 1930]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1930, no. 7, art. 85.

21. Postanovlenie o sokrashhenii administrativno-upravlencheskih rashodov po smetam na 1927–1928 g. 30.08.1927 g. [Resolution on the Reduction of Administrative and Management Costs According to Estimates for 1927–1928. August 30, 1927]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1927, no. 53, art. 542.

22. Postanovlenie prezidiuma TsIK SSSR «O znachenii i rabote selskih sovetov v rajone sploshnoj kollektivizacii». 13.12.1929 g. [Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR "On the Importance and Work of Village Councils in the Area of Complete Collectivization." December 13, 1929]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1930, no. 3, art. 40.

23. Postanovlenie SNK RSFSR «O gosnormirovanii zarabotnoj platy sluzhashhih gosudarstvennyh uchrezhdenij i predpriyatij». 30.09.1927 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On State Regulation of Wages for Employees of State Institutions and Enterprises." 30.09.1927]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1927, no. 59, art. 589.

24. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR «O pereimenovanii Nizhne-Volzhskoj oblasti v Nizhne-Volzhskij kraj». 11.06.1928 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Renaming of the Lower Volga Region into the Lower Volga Krai." June 11, 1928]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1928, no. 69, art. 497.

25. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR «Ob obrazovanii Nizhne-Volzhskoj oblasti». 21.05.1928 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Formation of the Lower Volga Region." May 21, 1928]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1928, no. 56, art. 421.

26. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR «Ob utverzhdenii Polozhenija ob organizacionnyh komitetah po podgotovke i provedeniju v zhizn vseh voprosov, svjazannyh s obrazovaniem rajonirovannyh kraevyh i oblastnyh obyedinenij» ot 14.05.1928 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Approval of the Regulations on Organizational Committees for the Preparation and Implementation of All Issues Related to the Formation of Zoned Regional Associations" Dated May 14, 1928]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1928, no. 57, art. 425.

27. Postanovlenie VTsIK RSFSR «O sostave okrugov, rajonov i ih centrah po Nizhne-Volzhskomu

kraju». 23.07.1928 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR "On the Composition of Districts and Their Centers in the Lower Volga Region". July 23, 1928]. *SU RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1928, no. 96, art. 618.

28. Prikaz № 1 po sekretariatu Nizhne-Volzhskogo oblastnogo orgkomiteta ot 05.06.1928 g. [Order No. 1 for the Secretariat of the Lower Volga Regional Organizing Committee. June 5, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 1.

29. Prikaz № 2 po sekretariatu Nizhne-Volzhskogo kraevogo orgkomiteta ot 18.06.1928 g. [Order No. 2 for the Secretariat of the Lower Volga Regional Organizing Committee. June 18, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 2.

30. Prilozhenie k protokolu zasedanija bjuro Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b) «O meroprijatijah po uluchsheniju svjazi kraja s rajonami, rajonov s selami» № 53 ot 23.06.1931 g. [Appendix to the Minutes of the Meeting of the Bureau of the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On Measures to Improve Connections Between the Krai and the Districts, and Districts and Villages" No. 53, June 23, 1931]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 157, l. 36-36 r.

31. Prilozhenie k protokolu zasedanija bjuro Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b) № 8 ot 15.10.1928 g. «Ob ukрупnenii selsovetov i rasshirenii ih prav i objazannostej» [Appendix to the Minutes of the meeting of the Bureau of the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 8. October 15, 1928 "On the Consolidation of Village Councils and the Expansion of Their Rights and Responsibilities"]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 8, l. 39-40.

32. Protokol zasedanija bjuro TsK VKP(b) Nizhne-Volzhskoj oblasti № 1 ot 13.05.1928 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the Lower Volga Region No. 1. May 13, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 1-3.

33. Protokol zasedanija bjuro Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b) № 5 ot 24.09.1928 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 5. September 24, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 8, l. 13-19.

34. Protokol zasedanija bjuro Nizhne-Volzhskogo krajnogo komiteta VKP(b) № 3 ot 10.09.1928 g. [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Lower Volga Regional

Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 3. September 10, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 8, l. 6-6 r.

35. Protokol zasedanija kraevogo bjuro TsK VKP(b) Nizhne-Volzhsckogo kraja № 15 ot 30.07.1928 g. [Minutes of the Meeting of the Regional Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the Lower Volga Region No. 15. July 30, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 123-129.

36. Protokol zasedanija kraevogo bjuro TsK VKP(b) Nizhne-Volzhsckogo kraja № 13 ot 14.08.1928 g. [Minutes of the Meeting of the Regional Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Lower Volga region No. 13. August 14, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 93-97.

37. Protokol zasedanija kraevogo bjuro TsK VKP(b) Nizhne-Volzhsckogo kraja № 6 ot 16.06. 1928 g. [Minutes of the meeting of the regional bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Lower Volga region No. 6. June 16, 1928]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 76, inv. 1, d. 2, l. 46-50.

38. Rasporjazhenie № 1 po sekretariatu Nizhne-Volzhsckogo kraevogo orgkomiteta ot 31.07.1928 g. [Order No. 1 on the Secretariat of the Lower Volga Regional Organizing Committee. July 31, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 5.

39. Rasporjazhenie № 3 po sekretariatu Nizhne-Volzhsckogo kraevogo orgkomiteta ot 10.08.1928 g. [Order No. 3 on the Secretariat of the Lower Volga Regional Organizing Committee. August 10, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 7.

40. Rasporjazhenie № 4 po sekretariatu Nizhne-Volzhsckogo kraevogo ispolkoma ot 15.08.1928 g. [Order No. 4 on the Secretariat of the Lower Volga Regional Executive Committee. August 15, 1928]. *GAVO* [State

Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 11-11 r.

41. Rasporjazhenie № 8 po sekretariatu krajispolkoma ot 26.09.1928 g. [Order No. 8 on the Secretariat of the Regional Executive Committee. September 26, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1532, l. 19-20 r.

42. Sarancev N.V., Sarancev V.N. Nizhne-Volzhsckij region: politicheskie intrigi i bjudzhetnye izderzhki (1920-e – nachalo 1930-h gg.) [Lower Volga Region: Political Intrigues and Budget Costs (1920s – Early 1930s)]. *Vlast* [Power], 2016, no. 11, pp. 170-175.

43. Spisok sotrudnikov Nizhne-Volzhsckogo krajispolkoma (janvar – mart 1929 g.) [List of Employees of the Lower Volga Regional Executive Committee (January–March 1929)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1533, l. 5-14.

44. Spisok sotrudnikov Nizhne-Volzhsckogo krajplana (janvar – mart 1929 g.) [List of Employees of the Lower Volga Regional Plan (January–March 1929)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1533, l. 19-29.

45. Svedenija o shtatah Nizhne-Volzhsckogo krajispolkoma (15.01.1928 g.) [Information on personnel of employees of the Lower Volga Regional Executive Committee (January 15, 1928)]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1533, l. 2-2 r.s.

46. Tarhov S.A. Izmenenie administrativno-territorialnogo delenija Rossii v XVIII–XX vekah [Changes in the Administrative-Territorial Division of Russia in the 18th–20th Centuries]. *Logos*, 2005, no. 1, pp. 75-80.

47. Vypiska iz protokola zasedanija Nizhne-Volzhsckogo krajispolkoma ot 03.10.1928 g. [Extract from the Minutes of the Meeting of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated October 3, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1525, l. 3.

48. Vypiska iz protokola zasedanija Nizhne-Volzhsckogo krajispolkoma ot 26.06.1929 g. [Extract from the Minutes of the Meeting of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated June 26, 1929]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1525, l. 5.

Information About the Author

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторе

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

www.volsu.ru

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

UDC 94(47)«1920/1929»

LBC 63.3(2)

Submitted: 24.09.2023

Accepted: 06.12.2023

“WE WILL FORGET THE OLD TRADITIONS...”: HOLIDAYS, RECREATION, EVERYDAY PRACTICES AND UPBRINGING OF A NEW STUDENT IN THE 1920s

Ilya V. Sidorchuk

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the early Soviet period, the “proletarianization” of students became one of the most important components of the Soviet government’s policy toward higher education. To achieve this goal, a whole set of measures was applied, among which a certain role was given to building a qualitative and effective cultural and educational work (*kultprosvet*). Within the framework of this study, an attempt has been made to identify its main forms aimed at combating traditions, habitual practices of spending free time, and educating a “new” Soviet student. *Methods and materials.* The achievements of new social history and historical anthropology were applied, which made it possible to conduct a comprehensive analysis of the phenomenon of attempts to Sovietize students through the transformation of their everyday lives. The most informative sources for studying the problem were materials from the archival collections of Soviet universities and their party committees, where, in particular, minutes of meetings of propaganda commissions, boards of educational institutions, and reports on cultural work carried out among students are stored. *Analysis.* It was found that the authorities sought to quickly replace the customs, rituals, and practices familiar to the student environment. To do this, a whole range of alternative traditions was imposed on young people in parallel with the discrediting of those that were associated with “bourgeois remnants.” We are talking about new holidays, the approval of such forms of leisure as political education, the celebration of the days of the “red” calendar, sports, etc. In general, they were identical to those promoted in the work environment. These efforts did not always achieve their goal, and even the proletarian students sometimes willingly adopted pre-revolutionary values and behaviors. *Results.* According to the author, one of the main objectives of the state policy in the field of students was the desire to level its special position, which was fixed in the previous era. From an independent and free citizen, the student had to turn into a “staple of the proletarian regime,” which dealt a strong blow to the uniqueness of this social stratum of the population and led to the devaluation of its status.

Key words: history of higher education, students, traditions, proletarianization, everyday lives.

Citation. Sidorchuk I.V. “We Will Forget the Old Traditions...”: Holidays, Recreation, Everyday Practices and Upbringing of a New Student in the 1920s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 160-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

© Сидорчук И.В., 2024

«ТРАДИЦИИ СТАРЫЕ МЫ ПОЗАБУДЕМ...»: ПРАЗДНИКИ, ОТДЫХ, ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ И ВОСПИТАНИЕ НОВОГО СТУДЕНТА В 1920-е ГОДЫ

Илья Викторович Сидорчук

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Пролетаризация» студенчества стала одной из важнейших составляющих политики советской власти в отношении высшей школы в раннесоветский период. Для достижения этой цели применялся целый комплекс мер, среди которых определенная роль отводилась выстраиванию качественной и эффективной культпросветработы. В рамках настоящего исследования проведена попытка выявить ее основные формы, направленные на борьбу с традициями, привычными практиками проведения свободного времени и воспитание «нового» советского студента. *Методы и материалы.* Помимо конкретно-исторических методов применялись достижения новой социальной истории и исторической антропологии, что позволило провести многоаспектный анализ феномена попыток советизации студенчества через трансформацию его повседневности. Наиболее информативными источниками при изучении проблемы стали материалы архивных фондов советских университетов и их партийных комитетов, где, в частности, хранятся протоколы заседаний агитационно-пропагандистских комиссий, правлений учебных заведений, отчеты по проводимой среди студенчества культработы. *Анализ.* Было установлено, что власть стремилась к быстрой замене привычных для студенческой среды обычаев, ритуалов и практик. Для этого молодежи навязывался целый спектр альтернативных традиций параллельно с дискредитацией тех, что связывались с «буржуазными пережитками». Речь идет о новых праздниках, утверждении таких форм досуга, как политучеба, отмечание дней «красного» календаря, спорт и пр. В целом они были идентичны тем, что продвигались в рабочей среде. Эти усилия не всегда достигали своей цели, и даже пролетарское студенчество подчас с охотой перенимало дореволюционные ценности и модели поведения. *Результаты.* По заключению автора, одной из основных задач государственной политики в области студенчества было желание нивелировать его особое положение, закрепившееся в прежнюю эпоху. Из независимого и свободного гражданина студент должен был превратиться в «скрепу пролетарского режима», что наносило сильный удар по уникальности этой социальной прослойки населения и вело к девальвации ее статуса.

Ключевые слова: история высшей школы, студенчество, традиции, пролетаризация, повседневность.

Цитирование. Сидорчук И. В. «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 160–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.11>

Введение. У Института инженеров путей сообщения Императора Александра I в Санкт-Петербурге, основанного в 1809 г., существует весьма оригинальный символ – зеленая лягушка. По одной из версий, «лягушатами» питомцев института назвала Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская, за зеленый цвет воротника на их мундирах. Символ был очень любим студентами, широко тиражировался, а во время балов скульптура зеленой лягушки устанавливалась на специальном постаменте и исполнялся причудливый

и веселый танец «Лягушка» [8]. В 1917 г. институт обрел новое название – Петроградский институт инженеров путей сообщения, но многие студенты полагали, что это вовсе не повод отказываться от любимого символа, равно как и связанных с ним ритуалов. Однако в 1923 г. пролетарская часть студенчества наклеила на скульптуру лягушки лист со стихотворением, где были такие строки: «Традиции старые мы позабудем, / Кумир буржуазный для нас уж не бог, / Ему раболепно молиться не будем / И к счастью поищем иных

мы дорог. <...> Мы квакать лягушку в болото отправим: / Она в Институте нелепость сейчас» [7].

Студенты являлись отдельной, во многом уникальной частью российского общества, занимавшей свое особое место в пространстве города, со своей корпоративной культурой, четкими границами как от профессуры, так и от государства. Отсюда понятен и логичен историографический фокус на них как важном субъекте исторического процесса, способном играть большую роль далеко не только в жизни высшей школы, но и общественном движении, культуре, городской жизни, трансляции новых норм, ценностей и смыслов [11; 18].

Подобная субъектность, учитывая оппозиционность как характерную черту студенчества, не могла не тревожить большевистскую власть. Именно «пролетаризация» стала основой политики в отношении высшей школы в первой половине 1920-х гг., на что обращается принципиальное внимание в существующей историографии вопроса [1; 2; 34, с. 195–278; 40]. Среди наиболее сильных и эффективных мер, предпринимавшихся для достижения этой цели, были чистки, репрессии против ведущих антисоветскую деятельность, ограничения на поступление для выходцев из «нетрудовых» сословий, создание рабфаков, совершенствование структуры и руководства профсоюзными студенческими организациями, подрыв естественного процесса возрастной смены в вузах и целый ряд других [24; 49]. Представляется, что среди них стоит назвать и те, которые были связаны с организацией культпросветработы и трансформацией быта. Обычно они остаются вне пристального внимания специалистов ввиду их, казалось бы, периферийности, хотя в ряде исследований затронуты вопросы свободного времени, быта и досуга учащейся молодежи [15; 37]. Тем не менее именно эти элементы способствовали формированию студенческой индивидуальности и цельности, были неотъемлемой частью процесса создания «нового» студента, складывания его идентичности. Настоящая статья ставит своей целью отчасти компенсировать этот пробел, рассмотрев и продемонстрировав то, как велась работа в рамках трансформации студенческой праздничной культуры, повседневных практик и отдыха.

Она была направлена на преобразование высшей школы в раннесоветский период и во многом определила ее последующее развитие. При этом нельзя забывать о том, что работа среди студенчества не только ставила своей целью примитивную политизацию, но и являлась частью масштабного, грандиозного проекта культурного строительства, в центре которого оказывалась учащаяся молодежь. Культуртрегерство большевистской власти применительно к молодежи подразумевало и такие очевидно позитивные изменения, как борьба за культуру быта, физическое здоровье, рост общеобразовательного уровня и пр. В историографии подчеркивается, что советские лидеры видели в молодежи тех, кто в первую очередь способен преобразовать общество, и электорат, легитимирующий новое государство, что вело к вовлеченности ее представителей в происходившие процессы и даже наделяло политической субъектностью [45; 50].

Методы и материалы. Среди конкретно-исторических методов привлекались историко-сравнительный, историко-типологический, исторической периодизации и проблемно-хронологический. В частности, историко-сравнительный метод позволил выявить общее и повторяющееся в развитии университетских студенческих традиций в дореволюционный и постреволюционный период. Использование методологии новой социальной истории позволило провести многоаспектный анализ феномена попыток создания «нового» студенчества. Ее особенностью является междисциплинарный характер, использование достижений исторической антропологии и внимание к модернизационным процессам.

Наиболее информативными источниками при изучении проблемы стали делопроизводственные документы. Речь идет о материалах фондов университетов и их партийных комитетов, где хранятся протоколы заседаний агитационно-пропагандистских комиссий, правлений учебных заведений, отчеты по проводимой среди студенчества культработе. Они позволили выявить наиболее распространенные механизмы «пролетаризации» студенчества и получить статистические материалы о вовлеченности студентов в новые навязываемые практики проведения свободного времени. Среди периодической печати в ис-

следовании использованы журналы, посвященные жизни высшей школы и учащейся молодежи («Красный студент», «Красное студенчество» и др.), а также непосредственно издания различных университетов («Рабочий студент», «Голос пролетарского студенчества», «Студент-пролетарий» и др.).

Анализ. Приведенный в начале статьи пример с зеленой лягушкой Института путей сообщения был далеко не единственным. Так, осмеянию в освещавшей жизнь высшей школы прессе удаивались сложившиеся порядки взаимодействия студентов с преподавателями – безоговорочное признание авторитета, прием только в определенные дни и часы, манера обращения, предубеждения против девушек и пр. [6]. Постоянно говорилось о неприемлемости подобного: «Вряд ли кто станет сомневаться, что в наших ВУЗ'ах все еще господствуют “священные традиции доброго старого времени”. Фетишизм и идолопоклонство здесь все еще крепко сидят и стойко обороняются от новых веяний, прикрываясь заповедной давностью старины, авторитетностью имен, “категорическими императивами” и другими “психическими рудиментами” (Мечников)» [14, с. 22]. В диктуемых властью условиях сохранение дореволюционных традиций было определенным актом сопротивления [17, с. 124]. Сам термин «традиционный» применительно к студентам имел исключительно негативные коннотации: «Карфаген “традиционного” буржуазного студенчества должен был быть разрушен» [21, с. 15].

Способом «приобщения к политической жизни новых слоев рабочего класса, пролетарской молодежи», легитимации власти большевиков и создания новой символической реальности, формирующей коллективную идентичность, были многочисленны новые праздники [5, с. 23]. Разумеется, в прошлом должны были остаться привычные для студенчества, но связанные с прошлой эпохой Дни основания университетов (Татьянин день для Московского, 8 февраля для Петербургского, 5 ноября для Казанского и т. п.). Они были не просто пьяными гульбищами, сопровождавшимися драками, хулиганскими выходками и массой приключений, шокировавших городских обывателей, но сакральной традицией, символом свободы, лихой молодости и права

заявить о себе, подобно средневековому карнавалу, на время нивелировавшему сословные границы. Вместо этого был предложен новый праздник – 21 (8) февраля в память студенческих волнений 1899 г. в Санкт-Петербурге как раз во время празднования Дня основания университета [34, с. 343]. Иным должен был стать и характер празднования, соотносясь с сформировавшимися советскими ритуалами. Так, на 104-ю годовщину Петроградского университета в 1923 г. было организовано студенческое шествие с красными знаменами ко дворцу Урицкого (Таврическому), сопровождавшееся пением Интернационала. В зале заседаний дворца студенты слушали речи партийных функционеров, один из которых, Б.П. Позерн, заявил: «Пролетариат ждет вас в свои ряды». В завершении был устроен концерт [47]. Безудержная вольница заменялась зарегулированностью, предписанностью и дисциплиной.

Впоследствии «праздник красного революционного студенчества» был отменен, не закрепившись в календаре. Весьма показательными были аргументы его противников: «...теперь, в условиях диктатуры рабочего класса, мы мыслим студенческое движение либо только как идущее в ногу со стремлениями рабочего класса, либо – противорабочим движением, движением контрреволюционным. Если мы в действительности будем иметь Советское, идеологически определенно оформившееся студенчество, то у последнего не должно и не может быть ничего такого в своей работе и деятельности, что отделяло бы его от общегосударственной жизни, от общих задач и целей, поставленных рабочим движением в России в настоящее время» [31, с. 9]. Таким образом, ему отказывали в традиционной уникальности, праве на особое место в обществе, оставляя лишь путь принятия новых норм и интеграции с пролетариатом. Самыми важными должны были стать те же праздничные даты, что и для остальных жителей страны. Так, 1 Мая демонстрировалось Днем единства студенчества, а его празднование – символом победы над антисоветской и буржуазной силами в вузах [13; 20].

С 1924 г. началась практика отмечания Ленинских дней, связанных с чествованием памяти лидера революции. Они включали орга-

низацию вечеров с художественными постановками, революционными песнями, докладами партийных лидеров и профессоров. Борьба также велась с традиционными религиозными праздниками, особенно Пасхой и Рождеством, для чего устраивались их «красные» варианты [43, с. 13–14] – практика, активно насаждавшаяся и в рабочей среде. Девушкам-студенткам навязывалось участие в Международном празднике работницы 8 Марта. По этому поводу устраивались собрания, читались доклады о позиции партии по женскому вопросу, положению женщины в советском обществе и т. п. Визуальным атрибутом праздника должен был стать красный платок, подчас обязательный для всех участниц [23; 32]. При этом в данном случае праздник нельзя назвать изобретением советской власти, так как он был распространен и до революции среди левых партий, членами которых были в том числе и студенты.

Кампании были приурочены как к официальным праздничным дням, так и к другим датам «красного» календаря, которые хоть и не являлись выходными, но поддерживались властью. Так, в 1927 г. агитпропкомиссия Ленинградского университета решила провести следующие массовые кампании: «1) Годовщина Октябрьской Революции; 2) 1905 год; 3) Антирелигиозные рождественская и пасхальная кампании; 4) Январские дни (Память В.И. Ленина и 9-ое января); 5) Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург; 6) День Кр[асной] Армии; 7) Годовщина Университета; 8) День работницы; 9) Свержение самодержавия; 10) День Парижской Коммуны; 11) День печати» и 1 Мая [44, л. 29]. Как повод, так и само проведение празднования должны были соответствовать утверждавшимся практикам – сопровождаться митингами, демонстрациями, докладами, собраниями, пением революционных песен, декорированием плакатами и лозунгами и пр.

Новой характерной особенностью университетов стало внимание к той части их сотрудников, которая практически полностью игнорировалась в былые времена. Речь идет о простых работниках – кочегарах, уборщицах, служащих столовой и т. д., то есть тех, кто совершенно далек от науки и образования, но в постреволюционных условиях полу-

чил новые права, возможности, привилегии и признание (как минимум на уровне декларации). Это проявлялось в том числе и в их участии в различных праздничных мероприятиях. Так, согласно плану комиссии Ленинградского университета по подготовке празднования 10 годовщины Октябрьской революции, на демонстрации должен быть следующий порядок построения: «1. Головной плакат, 2. Знамена, 3. Духовой оркестр, 4. “Рота ВУЗ”, 5. Профессура, рабочие и служащие, 6. Струнный оркестр, 7. Физмат, 8. Геофак, 9. Ямфак, 10. Хор, 11. Совправо» [26]. То есть рабочие шли перед студентами, чем во многом подчеркивалась их новая роль в университетской жизни.

Помимо праздников, создание истинно пролетарского студенчества планировалось осуществлять через целый ряд новых практик, видов отдыха, досуга и привычек. Основными предполагаемыми формами организации свободного времени студентов были различного рода кружки. Акцент делался на тех, чья деятельность отчетливо носила воспитательно-пропагандистский характер: политпросвещения, марксизма-ленинизма, антирелигиозных, текущей политики, полит-учебы, программы и устава ВКП (б) и т. п. [4, л. 10]. Учитывая, что речь шла об учащейся молодежи, настроенной на получение знаний, внимание уделялось устройству научно-технических кружков [36]. Не оставались в стороне от вузов и различные добровольные организации, в частности Общество друзей воздушного флота и Осоавиахим, привлекавшие студентов к своей работе. Более развлекательную цель преследовали другие кружки: литературный, хоровой, оркестр, живая газета, радио, фотокружок и пр. [29, л. 124 об.]. Это позволяло компенсировать перевес политвоспитания и агитации в культработе, что не могло удовлетворить запросы молодежи на отдых. Пытаясь решить эту же задачу, были предприняты попытки разнообразить политработу, например устройство политлотерей, полит-игр, живых газет, политбоев на актуальные темы. От культкомиссий вузов требовалось привлечь к этому максимально большое число студентов, как партийных, так и беспартийных [33, л. 6].

Распространенными формами работы были доклады, лекции, беседы. Подобно ра-

бочим общежитиям, в студенческих организовывались читальни. Учитывая большую востребованность театра и кино, а также более чем скромные финансовые возможности учащихся, предпринимались меры к тому, чтобы добиваться скидок на билеты. Параллельно велась работа по контролю над этими формами досуга – через коллективные посещения, сопровождение киносеансов докладами на политические, бытовые и научные темы, влияние на репертуар [30, л. 12–12 об.]. Отметим, что именно студентам обязано своим появлением такое яркое явление советской театральной жизни 1920-х гг., как «Синяя блуза». Ее создали учащиеся Московского института журналистики в 1923 г., поставив своей целью доступно и ярко провести агитацию среди рабочих понятными им средствами.

Большое значение в деле воспитания, роста технической грамотности и агитации были призваны играть различного рода экскурсии [25, с. 49]. Ассортимент их был весьма обширен. Так, за октябрь 1927 г. студенты Ленинградского университета посетили следующие места: 1) Криминологический музей; 2) Русский музей; 3) Детское село; 4) Музей революции; 5) Музей мозга; 6) Петропавловская крепость; 7) Таврический и Смольный; 8) Комендантский аэродром; 9) Выставка собак; 10) Ледоколы «Ленин» и «Святогор» [«Красин». – И. С.]. Всего 20 экскурсий, в которых приняли участие 563 человека, – 287 первокурсников, 178 второкурсников и 96 старшекурсников [22]. Для технических вузов особенно рекомендовались экскурсии на производство. Более близкому знакомству студентов с корпоративными традициями, в особенности историей революционной борьбы, должны были способствовать экскурсии по родному вузу [30, л. 12].

Плотно в жизнь студенчества должна была войти физкультура как средство профилактики заболеваний и повышения физической подготовки учащейся молодежи [42]. В данном случае речь вновь шла о преодолении традиции – дореволюционное студенчество (отчасти справедливо) обвинялось в скептическом отношении к спорту [12, с. 273–274]. Хотя первые спортклубы появлялись уже тогда, отныне речь шла о пролетаризации физкультуры и спорта и их массовости. Особое

внимание уделялось поддержке видов, связанных с военной подготовкой, – стрельбе и лыжам. В Воронежском университете в работу стрелкового кружка был вовлечен даже ректор [16, с. 40]. Как и у рабочей молодежи, в студенческой среде развитие получили футбол, баскетбол, шахматы и шашки, а со второй половины 1920-х гг. – пинг-понг [29, л. 124].

Впрочем, физкультура и спорт в 1920-е гг. не стали столь широко распространены среди учащейся молодежи, как на то рассчитывала власть. Принципиальным шагом в данной области стало узаконение введения физической культуры в учебные планы вузов, осуществленное в 1929 г., хотя и реализовывавшееся с большими трудностями из-за отсутствия инфраструктуры и кадров.

Затронула вузы и такая оригинальная форма культуры, как агитационные суды, тематика которых была адаптирована под происходившую борьбу внутри высшей школы. Например, революционное студенчество Пермского университета устроило суд-инсценировку над профессором, которого обвиняли в негативном отношении к новым методам преподавания, новому быту, в религиозности, пристрастном отношении к некоторой части студенчества и отрицательном мнении о пролетаризации вузов [41].

Как и в случае с рабочими и служащими, главным пространством для культурного досуга, отдыха и внеучебной работы должен был стать клуб. Стремление приблизить науку к промышленности, а также наладить взаимосвязь учащейся и рабочей молодежи определили его основные особенности применительно к вузам. Постоянно говорилось о большей связи с производственным началом [38, с. 11]. Поощрялось устройство совместных вечеров рабочих заводов со студентами, должных содействовать сближению с пролетариатом и обмену знаниями, что стало особенно важным в период первой пятилетки и введения системы обучения без отрыва от производства [27, л. 4].

Речь шла и о том, что сознательные студенты должны налаживать деятельность в рабочих клубах, многие из которых страдали от нехватки квалифицированных кадров, что существенно снижало качество их работы. То есть власть видела в студентах не только

объект, но и субъект культпросветработы, ее организатора. В идеале студенчество должно было стать агентом-партнером государства [17, с. 122–123], одним из «революционных отрядов СССР», активно жертвующим собой ради успеха социалистического строительства. Как справедливо отмечает О. Рябченко, «повседневная жизнь студенческой молодежи 1920–1930-х гг. характеризуется повышенным участием в разнообразных кампаниях советской власти» [35, с. 95]. Студенты, а не преподаватели составляли большинство коллектива партийных агитаторов, тем более что многие из них вступили в ряды ВКП(б) раньше. Например, среди агитаторов Ленинградского университета в 1926 г. из 26 человек было только двое преподавателей – И.И. Презент (в том же году окончивший обучение, а в партию вступивший в 1921 г.) и К.В. Нотман (выпускник 1925 г., член партии с 1924 г.) [39].

В период каникул многие студенты уезжали в деревню, и на них стремились возложить обязанность вести агитационно-пропагандистскую и воспитательную работу среди крестьянства: объяснять политику партии, привлекать к работе общественных организаций, быть «толкачом» газеты в рабоче-крестьянские массы и пр.: «Если студент сумеет уловить нити классовой борьбы в повседневной жизни деревни и передаст селькорам способность улавливать отдельные звенья борьбы, а также понимать значение этих звеньев всей цепи событий, – это будет величайшее дело» [19; 46, с. 21]. После возвращения к учебе они отчитывались о проделанной работе: сколько проведено докладов, лекций и бесед, на какие темы, какое участие принимали в работе местных политпросветительских организаций, в частности в спектаклях и концертах, праздниках «красного» календаря и пр. [43, с. 13–14]. Велась также работа среди красноармейцев и на заводах, в основном связанная с борьбой с безграмотностью и малограмотностью. Общественно-культурная деятельность на производстве осуществлялась в период прохождения на них практики. Отдельное внимание уделялось работе среди нацменьшинств, для чего привлекали студентов соответствующих национальностей [28, л. 8; см. также: 3].

Разумеется, подобная пролетаризация студенчества не могла реализовываться беспрепятственно. Даже чистки, регулирование состава поступающих и прочие меры, ведущие к освобождению от «чуждых элементов» и созданию полной однородности среды учащихся, так этой цели и не достигли. Например, в 1924 г. в Казанском университете выходцы из семей рабочих и крестьян составляли менее 60 % [25, с. 43]. Всего же по РСФСР в 1928–1929 гг. дети рабочих и крестьян составляли немногим менее 70 % среди студентов вузов. Стоит учитывать и то, что при поступлении многим прекрасно удавалось скрыть свое истинное происхождение [34, с. 215–237].

При всех успехах в борьбе за классовую чистоту власть не смогла противостоять «обуржуазиванию» и «омещаниванию» студентов из рабочих и крестьян, познакомившихся с соблазнами больших городов и перенимавших традиционную студенческую культуру во всем ее многообразии. Прививки правильным происхождением оказывалось недостаточно, и противоречия между двумя мирами – «старым» и «новым» студенчеством – нивелировались [34, с. 263, 278]. Например, бывали случаи, когда студенты-комсомольцы носили такие же фуражки и куртки, как и дореволюционная интеллигенция, чтобы выделяться из массы «некультурной» и необразованной молодежи [48, р. 198].

Студенты не были свободны и от очарования типичных девиантных практик – пьянства, хулиганства, обращения к услугам проституток, азартных игр. Хулиганские поступки могли быть вполне традиционными (вроде битья стекол и драк), но случались и оригинальные случаи, например срыв литературного вечера чтением «антипролетарских стихов» [9]. В том числе и студенчество достигли противоречивые последствия раннесоветской сексуальной революции, что прекрасно было показано в вызвавшем скандал рассказе П. Романова «Без черемухи», главная героиня которого была студенткой Московского университета.

Сама аполитичность, декларирование того, что молодой человек просто желает учиться, а не заниматься политикой, уже понималась как отклонение, характерное для

скрытых контрреволюционеров, шкурников или карьеристов [21, с. 13]. Были и девиации, которые признавались свойственными только студенчеству. Речь идет о так называемом «упадочничестве», выражавшемся в социальном абсентеизме, декадентстве, порочном поведении, любви к стихам С. Есенина, мыслях о суициде и пр. При всех попытках увязать подобные «болезненные явления» с антибольшевистскими пережитками приходилось признавать, что они в полной мере характерны и для «нового» студенчества, в том числе комсомольцев и партийцев. Зачастую подобное поведение было следствием эскапизма, актом сопротивления политике контроля и дисциплинирования, навязывания жестких норм и однозначных оценок, которые критическое мышление не могло принять. Помимо этого, маргинальный статус был исторически характерен для российского студенчества, что также могло играть определенную роль.

Результаты. Можно выделить три основные задачи государственной политики, направленной на трансформацию старых студенческих ритуалов, практик и традиций и закрепление новых. Во-первых, это было связано с активным процессом пролетаризации высшей школы – «новые» студенты должны были отказаться от дореволюционных «пережитков». Во-вторых, – с высокой степенью патернализма и стремлением власти проникать во все сферы общественной жизни, что вело к установлению контроля над студенчеством. Наконец, речь может идти о желании нивелировать особое положение студента, закрепившееся в обществе. Из независимого и свободного гражданина студент должен был превратиться, по словам Г.Е. Зиновьева, в «скрепу пролетарского режима» [10, с. 5]. Показательно, что формы и методы культпросветработы практически не отличались от тех, которые распространялись среди рабочих и других слоев населения, – кружки, клубы, физкультура, кино, театр и пр. Это наносило сильный удар по уникальности студенчества и вело к девальвации его статуса. При этом стоит учитывать гетерогенность раннесоветского студенчества и то, что определенная его часть становилась бенефициаром проводимой политики. Разнородный состав влиял и на культурно-досуговые прак-

тики, когда дети нэпманов или старой интеллигенции вполне успешно сохраняли былые традиции, а, например, рьяные комсомольцы и организаторы студенческих коммун порывали даже с малейшим намеком на них.

БЛАГОДАРНОСТИ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

ACKNOWLEDGEMENTS

The research was supported by RSF No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д. А. «Красное студенчество» 1921–1924 гг.: контуры образа. (К вопросу об обязательности «пролетарского» происхождения) // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 270–284.
2. Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 45–61.
3. Анкета по обследованию материального положения студентов КГУ [1925 г.] // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р1337. Оп. 45. Д. 1ж. Л. 15.
4. Апаробота Комсомола [1929 г.] // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 10–11.
5. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.
6. Беккер Б. На закате // Студент революции. 1923. № 6. С. 74–76.
7. Вильсоровский. Путьская лягушка (Голос молодых студентов) // Красный студент. 1923. № 2-3. С. 32–33.
8. Воронин М. И., Воронина М. М. Зеленая лягушка. Из истории Путьского института Петербурга // История Петербурга. 2001. № 3. С. 65–67.
9. Заявление в бюро коллектива ВКП(б) от Президиума вечера пролетарской литературы, состоявшегося 26 февраля 1927 г. в актовом зале ЛГУ (Копия) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 17–17 об.
10. Зиновьев Г. Новый студент и новый учитель // Студент революции. 1923. № 6. С. 3–5.
11. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

12. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки о ее быте и настроениях) // Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. С. 259–295.
13. Корбут М. Первое мая и студенчество // Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 3–5.
14. Куимов Д. Студенчество и новый быт // Студент-пролетарий. 1924. № 2. С. 22–23.
15. Курасов С. А. Повседневность педагогических вузов в 1919 – начале 1950-х гг.: на материалах Владимирской области: дис. ... к-та ист. наук. Владимир: [б. и.], 2015. 256 с.
16. Мансырев М. Стрелковый спорт в вузах // Красное студенчество. 1927–1928. № 2. С. 39–41.
17. Марков А. Р. Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 годов. М.: НЛЮ, 2005. 264 с.
18. Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 13. С. 166–181.
19. Н. Задачи работы в деревне // Студенческая правда. 1929. № 12 (31). 4 июня. С. 4.
20. Невский В. Праздник пролетариата – праздник весны и борьбы // Красный студент. 1923. № 4. С. 1–3.
21. Окунев Я. Новое студенчество // Студент революции. 1923. № 2-3. С. 13–20.
22. Отчет (в культсекцию) по экскурсионной работе за октябрь месяц 1927 г. // ЦГАИПД СПб Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 54.
23. Отчет о проведении компании 8-го марта за 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 191. Л. 1.
24. Парсамов В. С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 121–146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146
25. Печникова А. III Конференция пролетарского студенчества Каз. Гос. Университета // Голос пролетарского студенчества. 1924. № 2. С. 43–50.
26. План комиссии ЛГУ по подготовке празднования X-й годовщины Октябрьской революции / ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 94–94 об.
27. План массовой работы студентов ЛГУ Географического сектора на заводе «Красный гвоздильщик» на 1931–1932 уч. год // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 470. Л. 4–4 об.
28. План общественно-политической работы на физико-математическом факультете Каз. Гос. Ун-та (октябрь–декабрь месяцы 1929 г.) // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–9.
29. План работы Культкомиссии Исполбюро Ленинградского Гос. Университета на 1927–28 учебный год // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 123–125.
30. План работы Культкомиссии Исполпрофбюро ЛГУ на 1928/1929 уч. г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 344. Л. 11–14 об.
31. Почему мы против «Студенческого дня»? // Студент революции. 1923. № 2-3. С. 9–10.
32. Протокол № 2 Заседания делегатов от работников и служащих ЛГУ от 24 апреля 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
33. Протокол № 4 Заседания Апо-комиссии яч. ВКП(б) физмата от 17 ноября 1929 г. // ГАРТ. Ф. П-624. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–6 об.
34. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 640 с.
35. Рябченко О. Студенти радянської України 1920–1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації: монографія. Харків: ХНАМГ, 2012. 456 с.
36. Самарин А. О научно-технических кружках // Красное студенчество. 1927–1928. № 6. С. 56–64.
37. Синанов Б. А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: [б. и.], 2010. 176 с.
38. Смирнов С. О работе Клуба Пролетарского Студенчества П.Г.У. (В порядке обсуждения) // Студент-пролетарий. 1924. № 1. С. 11–13.
39. Список агитаторов коллектива ВКП(б) ЛГУ [1926 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 191. Л. 19–20.
40. Степнов А. О., Некрылов С. А. Пролетаризация в раннесоветской высшей школе // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 65–73. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-65-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73)
41. Суд над профессором // Студент-пролетарий. 1924. № 6-7. С. 95.
42. Тигин И. К моменту // Рабочий студент. 1924. № 1. С. 60–61.
43. Тиунов В. Как мы использовали зимние каникулы // Студент-пролетарий. 1924. № 7. С. 13–15.
44. Указания по проведению агитпропаботы Парткомитета Ленинградского университета (1927 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-984. Оп. 1. Д. 256. Л. 29–30.
45. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛЮ, 2017. 416 с.
46. Черкасов П. Отпускник – толкач газеты в рабоче-крестьянские массы // Студент-пролетарий. 1924. № 4. С. 20–21.
47. Як. Вал. Союз науки и труда // Красный студент. 1923. № 2-3. С. 22–23.
48. Gorsuch A. E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 189–201.
49. Konecny P. Chaos on campus: The 1924 student proverka in Leningrad // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46, № 4. P. 617–635. DOI: 10.1080/09668139408412186
50. Neumann M. “Youth, It’s Your Turn!?”: Generations and the Fate of the Russian Revolution

(1917-1932) // Journal of Social History. 2012. Vol. 46, № 2. P. 273–304.

REFERENCES

1. Andreev D.A. «Krasnoe studenchestvo» 1921–1924 gg.: kontury obraza. (K voprosu ob objazatelnosti «proletarskogo» proishozhdenija) [“Red Students” 1921–1924: Contours of the Image. (On the Question of the Obligation of “Proletarian” Origin)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2007, iss. 20, pp. 270-284.

2. Andreev D. «Krasnyi student» i politika proletarizatsii vysshei shkoly [“The Red Student” and the Politics of the Proletarianization of the Higher School]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2008, no. 2, pp. 45-61.

3. Anketa po obsledovaniuu materialnogo polozheniia studentov KGU (1925 g.) [Questionnaire on the Survey of the Financial Situation of Students of KSU (1925)]. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan (GART)* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. R1337, inv. 45, d. 1zh, l. 15.

4. Aporabota Komsomola (1929 g.) [Agitational Work of Komsomol (1929)]. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 10-11.

5. Barysheva E.V. “V veselom grohote, v ognjah i zvonah”: sovetskij prazdnik v socialnom konstruirovanii novogo obshchestva [“In a Cheerful Roar, in Lights and Bells”: A Soviet Holiday in the Social Construction of a New Society]. Moscow, RGGU, 2020. 192 p.

6. Bekker B. Na zakate [At Sunset]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 6, pp. 74-76.

7. Vilsorskii. Puteiskaia liagushka [Railway Frog]. *Krasnyi student* [The Red Student], 1923, no. 2-3, pp. 32-33.

8. Voronin M.I., Voronina M.M. Zelenaia liagushka. Iz istorii Puteiskogo instituta Peterburga [The Green Frog. From the History of the Putei Institute of St. Petersburg]. *Istoriia Peterburga* [History of St. Petersburg], 2001, no. 3, pp. 65-67.

9. Zayavleniye v byuro kollektiva VKP(b) ot Prezidiuma vechera proletarskoy literatury, sostoyavshegosya 26 fevralya 1927 g. v aktovom zale LGU (Kopiya) [Statement to the Bureau of the CPSU(b) Collective from the Presidium of the Evening of Proletarian Literature, Held on February 26, 1927, in the Assembly Hall of Leningrad State University (Copy)]. *Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 17-17r.

10. Zinovyev G. Novyi student i novyi uchitel [A New Student and a New Teacher]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 6, pp. 3-5.

11. Ivanov A.E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsialno-istoricheskaja sudba* [The Study of Russia of the Late 19th – Early 20th Century. Socio-Historical Fate]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 414 p.

12. Izgoev A.S. Ob intelligentnoj molodezhi (Zametki o ee byte i nastroenijah) [About Intelligent Youth (Notes on Its Life and Moods)]. *Vehi: sb. st. o rus. intelligencii* [Milestones. Collection of Articles About the Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011, pp. 259-295.

13. Korbut M. Pervoe maia i studenchestvo [The First of May and Studentship]. *Golos proletarskogo studenchestva* [The Voice of Proletarian Studentship], 1924, no. 2, pp. 3-5.

14. Kuimov D. Studenchestvo i novyi byt [Studentship and New Life]. *Student-proletarij* [Student-Proletarian], 1924, no. 2, pp. 22-23.

15. Kurasov S.A. *Povsednevnost pedagogicheskikh vuzov v 1919 – nachale 1950-h gg.: na materialah Vladimirskoj oblasti. dis. ... k-ta ist. nauk* [Everyday Life of Pedagogical Universities in 1919 – Early 1950s: On the Materials of the Vladimir Region. Cand. hist. sci. diss.]. Vladimir, s.n., 2015. 256 p.

16. Mansyrev M. Strelkovyi sport v vuzakh [Shooting Sport in Universities]. *Krasnoe studenchestvo* [Red Students], 1927–1928, no. 2, pp. 39-41.

17. Markov A.R. *Chto znachit byt studentom: Raboty 1995–2002 godov* [What It Means to Be a Student: Works of 1995–2002]. Moscow, NLO Publ., 2005. 264 p.

18. Martynova A.Ju. Rossijskoe studenchestvo i Fevral'skaja revoljucija [Russian Students and the February Revolution]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2005, no. 13, pp. 166-181.

19. N. Zadachi raboty v derevne [Tasks of Work in the Village]. *Studencheskaya Pravda* [Student Truth], 1929, no. 12 (31), June 4, p. 4.

20. Nevskii V. Prazdnik proletariata – prazdnik vesny i borby [The Holiday of the Proletariat – The Holiday of Spring and Struggle]. *Krasnyi student* [Red Student], 1923, no. 4, pp. 1-3.

21. Okunev Ia. Novoe studenchestvo [New Studentship]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 2-3, pp. 13-20.

22. Otchet (v kultseksiuyu) po ekskursionnoj rabote za oktyabr mesyats 1927 g. [Report on Excursion Work for October 1927]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 54.

23. Otchet o provedenii kompanii 8-go marta za 1926 g. [Report on the Company on March 8th for 1926].

TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 191, l. 1.

24. Parsamov V.S. Borba za universitet v bolshevistskoj Rossii 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921]. *Vestnik RGGU. Serija “Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenie”* [Bulletin of the RSHU. The Series “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”], 2018, no. 6 (39), pp. 121-146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

25. Pechnikova A. III Konferentsiia proletarskogo studenchestva Kaz. Gos. Universiteta [Conference Dedicated to the Lethargic Study of Kazan University]. *Golos proletarskogo studenchestva* [Voice of the Proletarian Students], 1924, no. 2, pp. 43-50.

26. Plan komissii LGU po podgotovke prazdnovaniiia X-i godovshchiny Oktiabrskoi revoliutsii [The Plan of the LSU Commission to Prepare for the Celebration of the 10th Anniversary of the October Revolution]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 94-94 r.

27. Plan massovoi raboty studentov LGU Geograficheskogo sektora [The Plan of Mass Work of LSU Students of the Geographical Sector]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 470, l. 4-4 r.

28. Plan obshchestvenno-politicheskoy raboty na fiziko-matematicheskome fakultete Kaz. Gos. Un-ta (oktyabr-dekabr mesyatsy 1929 g.) [Plan of Socio-Political Work at the Faculty of Physics and Mathematics of Kaz. State University (October-December 1929)], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 7-9.

29. Plan raboty Kul'tkomissii Ispolbyuro Leningradskogo Gos. Universiteta na 1927–28 uchebnyy god [Work Plan of the Cultural Commission of the Executive Bureau of the Leningrad State University for the 1927–28 Academic Year]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 123-125.

30. Plan raboty Kul'tkomissii Ispolprofbyuro LGU na 1928/1929 uch. g. [Work Plan of the Cultural Commission of the Executive Trade Union Bureau of Leningrad State University for the 1928/1929 Academic Year]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 344, l. 11-14 r.

31. Pochemu my protiv «Studencheskogo dnia»? [Why Are We Against the “Student Day”?]. *Student revoliutsii* [Student of the Revolution], 1923, no. 2-3, pp. 9-10.

32. Protokol № 2 Zasedaniia delegatok ot rabotnits i sluzhashchikh LGU ot 24 aprelia 1924 g.

[Minutes No. 2 of the Meeting of Delegates from Workers and Employees of LSU Dated April 24, 1924]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. 984, inv. 1, d. 91, l. 1.

33. Protokol № 4 Zasedaniya Apo-komissii yach. VKP(b) fizmata ot 17 noyabrya 1929 g. [Protocol No. 4 of the Meeting of the Apo-Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Physics and Mathematics Committee of November 17, 1929]. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan], f. P-624, inv. 1, d. 36, l. 5-6 r.

34. Rozhkov A.Iu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, Nov. lit. obozreniye Publ., 2014. 640 p.

35. Riabchenko O. *Studenti radianskoj Ukraïni 1920–1930-kh rokov: praktiki povsiakdennosti ta konflikti identifikatsin: monografiia* [Students of Soviet Ukraine in the 1920s and 1930s: Everyday Practices and Identification Conflicts]. Kharkov, KhNAMG Publ., 2012. 456 p.

36. Samarin A. O nauchno-tekhnicheskikh kruzhkakh [About Scientific and Technical Circles]. *Krasnoe studenchestvo* [Red Students], 1927–1928, no. 6, pp. 56-64.

37. Sinanov B.A. *Povsednevnaia zhizn «novogo studenchestva» Severnoj Osetii v 1920-h gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [Everyday Life of the “New Students” of North Ossetia in the 1920s. Cand. hist. sci. diss.]. Vladikavkaz, s.n., 2010. 176 p.

38. Smirnov S. O rabote Kluba Proletarskogo Studenchestva P.G.U. [About the Work of the Club of Proletarian Students P.G.U.]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 1, pp. 11-13.

39. Spisok agitatorov kolektiva VKP(b) LGU (1926 g.) [List of Agitators of the Collective of the CPSU (b) LSU (1926)]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 191, l. 19-20.

40. Stepnov A.O., Nekrylov S.A. Proletarizatsiia v rannesovetskoj vysshei shkole [Proletarianization in the Early Soviet Higher School]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2023, no. 1 (78), pp. 65-73. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-65-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-65-73)

41. Sud nad professorom [The Trial of the Professor]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 6-7, p. 95.

42. Tigin I. K momentu [To the Moment]. *Rabochii student* [Worker Student], 1924, no. 1, pp. 60-61.

43. Tiunov V. Kak my ispolzovali zimnie kanikuly [How We Used the Winter Holidays]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 7, pp. 13-15.

44. Ukazaniya po provedeniyu agitpropraboty Partkomiteta Leningradskogo universiteta (1927 g.) [Instructions for Conducting Propaganda work of the Leningrad University Party Committee (1927)]. *TsGAIPO SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-984, inv. 1, d. 256, l. 29-30.

45. Hellbek J. *Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskij epohi* [Revolution in the First Person: Diaries of the Stalin Era]. Moscow, NLO Publ., 2017. 416 p.

46. Cherkasov P. Otpusnik – tolkach gazety v raboche-krestianskie massy [Vacationer – Pusher of the Newspaper to the Workers' and Peasants' Masses]. *Student-proletarii* [Student-Proletarian], 1924, no. 4, pp. 20-21.

47. Iak. Val. Soiuz nauki i truda [Union of Science and Labor]. *Krasnyi student* [Red Student], 1923, no. 2-3, pp. 22-23.

48. Gorsuch A.E. Soviet Youth and the Politics of Popular Culture During NEP. *Social History*, 1992, vol. 17, no. 2, pp. 189-201.

49. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad. *Europe-Asia Studies*, 1994, vol. 46, no. 4, pp. 617-635. DOI: 10.1080/09668139408412186

50. Neumann M. “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932). *Journal of Social History*, 2012, vol. 46, no. 2, pp. 273-304.

Information About the Author

Илья В. Сидорчук, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation; Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Politechnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russian Federation, chubber@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Информация об авторе

Илья Викторович Сидорчук, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация; профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, chubber@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.12>

UDC 94(574)084.8-053.2«1945/1955»
LBC 63.3(2)6

Submitted: 04.03.2023
Accepted: 30.08.2023

THE INFLUENCE OF SOVIET STATE POLICY ON SCHOOL EVERYDAY LIFE IN KAZAKHSTAN (1945–1955)

Aigul A. Bimoldanova

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Maisara Zh. Bekmagambetova

A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Kazakhstan

Ruslan K. Bekmagambetov

A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The work reconstructs the ideological component of Soviet children's everyday school life in Kazakhstan, which had a huge impact on their socialization. *Methods and materials.* The methodological basis of the study is the theory of the sociologist P. Sztompka about the significance of "cultural trauma" in the biography of any generation of people – social tension associated with changes in society, the transformation of its values. The method of narrative interview was used in the work. Interviews were conducted with over 20 respondents whose childhood was spent in Kazakhstan in 1945–1965. *Analysis.* Archival data and recollections of respondents show that the school, which traditionally carried out a certain order of society, was the main mechanism in the formation of the "new Soviet person." During the period under study, the "order" was to form a Soviet identity, with which the Soviet school and socio-political organizations represented by the pioneers and the Komsomol in Kazakhstan successfully coped. Everyday school practice reflected the ideological component of school education – all respondents, assessing their childhood from today's standpoint, are aware of the degree of this influence. *Results.* A number of mechanisms were analyzed through which the official Soviet authorities formed the consciousness of the future "builders of communism": the school, ideologized and, in fact, obligatory children's organizations, and propaganda. The identified correspondence between the propaganda ideal and the real image of a Soviet schoolchild indicates the acceptance and assimilation of socialist values by children in Kazakhstan. The data obtained open up prospects for new research on the history of Soviet children's everyday lives. *Authors contribution.* A.A. Bimoldanova proposed the idea and concept of the article and wrote the final text. M.J. Bekmagambetova prepared a historiographic review, was engaged in the identification and analysis of documentary sources from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, and R.K. Bekmagambetov carried out the transcription and interpretation of the interview materials and the technical design of the text of the article. All three authors interviewed respondents.

Key words: Soviet childhood, Soviet school, Kazakhstan, ideology, school everyday life.

Citation. Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.Zh., Bekmagambetov R.K. The Influence of Soviet State Policy on School Everyday Life in Kazakhstan (1945–1955). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 172-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.12>

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ШКОЛЬНУЮ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ (1945–1955 гг.)

Айгуль Амантаевна Бимолданова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан

Майсара Жаугаштиновна Бекмагамбетова

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан

Руслан Кабдугалиевич Бекмагамбетов

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан

Аннотация. *Введение.* В работе реконструируется идеологическая составляющая школьной повседневности советских детей в Казахстане, которая оказала огромное влияние на их социализацию. *Методы и материалы.* Методологической основой исследования является теория социолога П. Штомпка о значимости в биографии любого поколения людей «культурной травмы» – социального напряжения, связанного с изменениями в обществе, трансформацией его ценностей. В работе был применен метод нарративного интервью. Интервью проводились с более 20 респондентами, чье детство прошло в Казахстане в 1945–1955 годах. *Анализ.* Архивные данные и воспоминания респондентов свидетельствуют о том, что школа, которая традиционно выполняла определенный заказ общества, была основным механизмом в формировании «нового советского человека». В исследуемый период «заказ» заключался в формировании советской идентичности, с чем советская школа и общественно-политические организации в лице пионерии и комсомола в Казахстане вполне успешно справлялись. Повседневная школьная практика отразила идеологическую составляющую школьного образования – все респонденты, оценивая свое детство с позиций сегодняшнего дня, осознают степень этого влияния. *Результаты.* Проанализирован ряд механизмов, через которые официальные советские власти формировали сознание будущих «строителей коммунизма»: школа, идеологизированные и, по сути, общеобязательные детские организации и пропаганда. Выявленное соответствие между пропагандистским идеалом и реальным образом советского школьника свидетельствует о принятии и усвоении детьми в Казахстане социалистических ценностей. Полученные данные открывают перспективы для новых исследований по истории детской советской повседневности. *Вклад авторов.* А.А. Бимолданова предложила идею и концепцию статьи, осуществила написание окончательного текста. М.Ж. Бекмагамбетова, автор-корреспондент, подготовила историографический обзор, занималась выявлением и анализом документальных источников из Архива Президента Республики Казахстан, Р.К. Бекмагамбетов осуществил транскрибацию и интерпретацию материалов интервью, техническое оформление текста статьи. Все три автора проводили интервьюирование респондентов.

Ключевые слова: советское детство, советская школа, Казахстан, идеология, школьная повседневность.

Цитирование. Бимолданова А. А., Бекмагамбетова М. Ж., Бекмагамбетов Р. К. Влияние советской государственной политики на школьную повседневность в Казахстане (1945–1955 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 172–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.12>

Введение. В конце XX в. мы стали свидетелями значительных изменений в историческом сознании, связанных с переосмыслением традиционных направлений исследований и появлением новых познавательных интересов и стратегий истории. Такие трансформации в гуманитарном знании получили название «антропологический поворот». «Новая» историческая наука характеризовалась как расширени-

ем предметной области, благодаря появлению исследований, опирающихся на методологию междисциплинарности, так и смещением акцента в исторических исследованиях на изучение «человека-в-истории», его непосредственного опыта в историческом процессе. В связи с этим актуальными стали направления, которые ранее оставались за пределами внимания историков: история повседневности, микроистория,

женская история, история детства. Необходимость и научную значимость изучения истории детства подчеркивает один из ведущих российских специалистов в этой сфере О.В. Кошелева: «Зачем и почему нам это представляется важным? Чтобы научиться понимать изменчивость бытия, порой изменяющегося до неузнаваемости. И для того, чтобы осознать трансформацию в веках восприятия детства» [10, с. 159].

Чрезвычайная идеологизация государственной политики СССР в сфере детства не вызывает споров, однако механизмы этой политики и степень их воздействия на детей в зависимости от региональных особенностей требуют дополнительного анализа. Многие исследователи отмечают многоликость советского детства, в частности, оно могло существенно различаться в Центральной России и в союзных республиках. Однако были и общие черты, например «советскость», сильная идеологическая направленность, нацеленность на идеалы равенства и братства, которые сформировались в результате целенаправленной и системной государственной политики СССР в сфере детства. Это и определяет цель настоящего исследования – проанализировать влияние государственной политики в области детства на школьную жизнь детей Казахстана в 1945–1955 годах. Данный период выбран нами не случайно, так как мы считаем, что именно в этом хронологическом промежутке в советском обществе усилился процесс государственного идеологического воздействия в целом и на детей в частности. Но мы не ограничиваемся 1953 г., то есть таким событием как смерть И.В. Сталина, так как считаем, что идеологическая политика советского руководства начала меняться к середине 1950-х годов.

Методы и материалы. Анализ современной историографии поставленной проблемы позволяет выделить три основные группы исследований, характеризующих разные аспекты «советского проекта детства» и особенности его реализации на практике.

Культурно-исторический анализ советского детства. В работах советского периода данная тема практически не исследовалась и в условиях идеологического давления на авторов выводы и результаты их публикаций

сводились к констатации непрерывного роста социального обеспечения и улучшения условий жизни детей в исследуемый период.

С начала 1990-х гг. в изучении истории советского детства начинается новый этап, значительно расширяются рамки исследований, развенчиваются мифы о счастливом советском детстве. В современной литературе можно встретить разные мнения об уровне развития такого историографического направления, как история детства в СССР. Одни авторы полагают, что пока рано говорить о существовании такой предметной области исследования, другие на конкретных примерах доказывают ее активное формирование на основе наследия Ф. Арьеса и его последователей. В.Д. Куприянов на основе структурированных интервью осуществляет историческую реконструкцию романтических отношений и дружбы советских школьников в пионерских лагерях, образы пионерских вожатых в 1960–1980-е гг. [13; 15]. А.В. Кудряшев попытался реконструировать изменения в жизни советских школьников под влиянием социальных реалий в 1960–1970-е гг. [12]. Еще одна интересная работа этого исследователя в соавторстве с Б.В. Куприяновым посвящена реконструкции внешкольной повседневной жизни советских детей 1959–1988 гг. на основе материалов популярной детской газеты «Пионерская правда» [14]. И. Арапова отмечает, что школьная повседневность изучена гораздо шире, чем внешкольная [2]. Более детальные оценки современной российской историографии советского детства, основным подходам к изучению истории детства дает М.В. Ромашова [18]. Используя концепцию социалистического реализма в качестве интерпретационной рамки, М. Рутерс исследует визуальное конструирование пространства «счастливого советского детства» в провинциальных контекстах [31]. Дж. Войдон в своей монографии анализирует воздействие на советских школьников коммунистической пропаганды через такой распространенный инструмент, как учебники чтения [34]. Анализируя приведенные исследования можно сделать вывод о том, что обращение к истории советского детства в работах ученых связано с переосмыслением советского прошлого в контексте ценностей и поведенческих образцов,

формируемых у подрастающего поколения государственной идеологией.

Вторая группа исследований посвящена советской государственной политике в области детства и определяющим ее факторам. В начале XX в. английский исследователь К. Келли активно исследовала зависимость истории советского детства от крутых поворотов государственной политики и идеологии [8; 9]. В последние годы появилось много новых исследований, дополняющих выводы К. Келли. Как весьма дискуссионную проблему рассматривает сталинскую государственную политику в сфере детства М. Винклер [33]. По ее мнению, история детства в России находится в стадии становления и не может конкурировать с огромным количеством британских и американских исследований детства. Работа К. Бегер показывает, как смена внешнеполитического курса СССР могла сменить ориентиры и государственной политики в области детства [24]. В рамках данного историографического направления выделяются работы, посвященные выявлению специфике государственной политики в области детства в различных советских республиках. В исследовании Ю. Улинской на основе применения метода устной истории анализируются воспоминания о насаждении дисциплины в советской постсталинской Литве [32].

Социокультурный институт советского детства в Казахстане. В казахстанской историографии с середины 1990-х гг. также начинается новый этап в разработке новых направлений исторической науки, появляются работы по социальной истории, по истории повседневности, работы, которые рассматривают отдельные аспекты истории детства. В своей работе Г.Г. Токуова затрагивает вопросы развития школьного образования в послевоенное время [22]. Авторами коллективного труда «Социальная история казахстанского общества (XX в.)» сделана попытка рассмотреть историю казахстанского общества сквозь призму биографических рассказов конкретных людей. В монографии представлены интервью людей, чье детство пришлось на исследуемый период [16]. Специальных работ по истории советского детства в Казахстане пока недостаточно. Одной из последних является диссертация Ж.К. Абдукаримовой, которая посвящена изучению

истории и повседневности советского детства в Центральном Казахстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [1].

Следует отметить, что аналогичное историографическое направление реализуется и зарубежными исследователями. Отдельные аспекты поставленной проблемы, в частности советское педагогическое образование в Казахстане, анализируется в исследовании О. Фимьяр [25]. Работа основывается на данных интервью учителей, которые работали в школе в советский период, соответственно, существенная часть воспоминаний респондентов связана с детьми, воспитательной работой с ними. Диссертационное исследование А. Кулахметова [28] направлено на анализ разносторонних представлений о детстве в современном Казахстане. Несмотря на то что в диссертации преимущественно рассматривается государственная политика в отношении детей после обретения Республикой Казахстан независимости, отдельная глава посвящена советскому проекту детства в Казахстане и той роли, которую играли дети в традиционных казахских семьях. В диссертации М.В. Кашыкчы [26] изучаются дети и детство в советском Казахстане с 1928 по 1953 год.

Подводя итоги историографического обзора, следует отметить нарастающий интерес к переосмыслению представлений о модели советского «счастливого детства» не только в центре, но и в регионах. Существует необходимость расширения исследовательского поля по проблематике советского детства в Казахстане как части исторического опыта СССР. В целом история советского детства как во всем постсоветском пространстве, так и непосредственно в Казахстане, находится на стадии становления. Сложившаяся вокруг истории детской повседневности историографическая ситуация служит еще одним фактом, подтверждающим актуальность поставленной проблемы.

Воспоминания современников советской эпохи приобретают особую значимость для характеристики детской повседневности, отдельные аспекты которой могут знать те респонденты, которые сами были детьми в этот период и прочувствовали советское детство во всем его многообразии и уникальности. В соответствии со спецификой поставленной задачи был применен метод narra-

тивного интервью, что способствовало сбору качественных данных на основе анализа рассказов и историй отдельных людей. Однако, несмотря на то что сущность этого метода заключается в свободном повествовании, полная реконструкция повседневной жизни советского школьника возможна только при разработке определенной программы, методики и модели проведения нарративно-

го интервью. В данном исследовании такая методика была разработана на основе рекомендаций Е.Ю. Рождественской [17, с. 118–120] и адаптирована к повествованию о советском детстве. Авторами были проанализированы материалы более 20 интервью с респондентами, чье детство прошло в Казахстане в 1945–1955 годах. Подробные сведения о них приведены в таблице.

Сведения о респондентах

Information about respondents

№	Респонденты	Местность, где прошло детство		Национальность		Происхождение		Пол	
		город	село	коренная национальность	другие национальности	из семей служащих и интеллигенции	из семей рабочих и крестьян	муж.	жен.
1	Респондент 1 (1939 г. р.)		1		1		1	1	
2	Респондент 2 (1945 г. р.)	1		1		1			1
3	Респондент 3 (1938 г. р.)	1			1	1		1	
4	Респондент 5 (1945 г. р.)	1			1	1			1
5	Респондент 6 (1936 г. р.)		1	1			1		1
6	Респондент 7 (1934 г. р.)		1	1			1	1	
7	Респондент 8 (1933 г. р.)		1		1	1			1
8	Респондент 9 (1942 г. р.)		1	1		1		1	
9	Респондент 4 (1946 г. р.)	1		1		1			1
10	Респондент 11 (1945 г. р.)		1	1			1	1	
11	Респондент 12 (1946 г. р.)		1	1			1		1
12	Респондент 13 (1936 г. р.)		1		1		1	1	
13	Респондент 14 (1935 г. р.)		1		1		1	1	
14	Респондент 15 (1939 г. р.)		1	1			1	1	
15	Респондент 10 (1945 г. р.)		1	1			1		1
16	Респондент 16 (1941 г. р.)		1	1			1	1	
17	Респондент 17 (1940 г. р.)	1			1	1		1	
18	Респондент 18 (1940 г. р.)		1	1			1	1	
19	Респондент 19 (1938 г. р.)		1	1			1		1
20	Респондент 20 (1943 г. р.)		1		1		1		1
	<i>Всего</i>	5	15	12	8	7	13	11	9

Анализ. Школа как важнейший инструмент массового образования и «самый близкий к детям мир» традиционно выступала одним из приоритетных средств воспитания и формирования советских людей и стала важнейшим механизмом реализации целей государственной политики в сфере детства. Именно в школе наряду с приобретением знаний дети должны были получить качества, необходимые будущим «строителям коммунизма», и прежде всего стремление к организованности и порядку, умение подчиняться правилам коллектива. Не случайно Ю. Улинская писала о «невидимой силе коллектива», которая дополняла усилия учителей в сфере воспитания детей [32].

В советской школе на первом месте всегда стоял коллектив, и если это школьники, то это в первую очередь класс. Приходя в школу и вступая во взаимоотношения с учителями и учениками, советские дети попадали в среду «одинаковых стандартов и общепринятых правил» и усваивали те культурные, социальные и другие идеалы, которые необходимы были официальной власти и, соответственно, прививавшиеся советским школьным обучением. Школа отражала «фон эпохи»: до хрущевской оттепели практически невозможно было выжить в коллективе тем детям, которые имели отношение к семьям «врагов народа» [6].

Главным субъектом ежедневных школьных практик для детей были учителя, именно на них партийная и государственная власть возложила функцию воспитания законопослушных граждан. В глазах советских школьников учитель обладал огромным авторитетом и непререкаемым престижем. Большинство респондентов в своих воспоминаниях отзывались об учителях с теплотой и благодарностью: «Коллектив у нас был дружный, я говорю о школьном коллективе... Учителя были самые лучшие, я до сих пор помню, опытные, грамотные, они никогда нас не наказывали, не кричали на нас. Уважение к учителю для нас много значило, относились к ним как к матери» [4]. Формула «любили-уважали-боялись» работала в отношении учителей, которые, хотя и были строги к ученикам, но умели поддерживать интерес к предмету в рамках школьной программы. Ведь от учителя зависело очень многое: атмосфера в

классе, усвоение материала учениками, учебные результаты.

Важнейшим механизмом воздействия на сознание советских школьников стали детские и юношеские общественные организации. Пионерская и комсомольская организации в школе, как вспоминают респонденты, были неотъемлемой частью детства и юности в советские годы в Казахстане. Среди опрошенных нами респондентов почти все были пионерами и большинство – комсомольцами. Вступление в эти организации также способствовало формированию у детей необходимых качеств: самодисциплины, ответственности, трудолюбия.

Почти все респонденты хорошо помнили события, связанные с приемом в ряды пионерской организации и отмечали значимость для них пионерской атрибутики, особенно пионерского галстука: «У меня было трепетное отношение к галстуку, я им очень гордилась. Помню, однажды семья пригласила нас в гости, и я повязала галстук на платье, чтобы выглядеть нарядно. Я даже фотографию сохранила» [7]. По мнению М.В. Ромашовой, «разнообразие пионерской атрибутики усиливало желание быть пионером» [19, с. 111]. Благодаря деятельности пионерской и комсомольской организаций происходило внедрение идеологических установок в сознание детей через повседневные школьные ритуалы: «У нас были какие-то обязанности, мы отдавали честь, ношение галстуков было обязательным. Носить красный галстук, когда мы вступали в пионеры, для нас это была большая честь. Мы серьезно готовились к вступлению в пионеры и комсомол, учили устав. Октябрята появились позже, у нас их не было» [4].

В школах Казахстана в этот период уже сложилась четкая пионерская иерархия: звено, отряд, дружина: «Да, в классе тоже были звеньевые. Кроме того, были санитарные дружины, и я тоже была членом санитарной дружины. Мы носили косынки санитарные самодельные сумки с красными крестами, у меня даже фотография есть» [4]. Как правило, каждому отряду пионерской дружины школы присваивались имена пионеров-героев или героев комсомола. Формы деятельности школьного пионерского движения в Казахстане были

такими же, как в других регионах СССР: пионерские сборы, собрания, линейки, военизированные игры, сборы металлолома и макулатуры, помощь ветеранам войны и труда. Однако респонденты, чье детство прошло в сельской местности, помнят свое участие в пионерской работе очень смутно. Они вспоминают, что были пионерами, но конкретных свидетельств о пионерской деятельности мы не услышали.

Одним из главных школьных мероприятий был ежегодный пионерский смотр строя и песни. В справке о выполнении постановления ЦК КП(б)К (Коммунистической партии Казахстана) от 21 июня 1949 г. «О работе пионерской организации республики» содержится информация о конкретных мероприятиях и их тематике: «Во многих школах дружинные сборы прошли на высоком уровне. Были организованы и проведены торжественные сборы, посвященные 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, 70-летию со дня рождения товарища Сталина, Героям Советского Союза, великим русским ученым. Тематика пионерских сборов чрезвычайно интересна и разнообразна. Тематика сборов были «Пионер всем детям пример», «Сталин – лучший друг и учитель советских детей», «Широка страна моя родная», «Мой любимый герой», «Мичурин – преобразователь природы», «Кого можно считать культурным человеком», «Путешествие по странам народной демократии» [21, л. 40–41]. В представленном перечне особенно показательна тематика сбора, посвященного И.В. Сталину. При своей внешней простоте она несла в себе такую же огромную смысловую нагрузку, как и фотографии детей с вождем, детально проанализированные С. Питканен [29]. Дети – символ будущего, а И.В. Сталин как их «лучший друг» и «учитель» – великий политик, который создает счастливое будущее для всех советских детей.

Подобная идеологизация и политизация детского сознания приносила свои результаты, о чем свидетельствует отношение детей к смерти И. Сталина. Многие из опрошенных респондентов подробно восстанавливают события того дня, личные ощущения и чувства окружающих. Дети переживали кончину вождя вместе со взрослыми, хотя в отдельных

случаях эта скорбь носила несколько показательный характер: «В день похорон Сталина я был возле оперного театра. Вся площадь была забита людьми, в 3 часа, это было 12 часов по Москве, когда происходила церемония захоронения, была трансляция, и мы все плакали. Я помню, по радио передавали сообщения о самочувствии Сталина, я каждый день слушал, а потом он скончался. Я взял портрет Сталина из журнала “Огонек”, обвел его черной рамкой. А бабушка спросила: “Что случилось, Сталин умер? Упокой, Господь, его душу... Но я не могу отделаться от мысли, потом я анализировал, немножко показательные у меня были слезы, все-таки, чуть-чуть, я как-то рано понял двойную бухгалтерию Советской власти. Вот эту показушность какую-то, понимаете. Когда надо говорить одно, а делать другое. Но народ искренне переживал, относительно искренне» [5].

Другой респондент вспоминает: «Когда умер Сталин, у нас был организован сталинский уголок (специальное место в классе, посвященное историческим личностям с портретами и другими памятными вещами). У нас обязательно была пионерская комната, были пионерские вожатые, мы оформляли сталинский уголок и там... Для этого иногда нас снимали с уроков, мы дежурили в сталинском уголке, потом мы менялись» [4]. «Я пошла в школу в 1953 году. И это был год смерти Сталина, я помню, как мои родители плакали. Да, да. Я помню, как я тоже плакала, потому что это был Сталин. 7-летние дети уже знали, кто такой Сталин... Газеты и журналы несли информацию, и уже было телевидение, и мы знали, что это вождь советского народа... Лидер. Мы не могли в это поверить. Ленин, Сталин были нашими вождями, поэтому, конечно, мы плакали» [6].

Формирование «нового человека» в СССР сопровождалось тотальным контролем за обществом и попытками вмешательства даже в гендерные взаимоотношения. В этом отношении показательным введением в Казахстане, как и в других регионах Советского Союза, раздельного обучения, в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1943 г. за № 789. Это должно было организовать учебно-воспитательную работу с учетом особенностей физической

природы развития девочек и мальчиков, укрепить дисциплину, а в национальных школах позволить шире охватить девочек школой. В столице республики, в г. Алма-Ате, в 1944 г. было открыто 20 женских школ, 16 мужских школ, 7 школ были смешанными, в областных центрах республики обычно была только одна женская и одна мужская школа, остальные оставались смешанными [20]. Большинство школ в сельской местности по-прежнему были смешанными. Несмотря на то, что практика раздельного обучения была частичной в школах Казахстана, она оставила у отдельных респондентов особые воспоминания. Информанты мужского пола вспоминают о том, что типичное для политического режима советского времени вмешательство в личную жизнь распространялось и на детей. Один из респондентов свидетельствует: «При мне однажды мальчик написал записку девочке из соседней школы, и каким-то образом эта записка попала к директору школы. Директор школы, капитан в отставке, в те годы все директора были мужчинами, бывшими военными, выстроил нас, шестиклассников, в шеренгу и прочитал эту записку. Я не знаю, с какой целью, какой урок они хотели преподать. Они панически боялись нашего полового созревания, но это неизбежно, я не помню, чтобы кого-то исключили из школы, но такие эксцессы были» [5]. Трудно сказать, способствовало ли раздельное обучение взрослению мальчиков, как это предполагалось реформами, но известно, что в школах для мальчиков возникали дисциплинарные проблемы, с которыми не все учителя справлялись. Активная, разноликая и плохо организуемая толпа мальчиков могла серьезно дестабилизировать школьную обстановку. Однако в воспоминаниях отношения с девочками и переживания по этому поводу затмевают все остальные преимущества или недостатки сегрегированных школ.

Проблем с дисциплиной в женских школах практически не было, но отдельные случаи нарушений имели место, и в них проявлялись специфические черты женского коллектива. Подобные события строго отслеживались и пресекались сверху. Как отмечает в докладной записке от 29.11.1944 зав. отделом школ ЦК КП(б)К Б. Исабекова: «О работе школ Казахской ССР за 1943–1944 учебный

год, направленной в ЦК ВКП(б) зав. отделом школ тов. Яковлеву Н.Н.: “В женских школах отрицательные явления наблюдались в отдельных случаях, при кажущемся спокойствии. Например, в г. Алма-Ате был случай организованного невыхода на урок на почве недовольства учительницей. Иногда наблюдаются ссоры девочек на почве ревности и т. п.: иногда тишина в классе нарушалась, но должного внимания к уроку со стороны учениц по-прежнему нет. Эти ненормальные явления требуют постоянного внимания со стороны учителя и умелого их предупреждения”» [3, л. 29].

Важным инструментом в процессе идеологического воздействия в СССР служила детская литература. Литература как носитель культурного кода эпохи, одновременно является средством хранения и передачи информации новым членам общества, то есть детям, и служит средством приобщения к ценностям доминирующей культуры. «Слово, обращенное к детям, является особенно действенным, поскольку оно изначально формирует, а не переделывает сложившиеся представления. Поэтому для вхождения в культуру молодым поколениям столь важна литература, формирующая их образную картину мира» [11]. В качестве яркого примера использования детской литературы как инструмента идеологической обработки можно привести содержание книги «Указатель литературы “Что читать детям” для внеклассного чтения в начальной школе» 1951 г. издания. Тематический указатель книги содержит такие разделы, как «Книги о Ленине, Сталине и их соратниках», «Дореволюционное прошлое нашей страны», «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война», «Великая Отечественная война» «О советских детях» «Пионеры и школьники», «Социалистических труд» «Борьба за мир и положение детей в странах капитала». Если взять общее количество тематических разделов, то из одиннадцати тем только три можно назвать нейтральными: «В детском саду и дома», «Техника», «Природа и животные» [23, с. 90–95].

Если же говорить о таком жанре детской литературы, как детская периодика, в качестве примера можно рассмотреть респуб-

ликанскую газету «Қазақстан пионері». В мае 1946 г. возобновилось издание этой газеты в республике. Если посмотреть на содержание газеты «Қазақстан пионері», то в исследуемый период, до 1954 г. на страницах газеты публиковалось большое количество политической информации идеологического характера. Например, в 1946 г. 10 номеров из 26, в 1947 г. 11 номеров из 32, в 1948 г. 12 номеров из 46 содержали на первой странице изображение государственных руководителей и деятелей СССР, в первую очередь И. Сталина, В. Ленина, М.И. Калинина, А.А. Жданова и др. Если обратиться к обратной стороне, к читателям, то респонденты, которые говорили на русском языке, вспоминали в первую очередь газету «Пионерская правда», которая была печатным органом ЦК ВЛКСМ и главным печатным изданием Всесоюзной пионерской организации, а казахоязычные респонденты республиканскую газету «Қазақстан пионері» (Пионер Казахстана). Вообще в этот период в Казахской ССР детских газет и журналов издавалось очень мало: в архивных фондах ЦГА РК в ф. 708 ЦК КПК и ф. 812 ЦК ЛКСК в отчетных документах указываются газета «Дружные ребята», «Қазақстан пионері» (на каз.), журнал «Балдырған» (на каз.).

Архивные материалы и воспоминания респондентов свидетельствуют о том, что школа, которая традиционно выполняла определенный заказ общества, была основным механизмом в создании «нового советского человека» [27]. В исследуемый период «заказ» заключался в формировании советской идентичности, с чем советская школа и общественно-политические организации в лице пионерии и комсомола в Казахстане вполне успешно справлялись. Повседневная школьная практика отразила идеологическую составляющую школьного образования – все респонденты, оценивая свое детство с позиций сегодняшнего дня, осознают степень этого влияния, а также приобретенную «советскость» [30] как результат воздействия официальной политики на школу. Определенные идеологические штампы и «советскость» сознания были призваны определять и такие важнейшие механизмы формирования «нового советского человека», которые применялись как в Казахстане, так и в других совет-

ских республиках, как детские общественные организации.

Результаты. В результате исследования были проанализированы основные механизмы воздействия официальной государственной политики на повседневную жизнь и сознание советских детей в Казахстане. Среди них – традиционные инструменты, которые применялись не только в республике, но и на советском пространстве в целом – школа, общественные организации, образ и культ вождя, детская литература. При этом можно говорить о соответствии между пропагандируемым идеалом и реальным образом советского школьника, реконструировать который помогают воспоминания респондентов. Такое соответствие подтверждается, например, существованием устойчивого культа вождя или ценностной значимостью вступления школьника в пионирию и комсомол, которое было настолько важным, что могло даже выступить стимулом для самосовершенствования ребенка. Подобные примеры свидетельствуют о принятии и усвоении детьми идеалов, о повсеместном распространении «советскости» как особого типа мировоззрения и образа жизни советского общества. В то же время идеологизация детской жизни снижалась от столицы Казахстана г. Алма-Ата к периферии, воспоминания о деятельности пионерской организации у городских респондентов более яркие и четкие, чем у респондентов, проживавших в сельской местности, что свидетельствует, по нашему мнению, о формализации деятельности пионерской и комсомольской организаций в сельских местностях Казахской ССР. Это открывает перспективы исследования отражения этнических особенностей региона в детской повседневности в контексте политики по формированию советской идентичности. Результаты работы могут быть применены в элективных образовательных курсах по истории детства и деятельности современных детских общественных организаций.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19678146).

ACKNOWLEDGEMENTS

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19678146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдукаримова Ж. К. Советское детство в годы войны (1941–1945 гг.): история и повседневность (на материалах Центрального Казахстана): дис. ... PhD (История). Караганда, 2022. 250 с.
2. Арапова П. И. Нарративное интервью как метод исследования внешкольной повседневности советских школьников // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 29–38.
3. Докладные записки отдела в ЦК ВКП(б) о работе школ, техникумов и вузов республики // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 8. Д. 1526. Л. 69.
4. Интервью с респондентом 2 (1945 г.р.).
5. Интервью с респондентом 3 (1938 г.р.).
6. Интервью с респондентом 9 (1946 г.р.).
7. Интервью с респондентом 15 (1945 г.р.).
8. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 2 (60). С. 218–251.
9. Келли К. «Школьный вальс» // Антропологический форум. 2005. № 1. С. 104–155.
10. Кошелева О. Е. «Оглянись, незнакомый прохожий!»: презентация антологии «детство в европейских автобиографиях. От Античности до Нового времени // Дети и детство в истории культуры: Современные междисциплинарные исследования: материалы Всерос. науч. онлайн-конф. памяти В. Г. Безрогова. Москва, 27–28 ноября 2020 г./ под общ. ред. Е. Ю. Ромашовой. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 158–160.
11. Кудрявцева Е. Б. Детская литература как средство инкультурации: На примере русских книг XVIII века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Москва, 2005. 24 с.
12. Кудряшев А. В. Жевательная резинка в контексте повседневности советских школьников (по материалам периодических изданий 1960–1970-х гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2020. № 56. С. 57–73.
13. Куприянов Б. В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60–80 гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 56. С. 41–56.
14. Кудряшев А. В., Куприянов Б. В. Внешкольная повседневность советских школьников (в материалах газеты «Пионерская правда» 1959–1988 гг.). Информационный бюллетень. Кострома: Авантитул, 2018. № 1. 128 с.
15. Куприянов Б. В. Первый опыт романтических чувств и отношений у советских подростков в пионерском лагере в 60–80-х гг. XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 51. С. 82–94.
16. Қазақстан қоғамның әлеуметтік тарихы (XX ғ): Ғылыми мақалалар мен деректік материалдар жинағы. Алматы: Соло баспасы, 2012. 195 б.
17. Рождественская Е. Ю. Интер-энциклопедия: нарративное интервью // INTER. 2020. № 4. С. 114–127.
18. Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 2 (22). С. 108–116.
19. Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Мологской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 211 с.
20. Сведения о школах и количестве учащихся по г. Алма-Ата // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 8. Д. 1429. Л. 10.
21. Справки, информации отдела по вопросам работы Министерства просвещения Каз. ССР // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 14. Д. 1644. Л. 222.
22. Токуова Г. Г. Городское население Казахстана в послевоенный период (1946–1959 гг.): социально-демографический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 135 с.
23. Что читать детям (список книг для внеклассного чтения в начальной школе). М.: Детгиз, 1951. 97 с.
24. Beger K. The Artek Camp for Young Pioneers and the Many Faces of Socialist Internationalism. In *Tourism and Travel During the Cold War*. 2019. P. 79–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429201127-5>
25. Fimyar O. 8.6 Five Conversations and Three Notes on the “Soviet,” or Finding a Place for Personal History in the Study of Teacher Education Policy in Kazakhstan // *International Handbook of Interpretation in Educational Research*. 2015. P. 1513–1532. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9282-0_74
26. Kasikci M. V. *Growing Up Soviet in the Periphery: Imagining, Experiencing and Remembering Childhood in Kazakhstan, 1928–1953* (Doctoral dissertation, Arizona State University). 2020. URL: <https://www.proquest.com/openview/7809cc962365ce4092cca5c85faf1687/1?pq-origsite=gscholar&cbl=51922&diss=y>

27. Kestere I., Fernández González M. J. Educating the New Soviet Man: Propagated Image and Hidden Resistance in Soviet Latvia. *Historia scholastica*. 2021. No. 1. P. 11–32.

28. Kulakhmetova A. Evolving Notions of Childhood: An Example of Kazakhstan (Doctoral Dissertation, University of Cambridge). 2018. DOI: <https://doi.org/10.17863/CAM.20723>

29. Pitkanen S. The Future Belongs to Us! Children in Soviet and German Propaganda Photographs Published in USSR in Construction and NS Frauen-Warte, 1930–1939. *JYU dissertations*. 2020. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-39-8383-3>

30. Rajagopalan S. Remix Videos and the Mnemonic Imagination: Emotional Memories of Late Soviet Childhood. *International Journal of Cultural Studies*. 2019. № 22 (1). P. 9–36. DOI: <https://doi.org/10.1177/02F1367877917741540>

31. Ruthers M. Picturing Soviet Childhood: Photo Albums of Pioneer Camps. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2019. Bd. 67. P. 65–95. DOI: <https://doi.org/10.25162/JGO-2019-0003>

32. Ulinskaite J. Memories of Discipline in Soviet Lithuania: Stories in Oral History // *Baltic Journal of Political Science*. 2018. No. 7–8. P. 56–72. DOI: 10.15388/BJPS.2018.7-8.4

33. Winkler M. Children, Childhood, and Stalinism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18, no. 3. P. 628–637. DOI: 10.1353/KRI.2017.0041

34. Wojdon J. Communist Propaganda at School: The World of the Reading Primers from the Soviet Bloc, 1949–1989. 1st ed. London: Routledge, 2021. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003155959>

REFERENCES

1. Abdukarimova Zh.K. *Sovetskoe detstvo v gody vojny (1941–1945 gg.): istorija i povsednevnost (na materialah Centralnogo Kazahstana): dis. ... PhD (Istorija)* [Soviet Childhood During the War Years (1941–1945): History and Everyday Life (On the Materials of Central Kazakhstan)]. PhD (History) diss.]. Karaganda, 2022. 250 p.

2. Arapova P.I. Narrativnoe intervju kak metod issledovanija vneshkolnoj povsednevnosti sovetskikh shkolnikov [Narrative Interview as a Method of Studying Extracurricular Everyday Life of Soviet Schoolchildren]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2018, no. 5, pp. 29–38.

3. Dokladnye zapiski otdela v TsK VKP (b) o rabote shkol, tekhnikumov i vuzov respubliky [Reports of the Department to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the Work of Schools, Technical Schools and Universities of the

Republic]. *Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 8, d. 1526, l. 69.

4. *Interviu s respondentom 2 (1945 g.r.)* [Interview with Respondent 2 (Born in 1945)].

5. *Interviu s respondentom 3 (1938 g.r.)* [Interview with Respondent 3 (Born in 1938)].

6. *Interviu s respondentom 9 (1946 g.r.)* [Interview with Respondent 9 (Born in 1946)].

7. *Interviu s respondentom 15 (1945 g.r.)* [Interview with Respondent 15 (Born in 1945)].

8. Kelli K. «Malenkie grazhdane bolshoj strany»: internacionalizm, deti i sovetskaja propaganda [“The Little Citizens of a Big Country”: Internationalism, Children and Soviet Outreach]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2003, no. 2 (60), pp. 218–251.

9. Kelly K. «Shkolnyj vals»: povsednevnyaya zhizn sovetskoj shkoly v poslestalinskoe vremya [“School Waltz”: The Everyday Life of the Soviet School in the Post-Stalin Era]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2005, no. 1, pp. 104–155.

10. Kosheleva O.E. «Ogljanis, neznakomyj prohozhij!»: prezentacija antologii «detstvo v evropejskikh avtobiografijah. Ot Antichnosti do Novogo vremeni [“Look Around, Stranger Passerby!” Presentation of the Anthology “Childhood in European Autobiographies. From Antiquity to Modern Times]. Romashina E.Ju., ed. *Deti i detstvo v istorii kultury: Sovremennye mezhdisciplinarnye issledovanija: materialy Vseros. nauch. onlajn-konf. pamjati V. G. Bezrogova. Moskva, 27–28 nojabrja 2020 g.* [Children and Childhood in the History of Culture: Modern Interdisciplinary Research: Proceedings of the All-Russian Scientific Online Conference in Memory of V. G. Bezrogov, Moscow, November 27–28, 2020]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo, 2021, pp. 158–160.

11. Kudrjavceva E.B. *Detskaja literatura kak sredstvo inkulturacii: Na primere russkikh knig XVIII veka: avto-ref. dis. ... kand. kulturologii* [Children’s Literature as a Means of Enculturation: On the Example of Russian Books of the 18th Century. Cand. Cultural Studies abs. diss.]. Moscow, 2005. 24 p.

12. Kudrjashev A.V. Zhevatelnaja rezinka v kontekste povsednevnosti sovetskikh shkolnikov (po materialam periodicheskikh izdanij 1960–1970-h gg.) [Chewing Gum in Context of Everyday Life of Soviet Schoolchildren (On Materials of Periodicals of the 1960s–1970s)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4. Pedagogika. Psichologija* [St. Tikhon’s University Review. Series 4. Pedagogy. Psychology], 2020, no. 56, pp. 57–73.

13. Kuprijanov B.V. Detsko-vzroslye konvencii sovetskogo proshlogo (po materialam sovremennyh

vospominanij o pionerskom lagere 60–80 gg. XX v.) [Children's and Adults' Conventions of the Soviet Past (On Materials of Present-Day Memoirs About Pioneer Camps of the 1960s–80s)]. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2020, no. 56, pp. 41–56.

14. Kudrjashev A.V., Kuprijanov B.V. *Vneshkolnaja povsednevnost sovetskih shkolnikov (v materialah gazety «Pionerskaja pravda» 1959–1988 gg.). Informacionnyj bjulleten* [Out-of-School Everyday Life of Soviet Schoolchildren (In the Materials of the Newspaper “Pionerskaya Pravda” 1959–1988). Newsletter]. Kostroma, Avantitul Publ., 2018, no. 1. 128 p.

15. Kuprijanov B.V. Pervyj opyt romanticheskikh chuvstv i otnoshenij u sovetskih podrostkov v pionerskom lagere v 60–80-h gg. XX v. [First Experience of Romantic Feelings and Relations of Soviet Teenagers in Pioneer Camps in the 1960s–1980s]. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2018, iss. 51, pp. 82–94.

16. Қазақстан қоғамның әлеуметтік тарихы (XX ғ): Ғылыми мақалалар мен деректік материалдар жинағы [Social History of Kazakhstan Society (The 20th Century). Collection of Scientific Articles and Documentary Materials]. Almaty, Solo baspasy, 2012. 195 p.

17. Rozhdestvenskaja E.Ju. Inter-enciklopedija: narrativnoe intervju [Inter-Encyclopedia: Narrative Interview]. *INTER*, 2020, no. 4, pp. 114–127.

18. Romashova M.V. Deti i fenomen detstva v otechestvennoj istorii: novejšie issledovanija, diskussionnye ploshhadki, sobytija [Children and Phenomenon of Childhood in Russian History: Contemporary Research, Discussions and Events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Perm University. History], 2013, no. 2 (22), pp. 108–116.

19. Romashova M.V. *Sovetskoe detstvo v 1945 – seredine 1950-h gg.: gosudarstvennyye proekty i provincialnye praktiki (po materialam Molotovskoj oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet Childhood in 1945 – Mid-1950s: State Projects and Provincial Practices (Based on Materials from Molotov Region). Cand. hist. sci. diss.]. Perm, 2006. 211 p.

20. Svedenija o shkolah i kolichestve uchashhihsja po g. Alma-Ata [Information About the Schools and the Number of Students in the City of Alma-Ata]. *Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 8, d. 1429, l. 10.

21. Spravki, informatsii otdela po voprosam raboty Ministerstva prosveshchenija Kaz. SSR [References, Information of the Department on the Work of the Ministry of Education of the Kaz. SSR]. *Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan* [Archive

of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 14, d. 1644, l. 222.

22. Tokuova G.G. *Gorodskoe naselenie Kazahstana v poslevoennyj period (1946–1959 gg.): socialno-demograficheskij aspekt: dis. ... kand. ist. nauk* [The Urban Population of Kazakhstan in the Post-War Period (1946–1959): Socio-Demographic Aspect. Cand. hist. sci. diss.]. Almaty, 2002. 135 p.

23. *Čto čitat detjam (spisok knig dlja vneklassnogo čtenija v nachalnoj shkole)* [What to Read to Children (A List of Books for Extracurricular Reading in Elementary School)]. Moscow, Detgiz, 1951. 97 p.

24. Beger K. *The Artek Camp for Young Pioneers and the Many Faces of Socialist Internationalism. In Tourism and Travel During the Cold War*, 2019, pp. 79–97. URL: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429201127-5>

25. Fimyar O. 8.6 Five Conversations and Three Notes on the “Soviet,” or Finding a Place for Personal History in the Study of Teacher Education Policy in Kazakhstan. *International Handbook of Interpretation in Educational Research*, 2015, pp. 1513–1532. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9282-0_74

26. Kasicki M.V. *Growing Up Soviet in the Periphery: Imagining, Experiencing and Remembering Childhood in Kazakhstan, 1928–1953 (Doctoral Dissertation, Arizona State University)*, 2020. URL: <https://www.proquest.com/openview/7809cc962365ce4092cca5c85faf1687/1?pq-origsite=gscholar&cbl=51922&diss=y>

27. Keštere I., Fernández González M. J. Educating the New Soviet Man: Propagated Image and Hidden Resistance in Soviet Latvia. *Historia scholastica*, 2021, no. 1, pp. 11–32.

28. Kulakhmetova A. *Evolving Notions of Childhood: An Example of Kazakhstan (Doctoral Dissertation, University of Cambridge)*, 2018. URL: <https://doi.org/10.17863/CAM.20723>

29. Pitkanen S. *The Future Belongs to Us! Children in Soviet and German Propaganda. Photographs Published in USSR in Construction and NS Frauen-Warte, 1930–1939. JYU Dissertations*, 2020. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-39-8383-3>

30. Rajagopalan S. Remix Videos and the Mnemonic Imagination: Emotional Memories of Late Soviet Childhood. *International Journal of Cultural Studies*, 2019, no. 22 (1), pp. 9–36. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1367877917741540>

31. Ruthers M. Picturing Soviet Childhood: Photo Albums of Pioneer Camps. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2019, Bd. 67, pp. 65–95. URL: <https://doi.org/10.25162/JGO-2019-0003>

32. Ulinskaite J. “Memories of Discipline in Soviet Lithuania: Stories in Oral History”. *Baltic Journal of Political Science*, 2018, no. 7–8, pp. 56–72. DOI: 10.15388/BJPS.2018.7-8.4

33. Winkler M. "Children, Childhood, and Stalinism." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2017, vol. 18, no. 3, pp. 628-637. DOI: 10.1353/kri.2017.0041

34. Wojdon J. *Communist Propaganda at School: The World of the Reading Primers from the Soviet Bloc, 1949–1989*. London, Routledge, 2021. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003155959>

Information About the Authors

Aigul A. Bimoldanova, PhD (History), Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan named after Academician T.S. Sadykov, Abai Kazakh National Pedagogical University, Prosp. Dostyk, 13, 050010 Almaty, Kazakhstan, aigul.bimoldanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2131-0828>

Maisara Zh. Bekmagambetova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History of Kazakhstan, A. Baitursynov Kostanai Regional University, Baitursynova St, 47, 110000 Kostanai, Kazakhstan, mairsara75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0973-3334>

Ruslan K. Bekmagambetov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History of Kazakhstan, A. Baitursynov Kostanai Regional University, Baitursynova St, 47, 110000 Kostanai, Kazakhstan, Ruslan69_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4189-5766>

Информация об авторах

Айгуль Амантаевна Бимолданова, PhD (история), старший преподаватель кафедры истории Казахстана им. академика Т.С. Садыкова, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, просп. Достык, 13, 050010 г. Алматы, Казахстан, aigul.bimoldanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2131-0828>

Майсара Жаугаштиновна Бекмагамбетова, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. А. Байтурсынова, 47, 110000 г. Костанай, Казахстан, mairsara75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0973-3334>

Руслан Кабдугалиевич Бекмагамбетов, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, ул. А. Байтурсынова, 47, 110000 г. Костанай, Казахстан, Ruslan69_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4189-5766>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.13>

UDC 94(47)
LBC 63.(2)631

Submitted: 06.01.2023
Accepted: 24.06.2023

**A SOCIO-POLITICAL ASPECT OF HOUSING AND COMMUNAL SANITATION
IN THE USSR, 1950s–1960s
(BASED ON MATERIALS OF LENINGRAD AND VYBORG)**

Pavel S. Pokidko

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the interactions between the sanitary service, other departments, and city residents in the 1950s and 1960s to improve sanitary conditions, using the examples of Leningrad and Vyborg. It shows how the level of housing safety increased as the state allocated material resources to service organizations and improved sanitary standards. *Methods and materials.* The article is based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the Central City Archive of St. Petersburg, and the Leningrad Oblast Archive, and a number of newspaper publications. Minutes of meetings, reports and explanatory notes, and citizens' appeals to various authorities show that littered exits, uncollected cesspools, irregular cleaning of adjoining territories, and mountains of garbage often became a source of epidemics. *Analysis.* These problems were addressed as communication between government agencies and the public evolved. The legislative framework governing sanitary safety in cities was formed as early as the 1930s. The situation was aggravated by the lack of education of the population, which did not want to comply with sanitary rules. Solving the problem required concerted work by authorities, academics, and community activists. In order to reduce the risks of disease for city residents, city authorities organized trash pickups, lectures for citizens with representatives of sanitation services, etc. Thus, practices were formed to maintain compliance with the necessary norms. *Results.* The identified features of the implementation of housing and communal sanitation norms give the idea that established communication between government and public organizations was a channel for reducing the risks of epidemics and the comfort of the dwelling. Increased use of specialized machinery that allowed for garbage collection and a number of other problems was able to accelerate sanitation problems. This article illustrates how the risks – the high likelihood of epidemics – forced the state and citizens to seek effective ways to develop and maintain sanitary standards. The successful development of practices was thus related to the development of the necessary infrastructure and the awareness of city residents of the benefits of complying with practices.

Key words: housing and communal sanitation, public, infrastructure, housing, USSR.

Citation. Pokidko P.S. A Socio-Political Aspect of Housing and Communal Sanitation in the USSR, 1950s–1960s (Based on Materials of Leningrad and Vyborg). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 185-195. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.13>

УДК 94(47)
ББК 63.(2)631

Дата поступления статьи: 06.01.2023
Дата принятия статьи: 24.06.2023

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ САНИТАРИИ В СССР В 1950–1960-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕНИНГРАДА И ВЫБОРГА)**

Павел Сергеевич Покидько

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье на примере Ленинграда и Выборга исследуются практики взаимодействия санитарной службы и других ведомств с городскими жителями для улучшения санитарных условий в 1950–1960-е годы. Показано, как повышался уровень безопасности жилища по мере выделения государством обслуживающим организациям материальных ресурсов и совершенствования санитарных норм. *Методы и материалы.* Статья основана на материалах Государственного архива Российской Федерации, Центрального городского архива Санкт-Петербурга, Ленинградского областного архива и ряде газетных публикаций. Протоколы заседаний, докладные и объяснительные записки, обращения граждан в различные инстанции показывают, что заваленные бытовыми отходами выходы, неубранные выгребные ямы, нерегулярная уборка придомовых территорий, горы мусора часто становились источником эпидемий. *Анализ.* Эти проблемы решались по мере развития коммуникации государственных организаций с общественностью. Законодательная база, регулирующая санитарную безопасность в городах, сформировалась еще в 1930-е годы. Ситуация усугублялась недостаточной образованностью населения, которое не хотело соблюдать правила санитарии. Решение проблемы потребовало слаженной работы органов власти, научных сотрудников и общественных активистов. Для уменьшения рисков распространения заболеваний среди жителей городские власти организовывали вывоз мусора, лекции с представителями санитарных служб для граждан и пр. Таким образом формировались практики, позволяющие поддерживать соблюдение необходимых норм. *Результаты.* Выявленные особенности внедрения норм жилищно-коммунальной санитарии дают представление о том, что налаженная коммуникация между государственными и общественными организациями была каналом для уменьшения рисков возникновения эпидемий и повышения комфортности жилища. Ускорение решение проблем санитарии произошло в ходе расширения использования специализированной техники, которая позволила организовать вывоз мусора и решить ряд других проблем. Данная статья иллюстрирует то, как риски – высокая вероятность эпидемий – заставляли государство и граждан искать эффективные пути формирования и соблюдения санитарных норм. Успешное развитие практик было, таким образом, связано с созданием необходимой инфраструктуры и осознанием жителями городов выгод от соблюдения сформировавшихся практик.

Ключевые слова: жилищно-коммунальная санитария, общественность, инфраструктура, жилье, СССР.

Цитирование. Покидько П. С. Социально-политический аспект жилищно-коммунальной санитарии в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда и Выборга) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 185–195. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.13>

Введение. В заметке, опубликованной в газете «Выборгский коммунист» от 10 июня 1955 г., описывалась плачевная ситуация с крышами в старом финском доме № 39 на улице Кутузова. Во время весеннего снегопада в квартирах жильцов дома потрескались стены, обвалилась штукатурка из-за того, что рабочие вместо ремонта кровли подложили куски железа на протекающие после дождя места. В публикации редактор иронично отмечал: «...жилец одной из квартир т. Хюпенен вынужден сидеть в своей комнате под зонтиком» [24, с. 2]. Плохое состояние коммуникаций увеличивало опасность заболеваемости (туберкулез, простуда, грипп и т. п.) жильцов домов и повышало риски возникновения эпидемий. Для решения проблем и развития практик соблюдения норм жилищно-коммунальной санитарии санитарные инспекции проводили работу с организациями и жителями городов.

До 1960-х гг. понятие «санитария» употреблялось для обозначения отрасли здраво-

охранения, занимавшейся практической разработкой и проведением санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий [22, с. 560]. Санитарные нормы различали жилищно-коммунальную, производственную и пищевую санитарии. В 1960-е гг. на смену жилищно-коммунальной санитарии пришла гигиена. В позднесоветском обществе на развитие санитарных норм оказывала влияние пищевая промышленность, которая выпускала разнообразную продукцию [29]. Расширение ассортимента продукции потребовало создания специфических условий хранения. Для уменьшения рисков отравления продуктами питания распространялись красочные плакаты, проводились экскурсии на производство и встречи представителей инспекции с гражданами, в ходе которых им рассказывали о необходимости соблюдения норм санитарии. В 1950-е гг. активизировалась работа по созданию правил личной гигиены, заменивших в дальнейшем термин «жилищно-коммунальная санитария».

Развитие данных практик базировалось на опыте внедрения норм санитарии, позволивших понизить риски возникновения эпидемий в городах в 1900–1950-е годы. В послевоенные годы из-за плохой уборки территории, нерегулярности вывоза городскими службами мусора и нечистот угроза возникновения эпидемий была особенно острой. Для решения проблемы санитарная инспекция стремилась сделать общественную деятельность граждан более активной. Так, например, проведение субботников уменьшало возникновение рисков эпидемий [7].

Советский опыт развития санитарных норм довольно слабо изучен в историографии, в то время как именно этот аспект был одной из важнейших составляющих социальной и, конкретнее, жилищной политики в СССР. Резкий рост городского населения в XX в. и риски возникновения эпидемий в городах приводили к частым вспышкам разнообразных заболеваний (туберкулез, тиф, дизентерия и др.). Рассмотрение процесса формирования практик взаимодействия власти и общества позволяет изучить, за счет развития каких практик работы с населением удалось уменьшить риски возникновения эпидемий и повысить комфортность проживания для горожан.

Для сравнения развития процесса формирования практик были выбраны два города – центр Ленинградского административно-экономического района, Ленинград, и областной центр Выборгского района, город Выборг. Сравнение соблюдения в них норм жилищно-коммунальной санитарии позволяет рассмотреть, как в зависимости от имеющихся ресурсов (оборудования, персонала, служащих, обеспеченности химикатами и материалами, необходимыми для проведения разного рода работ) и административных возможностей складывались практики, уменьшавшие риски городской жизни. Ленинград был вторым по значимости городом СССР, в котором были сосредоточены значительные материальные и производственные ресурсы. При решении вопросов уменьшения рисков эпидемий городские власти могли обращаться за помощью к союзным органам власти. Выборг был областным центром одноименного района, присоединенным к СССР по результатам Второй мировой войны в 1944 году. После окончания

военных действий он был заново заселен советскими гражданами в результате интенсивной переселенческой политики [4]. Администрация города не имела возможностей напрямую запрашивать у союзных властей ресурсы и материалы, но, так как финское население покидало территорию в спешке, на ней осталось большое количество трофейных ресурсов. Из-за приезда большого количества переселенцев из сельской местности разных регионов СССР возникла необходимость их обучения нормам жилищно-коммунальной санитарии сотрудниками санитарных служб.

Методы и материалы. Источниками для работы послужили докладные записки, отчеты, протоколы заседаний из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) (А-259), Центрального городского архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб) (Р-9803, Р-7179), Ленинградского государственного архива в городе Выборге (далее – ЛОГАВ) (Р-255). Документы показывают, как формировались практики соблюдения санитарных норм, какую роль в их развитии сыграли постановления Совета Министров РСФСР и работа общественных организаций. Параллельно с этим использовались публикации из газет «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Выборгский коммунист». Статьи из них рассказывают, как за счет сотрудничества государственных структур и общественности происходило решение проблем уборки городов. Сравнение практик соблюдения санитарных норм в Ленинграде и Выборге позволяет выявить особенности влияния на развитие этих процессов работы домовых комитетов и активистов.

Анализ. Эффективному развитию норм жилищно-коммунальной санитарии мешали проблемы, возникавшие из-за резкого роста городов во второй половине XX в. [2]. О.Ю. Малинова-Тзиафет показала, что строительство инфраструктуры столкнулось со сложностями согласования проектной документации, недостаточным выделением городскими властями финансирования [13]. Законодательная база, регулирующая санитарную безопасность в городах, сформировалась в 1930-е годы. Ситуация усугублялась недостаточной образованностью населения, которое не хотело соблюдать правила санитарии. Ре-

шением проблем жилищно-коммунальной санитарии потребовало слаженной работы как специалистов, так и общественных активистов. В очерке А.И. Штрейса показано, как по мере формирования законодательства развивалась деятельность санитарной инспекции [27]. В ходе этой работы организованное сотрудничество инспекции с домоуправлениями для уменьшения рисков возникновения эпидемий позволяло проводить занятия о необходимости соблюдения повседневной гигиены с рабочими и служащими. Особо автор отмечает работу санитарного врача А.А. Ашихмина [27, с. 50]. На основе данных о смертности в рабочих кварталах им была создана санитарная карта Ленинграда, которая показала, как с улучшением жилищных условий решалась проблема понижения уровня смертности на городских окраинах. Е.Д. Твердюкова, рассматривая борьбу с туберкулезом в Ленинграде в 1940-х гг., отмечает, что комплекс мероприятий, разработанный с учетом проведенных исследований, понизил заболеваемость туберкулезом [25].

Исследования жилищного строительства позволяют проследить, какие проблемы мешали соблюдению санитарных норм [8]. Потребность в массовом жилищном строительстве возникла в ходе индустриализации 1920–1930-х годов. Н.Н. Лебина выделяет понятие «дом» как стимул, награду за успехи в работе [10]. Новые жители городов, приехавшие из сельской местности, не всегда понимали, что им нужно соблюдать правила жилищно-коммунальной санитарии. Развитие типовых санитарных практик затруднялось разностью жилищных условий. С.В. Журавлев обращает внимание на то, что в зависимости от приоритетности предприятия предоставленное гражданам жилье могло значительно различаться. Одни жили в комфортабельных коттеджах с удобствами, другие – в общежитиях без света и воды [26]. В этих условиях, как показал М.Г. Меерович, семью могли вселить на площадь меньше положенной ей по закону или в ванную комнату [15, с. 5]. Недостаточное развитие инфраструктуры не позволяло решать эти проблемы. Д. Фильцер отмечает, что в 1945–1953 гг., согласно санитарным отчетам, в СССР за счет внедрения типовых практик удалось добиться предотвращения возникно-

вения эпидемий [28, с. 402]. Улучшению санитарных норм в 1950–1960-е гг. способствовало массовое внедрение специализированных машин и оборудования, что позволило, с одной стороны, упростить уборку городов и повысить интервалы ее интенсивности, а с другой – широко внедрять контейнеры для сбора и вывоза мусора [9]. В ряде случаев соблюдение норм санитарии зависело от инициативности руководителей. Так, в больнице в Челябинской области в городе Магнитогорске главный врач добился от обслуживающих организаций сделать форточки [12, с. 226]. В других случаях ситуация улучшалась только при исполнении организацией директивных указаний по устранению причин происшествий. На сегодняшний день в историографии остается малоизученным вопрос развития объединения усилий государства и общественности по решению проблем комфортности проживания в городах. Анализ работ исследователей показывает, что соблюдение правил санитарии зависело от граждан, которые выполняли нормативы, если они повышали комфорт жилищных условий. В послевоенное время и в 1950–1960-е гг. регулярно издавались постановления, предписывавшие производить санитарные мероприятия в городах [6]. Но из-за резкого роста населения и нехватки техники и ресурсов, нежелания граждан соблюдать ряд норм санитарии, снижалась их эффективность. В 1950-е гг., если городские службы не могли справиться с проблемами своевременной уборки территорий, к этому процессу привлекались партийные организации и активисты. Например, Указ Совета Министров СССР № 1107 от 29 октября 1963 г. предписывал усилить обучение населения, а также контроль над проведением мероприятий по предупреждению заболеваний [18]. Ситуация с уменьшением выбросов и соблюдением норм санитарии улучшалась по мере развития технологий по созданию товаров из отходов производства [30]. Комплекс мероприятий, проводимый для соблюдения правил санитарии, опирался на ряд законодательных актов. Работа районных санитарно-эпидемиологических станций началась в СССР с 23 декабря 1933 г., когда ЦИК и СНК РСФСР утвердили постановление «Об организации Государственной санитарной инспекции РСФСР» (ГСИ) [7].

В ходе работы представителей инспекции с общественностью и властями формировались практики взаимодействия, обеспечивавшие комплекс мероприятий, уменьшавший риски возникновения эпидемий за счет проведения регулярных уборок. Развитие этих практик позволило в 1947 г. на XIII съезде гигиенистов, эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов принять решение об объединении функций предупредительного и санитарного надзора [27]. Проведенная реорганизация службы обеспечила улучшение организации мероприятий по предотвращению эпидемий. Параллельно представители НИИ выступали консультантами при проектировании жилья и инфраструктуры. В послевоенное время применение опыта военных лет позволило понизить риски возникновения эпидемий.

Жилищный фонд и нормы санитарии. За 1946–1956 гг. было восстановлено и построено около 3000 000 м² жилья. При этом в послевоенные годы количество жилья барачного типа (без санузла и с печным отоплением) увеличилось с 2900 м² в 1940 г. до 3847 м² в 1952 г. [8].

Условия проживания в дореволюционном жилищном фонде в Ленинграде (Санкт-Петербурге) или домах, возведенных во время нахождения города Выборга в составе независимой Финляндии, требовали разработки особых регламентов и инструкций для приспособления жилья к нормам жилищно-коммунальной санитарии. Построенный до 1950-х гг. жилищный фонд не соответствовал нормативам. Система водоснабжения в домах была из меди и других металлов, не применявшихся больше в строительстве. Врезки труб из других металлов в ходе ремонта приводили к их быстрому поломкам. Заткнутая вентиляционная отдушина в стене могла стать причиной появления грибка и плесени. Протечки крыши вызывали уменьшение высотности чердачных помещений. Экономия пиломатериалов во время послевоенного восстановления привела к зауженному скату крыш, а это, в свою очередь, стало причиной протечек.

Непроведение вовремя необходимых ремонтных работ способствовало затоплению подвалов. В 1963 г. в Ленинграде гражданка Ярцева, проживавшая по улице Раменской, д. 13, кв. 45, жаловалась, что подвал в тече-

ние многих лет заливается водой: «...хотя бы нам выплыть из этой воды и вздохнуть свежим комнатным воздухом» [16, л. 35]. Повышенный уровень влажности нарушал нормы эксплуатации здания. Проблемы с восстановлением и обслуживанием старого жилого фонда повышали риск заболеваний такими болезнями, как туберкулез, дифтерия, полиомиелит.

Решение проблемы осложнялось тем, что при разработке проектной документации в Выборге реставраторы столкнулись с отказом партийных организаций передавать запросы в финские архивы, что не позволило скорректировать нормы санитарии с конструктивными особенностями зданий.

Административный ресурс и нормы санитарии. Отделение городской санитарной инспекции в Ленинграде было постоянно вовлечено в процесс исполнения постановлений, направленных на повышение уровня соблюдения санитарии в городах. Так, при исполнении постановления ВКП (б) и СНК СССР от 3 декабря 1931 г. «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда» деятельность санитарной инспекции включала участие в рассмотрении и согласовании планов и проектов строительства [27]. По ряду вопросов проводились исследования: определялся уровень загрязнённости воды и воздуха, шумов и т. п. Противоэпидемические мероприятия включали борьбу за чистоту в помещении, во дворах и на улицах. На предприятиях и в домах устраивались санитарные тройки, недели по очистке города и субботники. Все это претворяло в жизнь главный лозунг советской медицины: «Охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся» [27, с. 49].

Согласно приказу Министерства здравоохранения СССР, в Ленинграде и пригородах были организованы 22 санитарно-эпидемических станции [27, с. 49]. Для лучшего исполнения постановлений их работа поддерживалась публикациями в газетах. Несвоевременное решение проблемы уборки приводило к резкому росту дизентерии, кишечных заболеваний. В отчете, представленном в Совет Министров РСФСР 14 февраля 1950 г., отмечалось, что «особенно неудовлетворительно проводится очистка городов в зимние месяцы, что ведет к скапливанию мусора и нечистот, загрязняющих водоёмы» [6, л. 14]. Сложив-

шаяся ситуация была связана с задержкой отправления в города необходимой документации, медленным строительством подъездных путей к свалкам. На 1950 г. в РСФСР был 741 город разного уровня подчинения [21, с. III]. Коммунальные службы имели 637 машин для вывоза мусора, для которых в 1950 г. Министерство коммунального хозяйства РСФСР в рамках борьбы с кишечными заболеваниями выделило всего 500 тонн бензина на весь СССР. Из этого Ленинградской области выделялась 1 тонна, так как коммунальные службы не имели собственного транспорта для вывоза мусора [5, л. 1]. Наличие топлива позволило им привлекать транспорт сторонних организаций, который был не приспособлен для перевозки отходов. Проблему с машинами для вывоза мусора в Ленинграде удалось решить в 1952 году. Совет Министров РСФСР распоряжением от 16 мая 1952 г. разрешил Ленгорисполкому на эти цели израсходовать 6 000 000 рублей. Из них 3 000 000 было предоставлено РСФСР, остальное было выделено из бюджета Ленинграда [5, л. 2]. Средства потратили на механизацию и расширение ремонтной базы. После приобретения специализированного транспорта для вывоза мусора запрещалось использовать открытые бортовые машины. В конце 1940-х гг. городская контора очистки организовала выпуск модели МВ-10 на шасси ЗИС-5, выполненной по патенту немецкой фирмы Keller und Knappisch. В дальнейшем ее сменили более мощные МВ-20 и МВ-30 на грузовиках ЗИС-150 [9]. Наличие специализированной техники позволило с 1 января 1953 г. перевести все районы на механизированную очистку мусоровозами с полной ликвидацией помойных ям, что уменьшило количество мух в городе [27].

В Ленинградской области проблемы с уборкой территорий были связаны с нехваткой персонала и отсутствием техники. Согласно отчетам Ленгорисполкома, в 1952 г. из 169 дворников в Выборге 100 не были обеспечены жильем, 15 работали паспортистами, а 9 кочегарами [20, л. 98]. Из-за нехватки людей не удавалось поддерживать постоянность выполнения работ. В 1956 г. в отчете выборгского домоуправления № 20 писалось о перерасходе 9 590 р. на вывоз мусора [3, л. 116]. Превышение сметы объяснялось тем, что при

планировании этой статьи не учитывался фактический объем работ. Для решения проблемы на следующий год предлагалось заложить в смету 13 459 р. [3, л. 116]. После получения транспорта проблемой, понижавшей эффективность вывоза мусора, был непродуманный график. Машины по ряду адресов приходили в 17:00–18:00. В это время жители города только заканчивали работу и не успевали выкидывать его в мусоровозы. В условиях, когда система сбора мусора в контейнеры не была развита, некоторые горожане оставляли его в местах прихода мусоровозов или выкидывали на пустырь. В результате происходило создание стихийных свалок. Их убирали в ходе субботников и силами организаций, отвечавших за вывоз мусора. В дальнейшем, несмотря на то, что мусоровозы стали приходить по выходным дням, ряд жильцов продолжил выкидывать мусор, так как им это было удобно.

В Выборге особой проблемой, ухудшавшей санитарную безопасность, было разведение мелкого скота на придомовых территориях и его содержание в квартирах. Согласно данным Л.В. Геращенко, значительная часть населения, жившего в послевоенном Выборге, была украинцами, белорусами и русскими. Многие из них до этого жили в сельской местности [4, с. 58]. Людям было сложно адаптироваться к условиям городской жизни. Разведение скота в городской черте представляет один из парадоксов соблюдения требований норм санитарии. Причиной нарушения нормативов был опыт выживания в военное время, когда разведение скота компенсировало нехватку продовольствия.

Для решения проблем санитарии Совет Министров РСФСР в 1955 г. предписал: «широко привлекать депутатов местных советов, общественные организации, уличные комитеты к осуществлению санитарно-оздоровительных мероприятий» [19, л. 2]. Публикация-отчет главного санитарного врача города Выборга, представителей городской администрации и милиции результатов проведения совместного рейда на страницах газеты «Выборгский коммунист» от 17 июля 1957 г. показывает, что ряд граждан недалеко от центра города содержал скот и не заботился об утилизации навоза: «...Третьяков – главный бухгалтер электросети – имеет сарай около 80 м²

с электроосвещением и прочими удобствами, а навоз за сарай выбрасывает. Сарай вокруг занавожен у шофера пожарной охраны Полякова и Стулова... Мало того, они забили два колодца навозом, не утруждая себя вывозкой его» [23, с. 2]. Для людей, до этого долгое время живших в сельской местности, содержание скота являлось общепринятой нормой. В городе оно превращалось в проблему, представляющую опасность для жителей. Только в результате совместных рейдов членов партийных комитетов, жильцов и милиции было возможно воздействовать на жителей, занимавших административные должности. К середине 1960-х гг. разведение скота из города переместилось на окраины и в поселки. Решение проблемы требовало постепенного освоения недавними жителями сельской местности практик городской жизни. Из положительных факторов нужно отметить то, что в 1950-е гг. в Выборге проживало значительное количество военных, привыкших строго соблюдать правила санитарии.

Таким образом, к 1960-м гг. в городах выстраивалась система соблюдения норм жилищно-коммунальной санитарии, в которой за их исполнением следили государственные органы и активисты. Привлечение общественности понадобилось, так как организации, отвечавшие за решение проблем, не справлялись с ними самостоятельно.

Проблемы инфраструктуры и санитарии. Проблемы с несвоевременным ремонтом инфраструктуры понижали комфортность жилья.

В 1950 г. из 741 [21, с. III] городов РСФСР в 285 не было водопроводов [20, л. 54]. Во многих из них водопроводы обеспечивали только центральные районы, причем ввиду малых диаметров сети и недостаточной мощности насосных станций вода подавалась на первые этажи [17, л. 54]. Ленинград и Выборг входили в перечень городов с системой канализации, большая часть которой строилась в 1900–1930 годы [14]. Проблемы подачи воды обсуждались на страницах городских газет. В публикациях отмечалось, что «...жители верхних этажей систематически не имеют воды, хотя можно поставить насос для подкачки. ...Жильцы стирают белье в квартирах, отчего стены сыреют и разрушаются» [11,

с. 2]. В холодной воде с использованием моющих средств и досок стиралось белье со слабым загрязнением. Сильно грязное кипятилось в баках для кипячения белья. Улучшение ситуации зависело от постепенного развития системы горячего водоснабжения.

В 1960-е гг. удобство жилищных условий во вторичном фонде ухудшалось из-за участившегося игнорирования государственными службами и рабочими проблем, связанных с текущим ремонтом домов. Лев Лурье в предисловии книги «Брюхо Петербурга» пишет о том, что приход малоквалифицированных руководителей коммунальных служб привел к уменьшению объема работ, связанных с текущим ремонтом инфраструктуры, что стало причиной нарушений норм эксплуатации зданий [1, с. 3]. Приведенные примеры показывают, что в 1960-е гг. предприятия стремились сократить издержки на обслуживание жилья для решения проблем основного производства.

Как показала Е.Д. Твердюкова, смертность туберкулезных больных в Ленинграде постоянно сокращалась: с 2 017 чел. в 1947 г. до 986 чел. в 1950 г. [25, с. 44]. Такая тенденция была не только с туберкулезом, но и с дифтерией, полиомиелитом и другими заболеваниями, на распространение которых влияло соблюдение норм бытовой санитарии.

Таким образом, развитие инфраструктуры решило ряд проблем с предотвращением эпидемий тифа, туберкулезом. При этом назначение руководителей с низкой квалификацией привело к ухудшению обслуживания инфраструктуры.

Результаты. Типовой характер нового жилищного строительства позволил развивать успешные практики соблюдения норм санитарии. В 1950–1960-е гг. улучшилось снабжение обслуживавших организаций техникой и ресурсами, что ускорило развитие инфраструктуры.

Совместная работа санитарных врачей, сотрудников партийных и государственных структур и общественных активистов создавала условия для развития практик регулярного соблюдения санитарных норм, снижавших риски возникновения эпидемий. Жалобы от граждан, публиковавшиеся на страницах газет, способствовали повышению качества при выполнении работ. Заданные граждана-

ми вопросы становились поводом для обращения представителей властей или журналистов в компетентные органы для улучшения быта.

Наличие бытовых удобств в новых домах способствовало соблюдению санитарных норм гражданами. В случае отсутствия стимулов проблемы так и оставались нерешенными и, как следствие, появлялись новые опасности для возникновения эпидемий. Успешное развитие практик показало, что для дальнейшего уменьшения рисков проживания в городах необходимо было уделять большее внимание соблюдению правил личной гигиены.

Контроль общественности за выполнением предписаний санитарных врачей создал условия для утверждения норм жилищной санитарии. Интерес граждан к выполнению правил, возникший из осознания собственной выгоды, привел к выделению вопросов соблюдения личной гигиены в отдельное направление работы, успешно развивавшееся до конца советской эпохи.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-78-10017. URL: <https://rscf.ru/project/19-78-10017>

Автор выражает благодарность Н.С. Яблонской, М.А. Летухиной, Н.В. Никифоровой, А.А. Попову, Е.М. Лупановой, Е.А. Кочетковой, Н.Ю. Черепениной за обсуждение с автором раннего варианта этой статьи. Сотрудникам ЦГА СПб В.А. Ораву, А.Л. Захаровой, И.А. Киве, Т.Ю. Булгаковой, А.О. Тимофееву за помощь в работе с поиском архивных материалов.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) and carried out within grant No. 19-78-10017. URL: <https://rscf.ru/project/19-78-10017>

The author expresses gratitude to N.S. Yablonskaya, M.A. Letyukhina, N.V. Nikiforova, A.A. Popov, E.M. Lupanova, E.A. Kochetkova, N.Yu. Cherepenina for discussing an earlier version of this article with the author and employees of the Central Archive of St. Petersburg, V.A. Orav, A.L. Zakharova, I.A. Kiva, T.Yu. Bulgakova, A.O. Timofeev, for their assistance in working with the search for archival materials.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга. СПб.: Ферг, 1994. 221 с.
2. Власов С. А., Жанбосов А. Т., Бисенгалиев М. К. Жилищная проблема в СССР и «холодная война» // Жилищные стратегии. 2020. Т. 7, № 1. С. 31–44.
3. Годовой отчет горжилуправления за 1956 г. // Ленинградский областной государственный архив (ЛОГАВ). Р-255. Оп. 2. Д. 105. 143 л.
4. Герашенко Л. В. Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1944–1953 гг. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 248 с.
5. Дело о мерах по дальнейшему улучшению санитарного состояния г. Москвы и Ленинграда и городов республиканского подчинения 1952–1953 гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 7. Д. 835. 40 л.
6. Дело о мероприятиях по предупреждению кишечных инфекционных заболеваний и улучшению санитарной очистки населенных мест в 1950 году // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 6890. 29 л.
7. История санитарно-эпидемиологической службы России. URL: <https://clck.ru/33qoCa>
8. Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах // Строительство жилья в СССР. URL: <http://su90.ru/crib.html>
9. Кочнев Е. Те, что грохочут по утрам. URL: <https://clck.ru/33qoUw>
10. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: НЛЮ, 2018. 574 с.
11. Ленинградский водопровод // Вечерний Ленинград. 5 января 1957 г.
12. Макарова Н. Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930-е – 1950-е гг. Магнитогорск: Магнитогор. дом печати, 2021. 531 с.
13. Малинова-Тзиафет О. Ю. Из города на дачу. Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 331 с.
14. Малинова-Тзиафет О. Ю., Обертрайс Ю. История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. 2019. Т. 9, № 1. С. 173–201.
15. Меерович М. Г. Наказание жилищем. М.: РОСПЕН, 2008. 300 с.
16. Отчет об проверке исполнения жалоб от жильцов за 1963 г. // Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9803. Оп. 1-1. Д. 12. 56 л.
17. Переписка с министерствами и ведомствами РСФСР о мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями, по улучшению медико-са-

нитарного обслуживания населения в РСФСР в 1961 г. // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 7846. 136 л.

18. Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1963 г. № 1107. О государственном санитарном надзоре в СССР. URL: <https://clck.ru/33vgkN>

19. Постановление Совета Министров РСФСР от 25 июля 1955 № 935. О мерах по борьбе с инфекционными заболеваниями // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6095. 29 л.

20. Протокол заседания Исполкома Леноблсовета № 45 // ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 33. Д. 1496. 241 л.

21. РСФСР: Административно-территориальное деление. На 1 окт. 1950 г / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР. М.: Изд-во и тип. «Известий», 1950. VIII, 503 с.

22. Санитария // Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. Т. 22. М.: Изд. Совет. энцикл., 1975. 628 с.

23. Смирнулись с антисанитарией // Выборгский коммунист. 17 июля 1957 г.

24. Тимофеева Г. Заплаты вместо ремонта // Выборгский коммунист. 10 июля 1955 г.

25. Твердюкова Е. Д. Борьба с туберкулезом в Ленинграде в 1940-е гг. // Уральский исторический вестник. Междисциплинарный научно-исторический журнал. 2021. №1. С. 39–46. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-39-46

26. Журавлев С. В. Маленькие люди и большая история: иностранцы московского электротехнического завода. М.: РОСПЭН, 2000. 351 с.

27. Штрейс А. И. Санитарное дело в Ленинграде за 40 лет советской власти 1917–1957 гг. // Гигиена и санитария. 1957. № 11. С. 49–53.

28. Фильдер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма 1943–1953 гг. М.: ЛИТРЕС, 2018. 670 с.

29. Kochetkova E. A. Making Food Modernity: Science and Technology in Late // Contemporary European History. 2024. Vol. 33 (2). P. 583–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777322000637>

30. Kochetkova E. A., Pokidko P. C. Soviet industrial production and waste dispersal: a case study of pulp and paper plants on the Karelian Isthmus, 1940s–1980s // Scandinavian Economic History Review. Vol. 67, № 3. P. 269–282. DOI: 10.1080/03585522.2019.1587499

REFERENCES

1. Bahtijarov A.A. *Brijuho Peterburga* [The Belly of St. Petersburg]. Saint Petersburg, Fert Publ., 1994. 221 p.

2. Vlasov S.A., Zhanbosov A.T., Bisengaliev M.K. *Zhilishchnaya problema v SSSR i «kholodnaya vojna»*

[The Housing Problem in the Soviet Union and the Cold War]. *Zhilishchnye strategii* [Housing Strategies], 2020, vol. 7, no. 1, pp. 31–44.

3. Godowej ottschet gorzhiluprawlenija sa 1956 g. [Annual Report of the City Housing Department for 1956]. *Leningradskij oblastnoj gosudarstwennyj archiw (LOGAW)* [Leningrad Regional Historical Archive], r-255, inv. 2, d. 105. 143 l.

4. Gerashenko L.W. *Planowoe pereselenie i obustrojctwo sowetckich grazhdan w prigranitschnych rajonach Karelskogo pereshejka w 1944–1953 gg.* [Planned Resettlement and Arrangement of Soviet Citizens in the Border Regions of the Karelian Isthmus in 1944–1953]. Saint Petersburg, SPbGIEU, 2011. 248 p.

5. Delo o merach po dalnejschemu ulutschscheniju sanitarnogo sostojanija g. Mockwy i Leningrada i gorodow respublikanckogo podtschinenija 1952–1953 gg. [Minutes of the Meeting of the Executive Committee of the Leningrad Regional Council]. *Gosudarstwennyj archiw Rossijskoj Federazii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 7, d. 835. 40 l.

6. Delo o meroprijatijach po preduprezhdeniju kischetschnych infektsionnych zabolewaniy i ulutschscheniju sanitarnoj otschietki naseleennyh mest w 1950 godu [The Case of Measures to Prevent Intestinal Infectious Diseases and Improve the Sanitary Cleaning of Populated Areas in 1950]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A- 259, inv. 6, d. 6890. 29 l.

7. *Istorija sanitarno-epidemiologicheskoy sluzhby Rossii* [History of the Russian Sanitary and Epidemiological Service]. URL: <https://clck.ru/33qoCa>

8. Kalabekow I.G. *SSSR i strany mira wtsifrakh* [The USSR and the Countries of the World in Numbers]. *Stroitelstvo zhilya v SSSR* [Housing Construction in the USSR]. URL: <http://su90.ru/crib.html>

9. Kochnev E. *Te, chto grohochut po utram* [The Ones That Rumble in the Morning]. URL: <https://clck.ru/33qoUw>

10. Leбина N.B. *Passazhiry kolbasnogo poezda. Etjudy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917–1991* [Passengers of the Sausage Train. Sketches for a Picture of the Life of a Russian City: 1917–1991]. Saint Petersburg, NLO Publ., 2018. 574 p.

11. Leningradskij wodoprowod [Leningrad Water Supply]. *Wetschernij Leningrad* [Evening Leningrad], Jan. 5, 1957.

12. Makarowa N.N. *Magnitogorsk kak soziokulturnyj proekt sowetskoj vlasti w 1930-e–1950-e gg.* [Magnitogorsk as a Socio-Cultural Project of the Soviet Government in the 1930s–1950s]. Magnitogorsk, Magnitogor. dom pechati, 2021. 531 p.

13. Malinowa-Tsiavet O.Ju. *Is goroda na datschu. Soziokulturnye faktory oswoenija*

datschnogo prostranstwa wokrug Peterburga (1860–1914) [From the City to the Country. Sociocultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860–1914)]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta, 2013. 331 p.

14. Malinowa-Tsiavet O.Ju., Obertrajs Ju. Istorija gorodov i wodnye infrastruktury w Rossijskoj imperii i SSSR [History of Cities and Water Infrastructures in the Russian Empire and the USSR]. *Novejšhaya istoriya Rossii. Mezhdisciplinarnyj nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Contemporary History of Russia. Interdisciplinary Scientific and Theoretical Journal], 2019, vol. 9, no. 1, pp. 173–201.

15. Meerowitsch M.G. *Nakasanie zhilishem* [Housing Punishment]. Moscow, ROSPEN Publ., 2008. 300 p.

16. Otschet ob prowerke ispolnenija zhalob ot zhiltsov za 1963 g. [Resident Complaint Review Report]. *Zentralnyj gorodskoj archiw Sankt-Peterburga (ZGA SPB)* [Central City Archive of St. Petersburg], f. R-9803, inv. 1-1, d. 12. 56 l.

17. Perepiska s ministerstwami i wedomstwami RSFSR o meroprijatijach po borbe c epidemitschekimi zabolowanijami, po ulutschscheniju mediko-sanitarnogo obsluzhiwanija naselenija w RSFSR w 1961 g. [Correspondence with Ministries and Departments of the RSFSR on Measures to Combat Epidemic Diseases, to Improve Medical and Sanitary Services for the Population in the RSFSR in 1961]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 42, d. 7846. 136 l.

18. *Postanowlenie Soveta Ministrow SSSR ot 29 oktjabrja 1963 g. № 1107. O gosudarstvennom sanitarnom nadzore v SSSR* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR no. 1107 of October 29, 1963. About State Sanitary Supervision in the USSR]. URL: <https://clck.ru/33vgkN>

19. *Postanowlenie Sowet Ministrow RSFSR ot 25 ijulja 1955 № 935 O merach po borbe s infekzionnymi zabolowanijami* [Decree of the Council of Ministers of the RSFSR of July 25, 1955 No. 935 On Measures to Combat Infectious Diseases]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. A-259, inv. 7, d. 6095. 29 l.

20. *Protokol zasedanija Ispolkoma Lenoblsoweta № 45* [Minutes of the Meeting of the Executive Committee of the Leningrad Regional Council No. 45]. *ZGA SPB* [Central City Archive of St. Petersburg], f. R-7179, inv. 33, d. 1496. 241 l.

21. *RSFSR: Administrativno-territorialnoe delenie. Na 1 okt. 1950 g.* [Administrative-Territorial Division. On October 1, 1950]. Moscow, Izd-vo i typ. «Izvestij», 1950. VIII, 503 p.

22. Sanitarija [Sanitation]. Prokhorov A.M., ed. *Bolshaja sovetskaja enciklopedija. T. 22* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 22]. Moscow, Izd. Sovet. encikl., 1975. 628 p.

23. Smiril's antisaniariej [Resigned to Unsanitary Conditions]. *Wyborgskij kommunist* [Vyborg Communist], July 17, 1957.

24. Timofeewa G. Zaplatty wместo remonta [Patches Instead of Repairs]. *Wyborgskij kommunist* [Vyborg Communist], July 10, 1955.

25. Twerdjukowa E.D. Borba s tuberkulezom w Leningrade w 1940-e gg [The Fight Against Tuberculosis in Leningrad in the 1940s]. *Uralskij istoricheskij westnik. Mezhdisciplinarnyj nauchno-istoricheskij zhurnal* [Ural Historical Bulletin. Interdisciplinary Scientific and Historical Journal], 2021, no. 1, pp. 39–46. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-39-46

26. Zhurawlew S.W. *Malenkie ljudi i bolschaja istorija: inostrantsy moskowskogo elektrotechnitscheskogo zawoda* [Little People and a Big Story: Roreigners of the Moscow Electrotechnical Plant]. Moscow, ROSPEN Publ., 2000. 351 p.

27. Schtrejs A.I. Sanitarnoe delo w Leningrade za 40 let sowetskoj vlasti 1917–1957 gg. [Sanitation in Leningrad for 40 Years of Soviet Power 1917–1957]. *Gigiena i sanitarija* [Hygiene and Sanitation], 1957, no. 11, pp. 49–53.

28. Viltser D. *Opasnosti gorodskoj zhisni w SSSR w period pozdnego stalinisma 1943–1953 gg.* [Dangers of Urban Life in the USSR During the Period of Late Stalinism 1943–1953]. Moscow, LITRES Publ., 2018. 670 p.

29. Kochetkova E.A. Making Food Modernity: Science and Technology in Late. *Contemporary European History*, 2024, vol. 33 (2), pp. 583–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777322000637>

30. Kochetkova E.A., Pokidko P.S. Soviet Industrial Production and Waste Dispersal: A Case Study of Pulp and Paper Plants on the Karelian Isthmus, 1940s–1980s. *Scandinavian Economic History Review*, vol. 67, no. 3, pp. 269–282. DOI:10.1080/03585522.2019.1587499

Information About the Author

Pavel S. Pokidko, Trainee Researcher, Laboratory of Technological and Environmental History, HSE University, kanala Griboyedova Emb., 119–121, 190068 Saint Petersburg, Russian Federation, pavel.pokidko.85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5737-5968>

Информация об авторе

Павел Сергеевич Покидько, стажер-исследователь лаборатории технологической и экологической истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», наб. канала Грибоедова, 119–121, 190068 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, pavel.pokidko.85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5737-5968>

www.volsu.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.14>

UDC 94
LBC 63.3(43)

Submitted: 12.04.2022
Accepted: 19.02.2023

MAY 1968 PROTESTS IN FRANCE IN THE COLLECTIVE MEMORY OF THE EUROPEAN COMMISSION POLITICIANS

Nikita V. Bulavintsev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The May 1968 protests are an important place of remembrance in the history of Europe. *Methods and materials.* The author uses the methods of studying collective memory to analyze the image of the May protests in the collective memory of the European Union. The article analyzes how former members of the European Commission recall the events of 1968 within the framework of The European Commission 1958–1973: History and Memories of an Institution project and how the May protests are woven into the history of European unification. The project was implemented in the early 2000s with the aim of compiling an oral history of the European Union and the European Commission in particular. *Analysis.* The author summarizes the image of the protests and highlights the general features of the description of the events of 1968. Based on examples of interviews with Fausta Deshormes La Valle, Odile Benoist-Lucie, Franz Froschmaier, and Raymond Barre, the article summarizes a comprehensive picture of the crisis year of 1968, which affected both the political, social, and economic spheres of life in Europe. *Results.* The memory of the protests, actualized through the interviews, correlates with the first reaction of European politicians in 1968. A significant difference is the selectivity of memories. Politicians in interviews do not recall the violence that the protests caused or the eclecticism of the slogans of the rebel students; the positive image of the protests dominates. The common motif present in most of the interviews is the feeling of young people's disappointment in the ideals of a united Europe. The May protests are presented as a turning point in the history of Europe, which prompted European politicians to act and further deepen the integration.

Key words: May 1968, collective memory, European Commission, Memories of an Institution, European Union.

Citation. Bulavintsev N.V. May 1968 Protests in France in the Collective Memory of the European Commission Politicians. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 196-204. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.14>

УДК 94
ББК 63.3(43)

Дата поступления статьи: 12.04.2022
Дата принятия статьи: 19.02.2023

© Булавинцев Н.В., 2024

МАЙСКИЕ ПРОТЕСТЫ 1968 г. ВО ФРАНЦИИ В ПАМЯТИ ПОЛИТИКОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ

Никита Валерьевич Булавинцев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Майские протесты 1968 г. являются важным местом памяти в истории Европы и европейского объединения. *Методы и материалы.* Автор использует методы изучения коллективной памя-

ти, чтобы составить образ майских протестов в памяти европейского объединения. Статья анализирует, как бывшие члены Европейской комиссии вспоминают события 1968 г. в рамках проекта «The European Commission 1958–1973: History and Memories of an Institution» и как майские протесты вплетаются в историю европейского объединения. Проект был реализован в рамках Европейского союза в начале 2000-х гг. с целью составить устную историю европейского объединения в целом и Европейской комиссии в частности. *Анализ.* Автор обобщает образ протестов и выделяет общие особенности описания событий 1968 года. На основе примеров интервью с Фаустой Дешорм Ла Валле, Одиль Бенуа-Люси, Франца Фрошмайера и Раймона Барра составляется комплексная картина «кризисного» 1968 г., который затронул и политическую, и социальную, и экономическую сферы жизни Европы. *Результаты.* Делается вывод, что память о протестах, актуализируемая в интервью, коррелирует с первой реакцией европейских политиков в 1968 году. Существенное отличие – выборочность в воспоминаниях. Политики в интервью не вспоминают насилие, которое вызвали протесты или эклектичность лозунгов восставших студентов, доминирует положительный образ протестов. Общий мотив, присутствующий в большинстве интервью, – ощущение разочарования молодежи в идеалах единой Европы. Майские протесты предстают как поворотные события в истории Европы, которые побудили европейских политиков к действию и дальнейшему углублению интеграции.

Ключевые слова: май 1968, коллективная память, Европейская комиссия, Memories of an Institution, Европейский союз.

Цитирование. Булавинцев Н. В. Майские протесты 1968 г. во Франции в памяти политиков Европейской комиссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 196–204. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.14>

Введение. В мае 1968 г. студенческие бунты парализовали Францию. Начавшись в парижских университетах Нантер и Сорбонна, студенческие выступления переросли во всеобщую забастовку, что стало полной неожиданностью как для французских политиков, так и для жителей Франции. Французские политики поначалу не воспринимали протестующих всерьез, но уже к 10 мая Латинский квартал Парижа превратился в поле боя между студентами и полицией. Впрочем, причины студенческого недовольства невозможно однозначно сформулировать. Студенческий бунт происходил на фоне беспрецедентного роста благосостояния населения. Движущей силой протестующих были крайне левые идеи – от марксизма-ленинизма и троцкизма до маоизма и анархизма. Термин «гошизм» является общим названием пестрых взглядов протестующих. Требования восставших были насколько инфантильными, настолько и невыполнимыми. Молодые бунтари стремились перевернуть с ног на голову порядки послевоенной Франции, что красноречиво запечатлено в лозунгах и граффити этого периода. В итоге протесты закончились так же внезапно, как и начались – ко второй половине месяца сторонники Шарля де Голля провели массовую демонстрацию в поддержку республиканского порядка, а в июне протесты окончательно пошли на спад. Последние напрямую не при-

вели к конкретным результатам. Отсутствие политических и социальных изменений после протестов, впрочем, не мешает многим авторам описывать события мая как ключевые в истории Франции и Европы. Во многих публикациях память о майских протестах обрастает мифами, влияние этих событий признается не только в политической, но и культурной, социальной и интеллектуальной сферах.

Майские студенческие протесты 1968 г. во Франции прочно вошли в историю Европы и стали одним из самых обсуждаемых политических событий второй половины XX века. Протесты мая 1968 г. оставили свой значимый след в коллективной памяти многих европейских сообществ, делая это событие центром внимания для изучения с точки зрения устной истории. Многие исследователи стремились не только составить коллективную память о протестах, но и на основе интервью с очевидцами и участниками событий написать устную историю Мая, не ограничиваясь национальными рамками. На основе интервью с активистами была выстроена работа Рональда Фрейзера «1968: Восстание студенческого поколения» [10], исследование Роберта Гилдея, Джеймса Марка и Анетт Уорринг «1968 г. в Европе: голоса восстания» [11], а также недавняя работа Митчелла Абидора «Май сотворил меня: устная история восстания 1968 года во Франции» [7]. Современная ис-

ториография концентрируется вокруг памяти самих участников событий, национальных сообществ и государственных политиков. За рамками исследований остается уровень европейского объединения. Учитывая возрастающую роль Европейского союза в мемориальной политике и масштабы символа протестов 1968 г. для Европы, изучение коллективной памяти на уровне европейского объединения, памяти европейских политиков о протестах представляет особый исследовательский интерес. Главная цель исследования – описание, как события Мая отражаются в воспоминаниях деятелей Европейской комиссии и какое место майские протесты 1968 г. занимают в истории европейского объединения.

Методы и материалы. Важность изучения образов прошедших событий, коллективной памяти о ключевых датах истории сообществ обуславливается инструментальным аспектом коллективной памяти. Сохранение воспоминаний социальной группы или политической общности неразрывно связано с потребностями настоящего. Коллективное представление о событиях прошлого помогает, зачастую бессознательно, определять границы сообщества, его идентичность, цели и идеалы группы. Проблему инструментализации памяти озвучивал Хальбвакс [4, с. 321], основоположник интеллектуальной генеалогии *memory studies*. С его точки зрения, социальные рамки памяти создают значение прошлого для индивидов, отбирая факты и интерпретируя их. Многие исследователи этой традиции касались данной проблемы [1, с. 46; 12, с. 4]. Политолог Ольга Малинова отмечает историзацию массового сознания в XX в., из-за чего сейчас мы можем говорить о том, что «общепринятые представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ» [3, с. 6]. Актуализированная версия прошлого является важным ресурсом для политики, восприятие прошлого постоянно подвергается трансформации, а новые события и идеи напрямую влияют на интерпретацию прошлого. Несмотря на ограниченные полномочия Европейского союза в мемориальной политике, общее представление о прошлом является важным объединяющим фактором. Достаточно сильная политическая идея «единой Евро-

пы», лежащая в основании идентичности Союза, инструментализирует события прошлого, укрепляя фундаментальные разделяемые политические идеалы и представления.

Основным источником для исследования является проект «Европейская комиссия 1958–1973: история и память института», который наравне с девятью другими проектами, запущенными в начале 2000-х гг., ставит задачу «сохранить голоса» европейских политиков. Этот источник интересен в первую очередь тем, что интервьюируемые политики стремятся описать историю европейского объединения, свидетелями и участниками которой они были. Помимо этого, в статье в качестве источников используется официальная документация органов Европейских сообществ и Европейского союза, в частности материалы парламентских дебатов.

Анализ. В Западной Европе за последние несколько лет произошло смещение координат национальных образов истории в пользу более комплексной картины мира с одновременной эрозией национальных мифов из-за укрепления «общеевропейской привычки не ограничивать взгляд на ту или иную проблему национальным горизонтом» [1, с. 289]. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. постепенно появляются общеевропейские места памяти. К этому времени Западная Европа «повернулась к Европе, чтобы построить общее историческое сознание и европейское сообщество памяти» [20, с. 6]. Два основных события становятся основой этой памяти – Вторая мировая война и Холокост. Май 1968 г. хоть и не является центральным событием в общеевропейской памяти, но тем не менее остается важной датой как для Европы, так и для европейского объединения. К сороковой годовщине событий, в 2008 г., в европейском объединении сформировался целостный образ майских протестов. В коммеморативной публикации на сайте Европейского парламента 1968 г. предстает как «поворотный» в европейской истории, принесший изменения, которые сыграли большую роль в «формировании современной объединенной Европы» [6]. Воспоминания бывших членов Комиссии расширяют этот образ и показывают «актуализированную» память свидетелей событий, демонстрируя, что майские протесты стали частью истории объединения Европы.

В 2002 г. Дэвид О'Салливан, генеральный секретарь Комиссии, предложил собрать воедино коллективную память этого института европейского объединения. На фоне подготовки публикации проекта «Европейская комиссия 1958–1973: история и память института» [19] была запущена программа для составления устной истории Комиссии с 1958 по 1973 год. Исследователи проводили интервью с бывшими политиками, которые работали внутри Комиссии в этот промежуток времени. Международную группу историков возглавил бельгийский профессор из Католического университета Левена Мишель Дюмулен. Мишель Дюмулен возглавлял Институт европейских исследований, а также управлял Центром изучения истории современной Европы в Левене. С 2008 г. он стал членом научно-консультативного совета Дома европейской истории. Всего в рамках программы за два года – с 2003 по 2004 г. – было проведено 112 интервью.

В самой работе «Европейская комиссия 1958–1973: история и память института» 1968 г. хоть и был ознаменован важным и символическим событием – отменой таможенных барьеров 1 июля – но в целом авторы работы констатируют, что в 1968 г. Европа и Сообщества находились «в кризисе», французский «Май 68» дал понять европейским политикам, что объединение было еще недостаточно прочным, а «весь прогресс по строительству единой Европы мог быть повернут вспять» [19, с. 400]. Воспоминания европейских политиков, членов Европейской комиссии конца 1960-х гг., позволяют нам увидеть более полную картину «кризисного» 1968 года. Общим моментом интервью становится положительный образ протестов. Политики практически не вспоминают о насилии на улицах или об эклектичности лозунгов протестовавших студентов, несмотря на то что эти два обстоятельства в 1968 г. вызвали много критики у европейских политиков. 1968 г. стал для них годом «пробуждения», годом, который обнажил скрытые до этого противоречия и проблемы и который заставил действовать.

Изначальное отношение европейских политиков к протестам в 1968 г. было двойственным. Сочувствуя требованиям протестующих, европейские политики называли дей-

ствия протестующих иррациональными. Хотя мало кто из европейских политиков в 1968 г. открыто выступал против «революционного мышления» студентов, эклектичные лозунги протестующих и их методы борьбы не вызвали одобрения. Многие европейские политики были обеспокоены тем, что молодежь, бунтуя против «старой Европы», забыла об идеях единой Европы и не видела в деятельности объединения того, чем можно было питать свои надежды и устремления. Эти же опасения подчеркивались на всех уровнях объединения: об этом высказывался и президент Европейского парламента Марио Шельба, и президент Европейской комиссии Жан Рей [2].

Фауста Дешорм Ла Валле была знаменитой журналисткой из Италии, известной в том числе благодаря своей поддержке европейской интеграции. В 1992 г. она стала почетным членом Европейской комиссии. Исследовательница Мария Пиа Ди Нонно пишет о Фаусте Дешорм как об одной из «Матерей-основательниц Европы» [5], используя распространенную аналогию с «отцами-основателями Европы». Фауста Дешорм добилась больших успехов в журналистике, став в 1958 г. главным редактором журнала «Молодая Европа», который выходил под эгидой европейского движения. После переезда в Брюссель она стала работать в команде Жана Моро над проблемой восприятия Европейских сообществ молодежью в Европе. Фауста Дешорм поспособствовала созданию европейских центров документации, которые облегчали работу для исследователей, интересующихся европейской интеграцией и Европейскими сообществами. К 1967 г. подобные центры документации были во всех странах Шестерки.

Начало протестов Фауста Дешорм застала в Италии. «В 1968 году мы случайно, Моро и я, оказались в Италии в самом начале протестов. В Италии мы были в Милане, потому что в Миланском университете был семинар. И, совершенно случайно, через некоторое время мы приезжаем на семинар в Берлин. Не знаю, помните ли вы, что в Берлине все началось, когда во время официального визита представителя из Ирана студенты протестовали и полиция убила одного. Вот где все началось – в Берлине. И мы были там, это было действительно совпадение. В то время

мы могли наблюдать только со стороны» [13, с. 18]. Фокусом повествования Дешорм становится не насилие на улицах, а то обстоятельство, что никто из протестующих не говорил о Европе. «...Что нас беспокоило и удивляло, так это то, что никто не говорил о Европе. Звучали всевозможные требования и протесты, но совершенно никто не говорил о Европе» [13, с. 18]. Подобная забывчивость молодого поколения, которое выходило на улицу под всевозможными эклектичными лозунгами, но не единой Европы, сильно взволновала не только Дешорм и команду Моро, которые в это время работали над созданием «европейского сознания» у молодого поколения. Многие другие политические деятели европейского объединения во время протестов 1968 г. отмечали это же обстоятельство, сокрушаясь над тем, что молодое поколение отвернулось от Европы. Так, к примеру, в 1968 г. Жан Липковски, французский политик и член Европейского парламента, во время парламентской сессии выразил общее для многих европейских политиков опасение, что «Европа, которую мы создаем, воспринимается молодыми людьми только как кладбище мертвых богов» [8, с. 62]. Подобная реакция Дешорм на протесты имеет много общего с восприятием студенческих беспорядков другими политиками объединенной Европы. Политики ощущали упущенную возможность – молодежь, студенты, отвернулись от идей и лозунгов единой Европы и не видели в европейском объединении решения насущных проблем, в то время как европейские политические деятели в общей массе были уверены, что проблемы, которые побудили молодежь выйти на улицу, имеют европейское измерение и по этой причине должны быть решены на европейском уровне, через институты Европейских сообществ.

Дешорм, вспоминая о событиях 1968 г., говорит о необходимости взять ситуацию в свои руки и снова заинтересовать молодежь идеями объединенной Европы. «Так прошел 1968 год, и в 1969 году мы подумали о том, что нужно бы немного “подергать за ниточки”» [13, с. 18]. Прямыми последствиями протестов 1968 г. стала идея европейского объединения по созданию организации представителей национальных министерств образования

и молодежного совета, а также попытки организовать большую конференцию с представителями молодежных организаций. В представлении Дешорм эти решения должны были обеспечить площадку и необходимые структуры для решения проблем, спровоцировавших людей выйти на улицы. «Мы... хотели дать ответ на то, что произошло в 1968 году» [13, с. 18]. Конференции с представителями молодежных организаций в первую очередь ставили перед собой цель дать некий ответ на молодежные протесты и показать, что Европа готова помогать новому поколению. Организаторы знакомили участников с европейскими идеалами, пытаясь привлечь молодежь: «В каждой стране мы организовали коллоквиум молодежных движений, где подвели итоги протеста и, с другой стороны, предоставили информацию о том, что такое Европа и что Европа может дать в ответ» [13, с. 18]. Впрочем, организаторы столкнулись с серьезной проблемой – конференция не охватывала всех представителей поколения из-за общей дезорганизованности молодежи. «Уже тогда молодежь была, мягко говоря, не очень организована, – говорит Дешорм. – В организациях состояло немного... но все существующие организации были там» [13, с. 18–19]. Вспоминает Дешорм и то, что Жан Рей, председатель Европейской комиссии, председательствовал на конференции и был сильно заинтересован в ее проведении, стремясь наладить диалог с молодежью. Комиссия, по словам Дешорм, боялась повторения 1968 г. и беспокоилась о вопросах безопасности проведения конференции: «Комиссия боялась беспорядков, протестных движений, демонстраций и даже личных проблем между участниками» [13, с. 19].

Действительно, 1968 г. заставил Европу обратить внимание на молодое поколение. В заключительном коммюнике саммита в Гааге, который прошел 1–2 декабря 1969 г. шестнадцатым пунктом финального заявления значилось, что «все созидательные действия и решения, способствующие европейскому росту, принятые здесь, станут залогом лучшего будущего, если молодое поколение будет тесно связано с ними» [9]. После 1968 г. мы можем заметить всплеск мероприятий, направленных на молодежь, – попытки организовать

конференцию для молодежных организаций, проведение симпозиума с представителями молодежи, исследования ценностей молодого поколения и т. д. Из-за этого 1968 г. можно считать символической датой начала европейской молодежной политики. Энтузиазм Жана Рея в привлечении молодежи к работе европейского объединения после 1968 г., что вспоминает Дешорм, подтверждают воспоминания Поля Коловальда, участвовавшего в деятельности пресс-службы Комиссии. Как вспоминает Поль Коловальд, в то время как лидеры правительств пытались переложить ответственность за реализацию шестнадцатого пункта Гаагского коммюнике на Европейскую комиссию и не до конца понимали его, именно Жан Рей воспринял призыв, содержащийся там, со всей серьезностью [17].

Интервью с Одиль Бенуа-Люси демонстрирует схожий образ событий мая 1968 года. Одиль Бенуа-Люси училась в Париже, а после войны, в 1960 г., она начала работать в комиссии Европейского экономического сообщества. Бенуа-Люси отвечала за социальные вопросы и контакты с прессой. В 1968 г. она находилась в Париже. После вопроса об отношениях с прессой, Бенуа-Люси вспоминает о равнодушии большей части французов по отношению к объединению в конце 1960-х годов. «Даже странно, но я думаю, что французы не были готовы. Они не были заинтересованы. Знаете ли, Европа, это было не во Франции, это было в Брюсселе. Парламент в Страсбурге, а это далеко» [16, с. 30]. Отдельно Бенуа-Люси упоминает отношение молодого поколения к Европе: «В умах молодежи было много других забот, кульминацией которых стал 1968 год. Французов это (европейское объединение) не беспокоило» [16, с. 30].

В ее воспоминаниях нигилизм молодежи становится симптомом более широкой проблемы – равнодушия европейского населения к объединенной Европе, которая всегда находилась вне поля зрения общества. Бенуа-Люси вспоминает также другую проблему – проблема коммуникации, трудности с тем, чтобы заинтересовать молодое поколение. «Через прессу нам приходилось доносить очень скучные, очень серьезные, но очень скучные вещи... Это было очень сложно... У меня были студенты, они были на лекции,

ничего не понимали. Они пришли, потому что им было интересно... Но объяснять людям было чрезвычайно трудно» [16, с. 30]. В 1968 г. многие европейские политики говорили о нигилизме молодого поколения и сложностях в распространении идеи единой Европы. Это подтверждается материалами парламентских дебатов. На парламентской сессии 15 мая Жан Рей также признавал разочарованность молодого поколения в старых идеалах, «богах прошлого», и ответ он видел в словах Вольтера: «Сделай твоего Бога великим для нас, если хочешь, чтобы мы восхищались им» [8, с. 129]. По мнению Жана Рея, не так важно выявить, стали ли молодые люди жертвой агитации революционеров, «вместо этого давайте спросим себя, нравится ли молодому человеку сегодня лицо нашего сообщества, которое мы демонстрируем, и можем ли мы что-то сделать, чтобы оно было более привлекательным» [8, с. 129].

Воспоминания Франца Фрошмайера также демонстрируют желание европейского объединения преодолеть непонимание, которое возникло между разными поколениями. Франц Фрошмайер, выпускник Мюнхенского университета, работал с 1966 по 1967 г. в качестве заместителя главы Информационного бюро Европейских сообществ в Вашингтоне, округ Колумбия. Фрошмайер вспоминает, что изначально он не сильно интересовался политикой, даже «презирал все политическое», но его поездка в США изменила его мнение. Как вспоминает Фрошмайер: «В Соединенных Штатах я впервые увидел, какой может быть политика» [14, с. 18]. Когда после 1967 г. он вернулся в Европу, то заинтересовался движениями 1968 года. Это был момент, когда, как вспоминает Фрошмайер, у него «открылись глаза». В Европе он сразу же установил контакты с радикально левыми движениями в Риме и Париже. Также он вспоминает слова своего друга, Хайнца Куби, главу отдела в парламенте, который сказал ему: «Франц, теперь, если мы хотим сохранить Европу, мы должны убеждать молодежь, а не людей, которым уже пятьдесят лет, молодежь, молодежь!» Вспоминая начало своей работы в команде Ханса фон дер Грёбена, члена Комиссии Жана Рея, Фрошмайер говорит, что его связи с радикальной молодежью были тем,

что заинтересовало фон дер Грёбена. В интервью Фроншмайер рассказывает: «...фон дер Грёбен посмотрел на меня и сказал: “Это именно то, что мне нужно”. Он сказал мне: “Я прошу вас продолжать, потому что я хотел бы знать, что думают молодые люди, как они видят то, что мы пытаемся сделать”» [14, с. 19].

Раймон Барр, будучи в 1968 г. европейским комиссаром по экономическим и финансовым вопросам, представляет нам другой образ событий. Раймон Барр по словам его коллег, всегда был человеком, который работал в первую очередь с документами и хорошо в них разбирался. Как вспоминает Жан Дежибе, «у господина Барра был дар разбираться в данных, он был невероятно умным, однажды мы приехали к нему домой с какими-то запутанными и сложными файлами, а он разобрал их для нас за десять минут» [15, с. 11]. Будучи человеком, который был погружен в хозяйственные и экономические дела, Раймон Барр описывает экономическое изменение 1968 г. [18]. Он вспоминает, что 1 июля 1968 г. – это символическая дата для объединения. К этому времени были отменены таможенные барьеры между странами Шестерки. Впрочем, резкое ухудшение инфляционной среды во Франции после протестов и общие негативные экономические последствия французских протестов подрывали достигнутые успехи. В этот турбулентный период Раймон Барр пытался отгородить Сообщества от экономических проблем, которые могли ослабить объединение. Говоря о трудностях в этот период, Барр делает вывод, что «это была особая атмосфера»: не только разные поколения не могли договориться друг с другом, но и главы государств и различных ведомств не могли прийти к общему плану действий. Протесты 1968 г., «les événements», вписаны в воспоминаниях Барра в общий контекст кризисных событий этого периода. Описывая сами протесты в нейтральном тоне, он вспоминает их как катализатор последующей экономической нестабильности в Европе, которая, в свою очередь, в итоге приводит к углублению экономического сотрудничества между странами перед лицом общей экономической угрозы.

Результаты. Проект «Европейская комиссия 1958–1973: история и память института», как и другие схожие программы Евро-

пейского союза, представляет собой уникальный источник для анализа воспоминаний и представлений об истории европейского объединения. В воспоминаниях деятелей Европейской комиссии о мае 1968 г. есть множество пересечений. Опыт, который транслируют бывшие деятели Европейской комиссии, во многом схож с тем, как европейские политики воспринимали протесты в 1968 г., но майские события в их памяти уже не ассоциируются с насильственными методами борьбы молодежи или революционными лозунгами, которые являлись объектом критики политиков в 1968 году. В их представлении майские протесты становятся катализатором осознания европейскими политиками потери связи с молодым поколением, которое отделилось от Европы и европейских идеалов. Несмотря на то что события конца 1960-х гг. характеризуются как «кризисные», в описании протестов доминируют позитивные образы. 1968 г. предстает как поворотный год в истории Европы, став частью не только истории социальной и молодежной политики, но и истории самого объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
2. Булавинцев Н. В. Реакция Европейских Сообществ на события Мая 1968 года: конфликт европейского измерения? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 24–27.
3. Малинова О. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4 (87). С. 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
5. «The Founding Mothers of Europe» de Maria Pia Di Nonno [libro]. URL: <https://europeaconvencida.com/%F0%9F%92%A1-the-founding-mothers-of-europe-de-maria-pia-di-nonno-libro>
6. 40 Years on: Europe and the Legacy of 1968 // European Parliament. 2008. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20080516STO29045&secondRef=0&language=EN>

7. Abidor M. *May Made Me: An Oral History of the 1968 Uprising in France*. London: Pluto Press, 2018. 268 p.
8. Debats du Parlement europeen. Session 1968–1969 // *Journal officiel des Communautés européennes*. Mai, 1968. № 103. P. 32–146.
9. Final communique of the Conference. Meeting of the Heads of State or Government. The Hague. 1–2 December 1969 // *Bulletin of the European Communities*. 1970. № 1. P. 11–18.
10. Frazer R. *1968: A Student Generation in Revolt*. New York City: Pantheon, 1988. 408 p.
11. Gildea R. *Europe's 1968: Voices of Revolt*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 384 p.
12. Hirsch H. *Genocide and the Politics of Memory: Studying Death to Preserve Life*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. 240 p.
13. Interview with Fausta Deshormes La Valle: INT726 [Open Transcript]. Interview by M. Dumoulin, J. Cailleau [in French] // *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT726
14. Interview with Franz Froschmaier: INT675 [Open Transcript]. Interview by M. Dumoulin, J. Cailleau [in French] // *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT675
15. Interview with Jean Degimbe: INT691 [Open Transcript] Interview by M. Dumoulin, G. Lavezzi // *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT691
16. Interview with Odile Benoist-Lucy: INT701 [Open Transcript]. Interview by M.-T. Bitsch, A. Legendre [in French] // *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT701
17. Interview with Paul Collowald: the Hague Summit, December 1969 // CVCE. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2005/10/6/f66a7e6b-c5ee-4e30-af5a-734f2dcb4807/publishable_en.pdf
18. Interview with Raymond Barre: INT763 [Open Transcript] / Interview by M.-T. Bitsch, E. Bussière, G. Lavezzi // *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT763
19. *The European Commission 1958–1972: history and memories of an institution* // Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. 628 p.
20. Wæhrens A. *Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989–2009*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2011. 24 p.
2. Bulavintsev N.V. Reaktsiia Evropeiskikh Soobshchestv na sobytiia Maia 1968 goda: konflikt evropeiskogo izmereniia? [Reaction of the European Communities to the Events of May 1968: Conflict of the European Dimension?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriiia. Politologiiia. Sotsiologiia*, 2022, no. 1, pp. 24–27.
3. Malinova O. Kommemoraciia istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis]. *Politija*, 2017, no. 4 (87), pp. 6–22. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22
4. Halbvaks M. Socialnye ramki pamjati [Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoe izd-vo, 2007. 348 p.
5. *“The Founding Mothers of Europe” de Maria Pia Di Nonno (libro)*. URL: <https://europeaconvenida.com/%F0%9F%92%A1-the-founding-mothers-of-europe-de-maria-pia-di-nonno-libro/>
6. 40 Years On: Europe and the Legacy of 1968. *European Parliament*, 2008. URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20080516STO29045&secondRef=0&language=EN>
7. Abidor M. *May Made Me: An Oral History of the 1968 Uprising in France*. London, Pluto Press, 2018. 268 p.
8. Debats du Parlement europeen. Session 1968–1969. *Journal officiel des Communautés européennes*, Mai, 1968, no. 103, pp. 32–146.
9. Final communique of the Conference. Meeting of the Heads of State or Government. The Hague. 1–2 December 1969. *Bulletin of the European Communities*, 1970, no. 1, pp. 11–18.
10. Frazer R. *1968: A Student Generation in Revolt*. New York, Pantheon, 1988. 408 p.
11. Gildea R. *Europe's 1968: Voices of Revolt*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 384 p.
12. Hirsch H. *Genocide and the Politics of Memory: Studying Death to Preserve Life*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1995. 240 p.
13. Interview with Fausta Deshormes La Valle: INT726 (Open Transcript). Interview by M. Dumoulin, J. Cailleau (in French). *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT726
14. Interview with Franz Froschmaier: INT675 (Open Transcript). Interview by M. Dumoulin, J. Cailleau (in French). *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT675
15. Interview with Jean Degimbe: INT691 (Open Transcript). Interview by M. Dumoulin, G. Lavezzi (in French). *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT691

REFERENCES

1. Assman A. *Dlinnaja ten proshlogo. Memorialnaja kultura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, NLO Publ., 2014. 328 p.

16. Interview with Odile Benoist-Lucy: INT701 (Open Transcript). Interview by M.-T. Bitsch, A. Legendre (in French). *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT701

17. Interview with Paul Colowald: The Hague Summit, December 1969. *CVCE*. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2005/10/6/f66a7e6b-c5ee-4e30-af5a-734f2dcb4807/publishable_en.pdf

18. Bitsch M.-T., Bussière E., Lavezzi G., eds. Interview with Raymond Barre: INT763 (Open

Transcript). *Historical Archives of the European Union*. URL: https://archives.eui.eu/en/oral_history/INT763

19. Dumoulin M., ed. The European Commission 1958–1972: History and Memories of an Institution. *Luxembourg: Publications Office of the European Union*, 2014. 628 p.

20. Wæhrens A. *Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament 1989–2009*. Copenhagen, Danish Institute for International Studies, 2011. 24 p.

Information About the Author

Nikita V. Bulavintsev, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation, bulavincev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1037-3911>

Информация об авторе

Никита Валерьевич Булавинцев, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, bulavincev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1037-3911>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.15>

UDC 327.5
LBC 66.4

Submitted: 06.09.2023
Accepted: 05.02.2024

PRESIDENT E. MACRON AND THE FRENCH POLITICAL CRISIS IN THE ASPECT OF THE LEGACY OF “GAULLISM”

Ahmad Mulyadi

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Sergei V. Biryukov

East China Normal University, Shanghai, China

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The presidency of Emmanuel Macron during 2017–2023 was marked by the crisis of the regime of the Fifth Republic in France. The authors propose an analysis of the origins and development of this crisis. They emphasize the complex nature of the crisis, which is not opportunistic but systemic. *Materials.* The research is based on the data of sociological surveys, periodical materials, and electronic sources that allow us to characterize the course and current state of the political crisis of the regime of the Fifth Republic during the presidency of Emmanuel Macron, as well as the processes accompanying it. *Analysis.* The authors identify and analyze the manifestations of Gaullism as an anti-crisis strategy in the policy of E. Macron. The authors are describing and analyzing the growing political crisis under the leadership of E. Macron and the causes of his government failure. The authors compare the policy of E. Macron and the political strategy of Charles de Gaulle. *Results.* The authors conclude that E. Macron’s selective use of elements of the Gaullist strategy in order to further legitimize and strengthen the regime of personal power does not bring final success and that French society’s trust in the current government is gradually decreasing, which contributes to the deepening of the systemic crisis of the regime of the Fifth Republic. *Author’s contribution.* Ahmad Mulyadi prepared a material on the use of elements of Gaullism in the politics of E. Macron, S. V. Biryukov, and S. N. Chirun – on the political process and the crisis in France.

Key words: France, E. Macron, political regime, political crisis, Gaullist, political and ideological split.

Citation. Mulyadi A., Biryukov S.V., Chirun S.N. President E. Macron and the French Political Crisis in the Aspect of the Legacy of “Gaullism”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 205-220. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.15>

УДК 327.5
ББК 66.4

Дата поступления статьи: 06.09.2023
Дата принятия статьи: 05.02.2024

ПРЕЗИДЕНТ Э. МАКРОН И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ ГОЛЛИЗМА

Ахмад Муляди

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Сергей Владимирович Бирюков

Восточно-Китайский педагогический университет, г. Шанхай, Китай

Сергей Николаевич Чирун

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Президентство Эммануэля Макрона в течение 2017–2023 гг. ознаменовалось кризисом режима Пятой республики во Франции. Авторы предлагают анализ истоков и процесса развития этого кризиса. Они подчеркивают сложную природу кризиса, который имеет не оппортунистический, но системный характер и усугубляется особенностями политического стиля Э. Макрона, эксплуатирующего элементы голлистской стратегии. *Материалы.* В основе исследования лежат данные социологических опросов, материалы периодической печати, электронные источники, которые позволяют охарактеризовать протекание и современное состояние политического кризиса режима Пятой республики во время президентства Эммануэля Макрона, а также сопутствующих ему процессов. *Анализ.* Авторы осуществляют идентификацию и анализ проявлений голлизма как антикризисной стратегии в политике Э. Макрон. Авторы решают следующие задачи: 1) описать и проанализировать нарастающий политический кризис под руководством Э. Макрона; 2) определить причины кризиса режима Э. Макрона и проводимой им политики, а также ее последствий в политическом, социальном и экономическом планах; 3) проанализировать политику Э. Макрона и охарактеризовать его существенные аспекты; 4) сопоставить политику Э. Макрона и курс Шарля де Голля в рамках анализа вариантов политической стратегии, выбранных двумя президентами. *Результаты.* Авторы приходят к заключению о том, что избирательное использование Э. Макроном элементов голлистской стратегии с целью дальнейшей легитимизации и укрепления режима личной власти не приносит окончательного успеха и что доверие французского общества к нынешнему правительству постепенно снижается, что способствует углублению системного кризиса режима Пятой республики. *Вклад авторов.* Ахмад Муляди подготовил материал об использовании элементов голлизма в политике Э. Макрона, С.В. Бирюков и С.Н. Чирун – о политическом процессе и кризисе во Франции.

Ключевые слова: Франция, Э. Макрон, политический режим, политический кризис, голлист, политико-идеологический раскол.

Цитирование. Муляди А., Бирюков С. В., Чирун С. Н. Президент Э. Макрон и политический кризис во Франции в свете наследия голлизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 205–220. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.15>

Введение. Методологической основой статьи является системный анализ, который применяется для изучения политической системы, ее внутренней динамики, включающей состояния стабильности и кризиса. Цель исследования – рассмотреть кризисные явления в политике и в экономике Франции в период президентства Э. Макрона, проанализировать его попытку добиться дополнительной легитимности собственной власти и политики в ситуации кризиса путем апелляции к идеологии нео-голлизма.

Нужно отметить, что авторы понимают голлизм как идеологию, в основе которой лежат консервативные по своему характеру идеи (идея исторического величия Франции, непрерывности ее истории, необходимости единства французского народа, преемственности в развитии государственных институтов). При этом в правление Ш. де Голля эта консервативная по своему характеру доктрина была трансформирована в определенную разновидность общегражданской идеологии, приобрела правополитический характер (акцент на суверенитет, лояльность Республике и ее институтам), что сделало ее принципиально приемлемой как

для умеренных «правых», так и для умеренных «левых». Развивающийся кризис системных идеологий во Франции и растущее недоверие к государству снижают легитимность голлизма, но французские президенты раз за разом апеллируют к этой доктрине, поскольку в политической культуре современной Франции на данный момент отсутствует идеологическое учение, способное объединить представителей существующего широкого спектра политических взглядов и общественно-политических сил.

Задачи исследования – проанализировать кризисную ситуацию, сложившуюся во Франции к моменту прихода ко власти Э. Макрона и получившую развитие в период его президентства, уточнить ее истоки, причины и проявления, оценить причины использования руководством Франции идеологии неоголлизма и ее возможности в качестве инструмента политической консолидации французского общества в условиях современного кризиса.

Новизна исследования связана с попыткой автора оценить значение и возможности использования обновленной версии голлистской идеологии (неоголлизма) как инструмен-

та общественно-политической консолидации и стабилизации в условиях системного кризиса, который переживает современное французское общество.

В истории Пятой республики Эммануэль Макрон – самый молодой президент Франции (ему было 39 лет, когда он был впервые избран президентом Франции) и один из немногих президентов без опыта политической карьеры (он никогда не участвовал и не избирался ни на каких всеобщих выборах вплоть до президентских выборов 2017 г.) [1]. Он также является одним из немногих президентов Франции, которые были успешно избраны на этот пост без наличия собственной «системной» политической партии, с которой он мог бы твердо отождествить себя на момент выборов.

Вместе с тем продолжающееся правление Макрона уже отмечено рядом противоречий.

Во-первых, Макрон, пришедший на пост президента в 2017 г. как лидер общественного мнения, с личностью которого связывались надежды французского социума на изменения, оказался вынужден апеллировать к государственническому началу, не справившись с исходящими от общества вызовами и проявлениями общественного недовольства [23].

Во-вторых, Макрон первоначально заявлял о себе как о лидере, намеренном создать новую идеологическую и политическую платформу, но в итоге вынужден был вернуться к консервативной идеологии (неоголлизму) [2; 9].

В-третьих, продвигая либеральную экономическую политику, он все более ощущал трудность ее совмещения с принципами сильного государства [36].

В-четвертых, активно продвигая глобальную повестку и стремясь использовать факторы глобализации (трудовую миграцию, приток капиталов и др.) для более динамичного развития Франции, Макрон едва ли мог реализовать в полном объеме принцип государственного суверенитета, к которому также апеллировал [9].

Здесь следует отметить, что Эммануэль Макрон начинал свою политическую карьеру как политик формально «левого» толка (был членом французской Социалистической партии, хотя едва ли являлся доктринальным социалистом), потом (во времена президентской

кампании 2017 г. и по крайней мере первые два года президентства) – либералом и сторонником либеральной модернизации.

При этом сопротивление французского общества инициированным им болезненным реформам, новые вызовы (пандемия COVID-19, рост общественно-политического и религиозного радикализма и др.), влияние мирового экономического кризиса побудили его в целях стабилизации собственных властных позиций и возможности продолжить реформы побудили его искать более центристский вариант идеологии, пропагандирующей установки в духе лояльности к государству и его политике и ценность государственного суверенитета.

Таким ситуационно подходящим вариантом идеологии для Макрона стал неоголлизм – вариант правоцентристской государственной идеологии, имеющей консервативные истоки, но адаптированной к восприятию французскими политическим классом и гражданским обществом.

Противоречивость заявляемой повестки и реального политического курса Макрона может быть отчасти объяснена глубиной и остротой кризиса, с которым столкнулась Франция в период его президентства [36].

По заключению экспертов [9; 23; 40], современный кризис во Франции имеет системный характер с соответствующими компонентами системного кризиса:

1) кризис французского государства и его базовых институтов, связанных с прогрессирующим отчуждением последних от общества и со снижением эффективности в выполнении возложенных на них функций;

2) кризис политического лидерства – дефицит лидеров, способных предложить разделенному французскому обществу ясный образ будущего и реалистическую стратегию его достижения;

3) слабость французского политического класса;

4) слабость «системных» политических партий;

5) кризис французской модели социального государства, усугубленный неудачными и болезненными попытками реформирования социальной сферы в либеральном ключе;

6) деиндустриализация и разрушение социально-экономического уклада малых и

средних городов, маргинализация предместий крупных городов страны;

7) кризис и маргинализация городско-среднего класса, рост его протестной активности;

8) миграционный кризис, связанный с объективной невозможностью инкультурации и социализации значительной части мигрантов и их потомков [40];

9) кризис общенациональной гражданской идентичности и связанного с ней типа политической культуры [41].

У Макрона к моменту его избрания президентом Франции в 2017 г., сложилась ситуация, сходная с ситуацией Ш. де Голля в 1958 г., – слабость партий, кризис основных идеологий, раскол политического класса страны, запрос общества на перемены. При этом в случае Макрона проявляется куда большая зависимость от внешних сил, меньшая политическая самостоятельность, заметно отличающаяся политическая и социально-экономическая программа, более слабая политическая харизма [36; 42].

Между тем продвижение Макрона во власть и его первоначальное политическое самоутверждение происходили вполне успешно. За его победой на президентских выборах в июне 2017 г. последовал и успех союзной ему силы на парламентских выборах. Его новая политическая партия, которая была основана после его успеха во втором туре президентских выборов, а именно *La République en Marche* (LREM), получила тогда большинство – в парламенте. Эта двойная победа позволила ему обрести свободу маневра и приступить к реализации программы реформ в течение своего первого президентского периода.

Несмотря на прежнее членство в Социалистической партии (*Parti Socialiste*), линия Э. Макрона была и остается последовательно либеральной как в экономике, так и в политике. В экономике курс Макрона характеризуется ультралиберализмом. Следуя этим подходам, Макрон работает в интересах элитных слоев французского общества [45]. Он поддерживал налоговую политику, очевидно выгодную для самых состоятельных французов [13, p. 18].

При этом общий политический курс Э. Макрона основывался на новом политическом

течении, которое он изначально обозначил как «ни правое, ни левое» и «как правое, так и левое», которое он позже трансформировал во время своей политической кампании на президентских выборах 2022 года. Этот «срединный путь» (своеобразное продолжение центристской линии Шарля де Голля) превратился в полноценный дискурс во время президентской кампании Э. Макрона и привлек на его сторону многих французов.

Однако по итогам первого президентского срока политика Э. Макрона не принесла реальных решений проблем французского государства и общества, породив движение «желтых жилетов», которое вообрало в свои ряды представителей различных социальных страт, пострадавших от кризисных процессов в экономике и нерешенности социальных вопросов. Многотысячные акции протеста, устраиваемые «желтыми жилетами», напомнили о мощном протестном движении «красного мая» в 1968 г., когда Франция находилась под руководством Шарля де Голля, первого президента Франции в период Пятой республики. Кризис режима Шарля де Голля также был результатом неудовлетворенности французского народа политикой, проводимой тогдашним президентом – при этом не столько экономикой, сколько общим политическим курсом Шарля де Голля, связанным с усилением государства с определенными ограничениями для процесса «политической эмансипации» общества [6; 14; 15].

Авторы опираются на следующие понятия:

1. Голлизм – политическая доктрина и практика, основанная на идеях и действиях генерала Шарля де Голля и включающая в себя такие компоненты, как независимость Франции от внешнего влияния и ее самостоятельность во внешней политике, стремление к национальному единству и неприятие крайних идеологий, консерватизм в социальных вопросах и дирижизм в экономической политике. Обычно голлизм считают правой идеологией центристского толка. Смысл термина «голлизм» изменялся со временем. Первоначально «голлистами» называли участников Сопrotивления. После освобождения Франции слово «голлизм» приобрело политический смысл, который был дополнен новыми гранями и аспектами в период президентства

Ш. де Голля, распространяясь на различные сферы жизни общества. В частности, в социально-экономической сфере голлисты считали концепцию «ассоциации труда, капитала и кадров», отводя французскому франку функцию «национального запаса» и инструмента развития [35].

Другими чертами голлистской модели оказались возросшая роль государственных ведомств (деятельность госпредприятий и поддержка малого бизнеса регламентировалась министерствами), расширение масштабов и роль государственного сектора в экономике, привлечение иностранного капитала к развитию высокотехнологичных отраслей (электроника и проекты аэрокосмической промышленности), развитие системы социального страхования и обеспечения, долгосрочное планирование (внедрялись планы отраслевого и регионального развития), разумный протекционизм (помощь кооперативному движению и крестьянству). В публичной сфере проявились государственный контроль над СМИ и стремление ограничить масштабы политико-идеологического плюрализма. Социально-политическим идеалом голлизма была лояльность республиканским институтам и солидарность граждан в целях реализации общезначимых целей национального развития.

Профессор М.Ц. Арзаканян предлагает выделить в структуре голлизма три основных компонента. Первый – это личность самого де Голля, сначала военного, а затем политического и государственного деятеля. Второй компонент голлизма – это голлистское движение, основателем и бесспорным лидером которого генерал оставался в течение почти тридцати лет. Третий компонент – идеология голлизма, крупнейшее идейно-политическое течение современной Франции, совокупность внутривнутриполитических, внешнеполитических и социально-экономических воззрений [36]. Мы бы добавили от себя в качестве четвертого компонента голлизма созданный им тип политического режима, существовавший с 1962 по 1969 г., сочетавший в себе элементы бонапартизма, патримониализма, плебисцитарной демократии и популизма и опиравшийся на сформированные де Голлем политические стратегии и практики. Голлизм, как идеология, предполагал, среди прочего, и актив-

ный дипломатический курс, являвшийся продолжением внутренней политики.

Режим де Голля не может быть отождествлен только с президентализмом (хотя президенталистская модель лежала в его основании), и французский исследователь О. Дюамель выделяет следующие модификации президенталистского режима, возникшие уже после де Голля (президентализм которого после 1962 г., по мнению исследователя, имел абсолютный характер) при его преемниках на посту президента Франции: рационализированный президентализм (В. Жискара Д. Эстэн, Ф. Миттеран после 1988 г.), нейтрализованный президентализм (Ф. Миттеран в 1986–1988 гг., Ж. Ширак в 1997–2022) [12, р. 35–43].

2. Ультралиберализм – политическая и социально-экономическая идеология и стратегия, предполагающая продвижение экономических, политических и гражданских свобод путем последовательного преодоления влияния любых сдерживающих его факторов, включая государство, мнение социального большинства, консервативную мораль, несовершенное законодательство. Ультралиберализм связан с отказом от традиционной концепции социального государства – с замещением его моделью минимального государства («государства – ночного сторожа»).

3. Правый центризм – общественно-политическое течение, основывающееся на постепенных, эволюционных изменениях общества с преимущественным использованием механизмов консенсуса, с отношением к институтам и законам, исходящим из принципа преемственности.

4. Левый центризм – общественно-политическое течение, тесно связанное с идеями социальных реформ, социального прогресса и профсоюзным движением и при этом отказывающееся от революционного радикализма.

Методы, используемые в данном исследовании, – системный, институциональный и сравнительный анализ в контексте собственно политического анализа. Авторы применяют общую концепцию голлизма, разработанную некоторыми французскими авторами: Жаном Луи-Риццо [37], Франсисом Шуазелем [10] и Жаном Шарло [7]. Согласно мнению выше-названных авторов, режим де Голля был сфор-

мирован на основе консервативных ценностей, которые не исключали необходимого политического прагматизма и способности адаптироваться к ситуации. Конституция 1958 г., по мнению французских авторов, была высшим достижением политики Шарля де Голля, позволив ему занять позицию «над институтами и элитами» и осуществлять собственное лидерство. Указанные французские авторы также рассматривали политику де Голля как опирающуюся на синтез правых и левых идей и имеющую своей целью избежать обострения многолетнего раскола между французскими правыми и левыми. Наконец, согласно мнению тех же авторов, внутренняя политика режима де Голля (несмотря на пережитый им кризис), способствовала итоговой стабилизации институтов Франции. Принимая заявленный подход, авторы статьи пытаются выяснить, оказался ли Макрон способен реализовать подобную де Голлю стратегию и насколько аутентичен заявляемый им «голлистский курс», реализуемый на фоне новой стадии кризиса.

Макрон – сторонник инклюзивного капитализма. Он выражает волю определенной части бизнес- и управленческой элиты, в рамках которой существует консенсус относительно пересмотра долгое время действовавших принципов социально-экономической политики. Задача Макрона – глубже интегрировать Францию в общеевропейский и глобальный контекст, сохраняя за ней частичный национальный суверенитет [16].

Облегчение движения капитала, побуждение общества к инновационной активности, привлечение мигрантов с целью создания конкуренции на рынке труда, снижение роли фактора корпоративизма.

Предвыборная программа Макрона содержала элементы левого (увеличение минимального оклада и рост зарплат работников с низкими доходами, расширение услуг, оплачиваемых обязательной медицинской страховкой, увеличение числа учителей и сотрудников полиции, инвестиции в сельское хозяйство) и правого (либерализация рынка труда, отмена пенсионных льгот для госслужащих, снижение налога для наиболее обеспеченных граждан, упразднение 120 тыс. рабочих мест в бюджетном секторе, последовательное снижение дефицита госбюджета) толка.

Анализ. Кризис режима Э. Макрона и реализуемого им курса, особенно в первый период его президентства, проявился в различных секторах, таких как экономика, политика и социальная сфера.

Инфляция, безработица и покупательная способность. По данным Insee¹, инфляция во Франции имела очевидную тенденцию к росту. До января 2023 г. она достигла 6 % [43]. Кроме того, при правительстве Э. Макрона уровень безработицы во Франции также неудовлетворителен. По данным издания *Libération* [17], количество безработных во Франции в 2021 г. уже в тринадцать раз превысило количество вакантных мест. Уровень безработицы во Франции в 2018 г. оказался одним из самых высоких (9,1 %) в ЕС и даже выше, чем средний уровень безработицы в зоне ЕС, который составлял 7 % [22]. Между тем, что касается покупательной способности французов, то, по данным RMC [32], в прошлом году она достигла самого низкого уровня за последние 15 лет, особенно в категории покупательной способности недвижимости.

Бедность. Уровень бедности во Франции после одного года руководства Э. Макрона достиг показателя в 14,5 %, самого высокого во Франции начиная с 2012 года. Последнее, по мнению Янника л'Орти, экономического эксперта из Университета Париж-Эст [44], свидетельствует о том, что либеральная экономическая политика, проводимая Макроном, не является эффективным решением проблем экономики Франции – поскольку ее негативно оценивают 53 % французов [17].

Государственный долг. Другой серьезной экономической проблемой Франции в период президентства Э. Макрона является государственный долг. По данным *France Info* [11], огромная сумма государственного долга Франции (3 047 EUR млрд, или 112 % ВВП ко второму кварталу 2023 г.) сложилась в течение нескольких последних десятилетий благодаря политике, проводившейся предшествующими президентами и кабинетами министров, однако именно при Макроне этот фактор является особенно чувствительным, поскольку ограничивает пространство маневра действующей власти в области социально-экономической политики, не позволяя привлекать внешние кредиты и зарубежные инвестиции,

а также вынуждая проводить непопулярную политику жесткой экономии внутри страны, что проявляется в деятельности министра экономики Брюно ле Мэр, известного своей приверженностью либеральным подходам и имеющего репутацию проевропейски ориентированного консерватора. Последний, находясь на посту министра экономики и финансов, декларировал возвращение к повестке свободного рынка, что предполагало приватизации французских бюро по трудоустройству, прекращение субсидирования рабочих мест и уменьшение размера социальных пособий [32]. В результате попытки реализовать указанные меры экономическая опора курса Макрона на политическую стабилизацию и консолидацию французской нации была нарушена, что повлекло за собой и политические последствия [20].

Активность Франции в Африке, пусть и постепенно ограничивающаяся в масштабе, связана не только с геополитическими амбициями, но с интересами крупных французских компаний и с необходимостью сохранения доступа к стратегически значимым для французской экономики ресурсам (нефть, уран, редкоземельные металлы, биоресурсы и др.). Ослабление позиций Парижа в пределах так называемой «французской Африки» является дополнительным фактором, углубляющим современный кризис французской экономики и негативно влияющим на политическую систему страны.

Кризис ЕС. Кризис ЕС всегда плохо влияет на политику и экономику Франции, поскольку она и Германия являются двумя основными «моторами» Европейского союза. И наоборот, кризис, происходящий в этих двух странах, прямо или косвенно оказывает негативное влияние на ЕС.

Во время президентства Э. Макрона во Франции кризис ЕС был неразрывно связан с развитием ситуации в зоне ЕС. Негативными факторами стали успех популизма в некоторых странах – членах ЕС, таких как Австрия, Венгрия и Польша, финансовый кризис вследствие структурных проблем ряда членов ЕС, подобных Греции [7], а также энергетический кризис, вызванный противостоянием на Украине. В результате этого европейского кризиса экономика Франции, сильно за-

вязанная на ЕС, не может развиваться оптимальным образом [24].

Что касается роста уровня поддержки популистского тренда, то последний вдохнул подъем одноименного движения во Франции, имея в виду и крайне правую политическую партию под руководством Марин Ле Пен, *Rassemblement National* (RN). Эта партия получила значительное количество мест в парламенте на выборах 19 июня 2022 г. (89 мест), а ее лидер успешно прошел во второй тур президентских выборов во второй раз (соответственно в 2017 и 2022 г.).

Этот успех популистской партии на парламентских выборах был очевидно не выгоден для политики Э. Макрона. С 2022 г. его политическая партия даже потеряла абсолютное большинство в парламенте и вынуждена формировать новый альянс, следствием чего стали затруднения в реализации заявленного Макроном политического курса, что в итоге способствовало ослаблению французских политических институтов и правительства [23; 25]. Тем самым заявленное им в качестве цели укрепление государства и государственного суверенитета (что было бы вполне в голлистском духе) было поставлено под сомнение [19; 22].

Низкий уровень интеграции иммигрантов. Количество иммигрантов во Франции (одно из самых больших в ЕС) составляет 10,3 % от общего количества населения страны, что сравнимо сегодня только с Германией. Однако ситуация во Франции является более комплексной.

Иммигрант во Франции исторически является частью французской идентичности. Начиная с эпохи Второй империи Франция проводит политику интеграции жителей своих колоний в структуру французской нации. Как известно, во Франции формирование государства произошло раньше, чем формирование нации. Поэтому во Франции иммигранты, которые в основном были выходцами из бывших колоний Франции, являются реципиентами французской идентичности [27, р. 8–11]. По этой причине во Франции существуют популярные термины *black*, *blanc*, *beur*. Первое слово обозначает чернокожих французов, ведущих свое происхождение из Африки к югу от Сахары. Второе понятие используется для

обозначения белых французов, которые происходят из *Hexagon*², а последний термин – для обозначения арабских людей, которые в основном происходят из стран Магриба на севере Африки, а именно Алжира, Марокко и Туниса.

По мнению Неельсена [30], основная проблема иммиграции для политиков-популистов, скорее, связана с социокультурным и религиозным факторами. Иммигранты из Африки, например, имеют иную социокультурную и религиозную идентичность по сравнению с белыми французами родом из Гексагона. Таким образом, последнее, очевидно, связано с проблемами национализма и правого радикализма.

Ситуация осложнилась, когда во Франции разразился экономический кризис. Движение популистского типа может использовать эту ситуацию, чтобы обвинить иммигрантов с различным происхождением как один из факторов кризиса [7, р. 158]. Это может внести раскол во французское общество, снизить его стабильность и вызвать другие кризисы, политические и социальные.

Вышеуказанный кризис оказал негативное влияние на французское государство и общество, включая социально-экономическую незащищенность, кризис демократии и политическую нестабильность [26]. Тем самым курс Макрона на консолидацию французской нации вокруг государства, правительства и поставленных им задач также столкнулся с соответствующими затруднениями.

Социально-экономическая незащищенность. Социально-экономическая незащищенность является прямым следствием экономического кризиса, вызванного неспособностью режима Э. Макрона сохранить стабильность цен на товары массового спроса, повысить доходы французов (и особенно тех, кто относится к группам со средним и низким уровнем дохода) и обеспечить экономическое и финансовое благополучие государства в целом.

Недовольство происходящим регулярно выражалось французским народом путем организации массовых демонстраций в таких крупных городах, как Париж, Лион и Марсель. Реальным примером этого являются масштабные акции, проведенные «жилетами» (*gilets*

jaunes), которые стали общенациональной демонстрацией и оказали негативное влияние на политический имидж режима Э. Макрона, превратившись в символ национального кризиса во Франции во время президентства последнего [45]. Демонстранты считали, что Э. Макрон создал во Франции пирамидальную социальную систему, на вершине которой сидит сам глава государства [7, р. 18].

Правительства Э. Макрона (кабинеты Э. Филиппа, Ж. Кастекса, Э. Борн) стремились последовательно реализовывать заявленную президентом Франции программу (облегчение миграции, уменьшение социальных гарантий и льгот, снижение роли профсоюзов, уменьшение налогов на инвесторов и др.), которая не выходит за рамки неолиберальной стратегии; в то же время среди части исследователей (последователи Ф. Перру во Франции) существует мнение, что либеральная модернизация с уменьшением сферы ответственности государства не дает Франции шансов на реиндустриализацию и действительный социально-экономический прорыв и более обоснованной была бы политика в духе умеренного дирижизма и адресной поддержки нуждающихся социальных групп с целью их лучшей адаптации к происходящим изменениям и вызовам.

Так или иначе, инерция проводившейся во Франции в течение нескольких предшествующих десятилетий социально-экономической политики, традиции протестной самоорганизации масс, значительное влияние профсоюзов, мощное влияние «левых» сил – вкуче с влиянием мирового экономического кризиса, кризисом еврозоны, ростом мировых цен на энергоресурсы, дефицитом внешних инвестиций, пандемией COVID-19 и др. – не позволили правительству Макрона должным образом соединить динамику капитала и труда и запустить экономический рост. Отсутствие же устойчивого и ощутимого экономического роста законсервировало и обострило существующие десятилетиями социально-экономические проблемы, дополнительно стимулировало протестную активность.

Сложилось некое подобие «замкнутого круга» и для стабилизации ситуации с целью продолжения реформ (периодической смены премьер-министров для этого оказалось недо-

статочно) Макрону потребовалась апелляция к (нео)голлистской идеологии, к ценностям государственности и государственного суверенитета, с целью снять социальное напряжение и, насколько возможно, консолидировать французское общество. Однако убедить в массе своей протестно настроенное французское общество заключить новый «пакт лояльности» с правительством ради успеха реформ Макрону не удалось – слишком глубокими оказались не только социально-экономический, но также ценностно-мировоззренческий и идеологический кризисы, «кризис доверия» в отношениях общества и власти.

Кризис демократии. Кризис демократии во Франции при режиме Э. Макрона проявился в низком участии во всеобщих выборах – как парламентских, так и президентских. Число участников этого важного демократического процесса во Франции в прошлом году составило всего 73,6 % (1-й тур) и 71,99 % (2-й тур). Показатели участия снизились по сравнению с президентскими выборами 2017 г. (77,77 % для первого тура и 74,56 % для второго тура), а также с президентскими выборами 2012 г. (79,48 % для первого тура и 80,35 % для второго тура). Если говорить только о втором туре, то уровень участия в президентских выборах 2022 г. является самым низким начиная с 1974 г. [42].

Подобное значительное снижение уровня участия является очевидным свидетельством того, что доверие французов к политическому процессу во Франции и общей стратегии развития страны под руководством Макрона снизилось, что также подтвердило недоверие к проводимому им политическому курсу [39; 40].

Политическая нестабильность. Политическая нестабильность во Франции стала очевидной по результатам всеобщих выборов 2022 г., где некоторые крупные политические партии, традиционно доминировавшие в политике Франции, потеряли доверие своих сторонников. Этими политическими партиями были Республиканцы или *Les Républicains* (LR) и Социалистическая партия или *Parti Socialiste* (PS). Во втором туре президентских выборов 2022 г. даже не участвовали ни правоцентристские (LR), ни левоцентристские партии (PS), похоже на президентские выбо-

ры 2017 г., на которых Э. Макрон также выиграл у того же соперника, а именно у Марин Ле Пен.

Республиканцы (*Les Républicains*), представляющие правоцентристский спектр французского общества, не показали значительных результатов на последних всеобщих выборах. Республиканцы также не смогли выйти во второй тур президентских выборов ни в 2017, ни в 2022 году. То же самое относится и к политикам от Социалистической партии. Они утратили часть мест в парламенте, а их кандидат в президенты был дважды побежден в первом туре – как в 2017, так и в 2022 году. Плохие результаты на парламентских и президентских выборах двух крупных традиционных французских политических партий указывают на изменение политической карты Франции, когда многие французы, традиционно голосующие за консерваторов и социалистов, начали терять доверие к этим политическим партиям. Это изменение свидетельствует о нестабильности французской политики, где два крупнейших традиционных политических течения, а именно правоцентристы и левоцентристы, которые руководили страной попеременно в течение более 30 лет до 2017 г., значительно потеряли свое влияние еще до появления фигуры Э. Макрона в политике Франции [31]. Однако и «гибридная» стратегия Макрона переживает сегодня кризис [32].

При этом Макрон ограничен в своих действиях, и не только идеологически.

Он осознает, что для проведения патерналистской политики недостаточно ресурсов и ее продление снижает конкурентоспособность Франции. При этом он понимает, что проведение в жизнь его либеральной программы может столкнуться с сопротивлением французского общества и отсюда видит необходимость дополнительных политических инструментов для проведения его политики в жизнь.

Понимает, что на определенный переходный период, особенно на фоне обостряющихся кризисов и актуализирующихся вызовов, усиление роли французского государства как проводника модернизационного курса и одновременно стабилизатора ситуации неизбежна. При этом Макрон неплохо прочитывает слабости и дефекты современного французского государства и пытается апеллировать к иде-

ологии, которая обосновывает концентрацию в руках правительства особых (экстраординарных) полномочий, необходимых для успешных преобразований.

Французской республике нужна объединяющая и консолидирующая граждан вокруг властных институтов идеология, которой не может быть ни традиционный консерватизм (в связи со сменой ценностной повестки французского общества), ни либерализм (в силу неоднозначности либеральной повестки), ни левые идеологии (которые сам Макрон упрекает за безответственный социальный популизм).

Единственным вариантом такой объединяющей идеологии в условиях плюралистического французского общества, по его мнению, является голлизм, адаптированный к современным условиям. Голлизм, лишенный консервативного содержания, но апеллирующий к идеям суверенитета, уважения к правительственным институтам и гражданского единства (понимаемым применительно к современному контексту).

Кризис режима Э. Макрона и голлизм.

Политический режим Э. Макрона связан с реализацией особой модели политики. Эта модель в значительной степени ассоциируется с той политикой, которую когда-то проводил основатель Пятой республики – Шарль де Голль, и именно «голлизм» является той политической моделью, которой стремится следовать Э. Макрон. Апелляция к идеям голлизма и связанным с ними политическим практикам встречалась у многих французских президентов.

Интерес к использованию их Э. Макроном связан с тем, что последний представляет собой политика новой генерации, действующего в качественно иных условиях – когда переживают серьезный кризис традиционные политические идеологии (левые, правые), ослаблены политические партии и все чаще ставится под вопрос легитимность французского государства в его современной институциональной форме – французы все меньше связывают его с реализацией принципа «общего блага», к которому оно апеллирует; скорее напротив, участники возникающих протестных движений рассматривают государство в качестве силы, своей политикой разрушающей

основы привычного образа жизни, связанного с наследием «славного тридцатилетия».

Для предшественников Макрона апелляция к голлизму – скорее дополнительный способ легитимации своей власти и политического курса, у Макрона – реакция на возникший острый дефицит легитимности французского государства и его политики.

Уже с самого начала своей первой президентской кампании Э. Макрон воспроизводил в своей политике некоторые черты, присущие «голлизму» [33].

Сам голлизм – это известная модель в основе которой лежит политический опыт Шарля де Голля, первого президента Пятой республики. Эта политическая модель характеризуется сильной властью национального лидера, как это было задумано его создателем – Шарлем де Голлем [21]. Сам Шарль де Голль в начале своей политической карьеры (1945–1958) не смог заставить французский народ принять его политическую платформу и добился этого только во время кризиса в Алжире в 1958 г. [7, p. 24].

Переход от Четвертой республики к Пятой укрепил политический менталитет голлизма благодаря принятию новой Конституции. В Конституции 1958 г. была закреплена самая важная идея голлизма – «президентализм». Согласно этой Конституции, президент имеет много привилегий и превосходство над другими институтами, включая парламент, что обеспечивает ему значительные политические возможности [23, p. 59–61].

По мнению некоторых французских авторов, таких как Л. Риццо [37] и Ф. Шуазель [10], голлизм характеризуется твердой приверженностью «президентализму», сильной харизмой, политикой утверждения величия Франции, особой стратегией среднего пути, дирижизмом в экономике и прагматизмом в рамках общего политического курса. Между тем Дж. Шарло добавляет, что дирижизм, который Ш. де Голль реализовал в качестве подхода в экономике, является особой модификацией корпоративистской политики [7]. При этом собственно экономическая стратегия де Голля была по своему характеру не либеральной, но дирижистской, предполагая наличие у государства политики индустриализации и разумного протекционизма, которые стали ос-

нованием социально-экономического благополучия в рамках так называемого «Славного тридцатилетия» (фр. Les Trente Glorieuses) с 1946 по 1975 г. [9].

Политика Макрона, по мнению итальянского политолога Пьеро Пизарра, характеризуется ультралиберализмом в экономике, центризмом во внешней политике и прагматизмом в других смежных областях [8]. Эти характеристики можно сравнить с политикой Шарля де Голля, которой также соответствует либеральная по своему духу экономическая стратегия, независимая позиция в международной политике и некоторые прагматические черты подхода к формированию политики в различных секторах. Использование Э. Макроном голлистских по своему характеру и генезису подходов и стратегий в практической политике заслуживает специального анализа.

Общественно-политическое движение, претендующее на представительство всего французского народа. Первой подобной инициативой Э. Макрона в его первой политической карьере стало создание общественно-политического движения, которое также послужило инструментом его политической кампании на президентских выборах 2017 г. [34]. Это общественное движение под именем *En Marche*³, созданное в 2016 г., структурно было намного проще, чем политическая партия в целом, но имело хорошее финансирование благодаря широким связям Э. Макрона в банковской сфере. Это общественное движение было создано сверху, подобно объединениям в поддержку Шарля де Голля в первые годы своей политической карьеры (в 1950-х гг.).

Общественно-политическое движение под эгидой Э. Макрона также характеризовалось его позицией среднего пути или третьего пути [34]. С помощью этой концепции Э. Макрон стремился привлечь в свой лагерь людей из разных политических течений. Следуя центристской линии, Э. Макрон утверждал, что его политическое течение охватывает все лучшие стороны правых и левых [34, р. 188]. Фактически это был метод воспроизводства модели, использованной де Голлем более полувека назад, где он утверждал, что его политическая партия выходит за рамки разделе-

ния на правых и левых и представляет французский народ и нацию в целом [3, р. 57].

Тенденция выступать против крайних политических течений. Дискурс Э. Макрона во время его политической кампании подтверждал его оппозиционность крайним политическим течениям, и особенно крайне правым, которые во Франции представлены в основном Национальным объединением, или *Rassemblement National*⁴ (RN), под руководством Марин Ле Пен. В президентских дебатах второго тура в 2017 г. Э. Макрон даже считал, что позиция крайне правых может разделить французский народ и спровоцировать гражданскую войну [26].

Между тем в отношении крайне левых было сравнительно не так много проявлений политики Э. Макрона, направленной против них. Это связано с тем, что крайне левые (Коммунистическая партия) во Франции сегодня не являются мощной силой и не имеют значительного влияния на французскую политику. Одновременно с этим дискурс Э. Макрона показал, что он также находится в оппозиции к политическим идеям левого политического крыла (*La France Insoumise*) во главе с Жан-Люком Меленшоном.

Спор между Э. Макроном и Меленшоном в основном связан с социально-экономическими вопросами. Некоторые экономические и социальные аспекты политики Э. Макрона, такие как политика налогообложения и рентная система, рассматривались Меленшоном как действия исключительно в интересах богатых людей [29]. Он считал Э. Макрона глобалистским и капиталистическим президентом, которого не волнует положение в обществе среднего и низшего экономических классов.

Сильный президенциализм (культ сильной государственной власти в целом). Превосходство президента над другими институтами было гарантировано Конституцией 1958 г. с самого начала. Э. Макрон пытается укрепить его, доминируя почти во всех ключевых секторах активности государства, а не только в военной, оборонной и внешней политике. Это было подтверждено его решением заменить премьер-министра Эдуара Филиппа на Жана Кастекса в 2020 г., когда он обнаружил расхождение между политикой,

проводимой премьер-министром, и его собственной президентской волей [22].

В структуре режима Э. Макрона все традиционные сектора государственной политики находятся под контролем самого президента. Премьер-министры и его кабинет являются прямым продолжением власти Э. Макрона. Они могут функционировать только с разрешения и согласия Э. Макрона. Другими словами, политика режима Макрона – это политика доминирования президента [4], подобная той форме политического лидерства, которое практиковал в свое время отец-основатель Пятой республики Шарль де Голль (при определенных различиях в стратегии и идеологии).

Апелляция к концепции величия Франции с сильной военной мощью. Концепция величия Франции не связана напрямую с кризисом режима Э. Макрона. Тем не менее эта концепция используется Э. Макроном для обоснования своей модели лидерства и с расчетом на компенсаторный эффект для тех, кто тяжело переживает последствия этого кризиса.

Примером может служить решение Э. Макрона сохранить французское господство в Африке южнее Сахары. До сих пор там французская армия и валюта (африканский франк) [38]. Французская военная база там также функционирует для поддержания французского влияния на так называемую «черную», или Тропическую Африку.

Наличие африканского франка является формой финансовой монополии по отношению к другим странам. С помощью этой валюты Франция контролирует финансовое и валютное положение стран упомянутой географической зоны. Между тем все более явная неэффективность африканской политики, уступки прежних позиций на «Черном континенте» новым игрокам (Китаю, России, Турции) приводит к снижению популярности Макрона в глазах французов [5].

Склонность к прагматично-либеральной политике. Политика Макрона также характеризуется несоответствием между идеалом, который он часто провозглашал, и практикой. Политика Э. Макрона часто демонстрировала склонность к прагматизму на высоком уровне – как во внутренней, так и в международной политике [34]. Одним из

таких примеров является политика налогообложения.

Стратегия налогообложения, реализуемая под руководством Э. Макрона, соответствует интересам наиболее богатого класса. Это противоречит принципу солидарности, который он также провозглашал в своей политической кампании. Подобное противоречие спокойно воспринимается его сторонниками из класса буржуазии, но резко осуждается его сторонниками из среднего и низшего классов, что в итоге стимулирует их протестную активность и углубляет кризис [34, р. 18]. Таким образом, первоначально широкая социальная база оказывается расколотой, что разрушает возможности достижения общественного консенсуса в поддержку реформ Э. Макрона [18; 28].

Ставка на франко-германский альянс. Франко-германский альянс был создан Шарлем де Голлем и бывшим канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром в 1963 г. [27, р. 241]. Оба лидера согласились положить конец конфликту между двумя классическими западноевропейскими великими державами, а именно Германией и Францией. Они договорились начать новую серию отношений между двумя государствами и построить новую Европу, основанную на силе и потенциале франко-германского альянса. Для самого Шарля де Голля этот союз был важен как часть политики величия Франции. Ожидалось, что этот союз укрепит позиции Франции на международной арене [6].

После ухода Шарля де Голля с поста президента в 1969 г. его преемники сохранили и развивали франко-германский альянс. Этот альянс заложил основу для создания более крупного союза, многонациональной и включающей большое число государств организации в Европе, а именно Европейского союза.

Когда Э. Макрон занял президентское кресло в 2017 г., он стремился укрепить этот союз. Начало этому курсу было положено, когда он решил посетить Германию в качестве своего первого президентского визита за границу. Э. Макрон и его коллега из Германии, сначала Ангела Меркель, а затем Олаф Шольц, усилили интенсивность франко-германского сотрудничества и расширили его рамки. Оба лидера также совместно рабо-

тают над укреплением Европейского союза, повышая свою роль в этой организации [34].

Тем не менее франко-германский альянс сегодня может стать дилеммой для Франции. С одной стороны, Франция нуждается в Германии для решения европейских проблем, но с другой – более сильная позиция Германии в экономическом плане может снизить переговорную силу Франции, тем самым уменьшая ее влияние в Европе. Ситуация усугубляется еще и тем, что Германия также находится под влиянием США [6]. Как следствие, на политическое решение Германии в Европейском союзе также могут повлиять интересы США, что будет способствовать снижению роли Франции.

Результаты. Кризис во Франции в период президентства Э. Макрона связан со многими факторами: социальными, экономическими, политическими. Культурно-идентификационный кризис, протекающий ныне во Франции, связан с неспособностью режима Э. Макрона эффективно управлять поликультурностью и полиэтничностью французского народа. Эта неспособность затем привела к нестабильности французского общества на уровне национальной политики.

В экономике Франции кризис проявляется в низком уровне доходов французского населения, высокой инфляции, высоком уровне безработицы, значительном государственном долге и низком уровне покупательной способности. Подобный результат является следствием неэффективности либеральной экономической политики.

Макрон пытается решить комплексную задачу в ситуации ограниченных ресурсов, недостаточной готовности общества в постоянно изменяющихся условиях. Изменение условий также происходит в неблагоприятную сторону в связи с общим кризисом традиционных либеральных экономических стратегий. На наш взгляд, у Макрона присутствует идеализация либерального порядка и переоценка готовности французского общества его принять. Социальный кризис является следствием попытки форсировано внедрить либеральную модель социальной политики, разорвав с традиционной французской моделью.

Кроме того, кризис режима Э. Макрона также усугубился вследствие общей неблагоприятной

ситуации в общеевропейской политике. Франция при Э. Макроне, как один из главных гарантов европейского порядка и единства, оказалась неспособна найти фундаментальное решение проблемы еврозоны, как экономическое, так и политическое. Все это в совокупности негативно сказывается на внутривнутриполитической ситуации во Франции.

Вышеупомянутый кризис является результатом проводимой режимом Э. Макрона политики и соответствующей характеру голлизма, в котором можно усмотреть следующие черты: склонность к сильному президентству, тенденция к прагматично-либеральной политике и апелляция к концепции величия Франции для оправдания своей политики, сильная зависимость от франко-германского альянса, претензия представлять интересы всех французов и желание ослабить влияние крайних политических течений. При этом стратегия Макрона является по своей сути квазиголлистской, поскольку обслуживает глобалистский проект, но не проект, связанный с защитой полноты национального суверенитета Франции.

Можно предположить, что сильное государство нужно Макрону прежде всего как инструмент реализации интересов французского сегмента глобальной корпоратократии и уже во вторую очередь – как инструмент развития собственно Франции как общества и государства.

Режим Макрона может быть определен как слабый бонапартистский, поскольку полноценное и эффективное лавирование между различными заинтересованными группами и слоями французского социума действующему президенту Франции пока не удается. Патриониалистская и плебисцитарная составляющие в структуре его режима не играют существенной роли, поскольку для Макрона практически исключен выход за рамки модели «минимального государства» по причинам идеологического характера и в силу личной связи с интересами крупного, глобально ориентированного бизнеса.

Между тем сам Э. Макрон, признавая системный характер актуального французского кризиса, не способен предложить системного подхода к его урегулированию. Тем самым он оказывается в усиливающейся поли-

тической ловушке. Его первоначальная харизма, связанная с надеждами французов на его способность разрешить кризис с помощью экстраординарных средств, утрачивается вследствие отсутствия действительно «прорывных» решений. Апелляция к идее сильной государственности упирается в неспособность Франции реально поддержать статус мировой державы (примером чего, например, является утрата позиций в Африке).

При этом идея глубоких либеральных реформ уперлась в общественное сопротивление и в недостаточную эффективность французского государства. Использование же плебисцитарных механизмов едва ли является возможным вследствие растущей непопулярности Макрона. Из-за этого кризис во Франции углубляется, подтверждением чему становится драматичная реализация пенсионной реформы, и управленческие меры уже не приносят ожидаемого результата.

Политика Макрона, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что голлистская стратегия (центризм, суверенитет, просвещенный патриотизм с отсылкой к традициям национального величия) (в различных ее модификациях) может быть реализована при наличии минимального ценностного консенсуса и высокого уровня доверия общества к политическим лидерам (лидеру), которое переносится на властно-политические институты. Голлизм обосновывает доминирование властно-государственных институтов над обществом, политическим классом, политическими партиями и движениями – не позволяя указанным акторам своей активностью разрушить «фундамент» политической системы, служа страховочным механизмом для последней. Дает государству право на применение экстраординарных полицейских мер в целях защиты конституционного и политического порядка.

Таким образом, возможность реализации голлистской стратегии предполагает наличие следующих условий:

- кризис государственных институтов, ослабление механизма сдержек и противовесов;
- ситуационная слабость политических партий;
- снижение популярности основных политических идеологий (либерализм, социализм, консерватизм);

- снижение популярности национальной политической модели;

- наличие сильного и популярного харизматичного политика, не отягощенного ответственностью за предыдущие политические неудачи и готового стать лидером нации;

- способность этого лидера выдвинуть и последовательно реализовать политическую программу, которая должна одновременно являться:

- суверенитетской, разумно протекционистской, социально ориентированной; культивирующей уважение к национальной истории и традиционным ценностям, готовность учитывать и реализовывать запросы гражданского общества.

Без наличия этих условий институциональные и конституционные возможности, предоставленные главе государства в рамках президенталистской модели, не будут обеспечены в полной мере, и реализация неоголлистского курса, равно как и «перезагрузка» политической системы, будет невозможна. «Случай» Президента Эммануэля Макрона, на наш взгляд, это очевидным образом подтверждает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Institut National de la Statistique et des Etudes Economiques*. На русском языке: Национальный институт статистики и экономических исследований, государственное учреждение во Франции.

² Гексагон – это другое название для обозначения континентальной Франции, географически расположенной в Западной Европе, используемое, чтобы отличать ее от других французских территорий, расположенных за пределами Европы.

³ *En Marche* – это общественно-политическое движение, основанное Эммануэлем Макроном в 2016 году. После президентских выборов во Франции в 2017 г. это движение было изменено и стало политической партией с названием *La République en Marche* (LREM). Сегодня ее название *Renaissance*.

⁴ До 2018 г. название этой политической партии – *Front National*.

REFERENCES

1. Amaro S. France's Macron Loses Parliamentary Majority, Putting His Economic Reform Agenda at Risk. *CNBC*. URL: <https://www.cnb.com/2022/06/20/frances-macron-loses-parliamentary-majority-economic-reform-agenda-at-risk.html>

2. Arzakanyan M. *De Goll i gollistskoye dvizheniye vo Frantsii v borbe za priznaniye i vlast, 1940–1962 gg.* [De Gaulle and the Gaullist Movement in France in the Struggle for Recognition and Power, 1940–1962]. Moscow, IVIRAN, 2001. 442 p.
3. Arzakanyan M. *De Goll' o Gollisty, na puti k vlasti* [De Gaulle. Gollists on the Way to Power]. Moscow, Vysh. shk. Publ., 1990. 236 p.
4. Belaali M. La France sous le régime de Macron. *Agora Vox*. URL: <https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/la-france-sous-le-regime-de-macron-229935>
5. Bourgarel R., Fonlladosa P. Et pendant ce temps-la, en Afrique Tribune de Rémi Bourgarel et Patrice Fonlladosa sur les effets du Covid-19 sur le continent noir. *Opinion Internationale*. URL: https://www.opinion-internationale.com/2020/04/16/et-pendant-ce-temps-la-en-afrique-tribune-de-remi-bourgarel-et-patrice-fonlladosa-sur-les-effets-du-covid-19-sur-le-continent-noir_73380.html
6. Carrere d'Encausse H. *General de Goll i Rossiya* [General de Gaulle and Russia]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2019. 199 p.
7. Charlot J. *The Gaullist Phenomenon. The Gaullist Movement in the Fifth Republic*. New York, Routledge, 2022. 205 p.
8. Chernega V.N. Frantsuzskiy elity i pravleniye E. Makrona: Izmeneniya v ramkakh preymstvennosti? [French Elites and the Rule of E. Macron: Changes Within the Framework of Continuity?]. *Aktualnyye problemy Yevropy* [Current Problems of Europe], 2021, no. 3, pp. 164-187.
9. Chernikov G. Slavnoye tridtsatiletiye [Glorious Thirtieth Anniversary]. *Ekspert*. URL: https://expert.ru/expert/2010/01/slavnoe_tridtsatiletiye
10. Choisel F. *Comprendre le gaullisme*. Paris, L'Harmattan, 2016. 184 p.
11. Achilli J.-F. Dette publique?: l'équation impossible d'Emmanuel Macron. *Franceinfo*, 2022, Aug. 18. URL: https://www.franceinfo.fr/replay-radio/l-edito-politique/dette-publique-l-equation-impossible-d-emmanuel-macron_5246578.html
12. Demesmay C., Waechter M., Holzhauser T. Die Fuenfte Republik in der Krise? *Stiftung Bundespraesident-Theodor-Heuss-Haus*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q76kHb3x-48>
13. Ducastel J. *Charles de Gaulle: L'homme de la Resistance aux multiples facettes*. S.l., 50 minutes, 2015. 41 p.
14. Duhamel O. *Le pouvoir politique en France*. Paris, Editions du Seuil, 1993. 465 p.
15. Giscard d'Estaing?: «?La France souhaite être gouvernée au centre. ». *L'Histoire en citations*, 2017, Apr. 7. URL: <https://www.histoire-en-citations.fr/citations/giscard-d-estaing-la-france-souhaite-etre-gouvernee-au-centre>
16. Macron reconnaît ne pas avoir réussi «à réconcilier le peuple français avec ses dirigeants». *Capital*. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/macron-reconnait-ne-pas-avoir-reussi-a-reconcilier-le-peuple-francais-avec-ses-dirigeants-1315810>
17. Paul. Macron se prépare à une guerre civile hybride. *L'Échelle de Jacob*, 2022. URL: <https://echelledejacob.blogspot.com/2022/11/macron-se-prepare-une-guerre-civile.html>
18. Réforme des institutions de Macron : qu'en pensent les sénateurs ? *Public Sénat*, 2022, Apr. 27. <https://www.publicsenat.fr/actualites/non-classe/reforme-des-institutions-de-macron-qu-en-pensent-les-senateurs-204506>
19. G.D. avec AFP. Le pouvoir d'achat immobilier des Français chute en 2022. *RMC*, 2022, Dec. 15. URL: https://rmc.bfmtv.com/actualites/economie/le-pouvoir-d-achat-immobilier-des-francais-chute-en-2022_AD-202212150434.html
20. Gaman-Golutvina O.V., Solovyeva D.D. Kto upravlyayet Frantsiyey: 10 ministrov Makrona. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2023, no. 6, pp. 37-51. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.04>
21. Hentschel V. *Charles de Gaulle. Eine kurze Geschichte seines Lebens (1890–1970)*. Hildesheim, Georg Olms Verlag, 2016. 258 S.
22. Willsher K., Henley J. Jean Castex Replaces Édouard Philippe as French Prime Minister. *The Guardian*, 2020, July 3. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jul/03/edouard-philippe-resigns-prime-minister-of-france>
23. Knapp A., Wright V. *The Government and Politics of France*. London, Routledge, 2006. 557 p.
24. Kudryavtsev A.K. Frantsiya, udivlyayushchaya mir [France, Surprising the World]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no. 6, pp. 165-176. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.13>
25. L'Horty Y. Pourquoi la pauvreté a augmenté sous Emmanuel Macron. *Challenges*. URL: https://www.challenges.fr/economie/social/pourquoi-la-pauvrete-a-augmente-sous-emmanuel-macron_687237
26. LCI REPLAY – Débat de l'entre-deux-tours: Marine Le Pen / Emmanuel Macron. *Youtube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdIWgz0>
27. Lüsebrink H.-J. *Frankreich. Wirtschaft, Gesellschaft, Politik, Kultur, Mentalitäten*. Stuttgart, J.B. Metzler, 2018. 264 S.
28. Mag J., Stetler H., Zemmour M. La réforme des retraites d'Emmanuel Macron est une réelle guerre des classes. *Les Crises*. URL: <https://www.les-crisis.fr/la-reforme-des-retraites-d-emmanuel-macron-est-une-reelle-guerre-des-classes>
29. Mélenchon J.-L. Il est temps de taxer les profiteurs de crise! *Youtube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SZLbbUIVlns>

30. Neelsen J. Frankreichs Wirtschaft und die sozialen Herausforderungen. *Welt Trends*, 2022, S. 26-31.
31. Netter J.-J. Macron: un bilan Economique desastreux. *Institut des Libertés*. URL: <https://institutdeslibertes.org/macron-un-bilan-economique-desastreux>
32. Normand G. Politique économique/: les Français jugent sévèrement Macron. *La tribune*. URL: <https://www.latribune.fr/economie/france/politique-economique-les-francais-jugent-severement-macron-764871.html>
33. Obichkina Ye.O. Sotsialno-politicheskiy krizis vo Frantsii: «zholtyye zhilye» i zaversheniye «pervoy fazy» pravleniya E. Makrona [The Socio-Political Crisis in France: The Yellow Vests and the End of the First Phase of E. Macron's Rule]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2019, no. 2 (65), pp.101-135. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135>
34. Pedder S. *Révolution Française and the Quest to Reinvent a Nation*. London, Bloomsbury Continuum, 2019. 379 p.
35. Pisarra P. Emmanuel Macron, un marziano in politica? *Dialoghi*, 2017, no. 2, pp. 13-18.
36. de Rivet S., Guillot J., Clair A. Il y a treize fois plus de chômeurs que d'emplois vacants en France. *Libération*, 2021, Sept. 22. URL: https://www.liberation.fr/economie/il-y-a-treize-fois-plus-de-chomeurs-que-demplois-vacants-en-france-20210922_TOHGPIVLV5FABAP5NI5XH6GW3A/
37. Rizzo J.-L. *De Gaulle, le gaullisme et la République*. Paris, Editions Glyphe, 2021. 210 p.
38. Ruf W. Kolonialmacht Frankreich. *Welt Trends*, 2022, no. 194, S. 40-44.
39. Sciences Po. *Barometre de la confiance politique*. Paris, L'école Des Loisirs, 2019. 250 p.
40. Sciences Po. *En qu(o)i les Français ont-ils confiance aujourd'hui/? Le baromètre de la confiance politique*. Paris, L'école Des Loisirs, 2023. 234 p.
41. Shmelëva N.V. Prava cheloveka i natsionalnaya bezopasnost: Frantsiya v poiskakh resheniya migratsionnogo krizisa [Human Rights and National Security: France in Search of a Solution to the Migration Crisis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2018, no. 3 (60), pp. 104-125. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-3-60-104-125>
42. Statista Research Department. *Voter Turnout in the Presidential Elections in France 1965–2022*. Hamburg, Published by Statista Research Department, 2022. 230 p.
43. Tavernier J.-L. Insee Tableaux de l'économie française (TEF). *Economic Outlook*. Montrouge, Institut national de la statistique et des études économiques, 2023. 226 p.
44. Tavernier J.-L. *Insee. Tableaux de l'économie française (TEF)*. Montrouge, Institut national de la statistique et des études économiques, 2020. 226 p.
45. Wiewiorka M. Les «gilets jaunes», qu'est-ce que c'est? *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/les-gilets-jaunes-quest-ce-que-cest-108213>

Information About the Authors

Ahmad Mulyadi, Postgraduate Student, Department of Political Studies, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, shagdyr.suvan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6663-2774>

Sergei V. Biryukov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Center for Russian Studies, East China Normal University, N. Zhongshan Rd., 3663, 200062 Shanghai, China, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3047-842X>

Sergey N. Chirun, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Social and Political Sciences, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650055 Kemerovo, Russian Federation, Sergii-Tsch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Информация об авторах

Ахмад Муляди, аспирант кафедры политических исследований, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, shagdyr.suvan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6663-2774>

Сергей Владимирович Бирюков, доктор политических наук, профессор центра российских исследований, Восточно-Китайский педагогический университет, N. Zhongshan Rd., 3663, 200062 г. Шанхай, Китай, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3047-842X>

Сергей Николаевич Чирун, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественно-политических наук, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650055 г. Кемерово, Российская Федерация, Sergii-Tsch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

UDC 94(3)

LBC 63.3(0)4/41

Submitted: 26.02.2024

Accepted: 08.06.2024

FROM “PHILOSOPHY OF HISTORY” TO “HISTORICISM” IN THE STUDIES OF ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES IN RUSSIA: T.N. GRANOVSKII (1813–1855) AND V.G. VASILIEVSKII (1838–1899)

Dmitry N. Starostin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Elena V. Kuleshova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the problem of developing methods of historical research among Russian historians of the Middle Ages of the 19th century. *Methods and materials.* We used methods of studying historiography, developed by Russian scholars recently, as well as the ideographic method of historical inquiry. *Analysis.* In this article, an attempt is made to illustrate an important breakthrough in the views of Russian scholars of antiquity and the Middle Ages that occurred amid the 19th century. T.N. Granovskii and P.N. Kudriavtsev, whose formative years fell on the first half of the 19th century, started their studies of history with a belief that the knowledge of the concepts of the philosophy of history was critical for historical inquiry. But in the 1850s, T.N. Granovskii came to insist that any study of history must begin with the critical analysis, the “deconstruction” of the sources. V.G. Vasilievskii, a future scholar of Byzantium, established his studies in the 1860s on a thorough analysis of the monographs on Roman history that sought to deconstruct the myths of its early period. *Results.* It was shown that the philosophical and methodological divide, which started to show in the late articles of T.N. Granovskii, received a thorough development in the works of V.G. Vasilievskii, who did not consider the philosophy of history important and started his studies with the monographs that made the critique of sources and deconstruction of historical narratives the main research method, especially in the description of the epoch-making events during the creation of the Roman Empire and the time of its collapse in the West. *Authors' contributions.* D.N. Starostin was responsible for the investigation of the European authors' concepts and their comparison with those of Russian scholars, as well as for the work with archival materials. E.V. Kuleshova was responsible for analysis of the Russian historians' views in the context of the development of Russian historical thought.

Key words: T.N. Granovskii, P.N. Kudriavtsev, V.G. Vasilievskii, I.M. Grevs, historicism, philosophy of history, history of the Roman empire.

Citation. Starostin D.N., Kuleshova E.V. From “Philosophy of History” to “Historicism” in the Studies of Antiquity and the Middle Ages in Russia: T.N. Granovskii (1813–1855) and V.G. Vasilievskii (1838–1899). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 221–234. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

**ОТ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К ИСТОРИЗМУ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ АНТИКОВЕДЕНИИ И МЕДИЕВИСТИКЕ:
Т.Н. ГРАНОВСКИЙ (1813–1855) И В.Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ (1838–1899)**

Дмитрий Николаевич Старостин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Елена Владимировна Кулешова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье сделана попытка решить проблему формирования методов исторического исследования у отечественных историков-медиевистов XIX века. Актуальность проблемы определяется тем, что несмотря на ряд научных работ, посвященных истории развития исторической науки в России XIX в., ряд источников позволяют уточнить время ключевого методологического поворота в области изучения всеобщей истории в целом и Римской и средневековой истории в частности. *Методы и материалы.* Мы опирались на методы исследования историографии и исторической культуры в контексте мировоззрения эпохи, разработанные рядом современных исследователей, а также идеографический метод, целью которого является нахождение конкретно-исторических особенностей взглядов историков. *Анализ.* В статье была сделана попытка показать, что в воззрениях отечественных антиковедов и медиевистов на историю Римской империи в середине XIX в. произошел важный поворот. Если Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев начинали свои занятия с постулата о необходимости философии истории для изучения конкретных исторических сюжетов, то в 1850-е гг. уже сам Т.Н. Грановский указывал на необходимость начинать историческое исследование с критического анализа, «деконструкции» источников. В.Г. Васильевский взял в качестве фундамента своего обучения книги, основанные на методе критической деконструкции мифов о ранней Римской империи и об истории империи. *Результаты.* Показано, что поворот от «философии истории» к «позитивистскому» отношению к источникам стал проявляться уже в последних статьях Т.Н. Грановского, но получил полноценное развитие именно в занятиях В.Г. Васильевского, который отошел от веры в необходимость философии истории как начальной части исторического анализа и взял в качестве основного метода исследования критику источников и «деконструкцию» исторических нарративов, в особенности характерных для описания эпохальных событий времени создания Римской империи и времени ее распада на Западе. *Вклад авторов.* Д.Н. Старостин отвечал за анализ воззрений европейских историков и за сравнение их со взглядами российских историков, Е.В. Кулешова – за анализ воззрений отечественных историков в контексте развития отечественной культуры и исторической науки.

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, В.Г. Васильевский, И.М. Гревс, историцизм, философия истории, история Римской империи.

Цитирование. Старостин Д. Н., Кулешова Е. В. От философии истории к историцизму в отечественном антиковедении и медиевистике: Т.Н. Грановский (1813–1855) и В.Г. Васильевский (1838–1899) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 221–234. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

Введение. *Цель* настоящей статьи состоит в том, чтобы определить момент ключевого перелома от романтизма к «позитивизму» в фундаментальных основаниях истории в середине XIX в. у отечественных историков-медиевистов в области концептуальной базы и методологии проведения исторического анализа и, в особенности, в вопросе соотношения философских

проблем истории и практических методов ее исследования. *Задачами* работы является показать, на основании каких принципов отечественные медиевисты (которые иногда начинали как антиковеды) создавали свой подход к соотношению в своих работах как общефилософских положений о смысле истории, так и оценки конкретных источников.

Актуальность определяется тем, что в современных отечественных исследованиях по истории исторической науки был мало раскрыт процесс восприятия исторических концепций, разрабатывавшихся в Европе, отечественными учеными. Несмотря на современные работы в области создания отечественных антиковедения и медиэвистики [26, с. 120–182; 47, с. 114–145], по-прежнему мало изучен процесс смены исторической парадигмы от концепций истории эпохи Романтизма (еще в значительной степени построенных на идеях провиденциализма) к эпохе, в которой доминирующую роль стали играть идеи анализа источника и «деконструкции мифа», выказанные Б.Г. Нибуром и Л. фон Ранке.

Методы и материалы. Теоретическая база настоящей статьи в общем смысле основана на работах по теории истории культуры крупных зарубежных и отечественных историков [24; 25; 32; 49]. Будет использована методология источниковедческого анализа, описанная И.Г. Дройзеном и А.С. Лаппо-Данилевским, в которой основой является представление о значимости понимания конкретного человека в интерпретации и создании исторических текстов [32, с. 98; 49, S. 9]. В более конкретном смысле методологией является в первую очередь принцип исследования историографии в ее историческом и биографическом контексте, разработанном рядом современных исследователей: И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, Л.П. Репиной, М.С. Бобковой и др. [6; 41; 43; 46]. В частности, важным для нашей работы представляется метод исследования способов создания исторического нарратива в конкретных условиях эпохи. В основе этого лежит принцип воссоздания «творческой лаборатории» ученого-историка. Также используется идеографический метод, в рамках которого мы будем стремиться исследовать конкретные особенности исторических и методологических концепций авторов как феномен их личного вклада, их биографии и видения проблем в конкретный исторический момент. При исследовании формирования научных воззрений будут использованы методы, принятые при изучении отечественной исторической научной школы и «научной биографии ученых» [5; 21; 36–42; 44]. Нас будет интересовать нахождение клю-

чего для формирования своих научных концепций момента в жизни историков в окружавшем их общеевропейском и общероссийском научном контексте.

Положение в историографии вопроса о формировании фундаментальных философских и методологических положений в области античной и средневековой истории осложняется тем, что становление понятийного аппарата всеобщей истории в России XIX в. происходило в контексте сложных процессов радикального пересмотра и формирования научной парадигмы на Западе, ее восприятия ведущими отечественными специалистами, а также попытками отечественных историков рационально адаптировать идеи западных исследователей и дать их собственное прочтение [47, с. 112–174]. Можно ли говорить о смене научной парадигмы и о соотношении общефилософских вопросов понимания истории и методов источниковедческого анализа, как процессе, охватившем в середине XIX в. всю «российскую научную школу»? Этот вопрос актуально поставить потому, что отечественные ученые хорошо изучили процесс формирования научных школ [36; 37], используя, в частности, биографический метод [38; 40]. Но наше мнение состоит в том, что для рассматриваемого нами периода 2-й и 3-й четверти XIX в. как в отношении европейской, так и в отношении российской исторической науки было бы преждевременно говорить о школах. Это было время формирования школ, но оформились они позже [47, с. 112–174]. Причины этого были фундаментальными, потому что в это время в области римской и средневековой истории еще не сложилась однозначная методология исследования. В качестве точки отсчета для появления «российской исторической научной школы», существование которой было даже отмечено западными учеными и мыслителями, некоторые современные историки берут 1879 г. как время поворота в области создания интеллектуального сообщества историков на базе Московского университета, сообщества, состоявшего из В.И. Герье, его ученика Н.И. Кареева (временно преподававшего и в Варшавском университете), М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова и др. [39, с. 287].

Но даже с учетом современных научных работ плохо виден один фундаментальный, но малозаметный перелом в отечественной исторической науке, который сделал европейские концепции научной методологии истории, основанной на переосмыслении источников, частью концептуального и методологического аппарата отечественных историков. Мы попытаемся показать, что развитие антиковедения и медиэвистики в России в XIX в. прошло через этап осмысления, интерпретации и критики философии истории Дж. Вико и немецких классических философов эпохи Романтизма (И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга), прежде чем отечественные историки, опираясь на новые критические работы Б.Г. Нибура, Л. фон Ранке, А. Шwegлера и Ч. Меривела, начали включать строгую критику («деконструкцию») источников в свои исследования.

Анализ. Проблема взаимоотношения философии истории и истории Античности и Средневековья в первой половине XIX века. Для находящейся в процессе становления исторической науки в России остро стоял вопрос о выборе научной парадигмы среди нескольких, которые сформировались в контексте эпохи Просвещения. Преобладающий авторитет в области античной истории на тот момент имела концепция Э. Гиббона (1737–1794). Английский исследователь формулировал свою идею так: «Ткань могущественного государства, которое было выращено трудами последовательных поколений, не могла быть разорвана неудачей одного дня, если только фатальная сила воображения не преувеличила реальный размер несчастья» («The fabric of a mighty state which has been reared by the labours of of successive ages could not be overturned by the misfortune of a single day, if the fatal power of imagination did not exaggerate the real measure of the calamity») [50, p. 537]. Построенная на достижениях в области истории Римской империи, сделанных целой когортой ученых раннего Нового времени, эта концепция была построена на «трагическом нарративе» распада Западно-Римской империи и на поиске причин этого процесса. Выход «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в 1816–1817 гг. непрямым образом ввел концепцию Э. Гиббона о падении Римской империи в оборот у отечествен-

ных интеллектуалов и вызвал комментарии Н.М. Муравьева («Комментарии по поводу Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, 1818 г.) по поводу интерпретации причин ее падения, среди которых декабрист считал, как и Э. Гиббон, что «государственные бедствия могут иметь последствием и разрушение самого государства». Но он спрашивал также, «история может ли также утешать нас в государственных бедствиях, свидетельствуя, что бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось?» [35, с. 582]. Интерес к античной и средневековой истории (а не только к древним языкам) явился основой для появления с 1838 г. на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета первого профессора античной истории М.С. Куторги (сначала как экстраординарного профессора, а с 1859 г. как заслуженного профессора). Отметим, его диссертация о Перикле показывает, что он еще находился в рамках концепции Э. Гиббона, ища в античных государственных деятелях основу стабильности государства [1; 2; 45; 47, с. 142–174].

Основная проблема для отечественных исследователей XIX в. состояла в том, что в области исторической парадигмы в Европе, пережившей Великую Французскую революцию, наполеоновские войны, де-факто роспуск Священной Римской империи германской нации, велись активные поиски. Поскольку все исторические концепции европейского прошлого включали в себя историю античного мира и Римской империи, то именно формирование своего мнения и своей системы изложения этой истории стало важнейшей задачей для отечественных историков, что в особенности определялось философскими посылами идеи Э. Гиббона об «упадке и падении» Римской империи на Западе. П.Н. Кудрявцев захватил конец этого процесса, когда он писал в 1854 г.: «Римская история давно кончена, но для римской историографии далеко еще не видится конца впереди. Подумаешь, <так> она еще только началась и не успела установить ни одного твердого положения. Все еще так зыбко в ней, редкое положение не оказывается спорным, едва только определился один взгляд, как он тотчас возбуждает против себя множество противоречий. Воззрения, друг

другу противоположные, оспаривают друг у друга римскую историю» [29, с. 43]. Эти заключения отражали долгий процесс в области формирования исторической методологии в период с 1822 г. (когда начали выходить «Исследования по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, 1822–1831) [51] и по начало 1850-х гг., времени выхода ключевых монографий по истории Римского права того же Ф.К. фон Савиньи, по истории Рима Б.Г. Нибура, А. Шwegлера, Ч. Меривеля, каждая из которых отличалась по своим методологическим положениям [53; 54; 57; 58]. Именно эта проблема «парадигмы исторического исследования» в области проблемы перехода от Античности к Средневековью и заняла центральное положение к 1850-м годам. Крайне важное значение для понимания причин конца Античного мира имела концепция смены исторических эпох и цивилизаций, разработанная итальянским мыслителем Джамбаттиста Вико (1668–1744) [62].

Российские интеллектуалы и историки чутко отнеслись к новым веяниям в области философии истории, отразившимся особо в немецком Романтизме и классической философии. В течение первой половины XIX в. отечественные антиковеды и интересующиеся средневековой историей вынуждены были сначала, до обращения к конкретным историческим сюжетам, найти свое отношение и формулировки к вопросам, поставленным классиками школы Романтизма. Используя труды И.Г. Гердера, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля и других представителей этого направления, они в течение некоторого времени стремились более точно, чем ранее, определить «цели» истории.

Т.Н. Грановский и поворот от философии истории к историзму. Важнейшую роль в становлении философии и методологии истории, равно как и самой исторической науки, сыграл Т.Н. Грановский (1813–1855) [3; 4; 22; 23; 26, с. 169–177; 28; 33; 34]. В силу своего в целом хорошего знания истории и способности оперировать фактами и тенденциями И.Г. Гердер стал для Т.Н. Грановского одной из опор в его понимании истории. В его концепции, разработанной в 1784–1791 гг., европейское Средневековье было высшей точкой исторического процесса, начавшегося еще в Древнем мире, потому что оно соответство-

вало идее Г.В.Ф. Гегеля о согласии разнородных культур как стремление к идеалу [9, с. 440–442, 577–589, 607–608]. Т.Н. Грановский поэтому считал его «врагом... сухой теории прогресса» [12, с. 40], потому что тот перестал придерживаться «абстрактного представления об общей человеческой природе» [10, л. 9 об.]. Т.Н. Грановский также фактически поддержал идею Дж. Вико, потому что он резко проводил границы исторического процесса, отделив Средние века от Нового времени по причине принципиальной разницы между этими двумя эпохами [11, с. 122]. Стоит отметить, что именно таким образом, через немецких интеллектуалов-посредников, до отечественных историков доходили идеи Джамбаттиста Вико, изложенные им в работе [62].

Преимущественное влияние оказал на развитие философии истории в России Г.В.Ф. Гегель [48, с. 22–23], труды которого как крайне актуальные для российской действительности были представлены М. Бакуниным кружку Н.А. Станкевича [17; 18; 20; 27]. Немецкий философ, как сторонник характерной для эпохи Просвещения позиции, настаивал на линейности исторического прогресса и считал, что вся история человеческого общества движется к своему идеальному концу на основании заранее заданных имманентных идей [51].

С 1836 г. Т.Н. Грановский поддерживал связь с Н.В. Станкевичем и В.Г. Белинским, которые и явились первыми проводниками идей Г.В.Ф. Гегеля среди российской интеллигенции [22, с. 12]. В области практического применения общих идей истории в конкретных ситуациях он много взял от Л. фон Ранке, чьи лекциями был восхищен [22, с. 13]. Философию же истории он слушал у профессоров Э. Ганса (E. Gans, 1797–1839) и К.Ф. Вердера (K.F. Werder, 1806–1893), который был главным сторонником идей Г.В.Ф. Гегеля и который развивал их в своих лекционных курсах и монографиях [22, с. 14; 64]. В письмах к своему однокурснику по Санкт-Петербургскому университету В.Г. Григорьеву он писал: «1) о необходимости философии как науки; 2) ее способности к решению задач, перед ней стоящих; 3) диалектическом характере философии». Он советовал ему читать Гегеля, у которого, как он писал, «все объяснено» [22,

с. 15–16]. Прочитав «Философию истории» последнего, он был в смешанных мнениях о ней, соглашаясь в отношении ее античной части и высказывая сомнения в отношении Средневековья, что он и выразил в своем письме Н.В. Станкевичу и Я.М. Неверову 15 июля 1838 года [13, с. 358–359; 22, с. 18]. Но несмотря на некоторые сомнения, он полностью воспринял идею Г.В.Ф. Гегеля о будущей гармонической общественной жизни. Этой гармонии нельзя было достичь ни в Античном мире, ни в Средние века, потому что и античное рабство, и средневековые формы «феодальной зависимости» приводили только к социальной борьбе и делали гармоническое общество невозможным [22, с. 117–118].

Т.Н. Грановский считал труды Г.В.Ф. Гегеля основополагающими для понимания истории. Н.И. Кареев цитировал его: «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление ко всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться» [19, с. 51; 23, с. 13]. Явно под влиянием Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга он писал: «Весь прогресс человечества заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель его бытия яснее и определеннее» [12, с. 45]. Эти цитаты подтверждают, что для отечественных историков-медиевистов первой волны, таких как Т.Н. Грановский, философия истории играла крайне важную роль и основой этой философии была взятая у Г.В.Ф. Гегеля идея «исторического прогресса».

Интересовавшиеся античной и средневековой историей отечественные мыслители сразу столкнулись с необходимостью трактовать вопрос «возраста мира». Особо ярко идеи Вико (вероятно, через посредничество лекций и трудов Шеллинга) отразились в исторической концепции Т.Н. Грановского. Для него единообразными ступенями развития народов оказывался их возраст. То есть Грановский принял «возрастную» схему истории народов, ранее разработанную Джамбаттиста Вико, но упрощенную Г.В.Ф. Гегелем и Ф.В.Й. Шеллингом. Возрасты истории народа, по его мнению, могут быть охарактеризованы сравнением «ее эпох с возрастными человеческой жизни» – «младенчество», «юность», «возмужа-

лость» и «старость»; «каждый возраст образует особый период...» [12, с. 45–46]. В младенчестве народа «человек не может освободиться от природы, не имеет отдельного сознания» [10, л. 11 об.]. У народа, как он считал, фактически развивая мысль Вико и Шеллинга, в этот период в сущности нет истории, «историческое время открывается переходом из юношества к возмужалости... стремлением свободно и обдуманно создать и расширить свое бытие» [12, с. 45]. В этот период «человек освобождается от условий, кои его обременяли без его сознания, от влияния природы, которая определяла его жизнь и историю; тогда начинают развиваться разнообразные формы проявления жизни; начинается борьба прежнего с новым, борьба народа возмужалого с жизнью родового» [10, л. 1–1 об.], наступает период борьбы, обновлений, изменений, переворотов [12, с. 45]. Период возмужалости – это период расцвета народа, осуществления его исторической миссии, «народ совершает свое историческое назначение до тех пор, как жизнь его ослабевает» [10, л. 11 об.], дух устает и «истощенные силы перестанут производить новые явления... оцепенеют и потеряются. Тогда наступает старость народа», происходит его упадок, разложение [12, с. 45]: «Признаки его (<периода старости>) – равнодушие к обществу, отвращение от старины, распадение общества на частные политические интересы; государство перестает существовать как полный живой организм и делается механическим собранием частей» [10, л. 11 об.]. Мы видим концепцию Джамбаттиста Вико [63, р. 302], хотя Т.Н. Грановский не ссылаясь непосредственно на нее, либо потому что опирался на чьи-то лекции, либо потому, что сама эта монография была непопулярна в Германии и считалась католической пропагандой. Но в этих лекциях было заметно также и влияние И.Г. Гердера и Ф.В.Й. Шеллинга, потому идея об особом пути каждой культуры и отсутствии единого «плана» общества была в данном случае явно высказана.

Главным достижением исторических курсов М.С. Куторги (1809–1886) в Санкт-Петербургском университете, а также историко-философских изысканий Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева стало преодоление про-

блемы засилья философии истории и области науки об изучении прошлого [14, с. 24].

Влияние новых, «ранкианских» концепций, однако, было уже заметно в комментариях Т.Н. Грановского, который показал себя представителем новой, нибуrowsкой школы (которая была ранкианской по сути). В особенности это было связано с тем, что уже с 1841 г. философское учение Г.В.Ф. Гегеля о цели истории виделось как крайне опасное. Ч. Хенгестенберг, ведущий философ пиетистского направления, писал о необходимости атаковать любые его успехи [59, р. 249]. Поэтому не удивительно, что Т.Н. Грановский тоже стал переосмысливать свое отношение к философии истории как таковой. Стоит помнить, что Т.Н. Грановский уехал из Берлина с отчасти критическим отношением к философии истории («Время, посвященное мною в Берлине философии, решительно потеряно») [13, с. 358; 22, с. 19]. Цитируя Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцев повторял его мысль, что Б.Г. Нибура (опираясь на методы критического анализа источников. – Д. С.) разрушил римскую историю, так же как А. Вольф разрушил образ Гомера [31, с. 8]. Он упоминал также рецензию А. Шлегеля на выход 1-го тома «Римской истории» Нибура, в которой тот подчеркнул, что главным достижением последнего было умение не просто учить историков запоминать источники, а анализировать прошлое с учетом всего комплекса знаний по исследуемому периоду [31, с. 19]. П.Н. Кудрявцев признал метод А. Шwegлера по деконструкции «фактов» ранней римской истории как основы для исследований, и согласился с оценкой корпуса нарративных источников по Римской истории как «саги» [30]. Фактически рецензия Т.Н. Грановского на монографию П.Н. Кудрявцева, его речь, а также статья последнего отражали преодоление интереса в России к абстрактной философии истории Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля параллельно с появлением уже строго разработанных исторических концепций, в которых идеи классических немецких философов были отодвинуты на задний план в пользу методологии критики и «деконструкции» источников Л. фон Ранке. И.М. Гревс писал об этом влиянии Л. фон Ранке на Т.Н. Грановского и затем на своего учителя, В.Г. Васильевского [16, л. 142].

Таким образом, в отличие от эпохи Н.М. Карамзина, когда тот мог ссылаться только на один труд по Античной истории, Т.Н. Грановский к концу своей жизни уже застал и сумел поучаствовать в новом периоде развития историографии, который начался после философского переосмысления смысла и целей изучения истории, представленных в трудах классиков немецкой философии эпохи Романтизма И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга, а в случае уже конкретных проблем изучения истории Рима и Средневековья Ф.К. фон Савиньи, Л. фон Ранке, Б.Г. Нибура, А. Шwegлера и Ч. Меривела.

«Историзм» Л. фон Ранке и его отношение в трудах отечественных медиевистов. Можно предположить, что на методы критики книги П.Н. Кудрявцева Т.Н. Грановским и на представления последнего об исторической методологии значительное влияние оказал Л. фон Ранке (лекции которого тот слышал), который в своих исторических трудах наметил методы подхода к проблеме «смысла истории» и «конца истории». Этот немецкий историк более всего известен своей максимой «рассказать историю, как это было на самом деле» («wie es eigentlich gewesen»), которая стала философским принципом фактически для всех историков XIX века. Стоит помнить, что принцип критики источников уже в 1710 г. выразил Джамбаттиста Вико. В своем сочинении итальянский философ сформулировал максимум «verum esse ipsum factum», которая обычно переводится как «истина и сама сконструирована» [60; 61, р. 48–52]. В 1824 г. Л. фон Ранке пошел еще дальше, на примере истории Гвиччардини заявив, что история конструируется (как, например, стихи) [56, S. 7]. Значимость и популярность Л. фон Ранке происходила от его способности к деконструкции заданных, устоявшихся исторических парадигм. Центральным для начала его изысканий был вопрос, откуда же идет знание событий, которое многие принимают за общее знание [56, S. 5]. Он отвечал на свой вопрос, что все историческое знание идет от конкретных историков («Sie geht von den Geschichtsschreibern aus, die zugleich die umfassenderen und berühmteren schienen») [56, S. 5]. Это следовало понимать, как предложение собирать и анализировать ис-

точные и внимательно ограничивать выводы именно рамками конкретных повествований.

Нам особо хотелось бы отметить, что, вероятно, первым историком, который полностью и последовательно опирался в своих работах на принципы исследования и деконструкции источника Л. фон Ранке и Б. Нибура, был В.Г. Васильевский (1838–1899). Как показывает его биография, он научился методам работы с источниками, опираясь в первую очередь на монографии 3 историков в области истории Рима, специалистов именно по источниковедческому анализу: Б.Г. Нибура, А. Шwegлера и Ч. Меривеля [58; 53]. Более того, можно предположить, что он разрабатывал свои методы и концепции истории, отталкиваясь от заявления Б.Г. Нибура о том, что практически вся история Рима до I в. до н. э. является недостоверной в силу позднего появления в Риме историописания и что нельзя быть уверенным в сообщениях о первых веках римской истории [55, S. 11]. Именно у А. Шwegлера была воплощена идея Б.Г. Нибура, который в своей монографии подчеркнул недостоверность информации о Риме до I в. до н. э. [58, Bd. 2, S. 1]. Ч. Меривел не рассматривал империю как полностью новаторскую конструкцию, видя в формах власти эпохи Цезаря и Августа лишь конструкцию, созданную из ряда традиционных институтов [53, vol. 3, p. 425]. Таким образом, ее «распад», как он имплицитно предполагал, можно было не рассматривать столь трагически.

И.М. Гревс, автор этой биографии, подчеркивал, что в особенности «Римская история» А. Шwegлера и «История римлян в эпоху империи» Ч. Меривеля имели критическое значение для формирования В.Г. Васильевского как исследователя [16, л. 158; 7]. Заметим, что первоначальный план В.Г. Васильевского по написанию магистерской диссертации состоял именно в источниковедческом анализе и сравнении сообщений Полибия и Тита Ливия о ранней римской истории. Даже для 1862 г. это была новая идея, которую еще не успел рассмотреть К. Льюис [52, p. vi]. А состоявшаяся магистерская диссертация В.Г. Васильевского была посвящена теме тирании в греческом полисе III в. до н. э. и политическим программам Агиса IV, Клеомена III и Арата Сикионского, в которой можно было

увидеть намеки на сходство между политической борьбой в греческих городах и в Риме [8; 16, л. 168–177]. Несмотря на то что этой теме было посвящено много внимания в сочинении Б.Г. Нибура, на которое написал развернутую рецензию Т.Н. Грановский [15, с. 102–107; 26, с. 172–173], подход самого В.Г. Васильевского был оригинальным. И.М. Гревс сообщает, что последний сказал ему в личном разговоре, что назвал бы свою диссертацию «Арат и Клеомен», подчеркивая, в отличие от Б.Г. Нибура, роль личности в истории [16, л. 168].

Заметим, что уже в 1862 г. речи не шло ни о философии истории Гегеля и Шеллинга (как это еще было у Т.Н. Грановского), ни даже о Нибуре, а о работах, в основе которых лежала критика источников и уверенность в том, что мы практически ничего не знаем об истории Рима до I в. до н. э. [16, л. 144]. И.М. Гревс в своей биографии очень ясно показывает, что В.Г. Васильевский начал не с философской концепции истории, а с критического анализа ее источников. Более того, из биографии видно, что он не принял телеологическую и эсхатологическую схему Э. Гиббона, взяв за основу своих представлений концепцию стадийного развития Рима в эпоху Республики и Империи [16, л. 149–152].

Результаты. В воззрениях отечественных историков на историю Римской империи в середине XIX в. произошел важный поворот. Г.С. Кнабе считал, что это был поворот, при котором национальное самосознание стало играть при изучении Античной Древности первичную роль. Но этот тезис можно уточнить. Несмотря на то что сторонники «философии истории» (Т.Н. Грановский) группировались в основном вокруг Московского университета, а «позитивизм» в области источниковедения стал развиваться, начиная с В.Г. Васильевского, в Санкт-Петербургском университете, дело тут не в культурных различиях между этими двумя центрами интеллектуальной жизни в России. Дело было именно в ключевом повороте в западноевропейской науке, который В.Г. Васильевский смог глубоко прочувствовать и сразу применить, в то время как двумя десятилетиями раньше Т.Н. Грановский уехал из Берлина, как он сам писал, не поняв, как реально использовать на практике изучавшийся им философ-

ский подход к истории. Если Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев начинали свои занятия с постулата о необходимости философии истории для изучения конкретных исторических сюжетов, то в 1850-е гг. уже сам Т.Н. Грановский указывал на необходимость начала истории с критического анализа, «деконструкции» источников. Но именно В.Г. Васильевский с момента своего студенчества вырос как последовательный сторонник методологии, построенной на источниковедческом анализе, начав свое обучение с книг, основанных на методе критической деконструкции мифов о ранней Римской истории и об истории империи. Использование этих новых трудов В.Г. Васильевским и его последователями к 1860-м гг. означало поворот в отечественных антиковедении и медиевистике от «гегельянства» и «шеллингианства» к исследованию и «деконструкции» источников как основы исторического анализа. Именно это обеспечило большую популярность курсов по истории Римской империи и западноевропейского Средневековья среди студенчества Санкт-Петербурга и Москвы и в долгосрочной перспективе привело к появлению ряда историков, чьи работы имели значимость для европейской науки. Этот принцип поиска новых источников, которые могут полностью разрушать сложившиеся концепции, который стал доминирующим в европейской исторической науке к 1870-м гг., определил все достижения В.Г. Васильевского и способствовал изданию им новых источников и пересмотру ряда важнейших тем истории Средних веков и византийской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов М. А. Исторические взгляды П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского и М.С. Куторги // *Очерки исторической науки в СССР*. М.: Наука, 1955. Т. 1. С. 450–460.
2. Алпатов М. А. Мироззрение М.С. Куторги и его концепция истории древней Греции // *Вестник древней истории*. 1955. № 3. С. 179–198.
3. Алпатов М. А. Труды Т.Н. Грановского // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М.: Наука, 1955. Т. 1. С. 443–450.
4. Асиновская С. А. Архив Грановского // *Записки отдела рукописей Государственной Библиотеки им. В.И. Ленина*. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1959. Вып. 21. С. 3–32.
5. Бамбизова К. В. Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса: конец XIX – начало XX века // *Мир историка: историографический сборник*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 10. С. 213–243.
6. Бобкова М. С. Понятие «историописание» в трудах М.А. Барга и современная история исторического знания // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2016. Т. 8. С. 147–158.
7. Васильевский В. Г. Отчет // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1864. С. 466–472.
8. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Греции в период ее упадка. СПб.: Печ. В. Головина, 1869. 326 с.
9. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
10. Грановский Т. Н. История средних веков. [Публичный] курс 1843/44 гг. // *Отдел письменных источников Государственного исторического музея*. Ф. 345. Ед. хр. 17. 248 л.
11. Грановский Т. Н. Лекции по истории позднего Средневековья / подгот. текста С. А. Асиновской и Л. А. Никитиной. М.: Наука, 1971. 340 с.
12. Грановский Т. Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 240 с.
13. Грановский Т. Н. Переписка. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. 496 с.
14. Грановский Т. Н. Сочинения. М.: Изд. А.И. Мамонтова, 1900. 659 с.
15. Грановский Т. Н. Чтения Нибура о древней истории // *Сочинения*. М., 1900. С. 42–107.
16. Гревс И. М. В.Г. Васильевский. Профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899) // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 103–264.
17. Ерыгин А. Н. Гегель и русская мысль (тема истории и культуры). Ростов н/Д: ЦВВР, 2003. 78 с.
18. Ерыгин А. Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов н/Д: Изд. ЮФО, 2012. 214 с.
19. Жукова О. А. На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. 205 с.
20. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999.
21. Каганович Б. С. Русские историки средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. 39 с.
22. Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М.: Мысль, 1988. 189 с.
23. Кареев Н. И. Историческое мирозерцание Грановского. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1896. 72 с.

24. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох. СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз – Ефрон, 1903. 304 с.
25. Кареев Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800): Введение в историю XIX века: (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII вв.). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 176 с.
26. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. Программа лекционного курса. М.: РГГУ, 2000. 238 с.
27. Коган Л. А. О понятии «русское гегельянство» // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 100–111.
28. Косминский Е. А. Жизнь и деятельность Т.Н. Грановского // Вестник МГУ. 1956. № 1. С. 119–128.
29. Кудрявцев П. Н. Древнейшая римская история по исследованию Швеглера // Отечественные записки. 1854. Т. 43, ч. 3. С. 43–74.
30. Кудрявцев П. Н. Древнейшая Римская история по сочинению А. Швеглера // Сочинения. М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1853. Т. 1. С. 99–238.
31. Кудрявцев П. Н. О достоверности истории. Достовернее ли становится история? Записка, представленная в Академию Наук президентом ея графом С.С. Уваровым // Сочинения. М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1853. Т. 1. С. 1–32.
32. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010.
33. Левандовский А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.
34. Милюков П. Н. Университетский курс Грановского // Из истории русской интеллигенции. СПб.: Знание, 1903. С. 212–265.
35. Муравьев Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Литературное наследство. М.: Отделение языка и литературы Академии Наук СССР, 1954. Вып. 59, кн. I. С. 582–595.
36. Мягков Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 328–335.
37. Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной). М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.
38. Мягков Г. П., Иванова Т. Н. Биографика: этапы дисциплинарного становления // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 25–32.
39. Мягков Г. П., Иванова Т. Н., Корзун В. П. 1879 год как контрапункт формирования «русской исторической школы» // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2022. С. 260–292.
40. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 25–32.
41. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
42. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Круг, 2005. С. 5–18.
43. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. М.: Наука, 2003.
44. Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) // Портреты историков. Время и судьбы. В 3 т. Т. 3: Древний мир и средние века. М.: Унив. кн., 2004. С. 336–360.
45. Скворцов А. М. Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 24 с.
46. Суриков И. Е., Сидорович О. В., Шкаренков П. П. История и память = History and memory: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круг, 2006. 763 с.
47. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006. 616 с.
48. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 409 с.
49. Droysen J. G. Grundriss der Historik. Jena: Freidrich Frommen, 1858. 27 S.
50. Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. London: Penguin Viking, 1980. 693 p.
51. Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Berlin: Duncker und Numblot, 1848. 569 S.
52. Lewis S. J. C. An inquiry into the Credibility of the Early Roman History. London: J. W. Parker, Son, 1855. 551 p.
53. Merivale C. History of the Romans under the Empire: in 7 vols. London: Longmans, 1852–1862.
54. Niebuhr B. G. Römische Geschichte: in 3 Bde. Berlin: G Reimer, 1828.
55. Niebuhr B. G. Römische Geschichte. Bd. 2. Berlin: S. Calvary, 1873. 547 S.
56. Ranke L. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. G Reimer, 1824. 202 S.
57. Savigny F. K. v. Geschichte des römischen Rechts: in 6 Bde. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1815–1831.

58. Schwegler A. *Römische Geschichte im Zeitalter der Könige*: in 3 Bde. Tübingen: Laupp, 1853.

59. Stepelevich L. S. Hegelian Nihilism: Karl Werder and the Class of 1841 // *The Philosophical Forum*. 2015. Vol. 46, iss. 3. P. 249–273.

60. Vico G. *De antiquissima Italorum sapientia ex linguae originibus eruenda libris tres*. Naples: Typographia Felicis Mosca, 1710. 138 p.

61. Vico G. *On the Most Ancient Wisdom of the Italians Unearthed from the Origins of the Latin Language, including The Disputation with “The Giornale De” Letterati D’Italia (1711) / tranl. L. M. Palmer*. Ithaca: Cornell University Press, 1988. 198 p.

62. Vico G. *Principi di scienza nuova*. Naples: Stamperia muziana, 1744. 526 [516] p.

63. Vico G. *The New Science of Giambattista Vico*. Translated from the third edition (1744) / trans. by T. G. Bergin, M. H. Fisch. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1948. 494 p.

64. Werder K. F. *Logik: Als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik*. Berlin: Veit, 1841. 231 S.

REFERENCES

1. Alpatov M.A. *Istoricheskie vzgljady P.N. Kudrjavceva, S.V. Eshevskogo i M.S. Kutorgi* [Historical Views of P.N. Kudrjavcev, S.V. Eshevskii and M.S. Kutorga]. *Oчерки исторической науки в СССР* [Essays of the Science of History in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1955, vol. 1, pp. 450-460.

2. Alpatov M.A. *Mirovozzrenie M.S. Kutorgi i ego koncepcija istorii drevnej Grecii* [The Worldview of M.S. Kutorga and His Concept of the History of Ancient Greece]. *Vestnik drevnej istorii* [Herald of Ancient History], 1955, no. 3, pp. 179-198.

3. Alpatov M.A. *Trudy T.N. Granovskogo* [The Works of T.N. Granovskii]. *Oчерки истории исторической науки в СССР* [Essays of the Science of History in the USSR]. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 443-450.

4. Asinovskaja S.A. *Arhiv Granovskogo* [The Archive of Granovskii]. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoi Biblioteki im. V.I. Lenina* [Reviews of the department of manuscripts of the State Literature Library]. Moscow, Gosudarstvennaia ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, 1959, iss. 21, pp. 3-32.

5. Bambizova K.V. *Obraz istorika i ego remesla glazami istorika-medievista I.M. Grevs: konec XIX – nachalo XX veka* [The Image of a Historian and His Profession in the Eyes of Medievalist I.M. Grevs: End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [The World of a Historian: A Historiographical Collection of Articles]. Omsk, Izd-vo OmGU, 2005, iss. 10, pp. 213-243.

6. Bobkova M.S. *Ponjatie «istoriopisanie» v trudah M.A. Barga i sovremennaja istorija istoricheskogo znaniya* [The Concept of History-Writing in the Works of A.V. Barg and Modern History of the Historical Knowledge]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij almanah* [People and Texts, Historical Almanac], 2016, vol. 8, pp. 147-158.

7. Vasilyevskij V.G. *Otchet* [A Report]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshchenia* [Journal of the Ministry of People’s Education], 1864, pp. 466-472.

8. Vasilyevskij V.G. *Politicheskaja reforma i socialnoe dvizhenie v Grecii v period ee upadka* [Political Reform and Social Movement in Greece in the Period of Its Decline]. Saint Petersburg, Pech. V. Golovina, 1869. 326 p.

9. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Humanity]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p.

10. Granovskij T.N. *Istorija srednih vekov. (Publichnyj) kurs 1843/44 gg.* [History of the Middle Ages. A Public Course 1843/1844]. *Otdel pismennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Department of Written Sources, State Historical Museum], f. 345, dep. item 17. 248 l.

11. Granovskij T.N. *Lekcii po istorii pozdnego Srednevekovyia* [Lectures on the History of the Late Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 340 p.

12. Granovskij T.N. *Lekcii T.N. Granovskogo po istorii Srednevekovyia* [The Lectures of T.N. Granovskii on the History of the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 240 p.

13. Granovskij T.N. *Perepiska. T. 2* [Letters. Vol. 2]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova, 1897. 496 p.

14. Granovskij T.N. *Sochineniia* [Works]. Moscow, Izd. A.I. Mamontova. 1900. 659 p.

15. Granovskij T.N. *Chteniia Nibura o drevnej istorii* [Niebuhr’s Readings on Ancient History]. *Sochineniia* [Works]. Moscow, 1900, pp. 42-107.

16. Grevs I.M. *V.G. Vasilyevskij. Professor i akademik. Opyt biografii (1838–1899)* [V.G. Vasilievsky, Professor and Academician. Experience of Biography (1838–1899)]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Academy of Sciences], f. 726, inv. 1, dep. item 22, l. 103-264.

17. Erygin A.N. *Gegel i russkaja mysl (tema istorii i kultury)* [Hegel and Russian Thought (Theme of History and Culture)]. Rostov-on-Don, TsVVR, 2003. 78 p.

18. Erygin A.N. *Filosofija istorii Gegelja i russkaja mysl XIX veka* [Hegel’s Philosophy of History and Russian Thought of the 19th Century]. Rostov-on-Don, Izd. IuFO, 2012. 214 p.

19. Zhukova O.A. *Na puti k russkoj Evrope. Intellektualy v borbe za svobodu i kulturu v Rossii*

[On the Path To Russian Europe: The Intellectuals in the Struggle for Freedom and Culture in Russia]. Moscow, Fond «Liberalnaja missija», 2013. 205 p.

20. Zenkovskij V.V. *Istorija russoj filosofii: v 2 t.* [History of Russian Philosophy. In 2 Vols]. Moscow, AST; Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999.

21. Kaganovich B.S. *Russkie istoriki srednevekovyja i novogo vremeni (konec XIX – pervaja polovina XX v.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian Historians of the Middle Ages and Modern Times (End of the 19th Century – First Half of the 20th Century). Dr. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 1995. 39 p.

22. Kamenskij Z.A. *Timofej Nikolaevich Granovskij*. Moscow, Mysl Publ., 1988. 189 p.

23. Kareev N.I. *Istoricheskoe mirosozercanie Granovskogo* [The Historical Worldview of T.N. Granovskii]. Saint Petersburg, Tipo-litografija B.M. Volfa, 1896. 72 p.

24. Kareev N.I. *Obshhij hod vseмирnoj istorii: ocherki glavnejshih istoricheskikh epoh* [The General Course of World History: Essays on the Most Important Historical Eras]. Saint Petersburg, Tip. Akts. O-va Brokgauz-Efron, 1903. 304 p.

25. Kareev N.I. *Filosofija kulturnoj i socialnoj istorii novogo vremeni (1300–1800): Vvedeniye v istoriju XIX veka: (Osnovnye ponjatija, glavnejshie obobshhenija i naibolee sushhestvennye itogi istorii XIV–XVIII vv.)* [Philosophy of Cultural and Social History of Modern Times (1300–1800): Introduction to the History of the 19th Century (Basic Concepts, Key Generalizations, and Most Significant Results of the History of the 14th – 18th Centuries)]. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasjulevicha, 1893. 176 p.

26. Knabe G.S. *Russkaja antichnost. Soderzhanie, rol i sudba antichnogo nasledija v kulture Rossii. Programma lekcionnogo kursa* [Russian Antiquity. Contents, Role, and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia. Lecture Course Program]. Moscow, RGGU, 2000. 238 p.

27. Kogan L.A. O ponjatii «russkoe gegelyjanstvo» [On the Notion of “Russian Hegelianism”]. *Voprosy filosofii*, 1975, no. 6, pp. 100-111.

28. Kosminskij E.A. Zhizn i dejatel'nost' T.N. Granovskogo [The Life and Work of T.N. Granovskii]. *Vestnik MGU* [The Herald of Moscow State University], 1956, no. 1, pp. 119-128.

29. Kudrjavcev P.N. Drevnejshaja rimskaja istorija po issledovaniju Shveglera [Ancient Roman History According to A. Schwegler]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland's Reviews], 1854, vol. 43, pt. 3, pp. 43-74.

30. Kudrjavcev P.N. Drevnejshaja Rimskaja istorija po sochineniju A. Shveglera [Ancient Roman History According to A. Schwegler]. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Izd. tip. A.A. Kartseva, 1853, vol. 1, pp. 99-238.

31. Kudrjavcev P.N. O dostovernosti istorii. Dostovernee li stanovitsja istorija? Zapiska, predstavennaja v Akademiju Nauk prezidentom eja grafom S.S. Uvarovym [On the Veracity of History. Is History Becoming More Veracious? A Note Submitted to the Academy of Sciences by Its President, Count S.S. Uvarov]. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Izd. tip. A.A. Kartseva, 1853, vol. 1, pp. 1-32.

32. Lappo-Danilevskij A.S. *Metodologija istorii. V 2 t.* [The Methodology of History. In 2 Vols.]. Moscow, ROSSPEN, 2010.

33. Levandovskij A.A. *Vremja Granovskogo: U istokov formirovanija russoj intelligencii* [The Time of Granovskii: At the Source of the Formation of Russian Intelligentsia]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1990. 304 p.

34. Miljukov P.N. Universitetskij kurs Granovskogo [The University Course of T.N. Granovskii]. *Iz istorii russoj intelligencii* [From the History of Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Znanie Publ., 1903, pp. 212-265.

35. Muravyev N.M. Mysli ob «Istorii gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina [Thoughts on the “History of the Russian State” by N.M. Karamzin]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Legacy]. Moscow, Otdelenie jazyka i literatury Akademii Nauk SSSR, 1954, iss. 59, book 1, pp. 582-595.

36. Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo istorikov dorevoljucionnoj Rossii v svete «staroj» i «novoj» modeli istoriograficheskogo issledovanija [An Academic Community of Historians in Pre-Revolution Russia in the Light of the Old and New Models of Historiographical Study]. *Formirovanie edinogo prostranstva obrazovanija i nauki v rossijskoj vysshej shkole: istorija i perspektivy* [Formation of the New Space of Education and Science]. Cheboksary, Izd-vo Chuvash. un-ta, 2008, pp. 328-335.

37. Mjagkov G.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoi nauke (opyt istoriograficheskogo osmyslenija poslednih desjatiletij) [Academic Schools in Russian Science of History (An Essay in the Historiographical Summation of the Last Decades)]. *Professija – istorik (k jubileju L.P. Repinoj)* [Profession: Historian (For the Jubilee of L.P. Repina)]. Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 364-409.

38. Mjagkov G.P., Ivanova T.N. Biografika: etapy disciplinarnogo stanovlenija [Biography Studies: The Stages of the Discipline's Emergence]. *Paradigmy rossijskoj istorii skvoz prizmu biografistiki (k 140-letiju Alekseja Ivanovicha Jakovleva)* [Paradigms of Russian History Through the Prism of Biographical Studies (On the 140th Anniversary of Alexei Yakovlev)]. Cheboksary, ID «Sreda», 2019, pp. 25-32.

39. Mjagkov G.P. 1879 god kak kontrapunkt formirovanija «russoj istoricheskoi shkoly» [1879 as the Key Point in the Formation of the “Russian School

of History”]. *Professionalnaja identichnost i samosoznanie istorika* [Professional Identity and Self-Awareness of the Historian]. Moscow, In-t vseobshhej istorii RAN, 2022, pp. 260-292.

40. Repina L.P. Biografija v kontekste «globalnoj mikroistorii» [Biography in the Context of Global Microhistory]. *Paradigmy rossijskoj istorii skvoz prizmu biografistiki (k 140-letiju Alekseja Ivanovicha Jakovleva)* [Paradigms of Russian History Through the Prism of Biographical Studies (On the 140th Anniversary of Alexei Yakovlev)]. Cheboksary, ID «Sreda», 2019, pp. 25-32.

41. Repina L.P. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaia praktika* [History at the Turn of the 21st Century: Social Theory and Historiographical Practice]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p.

42. Repina L.P. Ot «istorii odnoj zhizni» k «personalnoj istorii» [From the History of One Life to Personal History]. *Istorija cherez lichnost: istoricheskaja biografija segodnja* [History Through Personality: Historical Biography Today]. Moscow, Krug Publ., 2005, pp. 5-18.

43. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Znanie o proshlom: Teorija i istoriya: v 2 t.* [Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2003.

44. Svешников A.V. Ivan Mihajlovich Grevs (1860–1941). *Portrety istorikov. Vremja i sudby. V 3 t. T. 3: Drevnij mir i sredniye veka* [Portraits of Historians. Times and Fates. In 3 Vols. Vol. 3: Ancient World and Middle Ages]. Moscow, Univ. kn. Publ., 2004, pp. 336-360.

45. Skvorcov A.M. *Nauchnaja shkola v otechestvennom antikovedenii: M.S. Kutorga i ego ucheniki: avto-ref. dis. ... kand. ist. nauk* [Scientific School in Domestic Antiquity: M.S. Kutorga and His Students. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 24 p.

46. Surikov I.E., Sidorovich O.V., Shkarenkov P.P. *Istorija i pamjat = History and memory: istoricheskaja kultura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: The Culture of History in Europe Before the Start of the Modern Age]. Moscow, Krug Publ., 2006. 763 p.

47. Frolov E.D. *Russkaja nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki* [The Russian Scholarship

on Antiquity]. Saint Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 2006. 616 p.

48. Chizhevskij D.I. *Gegel v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 409 p.

49. Droysen J.G. *Grundriss der Historik*. Jena, Frommann, 1858. 27 S.

50. Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. London, Penguin Viking, 1980. 693 p.

51. Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Berlin, Duncker und Humblot, 1848. 569 S.

52. Lewis S.J.C. *An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History*. London, J.W. Parker, Son, 1855. 551 p.

53. Merivale C. *History of the Romans Under the Empire, in 7 Vols*. London, Longmans, 1852–1862.

54. Niebuhr B.G. *Römische Geschichte. In 3 Bde*. Berlin, G. Reimer, 1828.

55. Niebuhr B.G. *Römische Geschichte. Bd. 2*. Berlin, S. Calvary, 1873. 547 S.

56. Ranke L. *Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*. Leipzig, G. Reimer. 1824. 202 S.

57. Savigny F.K.v. *Geschichte des römischen Rechts: in 6 Bde*. Heidelberg, Mohr und Zimmer, 1815–1831.

58. Schwegler A. *Römische Geschichte im Zeitalter der Könige: in 3 Bde*. Tübingen, Laupp, 1853.

59. Stepelevich L.S. Hegelian Nihilism: Karl Werder and the Class of 1841. *The Philosophical Forum*, 2015, vol. 46, iss. 3, pp. 249-273.

60. Vico G. *De antiquissima Italorum sapientia ex linguae originibus eruenda libris tres*. Naples, typographia Felicis Mosca, 1710. 138 p.

61. Vico G. *On the Most Ancient Wisdom of the Italians Unearthed from the Origins of the Latin Language, including The Disputation with “The Giornale De Letterati D’Italia” (1711)*. Ithaca, Cornell University Press, 1988. 198 p.

62. Vico G. *Principi di scienza nuova*. Naples, Stamperia muziana, 1744. 526 (516) p.

63. Vico G. *The New Science of Giambattista Vico. Translated from the Third Edition (1744)*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1948. 494 p.

64. Werder K.F. *Logik: Als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik*. Berlin, Veit, 1841. 231 S.

Information About the Authors

Dmitry N. Starostin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Medieval History, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaia liniia, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, d.starostin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9448-834X>

Elena V. Kuleshova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Medieval History, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaia liniia, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, e.kuleshova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1021-4769>

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Старостин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.starostin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9448-834X>

Елена Владимировна Кулешова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.kuleshova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1021-4769>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

UDC [94+930](47+57)
LBC 63.3

Submitted: 23.04.2023
Accepted: 29.09.2023

THE THEME OF THE EAST IN THE SOCIETY OF MARXIST HISTORIANS IN THE SECOND HALF OF THE 1920s – EARLY 1930s

Victor N. Danilov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Oriental studies was not the leading direction in the activities of the society of Marxist historians (the second half of the 1920s – early 1930s), but it played a significant role in bringing this field of knowledge closer to the practical needs of the current policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern. *Methods and materials.* The research is based on traditional methods of historiographical analysis. It uses materials from historical journals of the 1920s and 1930s and archival documents. *Analysis.* Reports at general meetings of the Society and the History of the East section and publications in the journal “Historian-Marxist” focused on the problems of the history of the national liberation movement in colonial and dependent countries, the policy of tsarist Russia on the southern outskirts of the empire, and socialist transformations in the national republics of the USSR. If in the early years the most influential were the well-known Marxist orientalists M.P. Pavlovich, V.A. Gurko-Kryazhin, and I.M. Reisner, then in the subsequent period Oriental historians who did not have serious scientific authority but firmly adhered to the class approach occupied the leading positions in the society. After the All-Union Conference of Marxist Historians, they focused their attention on criticizing the “old bourgeois schools” in Oriental history and “exposing pseudo-Marxism in their own ranks.” *Results.* However, they could achieve results in solving only the second task, using, first, discussions about socio-economic formations, about the situation and tasks at the front of the study of the East, and about the non-Marxism of Gurko-Kryazhin’s historical views. The ideological turn of the mid-1930s largely devalued the importance of the research of this generation of Marxist Orientalists, and the authorities recognized the achievements of representatives of academic Oriental studies.

Key words: society of Marxist historians, Soviet Oriental studies, section, discussions, national liberation movement, “Asian” mode of production.

Citation. Danilov V.N. The Theme of the East in the Society of Marxist Historians in the Second Half of the 1920s – Early 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 235-248. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

УДК [94+930](47+57)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 23.04.2023
Дата принятия статьи: 29.09.2023

ТЕМА ВОСТОКА В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Виктор Николаевич Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Востоковедение не являлось ведущим направлением в деятельности общества историков-марксистов (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.), но оно сыграло заметную роль в приближении этой области знания к практическим потребностям текущей политики ВКП(б) и Коминтерна. Доклады на общих собраниях Общества и секции истории Востока, публикации в журнале «Историк-марксист» сосредотачивались вокруг проблематики истории национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, политики царской России на южных окраинах империи и социалистических преобразований в национальных республиках СССР. Если в первые годы наибольшее влияние имели известные марксисты-востоковеды М.П. Павлович, В.А. Гурко-Кряжин, И.М. Рейснер, то в последующий период руководящие позиции в

Обществе заняли историки-востоковеды, не имевшие серьезного научного авторитета, но твердо придерживавшиеся классового подхода. После проведения Всесоюзной конференции историков-марксистов в центр своего внимания они поставили критику «старых буржуазных школ» в области истории Востока и «разоблачение псевдомарксизма в собственных рядах». Однако смогли добиться результатов в решении только второй задачи, используя для этого в первую очередь дискуссии об общественно-экономических формациях, о положении и задачах на фронте изучения Востока, о немарксизме исторических взглядов Гурко-Кряжина. Идеологический поворот середины 1930-х гг. во многом обесценил значение исследований этого поколения марксистов-востоковедов, а властью были признаны достижения представителей академического востоковедения.

Ключевые слова: общество историков-марксистов, советское востоковедение, секция, дискуссии, национально-освободительное движение, «азиатский» способ производства.

Цитирование. Данилов В. Н. Тема Востока в обществе историков-марксистов во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 235–248. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

Введение. Возросшее в последние годы значение связей со странами Востока стимулирует дальнейшее научное изучение этой части мирового пространства, для чего полезным может быть обращение к опыту организации востоковедческих исследований в предшествующие периоды. Становление советского востоковедения как своеобразного научного феномена представляет собой сложный и противоречивый процесс, начало которому было положено в первые послереволюционные годы. Оно происходило в обстановке соперничества двух подходов: «комплексного» (академического) востоковедения, основанного на синтезе филологии, истории и этнографии, которого придерживались востоковеды «старой» школы, и так называемого практического востоковедения, опиравшегося на методы обществоведческих дисциплин (экономика, социология, политика). В деле продвижения «нового» востоковедения, приближенного к потребностям текущей международной и внутренней политики ВКП(б), заметную роль сыграло действовавшее с 1925 по 1932 г. общество историков-марксистов при Коммунистической академии (Общество).

Общие принципы организации и деятельности общества историков-марксистов были достаточно хорошо освещены как в советской [9], так и в современной историографии [7; 19]. При этом в публикациях последних лет функционирование Общества удачно вписывается в общий контекст советской исторической науки и тех новых исторических учреждений, которые действовали в 1920–1930-е гг. [4; 20] Что же касается тематической направленности

его работы, то мы имеем лишь единичные специальные публикации: по проблемам украинской истории [6] и новой истории Запада [21]. В современных работах об обществе историков-марксистов тема истории Востока практически не затрагивается. В этом отношении даже гораздо большую информацию мы можем получить в трудах, изданных еще в советское время, как в целом по историографии этого периода, так и по истории советского востоковедения.

Методы и материалы. Как всякое историографическое исследование, работа основывается на принципе историзма, который предполагает, что каждый историографический факт анализируется в процессе возникновения, становления и развития, а события исторической науки изучаются в тесной связи с условиями их появления. Важнейшее значение для нас имеет использование сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить качественные изменения в историографических явлениях на различных этапах. На изучение отдельных историографических ситуаций ориентирован идеографический метод. Исследование базируется на материалах, отражающих историю общества историков-марксистов, одни из них публиковались в периодических изданиях организации – журналах «Историк-марксист» и «Борьба классов», а другие – отложились в архивном фонде Общества (Ф. 377), который находится в Архиве Российской академии наук.

Анализ. Востоковедческое направление обозначилось уже в самом начале конструирования общества историков-марксистов, по-

скольку одной из инициативных ячеек, поставивших вопрос о его организации, была научно-историческая группа при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени Сталина (КУТВ), образованная в январе 1925 г. [11] 5 февраля 1925 г. КУТВ делегировал на организационное совещание историка А.В. Шестакова, преподававшего тогда в комвузе. Он вместе с М.Н. Покровским, П.О. Гориним и Г.С. Зайдедем вошел в состав организационной комиссии для «созыва собрания учредителей, выработки устава общества и проведения организационной работы». 2 марта 1925 г. на учредительном собрании Шестаков был избран в состав временного совета Общества и назначен ответственным редактором его печатного органа – журнала «Историк-марксист» [26, с. 317]. Через год, после утверждения в НКВД устава Общества, в состав постоянного совета (всего 14 членов) были избраны также историки-востоковеды В.А. Гурко-Кряжин и М.П. Павлович (Вельтман) [12], а в числе первых пяти секций решено было образовать секцию истории Востока.

До этого марксисты-востоковеды активно были задействованы в ряде других научных организаций. Еще в конце 1921 г. декретом ВЦИК создается Всероссийская (с 1923 г. Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения (ВНАВ) с целью руководства этим научным направлением, представлявшим для Советского государства непосредственный практический интерес в деле продвижения идей социализма на Восток. Работа в ВНАВ и его печатном органе – журнале «Новый Восток», безусловно, ослабляла внимание востоковедов к деятельности общества историков-марксистов. Члены Общества, изъявившие желание работать в секции истории Востока, долгое время не могли избрать ее президиум (бюро). Учредительное собрание секции состоялось только 18 января 1927 г. [31], за несколько месяцев до смерти М.П. Павловича, считавшегося лидером нового советского востоковедения. На конец 1928 г. в составе секции насчитывалось 13 действительных членов и 20 членов-корреспондентов, из них в Москве находилось не больше 18 человек [22]. Организационные проблемы и параллелизм с ассоциацией, по всей видимости, и

дали основание известному советскому историку А.Л. Сидорову впоследствии в своих воспоминаниях отметить, что в Обществе «всеобщая история сводилась главным образом к истории Запада, ибо востоковеды стояли особняком» [38, с. 136], что было не совсем так.

Если секционная работа по истории Востока не сразу была налажена, то доклады по историко-восточной тематике на общих собраниях Общества уже ставились во второй год его существования. Первым таковым стал доклад видного деятеля партии большевиков и Коминтерна, ректора Коммунистического университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УКТ) К.Б. Радека «Спорные вопросы китайской истории» (ноябрь 1927 г.), который явился в какой-то степени предтечей известной дискуссии об «азиатском» способе производства. Карл Радек к числу дискуссионных вопросов многовековой истории Китая отнес, прежде всего, вопросы о характере общественного строя, экономики и государственной власти. Древний Китай он считал «типичным феодальным государством», но начисто отрицал феодализм после начала новой эры и наличие феодальных пережитков в современных условиях [14, с. 25–38], о которых не редко говорилось в работах того времени. Ставя вопрос о том, что понимание современной китайской экономики и соотношения классов «упирается в прошлое Китая» [14, с. 25], Радек стремился в первую очередь исторически обосновать рекомендации Коминтерна по стратегии действий Компартии Китая в развернувшейся гражданской войне. Вскоре он публикует в журнале «Новый Восток» большую статью, развивавшую положения названного доклада [34].

Еще раньше, в самом первом номере журнала «Историк-марксист» (1926 г.) была помещена статья М.П. Павловича «Революция 1905 г. и Восток», которая, с одной стороны, под влиянием трудов В.И. Ленина обозначила приоритетную для марксистов-востоковедов 1920-х гг. тематику истории национально-революционного движения, а с другой – стала частью юбилейных мероприятий в связи с 20-летием Первой русской революции. В статье обосновывался не только исторически обусловленный характер сближения СССР со странами Востока на почве совместной

антиимпериалистической борьбы, но и явно просматривались еще не изжитые иллюзии мировой революции. Подчеркнув, что «в жизни азиатских народов русская революция сыграла такую же громадную роль, какую некогда в жизни европейцев сыграла Великая французская революция» [24, с. 142], и показав это на примере Персии, Турции, Индии и Китая, М.П. Павлович указывал, что одной из основных причин, обусловивших поражение русской революции и временный разгром освободительного движения народов Востока, явилось отсутствие серьезной поддержки им со стороны рабочих масс Запада, тогда как его буржуазия оказала самую энергичную помощь контрреволюции в России и во всех восточных странах.

Десятилетие восстания 1916 г. в Средней Азии было отмечено выходом в журнале «Историк-марксист» статьи А.В. Шестакова [45], подготовленной на основе доклада, который он сделал в КУТВ еще весной 1925 года. К тому времени в советской историографии существовали разные точки зрения на природу восстания (провокация царского правительства, панисламистское движение и т. п.). По версии А.В. Шестакова, восстание 1916 г. в узбекских, киргизских и туркменских районах было массовым движением против колониальной политики русского империализма, заостренным «на вопросах аграрном и на мобилизации населения в тыловые дружины на помощь армии, ведшей войну в интересах того же империализма» [45, с. 114]. В последующих работах советских историков на основе классового подхода утвердилась точка зрения на эти события как на восстание широких трудящихся слоев Средней Азии против царской администрации и своих имущих классов. В современной российской и национальных историографиях существуют разные ответы на вопрос, который был поставлен в 1920-е гг., – «что же такое восстание 1916 г.?»: «ошибка власти» (обусловленная имперской природой отношения к окраинам), «историческая закономерность» (следствие имперской природы отношения к окраинам), отправка точка для формирования «национальной идеи» у каждого из народов Центральной Азии [15, с. 104].

1927 год прошел в обществе историков-марксистов под знаком 10-летнего юбилея

Октябрьской революции. Значительный блок докладов был посвящен революционным откликам на это событие за рубежом, в том числе на Востоке. Неким ее аналогом, наряду с революциями, приведшим к созданию Венгерской и Баварской советских республик, но с восточной спецификой, считалась революция в персидской провинции Гилян в 1920–1921 годах. Ей журнал «Историк-марксист» посвятил обстоятельную статью историка-востоковеда, сотрудника НКВД, несколько лет проработавшего в Персии, В.Л. Осетрова, писавшего под псевдонимом Ирандуст. Из практики гилянкой революции автор попытался вывести некую теоретическую формулу об опасности «перепрыгивания через один этап движения (буржуазно-демократический) и преждевременного провозглашения лозунгов следующего этапа (социалистического), в результате чего произошла дезорганизация движения и преждевременное отбрасывание в лагерь контрреволюции социальных групп, которые на данном этапе еще являются революционными и возможности которых далеко не исчерпаны» [13, с. 146].

По сути дела в первые годы именно журнал «Историк-марксист» взял на себя дело продвижения в Обществе темы Востока. В отчете о деятельности журнала за пять лет проблематика по истории советского Востока и национально-освободительного движения в колониях была названа в числе самых приоритетных [46, с. 135]. Эти публикации показывали противоречивый характер общественно-политических отношений в Азии и Африке, которые в своей деятельности должен учитывать Коминтерн, и были нацелены на выявление исторической обусловленности трудностей в деле социальных преобразований в республиках Средней Азии.

Своеобразным смотрам для советских историков стала Всесоюзная конференция историков-марксистов (конец декабря 1928 – начало января 1929 г.). По словам П.Н. Покровского, всесоюзный статус она приобрела благодаря тому, что в ней приняли участие не только историки из РСФСР, но и из других союзных республик, в том числе из Закавказья, Туркменистана и Узбекистана. По его словам, в последних двух, «вероятно, марксистская история будет первым видом научной

истории, тот час после летописей. Счастливые люди!» [29, с. 7–8]. В своих выступлениях на конференции они главным образом «давали доказательства большой научной работы, проделанной на местах, в деле создания марксистской истории той или иной республик СССР» [2, с. 244]. Тем не менее в резолюции конференции среди недостатков в работе Общества были указаны «распыленность и неорганизованность историков-марксистов, работающих как в области изучения истории зарубежного Востока, так и народностей, входящих в состав СССР», а в качестве важнейшей задачи – «разработка проблем, связанных с колониальной политикой империалистов на Востоке, и изучение враждебных пролетариату идеологий Востока» [1, с. 230; 36, с. 230].

Такая идейно-тематическая ориентировка марксистов-востоковедов была не случайной, поскольку в ряде выступлений на секции истории народов СССР прозвучали неоднозначные оценки роли дореволюционной России в истории восточных территорий империи. Сначала это обнаружилось в дискуссии по докладу П.Г. Галузо «О периодизации национально-освободительного движения в Средней Азии». Как отмечалось в отчете конференции, «тут выявились довольно разные точки зрения в среде марксистов по этому вопросу. Ряд товарищей указывали на прогрессивную роль, которую сыграли завоевания Средней Азии Россией, другие стояли на противоположной точке зрения, указывая, что эта прогрессивность была только с точки зрения капитализма, а не с точки зрения тех масс населения, которые давила царистская колониальная политика» [2, с. 244]. Затем грузинский историк Ф.И. Махарадзе в докладе «История Грузии в XIX в.» прямо заявил о прогрессивной роли «владычества России в Грузии», на что Покровский ответил язвительной репликой: «тов. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно представить» [43, с. 192]. Постановка в ряде выступлений вопроса о прогрессивной роли России в Средней Азии и Закавказье и острая реакция на это Покровского свидетельствовали о том, что не

все историки-марксисты разделяли его концепцию «абсолютного зла» относительно присоединения нерусских народов к империи, и то, что появление во второй половине 1930-х гг. формулы «наименьшее зло» было вполне закономерно.

По окончании конференции по инициативе бюро секции истории Востока состоялось совещание востоковедов-марксистов, принявшее резолюцию конфронтационного характера по отношению к немарксистской историографии. В ней говорилось, что «старая буржуазная восточная историческая наука переживает совершенно очевидный кризис: она накапливает все больше и больше фактического материала, но ничего стройного и теоретически цельного дать не может», а «новые марксистские силы еще только начинают разворачивать свою работу», которая ведется недостаточно организованно, в силу этого основные востоковедческие учреждения «все же остаются в руках старых буржуазных ученых» [3, с. 324–325; 43, с. 332]. Поэтому в качестве задачи для историков-марксистов совещание определило: «решительную борьбу против всяких немарксистских течений, откуда бы они ни исходили», «объединение марксистских востоковедческих сил и координацию их работы», «перевести центр тяжести на разработку истории колониальной политики как России, так и остальных капиталистических стран» [3, с. 324–325; 43, с. 333].

С этой целью новое бюро секции истории Востока развернуло работу по привлечению в Общество историков, которые трудились в разных московских научно-исследовательских учреждениях. В результате состав секции был увеличен в полтора раза, что позволило наладить регулярное обсуждение в ней докладов, наметить план издательской деятельности и начать работу над серией «Книги для чтения по истории Востока» [22]. В то же время в ней стали преобладать люди, не имевшие серьезных научных трудов, а к руководству пришли радикальные сторонники политики «большевизации» востоковедных учреждений (А.М. Васютинский, А.Ф. Алимов, Д.М. Мышковский, В.А. Цой-Шену, А. Герваль). В январе 1930 г. они приняли решение образовать секцию истории зарубежного Востока, а тем историкам, кто работал

по советскому Востоку, было предложено войти в секцию истории народов СССР, в которой «создать подсекцию народов Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа и Крыма» [30].

В определенной степени знаковым для секции истории Востока оказалось обсуждение 12 января 1929 г. доклада М.М. Цвибака «Классовая борьба в Туркестане», попытавшегося в духе времени «соединить теорию с практикой». Отталкиваясь от известной ленинской концепции о «двух путях развития капитализма в России», Цвибак заявил, что для революционного движения в Средней Азии характерно наличие «параллельно развивающихся и сливающихся друг с другом – процесса общероссийского развития революции в европейских городах туркестанской колонии и процесса колониального революционного переворота. Слияние обоих процессов происходит не в 1917 г., а гораздо позже, в результате полного изменения национальной политики» [44, с. 144]. Всякие попытки, по его мнению, охарактеризовать революционное движение в Туркестане как более быстрое и передовое по сравнению с общероссийским «исторически не верны и методологически не выдержаны, и кроме того, они питают неправильные иллюзии о возможности для республик Средней Азии самим справиться с основными задачами социалистического строительства силами местного пролетариата» [44, с. 144].

При воплощении в жизнь задачи изучения «враждебных пролетариату идеологий Востока», поставленной на Всесоюзной конференции историков-марксистов, наибольшее внимание было уделено разбору классовой сущности гандизма, становящегося все более влиятельной идеологией в колониально-зависимых странах. В мае 1930 г. состоялось несколько заседаний секции зарубежного Востока, на которых был обсужден доклад И.М. Рейснера «О Ганди». Он определил учение Ганди о ненасилии как «кастрированное толстовство», и в условиях изменившейся расстановки классовых сил, когда на арену активных политических действий вышел пролетариат, это «самая отвратительная реакционная идеология блока туземной буржуазии с феодальными слоями, противостоящими революции» [37, с. 63, 75]. Положения доклада были поддержаны в выступлениях Р.А. Ульянов-

кого, С.В. Михайлова, И.Ф. Яновского и других, призывавших всецело поддерживать индийских коммунистов в их идейном противоборстве со сторонниками М. Ганди в ходе национально-освободительной борьбы за независимость.

Наиболее заметным мероприятием для Общества, где тема Востока прозвучала наиболее громко, была дискуссия об общественно-экономических формациях. Изначально она возникла как обсуждение вопроса об «азиатском» способе производства и, помимо неоднократного его упоминания в трудах К. Маркса, имела своим истоком полемику в Коминтерне по поводу оценки событий 1927 г. в Китае. В результате в принятую на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. программу (в раздел о типах революций в колониальных и зависимых странах) вошло упоминание об «азиатском» способе производства. Вопрос об «азиатском» способе производства был затронут на XV съезде ВКП(б) и обсуждался на востоковедной секции конференции аграрников-марксистов. Очень скоро политическая дискуссия нашла отражение в трудах советских историков (Л.И. Мадьяр, М.Д. Кокин, Г.К. Папаян, С.А. Далин, И.М. Рейснер, Т.Д. Берин и др.).

Поэтому доклад С.М. Дубровского, вокруг которого строился весной 1929 г. трехдневный диспут в обществе историков-марксистов о социально-экономических формациях, явился в первую очередь откликом на развернувшуюся дискуссию об «азиатском» способе производства, и не случайно, что он был поставлен в социологической секции Общества совместно с секцией по истории Востока [39, с. 279]. Доклад был зачитан еще до выхода в свет при содействии Научной ассоциации востоковедения известной брошюры «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитализма».

В определении места «азиатского» способа производства и его характеристике участники дискуссии по большей части обращались к взглядам на эту проблему основоположников марксизма и В.И. Ленина, но так и не внесли существенной ясности. Высказывалась точка зрения, что в ранних работах Маркса имелись ввиду архаичные родовые общины, а в поздних – классовые общества.

Некоторые выступавшие считали, что в последние годы Маркс отказался от первоначального подхода к восточным обществам как определенной стадии в историческом развитии человечества. Активно обсуждался вопрос о соответствии взглядов классика, сформулированных на базе исторической науки середины XIX в., современному востоковедению [8, с. 126–127].

Споры же о сущности «азиатского» способа производства велись в основном вокруг черт, определенных наиболее активным сторонником этой концепции Л.И. Мадьяром: частная собственность на землю на Востоке отсутствует, верховным собственником земли и воды – основных средств производства – является деспотическое государство, основной экономической формой эксплуатации служит налог, совпадающий с рентой, налицо соединение земледелия с промышленностью. «Азиатский» способ производства, по Мадьяру, отличен и от рабовладения, и от феодализма [8, с. 108–109]. Лишь некоторые выступавшие (А.А. Ломакин, И.М. Рейснер) поддержали эту концепцию и утверждали, что существовал специфический для восточных народов тип производственных отношений [8, с. 110, 122].

Подавляющее же большинство выступавших вслед за Дубровским отрицали наличие особой общественно-экономической формации, присущей восточным странам. При этом некоторые из них приносили сюда политический момент, указывая, что теория «азиатского» способа производства смыкается с империалистическими и национал-реформистскими идеями о мнимой специфичности Востока, не знавшей классов и классовой борьбы [8, с. 153]. Работник Коминтерна индиец А. Мухарджи заявил, в частности, что «настаивать на существовании особого “азиатского”» способа производства – «значит солидаризироваться с шовинистическими элементами Индии и других стран», потворствовать Ганди в проведении политики сотрудничества классов и в «создании единой национальной партии» [8, с. 110].

Проблема «азиатского» способа производства получила в то время широкий отклик исторической общественности. Как отмечалось в отчете о работе социологической сек-

ции общества историков-марксистов за 1929 г., в дискуссии о социально-экономических формациях «количество записавшихся ораторов было исчерпано едва лишь наполовину, и свыше 10 человек не смогли за недостатком времени воспользоваться словом» [39, с. 279]. Аналогичная московской прошла дискуссия в Закавказском отделении общества историков-марксистов (по докладу Т.Д. Берина – 1930 г.), в обществе марксистов-востоковедов при Ленинградском отделении Комакадемии и Ленинградском восточном институте (1929 и 1931 гг.), в Институте красной профессуры (1929 г.) и др. [23, с. 740–741]. Однако дискуссия по распоряжению партийных инстанций была в 1931 г. искусственно прервана, а сторонников концепции «азиатского» способа производства обвинили в протаскивании бухаринско-богдановской методологии и троцкизма. Возобновилась дискуссия об «азиатском» способе производства среди советских историков в 1960-е гг., но с тем же незавершенным результатом. Вновь об этой концепции вспомнили в 1990-е гг., есть у нее сторонники и в настоящее время.

Как известно, «наступление социализма по всему фронту», предпринятое в конце 1920 – начале 1930-х гг., сопровождалось и идеологическими кампаниями в гуманитарных науках. В резолюции собрания общества историков-марксистов 19 марта 1930 г. прямо говорилось, что на первый план для него выдвигается «борьба с чуждыми марксизму буржуазными историческими концепциями, а также с пережитками этих концепций в нашей собственной среде» [35, с. 166]. Затронуло это и востоковедение, но в отличие от других областей исторической науки (история России и история Запада) не коснулось востоковедов «старой» школы, хотя отдельные попытки подтянуть сюда и их – предпринимались. Так, в докладе С.А. Пионтковского «Великорусская буржуазная историография», прочитанном 10 октября 1930 г., в числе враждебно настроенных к советской власти историков назывались академики С.В. Жебелев и С.В. Ольденбург, а в выступлениях во время дискуссии прозвучало, что следовало бы «галерею портретов» историков, замеченных в великорусском шовинизме (С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, П.Г. Любо-

миров), «дополнить такой фигурой, как акад. Бартольд», книга которого «Очерки культурной жизни Туркестана» – «это апологетика действий... русского капитала, русской колониальной политики в Ср. Азии» [27, с. 170–171]. То, что востоковеды «старой» школы отделились легким испугом, вероятно, можно объяснить тем, что перспектив в научной критике маститых ученых прежней формации у слабо подготовленных марксистов не было никаких, а отмашки «сверху» не последовало, ввиду ценности практической работы академических ученых-востоковедов. По отношению к ним продолжала действовать тактика скрытой борьбы. Показательно в этом отношении обсуждение в марте 1929 г. на секции истории Востока вопроса о слиянии Московского и Ленинградского институтов востоковедения и размещении его в Москве, где заявлялось, что «нужно использовать старых востоковедов-специалистов», но нельзя отдать руководство институтом «в руки профессоров, голосовавших против Деборина, Лукина и Фриче» [32, л. 6]. Поэтому объекты для идеологического наступления в востоковедении были найдены внутри самого общества историков-марксистов.

Основной удар разоблачительной критики пришелся по одному из основателей Общества В.А. Гурко-Княжину, написавшему свои первые историко-публицистические работы по востоковедческой тематике еще до революции, а после 1917 г. активно участвовавшему в создании «нового» советского востоковедения. В своих трудах он главным образом касался проблем национально-освободительных движений и социально-политической и экономической истории стран и народов Востока периода новой и новейшей истории. 13 апреля 1930 г. на секции истории зарубежного Востока был обсужден доклад Л.П. Мамета «Отражение марксизма в буржуазном востоковедении (В. Гурко-Кряжин и Восток)». В нем Гурко-Кряжин был назван «буржуазным востоковедом, прикрывающимся марксистской фразеологией». При этом не скрывалась политическая направленность данной дискуссии и отвергалось истолкование ее как личной травли ученого [33, л. 2].

Докладчик доказывал, что методологические установки историка определились еще

в работе 1914 г. «Белая опасность: Восток и Запад», которые заключались в апологии Востока и «в основном без изменения перенесены через все годы революции к настоящим дням» [18, с. 71]. Впоследствии апология Востока, говорил Л.П. Мамет, «примет у Гурко-Кряжина форму политического пантюркизма, панисламизма», где марксизм служит только ширмой [18, с. 72]. Общий вывод в докладе звучал так: «Гурко-Кряжин эклектик, объективно представляющий буржуазное востоковедение, объективно занимающийся апологией империализма, который свой эклектизм и часто непонимание целого ряда проблем прикрывает звонкой марксистской фразой» [18, с. 81].

Поскольку на заседании секции зарубежного Востока 13 апреля 1930 г. Гурко-Кряжин по болезни отсутствовал, то он подготовил заявление с ответом на обвинения Мамета, опубликованное в том же номере журнала «Историк-марксист», что и доклад. В заявлении историк признавал, что у него были ошибки в области марксистской методологии, но они носили объективный характер, так как марксизм усваивался им «не по какому-то наитию, а брался с бою, в результате многих лет упорной научной работы». Вместе с тем Гурко-Кряжин возражал против формы критики его трудов и методологических подходов [5; 10, л. 1–2].

Следуя уже устоявшейся практике работы, когда последнее слово в полемике остается за ее инициатором, редакция журнала напечатала здесь же ответ Л.П. Мамета, в котором тот обвинил Гурко-Кряжина в попытке своими возражениями «замести следы» [17, с. 95]. Мамет громко пообещал: «Приспосабливающихся к марксизму много, и они, несомненно, будут разоблачены востоковедами-марксистами» [17, с. 93], не подозревая того, что вскоре это коснется его самого. 6 апреля 1931 г. в газете «Правда» была напечатана рецензия М. Тайшина на книгу Л.П. Мамета «Ойротия», в которой работа была названа «антиленинской и вредной по своим установкам», а ее автор якобы «стал рупором буржуазно-националистических идей», «обратился к клеветническим источникам». 24 апреля 1931 г. «Правда» опубликовала письмо Мамета, в котором тот каялся в допущенных «грубейших» ошибках.

А вот обещанная редакцией «Историка-марксиста» публикация «в ближайшем номере журнала» второго письма Гурко-Кряжина от 10 сентября 1930 г. «с примечаниями редакции», «в котором последний признает ряд ошибочных положений в своих работах последних лет» [17, с. 96] (неучет возможности некапиталистического развития в Персии, крайне узкое понимание аграрного вопроса в Турции и др.), так и не состоялась. Текст письма, которое сохранилось в архиве РАН, свидетельствует о том, что историк смирился с невозможностью идейной и научной реабилитации. Покаяние заканчивалось следующей фразой: «Сейчас не время для сентиментально-личных обид, того или иного ушибленного, чересчур “мимозного” научного самолюбия, и с этой точки зрения я считаю, что здоровая критика моей научной деятельности лишь поможет мне отделаться от моих невольных ошибок и строже вести свою работу» [28, л. 3]. Вскоре Гурко-Кряжин был исключен из общества историков-марксистов, а 17 октября 1931 г. он скончался.

Последним крупным мероприятием по теме Востока, в котором было задействовано общество историков-марксистов, явилась дискуссия «О положении и задачах на фронте изучения Востока», организованная в стенах ИКП истории, права и совстроительства 28 ноября 1930 года. С докладами выступили известный деятель ВКП(б) Г.И. Сафаров об изучении зарубежного Востока [40, л. 1–5] и К.В. Таболов, в то время ответственный редактор Закавказской краевой газеты «Заря Востока», о разработке проблем советского Востока [41]. Их обсуждение предшествовало более известной дискуссии о положении в области изучения истории Запада и в какой-то степени послужило для нее образцом в своей разоблачительной направленности.

В самом начале своего доклада Г.И. Сафаров отметил «чрезвычайно пестрое и неустойчивое состояние... на востоковедческом фронте в СССР», что, по его мнению, является «прямой угрозой» решению практических задач социалистического строительства и антиколониальной революции. Вину за это он возложил на ВНАВ, которая якобы задержала организацию марксистско-ленинского ядра и разработку основных проблем истории Во-

стока. Руководство же марксистского востоковедения проявило «полную бесхребетность», а сотрудничество с попутчиками «понималось им в смысле примиренческого отношения к протаскиванию либерально-студентских идей» [40, л. 2–3].

К.В. Таболов продолжил линию на критику ВНАВ, обвинив ее председателя С.М. Диманштейна в «великорусском шовинизме», но главное внимание уделил необходимости противодействия всякого рода отклонениям от марксизма-ленинизма у историков, связанных с республиканскими компартиями. Поэтому в теоретической разработке проблем советского Востока, по его мнению, должно занять самое серьезное место «изучение своеобразных форм классовой борьбы в национальных окраинах» [41, л. 3].

В выступлениях участников дискуссии констатировалось, что «на фронте востоковедения и по сей день еще очень мало марксистских теоретиков», а те, кто действовал «под маской марксистов», допускали оппортунистические утверждения относительно истории стран колониального и полуколониального Востока и изучения вопросов национальной политики партии [16, с. 118]. В числе одной из главных задач, стоящих перед марксистами-востоковедами, во время дискуссии называлась борьба с правыми и левыми «шатаниями» в своей собственной среде. Некоторые ораторы особо заостряли вопрос об опасности активизации в республиках СССР местных националистов, протаскивающих идеи пантюркизма, «мирного вращивания феодализма в социализм» и «культурно-национальной автономии». Как отмечалось в обзорной статье по итогам этой дискуссии в журнале «Борьба классов», ее значение «заключается в том, что она помогла по косточкам разобрать положение на востоковедном фронте» [16, с. 119].

Разоблачительный накал вскоре был усилен принятием 6 февраля 1931 г. тезисов комфракции совета Общества «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период», где относительно востоковедения заявлялось, что «растущее с каждым днем движение в колониях требует твердого большевистского руководства и борьбы на два фронта: с правым оппортунизмом и остатками троцкистской идеологии в вопросах коло-

ниальной революции на всех участках идеологического фронта, в том числе и историческом» [42, с. 9].

Однако уже осенью 1931 г. после публикации известного письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» задача «проверки состава кадров марксистов-востоковедов и организации их для дальнейшего наступления» [16, с. 119], как это формулировалось по итогам упомянутой ранее востоковедческой дискуссии, стала не особо актуальной. В повестке дня самодовлеющим теперь было выявление «троцкистской контрабанды» и «фальсификаций» в истории партии большевиков. Статья синоведа Р.А. Ульянова «Против троцкистской контрабанды в национально-колониальном вопросе» (1931) была каплей в море разоблачительных публикаций по отечественной истории и истории Запада. А с лета 1932 г. начался процесс в целом свертывания деятельности общества историков-марксистов. Часть его работы по интересующему нас направлению была перенесена в созданную в феврале 1930 г. при самом активном участии членов Общества Ассоциацию востоковедов-марксистов при Комакадемии, просуществовавшую вплоть до упразднения этого учреждения.

Результаты. Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что своей деятельностью общество историков-марксистов на перспективу обозначило в отечественном востоковедении тенденцию на дисциплинарную его специализацию (история, лингвистика, литературоведение, экономика, этнография и т. д.) и отход от универсализма («комплексное востоковедение»), унаследованного от дореволюционного периода. В значительной мере ведущей для советских историков-востоковедов в последующие десятилетия будет проблематика изучения истории национально-освободительных движений в странах Азии и Африки, политики России на окраинах и советского строительства в Средней Азии и Закавказье, которая доминировала у историков-марксистов 1920-х – начала 1930-х годов. Но с началом идеологического поворота середины 1930-х гг. уже не оказалось места тем историкам-марксистам-востоковедам, которые задавали тон в предшествующее десяти-

летие. Репрессиям подверглись упоминавшиеся ранее К.Б. Радек, Г.И. Сафаров, М.М. Цвибак, Л.И. Мадьяр, Л.П. Мамет, В.Л. Осетров (Ирандуст), А.Е. Ходоров, К.В. Таболов и др. Показательно, что заслуги ни одного из этой когорты историков не будут упомянуты в юбилейном сборнике 1942 г., а были отмечены научные достижения представителей «старого» востоковедения – академиков В.В. Бартольда, С.А. Жебелева, И.Ю. Крачковского, Б.Я. Владимирцева [25, с. 22–24]. Таковой оказалась сложная диалектика становления советского востоковедения, как, впрочем, и других областей исторической науки СССР.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность доктору исторических наук Лёвину Сергею Владимировичу за помощь в подборке архивных материалов.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses gratitude to the Doctor of Sciences (History), S.V. Levin, for his help in the selection of archival materials.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230–231.
2. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Секция народов СССР // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 231–246.
3. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Собрание историков Востока // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 324–333.
4. Гришаев О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. в СССР. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2020. 368 с.
5. Гурко-Кряжин В. В секцию истории зарубежного Востока общества историков-марксистов. Заявление // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 89–91.
6. Данилов В. Н. Украинская тема в обществе историков-марксистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Меж-

дународные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 22–30. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

7. Данилов В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память. 2016. № 13–14. С. 93–103.

8. Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 104–159.

9. Дорошенко В. А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 3. С. 10–22.

10. Заявление Гурко-Кряжина, объяснение ошибок, допущенных в исторических работах, и ответ на тезисы Мамета // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 377. Оп. 1. Д. 539а. 4 л.

11. Из жизни историков в комвузах // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 322–323.

12. Из текущей деятельности общества // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320.

13. Ирандуст. Вопросы гиланской революции // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 124–146.

14. Карл Радек о Китае: документы и материалы / ред. и сост. А. В. Панцов. М.: Соверо-принт, 2005. 303 с.

15. Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 24–105.

16. Кузнецов И. О положении и задачах на фронте изучения Востока. К итогам дискуссии в ИКП истории, права и совстроительства // Борьба классов. 1931. № 2. С. 118–119.

17. Мамет Л. О «марксизме», усвоенном в бою с марксизмом (по поводу «заявления» Гурко-Кряжина) // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 92–96.

18. Мамет Л. Отражение марксизма в буржуазном востоковедении (В. Гурко-Кряжин и Восток) // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 69–81.

19. Метель О. В. Создание сети региональных отделений общества историков-марксистов в 1930–1932 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 213–219.

20. Метель О. В. Общество историков-марксистов и развитие советской историографии второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Груздинская В. С., Клюев А. И., Метель О. В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-х – 1930-х гг. Омск: Издат. центр КАН, 2018. С. 90–105.

21. Метель О. В. Дискуссия на «западном участке исторического фронта» и развитие советской историографии в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 59–63. DOI: 10.17223/19988613/53/12

22. Отчет о работе секции восточной истории общества историков-марксистов (февраль – май 1929 г.) // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 433. 1 л.

23. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV / гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1966. 853 с.

24. Павлович М. П. Революция 1905 г. и Восток // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 142–143.

25. Панкратова А. М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет советской исторической науки. М.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 3–40.

26. П. Г. Об обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 317–319.

27. Пионтковский С. А. Великоорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 156–176.

28. Письма в редакцию и в президиум Общества историков-марксистов Гурко-Кряжина от 10.09.1930 г. по поводу доклада Мамета в секции зарубежного Востока на тему «Гурко-Кряжин и Восток» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 140. 3 л.

29. Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 3–11.

30. Протокол бюро восточной секции общества историков-марксистов от 1 января 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 530. 1 л.

31. Протокол заседания учредительного собрания секции по истории Востока от 18 января 1927 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 424. 1 л.

32. Протокол общего собрания секции истории Востока общества историков-марксистов от 28 марта 1929 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 432. 16 л.

33. Протокол общего собрания секции зарубежного Востока общества историков-марксистов от 13 апреля 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 530. 3 л.

34. Радек К. Б. Основные вопросы китайской истории // Новый Восток. 1927. Кн. 16–17. С. 1–53.

35. Резолюции, принятые на общем собрании общества историков-марксистов от 19.III.30 г. // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165–168.

36. Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230–231.

37. Рейснер И. Классовая сущность гандизма // Историк-марксизм. 1930. № 18–19. С. 63–82.

38. Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118–138.

39. Социологическая секция общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 278–280.

40. Тезисы доклада Сафарова «К положению на востоковедческом фронте» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 316. 5 л.

41. Тезисы доклада Таболова «К разработке проблем Советского Востока» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 435. Л. 4 л.

42. Тезисы фракции совета общества историков-марксистов «О задачах исторической науки в реконструктивный период» // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 8–17.

43. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. Т. 1. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. 558 с.

44. Цвибак М. Классовая борьба в Туркестане (Доклад и прения в секции истории Востока 12 января 1929 г.) // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 131–151.

45. Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (к десятилетию события) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114.

46. Шестаков А. В. «Историк-марксист» за пять лет (1926–1930 гг.) // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 135–136.

REFERENCES

1. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Rezoljucija Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov [All-Union Conference of Marxist Historians. Resolution of the All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 230-231.

2. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Sekcija narodov SSSR [All-Union Conference of Marxist Historians. Section of the Peoples of the USSR] *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 231-246.

3. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Soveshhanie istorikov Vostoka [All-Union Conference of Marxist Historians. Meeting of Historians of the East]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 12, pp. 324-333.

4. Grishaev O.V. *Politika partijnyh i gosudarstvennyh organov v oblasti institucionalnoj i nauchnoj organizacii istoricheskogo obrazovanija i izuchenija otechestvennoj istorii v 1917-m – seredine 1940-h gg. v SSSR* [Policy of Party and State Bodies in the Field of Institutional and Scientific Organization of Historical Education and Study of National History in 1917 – Mid-1940s in the USSR]. Voronezh, Izdat. dom VGU, 2020. 368 p.

5. Gurko-Krjazhin V. V sekciju istorii zarubezhnogo Vostoka obshhestva istorikov-marksistov. Zajavlenie. [To the Section of the History of the Foreign East of the Society of Marxist Historians. Application]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 89-91.

6. Danilov V.N. Ukrainskaja tema v obshhestve istorikov-marksistov [The Ukrainian Theme in the

Society of Marxist Historians]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Izvestiya Saratov University. A New Series. Series: History. International Relations], 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 22-30. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

7. Danilov V.N. Obshhestvo istorikov-marksistov i istoriki «staroj shkoly» [Society of Marxist Historians and Historians of the “Old School”]. *Istorija i istoricheskaja pamjat* [History and Historical Memory], 2016, no. 13-14, pp. 93-103.

8. Diskussija o socialno-ekonomicheskikh formacijah [Discussion of Socio-Economic Formations] *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 16, pp. 104-159.

9. Doroshenko V.A. Obrazovanie i osnovnye etapy dejatel'nosti Obshhestva istorikov-marksistov (1925–1932 gg.) [Education and the Main Stages of Activity of the Society of Marxist Historians (1925–1932)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija IX. Istorija* [Bulletin of the Moscow University. Series 9. History], 1966, no. 3, pp. 10-22.

10. Zajavlenie Gurko-Krjazhina, objasnenie oshibok, dopushhennyh v istoricheskikh rabotah, i otvet na tezisyy Mameta [Gurko-Kryazhin's Application, Explanation of Mistakes Made in Historical Works and Response to Mamet's Theses]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 539a. 4 l.

11. Iz zhizni istorikov v komvuzah [From the Life of Historians in Komvuz]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 322-323.

12. Iz tekushhej dejatel'nosti obshhestva [From the Current Activities of the Company]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, p. 320.

13. Irandust. Voprosy giljanskoj revoljucii [Questions of the Gilan Revolution]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, no. 5, pp. 124-146.

14. Pancov A.V., ed. *Karl Radek o Kitae: dokumenty i materialy* [Karl Radek on China: Documents and Materials]. Moscow, Sovero-print Publ., 2005. 303 p.

15. Kotjukova T.V. Vosstanie 1916 g.: shtrihi k istoricheskomu portretu [The Uprising of 1916: Touches to a Historical Portrait]. Kotjukova T.V., ed. *Vosstanie v 1916 goda v Turkestane: dokumentalnye svidetel'stva obshhej tragedii* [The Uprising in 1916 in Turkestan: Documentary Evidence of a Common Tragedy]. Moscow, Marjani Publ., 2016, pp. 24-105.

16. Kuznecov I. Opolozhenii i zadachah na fronte izuchenija Vostoka. K itogam diskussii v IKP istorii, prava i sovstroitel'stva [About the Situation and Tasks at the Front of the Study of the East. To the Results of the Discussion in the ICP of History, Law and Co-Construction]. *Borba klassov* [Struggle of Classes], 1931, no. 2, pp. 118-119.

17. Mamet L. O «marksizme», usvoennom v boju s marksizmom (po povodu «zajavlenija» Gurko-Krjazhina) [About the “Marxism” Learned in the Battle with Marxism (About the “Application” of Gurko-Kryazhin)]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 92-96.

18. Mamet L. Otrazhenie marksizma v burzhuaznom vostokovedenii (V. Gurko-Krjazhin i Vostok) [Reflection of Marxism in Bourgeois Oriental Studies (V. Gurko-Kryazhin and the East)]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 69-81.

19. Metel O.V. Sozdanie seti regionalnyh otdelenij obshhestva istorikov-marksistov v 1930–1932 gg. [Creation of a Network of Regional Branches of the Society of Marxist Historians in 1930–1932]. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology], 2018, no. 1, pp. 213-219.

20. Metel O.V. *Obshhestvo istorikov-marksistov i razvitie sovetской istoriografii vtoroj poloviny 1920-h – nachala 1930-h gg.* [The Society of Marxist Historians and the Development of Soviet Historiography in the Second Half of the 1920s – Early 1930s]. Gruzinskaja V.S., Kljuev A.I., Metel O.V. *Ocherki istorii institucionalnoj struktury sovetской istoricheskoy nauki 1920-h – 1930-h gg.* [Essays on the History of the Institutional Structure of Soviet Historical Science in the 1920s – 1930s]. Omsk, Izdat. tsentr KAN, 2018, pp. 90-105.

21. Metel O.V. Diskussija na «zapadnom uchastke istoricheskogo fronta» i razvitie sovetской istoriografii v 1920–1930-e gg. [Discussion on the “Western Section of the Historical Front” and the Development of Soviet Historiography in the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 53, pp. 59-63. DOI: 10.17223/19988613/53/12

22. Otchet o rabote sekcii vostochnoj istorii obshhestva istorikov-marksistov (fevral – maj 1929 g.) [Report on the Work of the Section of Eastern History of the Society of Marxist Historians (February – May 1929)]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 433. 11.

23. Nechkina M.V., ed. *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. T. IV* [Essays on the History of Historical Science in the USSR. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 853 p.

24. Pavlovich M.P. Revoljucija 1905 g. i Vostok [Revolution of 1905 and the East]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 142-143.

25. Pankratova A.M. *Sovetskaja istoricheskaja nauka za 25 let i zadachi istorikov v uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Historical Science for 25 Years and the Tasks of Historians in the Conditions of the Great Patriotic War]. *Dvadcat pjat let sovetской*

istoricheskoy nauki [Twenty-Five Years of Soviet Historical Science]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1942, pp. 3-40.

26. P.G. Ob obshhestve istorikov-marksistov [About the Society of Marxist Historians]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 317-319.

27. Piontkovskij S.A. Velikorusskaja burzhuaznaja istoriografija poslednego desjatiletija [Great Russian Bourgeois Historiography of the Last]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 18-19, pp. 156-176.

28. Pisma v redakciju i v prezidium Obshhestva istorikov-marksistov Gurko-Krjazhina ot 10.09.1930 g. po povodu doklada Mameta v sekcii zarubezhnogo Vostoka na temu «Gurko-Krjazhin i Vostok» [Letters to the Editorial Office and to the Presidium of the Gurko-Kryazhin Society of Marxist Historians Dated September 10, 1930 Regarding Mamet’s Report in the Section of the Foreign East on the Topic “Gurko-Kryazhin and the East”]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 140. 3 l.

29. Pokrovskij M.N. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov [All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 3-11.

30. Protokol bjuro vostochnoj sekcii obshhestva istorikov-marksistov ot 1 janvarja 1930 g. [Minutes of the Bureau of the Eastern Section of the Society of Marxist Historians Dated January 1, 1930]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 530. 1 l.

31. Protokol zasedanija uchreditelnogo sobranija sekcii po istorii Vostoka ot 18 janvarja 1927 g. [Minutes of the Meeting of the Constituent Assembly of the Section on the History of the East of January 18, 1927]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 424. 1 l.

32. Protokol obshhego sobranija sekcii istorii Vostoka obshhestva istorikov-marksistov ot 28 marta 1929 g. [Minutes of the General Meeting of the Section of the History of East of the Society of Marxist Historians of March 28, 1929]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 432. 16 l.

33. Protokol obshhego sobranija sekcii zarubezhnogo Vostoka obshhestva istorikov-marksistov ot 13 aprelja 1930 g. [Minutes of the General Meeting of the Section of the Foreign East of the Society of Marxist Historians of April 13, 1930]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 530. 3 l.

34. Radek K.B. Osnovnye voprosy kitajskoj istorii [Basic Questions of Chinese history]. *Novyj Vostok* [New East], 1927, books 16-17, pp. 1-53.

35. Rezoljucii, prinjatye na obshhem sobranii obshhestva istorikov-marksistov ot 19.III.30 g. [Resolutions Adopted at the General Meeting of the Society of Marxist Historians of 19 March 1930].

Istorič-marksist [Historian-Marxist], 1930, no. 15, pp. 165-168.

36. Rezolucija Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov [Resolution of the All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 230-231.

37. Rejsner I. Klassovaja sushhnost gandizma [The Class Essence of Gandhism]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 18-19, pp. 63-82.

38. Sidorov A.L. Nekotorye razmyshlenija o trude i opyte istorika [Some Reflections on the Work and Experience of a Historian]. *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1964, no. 3, pp. 118-138.

39. Sociologičeskaja sekcija obshhestva istorikov-marksistov [Sociological Section of the Society of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 13, pp. 278-280.

40. Tezisy doklada Safarova «K položheniju na vostokovedčeskom fronte» [Theses of Safarov's Report "Towards the Situation on the Orientalist Front"]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 316. 51.

41. Tezisy doklada Tabolova «K razrabotke problem Sovetskogo Vostoka» [Theses of Tabolov's Report "On the Development of Problems of the Soviet East"]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 435. 41.

42. Tezisy frakcii soveta obshhestva istorikov-marksistov «O zadachah istoričeskoj nauki v rekonstruktivnyj period» [Theses of the Fraction of the Council of the Society of Marxist Historians "On the Tasks of Historical Science in the Reconstructive Period"]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1931, no. 21, pp. 8-17.

43. *Trudy Pervoj Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov. 28 dekabnja 1928 g. – 4 janvarja 1929 g. T. 1.* [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians. December 28, 1928 – January 4, 1929. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Com. akad., 1930. 558 p.

44. Cvibak M. Klassovaja borba v Turkestane (Doklad i preniya v sekcii istorii Vostoka 12 janvarja 1929 g.) [Class Struggle in Turkestan (Report and Debate in the Section of the History of the East on January 12, 1929)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 131-151.

45. Shestakov A.V. Vosstanie v Srednej Azii v 1916 g. (k desjatiletiju sobytija) [The Uprising in Central Asia in 1916 (To the Tenth Anniversary of the Event)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 2, pp. 84-114.

46. Shestakov A.V. «Istorič-marksist» za pjat let (1926–1930 gg.) [“Historian-Marxist” for Five Years (1926–1930)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1931, no. 21, pp. 135-136.

Information About the Author

Victor N. Danilov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of the Russian History and Historiography, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Данилов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

UDC 94(470+571):316.35

LBC 63.3(2)-283.31

Submitted: 10.04.2024

Accepted: 10.07.2024

ON THE QUESTION OF THE SOCIAL ORIGINS OF EARLY COSSACK COMMUNITIES: RESULTS, METHODOLOGY AND PROSPECTS OF RESEARCH

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Addressing the complex and controversial problem of domestic Cossack studies – the determination of the stage affiliation of early Slavic Cossack communities – the author sets himself the task of summing up many years of discussions, identifying the most promising directions for further research, and identifying the associated methodological guidelines. *Methods and materials.* Many studies of the problem of the stage affiliation of early Cossack communities, carried out by pre-revolutionary, Soviet, and modern Russian Cossack researchers, as well as works on male unions and communities of the Slavic, Caucasian, and Turkic worlds, served as materials for the article. The analysis of sources and scientific publications was carried out using comparative historical and structural-functional methods, as well as methods of classification and typologization. *Analysis.* The available scientific papers on the problem were classified based on the social and political prototypes of early Cossack communities determined by scientists. Three groups of versions about the social nature of early Cossack communities have been identified, which correlate them: 1) with state structures; 2) with paramilitary communities that existed in the South Russian steppes and adjacent territories at the same time as the Cossacks; 3) with archaic structures (the so-called military democracy and male unions). *Results.* Defining the third direction as the most promising, the author of the article suggests expanding research on the cultural and historical comparison of Cossack organizations with archaic male unions and their later forms known in the Turkic, Caucasian, and Slavic worlds. We should start this case by adhering to a set of crucial methodological principles. These principles indicate that male unions were cultural universals, and their correlation with Cossack organizations may indicate not so much (and not only) genetic connections as typological ones. In contrast to the Caucasian and Central Asian unions, Cossack communities arose outside the metropolis, which, on the one hand, led to the need for them to build their own potestar structures and, on the other hand, determined the strong external impact on them from the Russian state. The development of Cossack communities did not follow the path of evolution but was first carried out in the form of a rollback to the archaic and then was associated with a series of sociocultural transformations.

Key words: early Cossack communities, social origins, stage affiliation, male unions, comparative historical analysis.

Citation. Ryblova M.A. On the Question of the Social Origins of Early Cossack Communities: Results, Methodology and Prospects of Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 249-260. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

УДК 94(470+571):316.35

ББК 63.3(2)-283.31

Дата поступления статьи: 10.04.2024

Дата принятия статьи: 10.07.2024

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РАННИХ КАЗАЧЬИХ СООБЩЕСТВ: ИТОГИ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марина Александровна Рыблова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Обращаясь к сложной и дискуссионной проблеме отечественного казачеведения – определению стадияльной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ – автор ставит перед собой задачи подвести итог многолетним дискуссиям, выявить наиболее перспективные направления дальнейших исследований и определить связанные с ними методологические установки. *Методы и материалы.* Материалами для статьи послужили многочисленные исследования проблемы стадияльной принадлежности ранних казачьих сообществ, осуществленные дореволюционными, советскими и современными отечественными исследователями-казачеводами, а также работы, посвященные мужским союзам и сообществам славянского, кавказского и тюркского миров. Анализ источников и научных публикаций осуществлялся с применением сравнительно-исторического и структурно-функционального методов, а также методов классификации и типологизации. *Анализ.* Имеющиеся по проблеме научные работы были классифицированы на основе определяемых учеными социальных и политических прототипов ранних казачьих сообществ. Выделены три группы версий о социальной природе ранних казачьих сообществ, которые соотносят их: 1) с государственными структурами; 2) с военизированными сообществами, существовавшими в южнорусских степях и сопредельных территориях одновременно с казаками; 3) с архаичными структурами (так называемой военной демократией и мужскими союзами). *Результаты.* Определяя именно третье направление в качестве наиболее перспективного, автор статьи предлагает расширить исследования по культурно-историческому сравнению казачьих организаций с архаичными мужскими союзами и их поздними формами, известными в тюркском, кавказском и славянском мирах. При этом предполагается исходить из набора важнейших методологических установок: мужские союзы представляли собой культурные универсалии, и их соотнесение с казачьими организациями может свидетельствовать не столько (и не только) о генетических связях, сколько о типологических; в отличие от кавказских и среднеазиатских союзов, сообщества казаков возникали за пределами метрополии, что, с одной стороны, приводило к необходимости выстраивания ими своих собственных постарных структур, с другой стороны, определяло сильное внешнее воздействие на них со стороны Российского государства. Развитие казачьих сообществ шло не по пути эволюции, а сначала осуществлялось в виде отката к архаике, а затем было сопряжено с чередой социокультурных трансформаций. Представляется весьма перспективным соотнесение казачьих сообществ с мужскими сообществами славянского мира: княжескими дружинами, крестьянскими братствами, союзами неженатой молодежи, цеховыми и промысловыми мужскими объединениями и пр. Такие сравнения должны осуществляться по максимальному набору признаков, отдельных структурных элементов и функций, которые предлагаются автором в качестве примерной модели.

Ключевые слова: ранние казачьи сообщества, социальные истоки, стадияльная принадлежность, мужские союзы, сравнительно-исторический анализ.

Цитирование. Рыблова М. А. К вопросу о социальных истоках ранних казачьих сообществ: итоги, методология и перспективы исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 249–260. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

Введение. Проблемы истории российского казачества вызывают неиссякаемый интерес историков со времени зарождения российской историографии в XVIII в. и до настоящего времени. При этом происходит постоянное смещение фокуса научных исследований и расширение самого исследовательского поля [48, с. 6]. Долгое время отечественных ученых волновала проблема не только происхождения казаков, но и определения стадияльной принадлежности их сообществ, а также поиска тех социальных или политических структур, которые послужили основой, прообразом для их формирования на юге России на рубеже XV–XVI веков. В последнее время эта тема была актуализирована в двух публикациях: монографии Н.И. Никитина [23] и совместном

труде Н.И. Никитина и А.В. Малова [19]. Выявив и оценив высказанные учеными (начиная с конца XVIII в.) версии о стадияльной принадлежности ранних (вольных) казачьих сообществ, авторы этих работ сошлись в убеждении, что казаки создавали архаичные структуры, связанные в том числе и с таким древними институтами, как военная демократия и мужские союзы. Однако и после проведенного исследователями анализа целый ряд вопросов остается дискуссионным, и это обстоятельство дает основание для дальнейшего продолжения научных штудий.

В связи с очень широким разбросом мнений, высказанных исследователями по поводу стадияльной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ, представля-

ется важным и актуальным осуществить их классификацию, выявить наиболее перспективные направления дальнейших работ, а также определиться с методологическими основами исследований, связанных с осуществлением сравнительного анализа и сопоставления казачьих сообществ с институтом архаичных мужских союзов.

Методы и материалы. Материалами для статьи послужили многочисленные исследования проблемы стадийной принадлежности ранних казачьих сообществ, осуществленные дореволюционными, советскими и современными исследователями-казаковедами. Высказанные в разное время версии будут классифицироваться на основе определяемых учеными социальных и политических прототипов ранних казачьих сообществ. В связи с тем, что одна из ключевых авторских позиций заключается в том, что необходимо расширить границы уже проведенного историко-сравнительного анализа и соотнести вольные казачьи сообщества, расселявшиеся по Дону с притоками, Яику, Тереку и Днепру (ниже порогов), с мужскими сообществами / союзами, известными на сопредельных территориях, в статье использовались также исследования и материалы, посвященные мужским союзам и сообществам славянского, кавказского и тюркского миров [3; 4; 6; 7; 12; 14; 26; 29; 39, 40; 50; 52].

Анализ источников и научных публикаций по этой проблеме осуществлялся с применением историко-сравнительного и структурно-функционального методов, а также метода типологизации, которые позволили выявить основные элементы сравниваемых сообществ и их функции с дальнейшей перспективой их использования для будущих сравнительно-типологических исследований.

Анализ. Выделяя ключевые и дискуссионные вопросы проблемы стадийной принадлежности донских казаков, отраженные в многочисленных работах отечественных исследователей, можно сгруппировать их в рамках трех основных блоков на основе двух главных признаков: определения их социально-политической природы и первичного прообраза, положенного в основу этих сообществ.

1. В первую группу можно объединить версии ученых, которые полагали, что уже в ранний период истории существовали само-

стоятельные казачьи государства или близкие к ним и развитые формы (квазигосударство, парapolитейное государство). Такой позиции придерживались: В.Г. Сватиков [36, с. 36], С.И. Тхоржевский [44, с. 28]. О том, что «казацким идеалом» было «буржуазно-демократическое равенство», писал С.Г. Томсинский [43, с. 185]. И.Г. Рознер и В.А. Голобуцкий [8] считали украинских казаков носителями передовых капиталистических тенденций, а казачьи сообщества называли «антифеодальными государственными образованиями», своеобразными (пусть и не развитыми) демократическими республиками [30, с. 47–48, 56].

В постсоветское время появились более взвешенные и осторожные оценки казачьей государственности. Так, А.Ю. Дворниченко полагал, что ранние казачьи сообщества имели ярко выраженные признаки государственности, но она была «скорее потестарной, чем политической», к тому же имела характер вторичности (формировалась под сильным внешним воздействием) [10]. В качестве квазигосударства определяли Донское войско Р.Г. Тикиджьян, А.П. Скорик, А.В. Кочегаров и В.П. Трут [42, с. 73], а Запорожскую сечь – А.В. Кондрико [15, с. 17]. В XXI в. также были возрождены идеи о высоком уровне политической организации ранних казачьих сообществ. Некоторые ученые стали называть организации яицких и донских казаков «независимыми государствами», а казачью демократию – предтечей современной [22, с. 24; 49, с. 8].

2. Во вторую группу можно объединить версии, согласно которым казаки выстраивали свои сообщества, опираясь на традиции, существовавшие единовременно с ними. Так, исследователи отмечали влияние на внутреннюю организацию донских казачьих сообществ демократического устройства вольных татарских отрядов и станиц (активно возникших после распада Золотой Орды), с которыми первые не только жили по-соседству, но и нередко смешивались [16, с. 114; 21, с. 231; 47]. И.О. Тюменцев обосновывал мысль о типологическом сходстве татарских (кочевых) и славянских (оседлых) казачьих сообществ, возникших на основе объединения маргинализованного населения Подонья после распада Золотой орды [45–47]. А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков и Н.И. Ни-

китин указали на возможности легкого перехода из российского служилого казачества в вольное, а также на то, что в XVI в. действия служилых мещерских казаков против ногайцев ничем, в сущности, не отличались от походов вольных донских казаков «за зипунами» [27, с. 41; 23, с. 185]. Представляется, что такое сходство действий вполне могло соотноситься со сходством организационным.

Все эти версии можно охарактеризовать как взвешенные, опирающиеся на исторические свидетельства и вполне согласующиеся с выводами этнографов о том, что на территории расселения вольного славянского казачества шли активные процессы социокультурного взаимодействия и обмена опытом разных этнических групп. Однако, указывая на возможные связи ранних казачьих сообществ с теми или иными структурами (кочевыми татарскими или горскими сообществами, организациями российских служилых казаков), исследователи, во-первых, не определяли четко характер (типологическую принадлежность) этих структур, а во-вторых, не приводили конкретных свидетельств и параллелей, что сопряжено в первую очередь со скудостью источников по этой проблеме.

Впрочем, исключение составляют работы М.И. Крайсветного, который находил прямые аналогии между донскими казачьими организациями и воинскими сообществами Северного Кавказа, в первую очередь адыгскими (и отчасти аланскими). При этом исследователь объяснял их генетическими причинами: происхождением донских казаков непосредственно от адыгов [18; 19], что не находит подтверждений историческими источниками и, кроме того, не является обязательным следствием обнаруженных сходств, так как речь может идти и о типологически сходных явлениях.

Некоторые исследователи (В.М. Пудавов, А.А. Скальковский, Д.И. Эварницкий) соотносили ранние казачьи сообщества запорожских и донских казаков с современными им рыцарскими орденами европейского Средневековья [28, с. 179–181; 38, с. 17, 101–104; 51]. В постсоветское время эти представления развивали Р.В. Багдасаров и А.В. Кондрико [1; 15]. Соглашаясь с оценкой Д.С. Сенем прямого соотнесения запорожского каза-

чьего сообщества с рыцарским орденом, как тупикового [37, с. 234], отмечу, однако, что в целом такие сравнительные параллели в то время открывали новые перспективы для поиска места казачьих сообществ среди других социальных образований позднего Средневековья.

Наконец, в 1990-х гг. А.Л. Станиславский и Н.И. Никитин высказали интересную мысль о наличии некоторых сходных элементов в организации ранних казачьих сообществ и криминальных организаций [41, с. 244; 24, с. 10]. В то время эта мысль некоторым исследователям показалась спорной и подверглась критике [10, с. 129]. Однако после выхода статьи Л. Самойлова (Л.С. Клейна) о советской исправительно-трудовой колонии [35] и монографии К.Л. Банникова о российской армии [5], в которых были представлены мужские сообщества в экстремальных условиях существования, идея о наличии некоторых схожих черт у ранних славянских казачьих и российских криминальных сообществ уже не представлялась чем-то крамольным и была поддержана некоторыми учеными [46].

3. В третий блок можно объединить мнения тех исследователей, которые в поисках прообраза ранних казачьих организаций обратились в прошлое. Так, еще в XVIII в. Г.Ф. Миллер обнаруживал в «казачьей демократии» признаки глубокой первобытности, а военную организацию запорожцев называл догосударственной формой общественной жизни [20]. В.Г. Дружинин писал о «совершенно неразвитых первобытных формах административного устройства» вольного сообщества донских казаков [11, с. 28].

В советское время идея архаичности устройства ранних донских казачьих сообществ была актуализирована Н.И. Никитиным, который находил в их общественно-политическом устройстве аналогии с «социально-политической структурой доклассового общества в период военной демократии», полагая, что до государственности казакам было далеко [25, с. 240]. Исследователь считал, что вольные казачьи сообщества являлись не олицетворением грядущих социальных отношений, а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодалных времен. Позицию Н.И. Никитина поддержал

А.Л. Станиславский, также считавший, что ранние казачьи организации много архаичнее общественного устройства Российского государства того времени [41, с. 244].

Вслед за этими исследователями версия об архаичности ранней организации донских казаков обосновывалась автором данной статьи. Была высказана мысль о том, что в их основу могли быть положены различные формы славянских мужских объединений (дружины, братства и пр.), а также средневековые европейские комитаты [31, с. 71–72; 34]. Были отмечены и возможности влияния на казачьи организации традиций мужских союзов, реликты которых сохранялись, например, на Кавказе и в Средней Азии до середины XX в., а также представлены множественные этнографические параллели между ними [32, с. 125; 33, с. 13–14].

Дальнейшее развитие этой идеи было осуществлено украинским исследователем В.В. Грибовским. Оно представлено в коллективной монографии, вышедшей в Казани под грифом Академии наук Республики Татарстан, а потому, надо полагать, отражает мнение группы отечественных ученых. В.В. Грибовский провел аналогии между сообществами славянских казаков и тюркскими (среднеазиатскими) мужскими сообществами, известными преимущественно по материалам XIX–XX вв. [13, с. 11–69]. Отбросив при анализе весь кавказский и славянский массив материалов по этой проблеме, исследователь пришел к выводу, что «в основе русского и украинского казачества лежали не славянские мужские союзы, исчерпавшие себя в предшествующую эпоху (княжеская дружина), а те их формы, которые с древности вырабатывались степными обществами и прошли вторичную институализацию в ходе распада чингизидских государств в XV в.» [13, с. 172]. При этом отрицание возможностей влияния на казачий мир славянских мужских союзов (или их поздних форм, не ограничивающихся, кстати, только княжескими дружинами) исследователь ничем не обосновывал.

Меж тем, наличие массы культурных параллелей между казачьими сообществами и тюркскими мужскими союзами не исключает такого же (если не более мощного) влияния со стороны славянских мужских сооб-

ществ, которые продолжали существовать, изменяясь, так же как изменялись (проходили «вторичную институализацию» в ходе распада чингизидских государств в XV в.) мужские союзы тюркского мира. Главная же проблема, которая вытекает из сравнительного анализа В.В. Грибовского, заключается в том, что, обнаруживая сходства одного явления с другим, он делает вывод о наличии генетической связи между ними («в основе казачества лежали “степные сообщества”»), что вовсе не является обязательным следствием этих сходств.

В 2022 г. по проблеме стадийной принадлежности ранних сообществ донских казаков вновь высказался Н.И. Никитин. Подтвердив свое давнее мнение об архаичности их сообществ, он особо отметил, что «практики мужских союзов если и определяли социальное устройство казачьих сообществ, то лишь на самых ранних этапах их становления и существования» [23, с. 229]. Эта оговорка представляется очень важной, хотя и не вполне достаточной. Отдельные практики мужских союзов воспроизводились казаками и в более позднее время, но никогда только ими не ограничивались. И люди, уходившие из метрополии «в казаки», имели опыт не только членства в мужских сообществах (воинских или крестьянских), но и участия в государственных делах метрополии, на что справедливо указывал в свое время А.В. Дворниченко [9; 10].

Результаты. Подводя итог дискуссиям о стадийной принадлежности ранних казачьих сообществ, выскажу свою позицию по этому поводу, отметив также и ряд положений методологического характера.

1. В настоящее время в научном сообществе получает все большее признание и распространение мысль о том, что в основе ранних казачьих сообществ могли быть структуры, определяемые в качестве архаичных мужских союзов. Это обстоятельство можно признать весьма значимым для отечественного казачеведения, открывающим дальнейшие перспективы исследования социальной истории славянских групп казаков.

2. Исторические свидетельства о ранних казачьих сообществах и современные научные знания не дают оснований ограничивать сравнение их лишь с тюркскими и монголь-

кими мужскими союзами. В числе возможных прототипов ранних казачьих сообществ могли быть и кавказские, и славянские мужские сообщества. Особый интерес представляет сравнение казачьих сообществ с последними – княжескими дружинами, крестьянскими братствами, союзами неженатой молодежи, цеховыми объединениями, мужскими промысловыми артелями и пр.

3. Сравняя казачьи сообщества с мужскими союзами сопредельных территорий, необходимо использовать максимальный набор признаков. Проведенный мною анализ работ, посвященных славянским, среднеазиатским и кавказским мужским сообществам, позволяет предложить следующий их перечень: гомогенный половой состав; наличие системы возрастных классов (или их поздних форм) и системы наставничества; наличие переходно-посвятительных обрядов (инициационных испытаний) и представлений об общем предке; установление нового (символического) кровного родства; длительное совместное проживание групп молодых мужчин; наличие для этого собственных домов и общего имущества; наличие собственной власти, выборность должностных лиц; совместное проведение досуга и праздников; высокий статус стариков; наличие системы обще- и внутригрупповых знаков и атрибутов.

Осуществляя сравнительный анализ, необходимо выстраивать иерархию этих признаков и понимать при этом, что на разных стадиях развития мужских союзов / сообществ один и тот же признак мог занимать разное место в этой иерархии.

4. Глубокое понимание сущности мужских союзов не возможно без определения их главных функций, а потому они также должны стать основой для сравнительно-исторического анализа. Обращение к материалам по славянским братствам, кавказским и среднеазиатским мужским союзам позволило выделить следующие их функции: установление и поддержание своей власти (противопоставленной не только женскому миру, но и власти метрополии), наличие института выборных должностей; защита своей территории и забота об ее благоустройстве; ведение боевых действий с неприятелем; организация сборов, военно-спортивных тренировок, социализация

юношей; забота о погребении членов своих сообществ.

5. При осуществлении сравнительного анализа необходимо с осторожностью относиться к любым выявленным сходствам, избегая скорых генетических построений (например, связывая происхождение славянских казачьих организаций непременно с горцами или степными тюрками). Чтобы избежать этого, необходимо также понимать, что мужские союзы относятся к культурным универсалиям, архаичные принципы и механизмы действия которых проявляются всякий раз, когда на периферии культурного или социального пространства возникает и пытается приобрести форму какое-либо экстремальное мужское объединение – армейский коллектив, религиозное братство, криминальное сообщество на воле или в заключении или сообщество тех, кто выбрал в качестве своей судьбы казакование.

6. После детального выявления сходств между разными сообществами (даже типологически близкими) необходимо, по справедливому замечанию Д.В. Сеня, обратиться и к поиску их различий [37, с. 230]. К числу таких важнейших различий может быть отнесено то обстоятельство, что славянские мужские сообщества метрополии, а также кавказские и среднеазиатские мужские союзы формировались внутри общинных и семейно-родовых структур, в то время как казаки создавали свои сообщества за пределами метрополии, отрываясь и от семей, и от общин, и от государства.

В этом отношении организации запорожских, донских, терских и уральских казаков гораздо больше напоминают сообщества поздних сарматов, действовавших примерно на той же территории и представлявших собой (согласно исследованиям волгоградского антрополога М.А. Балабановой) мужскую военнизированную организацию, оторванную от территории основного расселения и состоявшую преимущественно из взрослых мужчин-воинов [2].

Представляется также, что именно выход казачьих сообществ за пределы метрополий, необходимость выстраивать свои собственные структуры на новых землях и приводили к быстрой их политизации.

7. Определяя признаки, сближающие казачьи организации с другими евразийскими мужскими сообществами / союзами, необходимо фиксировать не только те, которые объединяют их в рамках одной типологической единицы, но и те, которые не вписываются в структуру мужских союзов. Это как раз те признаки, которые обнаруживали сторонники «казачьей государственности», или «квазигосударственности»: выстраивание собственной власти, противопоставленной не женскому миру (как в классических мужских союзах), а политической системе Российского государства. Вольными казаками реализовывался проект куда более мощный и с другой идеологией, основанной на противопоставлении российской неволе казачьей воли. Говоря о создаваемых вольными казаками организационных структурах, также не стоит сбрасывать со счетов и тот опыт (политический и социокультурный), который имели уходящие в казаки, и то внешнее воздействие, которое оказывалось на них со стороны Российского государства.

8. Остается дискуссионным вопрос о формах и направлениях исторического развития славянских казачьих сообществ. Был ли для казаков «возврат к архаике» регрессом или возвращением в утраченный Золотой век? Можно ли говорить о дальнейшей деградации мужских союзов у казаков под влиянием фактора семейственности (В.В. Грибовский)?

Представляется, что речь должна идти не о регрессе, не о деградации и не об эволюционном переходе от мужского союза к словию. Первоначальные процессы формирования казачьих сообществ скорее вписываются в так называемую теорию «вторичной архаики», а последующие изменения связаны с чередой социокультурных трансформаций, которым подвергалась сама модель казачества под влиянием постоянно меняющихся внешних факторов.

Что касается возврата казаков в лоно империи, то в этом сложном процессе соединились воедино чаяния российских политических структур и казачьей зажиточной верхушки, которая, по сути, осуществила мощнейший проект по возвращению в статусную зону, но в новом качестве: уже отнюдь не маргиналов, а государевых слуг, имеющих целый ряд преференций.

9. Казачий материал дает исследователям возможность для реконструкции тех социальных моделей (в первую очередь, воинских и в целом мужских), которые к тому времени в самой метрополии были полностью или частично утрачены либо существенно деформированы. Так называемая «казачья архаика» вообще может широко использоваться во многих фольклорно-этнографических студиях: в изучении славянского мужского фольклора, русских былин, славянских воинских сообществ (солдатских, стрелецких, дружинных и пр.), а также их обрядовых практик.

Дальнейшее развитие проблемы стадийной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ в целом позволит более широко и глубоко обозначить проблему мужских сообществ в русской народной традиции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2024–26 гг. «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта», № гр. проекта 124012200178-4

ACKNOWLEDGMENTS

The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2024–26 “Cossacks in the civilizational development of the southern frontier by Russia”, project no. 124012200178-4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасаров Р. В. Пугу! Три века запорожской воли // За порогом. Статьи, очерки, эссе. М.: ЮС-Б, 2003. 280 с.
2. Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 66–88.
3. Балушок В. Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициаций // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 92–98.
4. Балушок В. Г. Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI – середина XVII в.) // Советская этнография. 1987. № 2. С. 41–51.

5. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы российской армии. М.: ИЭА РАН, 2002. 400 с.
6. Боржковский В. В. «Парубоцтво», как особая группа в малорусском сельском обществе // Киевская старина. 1887. Т. XVIII. С. 768–769.
7. Вагилевич И. Гуцулы – обитатели восточной отрасли Карпатских гор // Пантэон. 1855. Т. XXI. Кн. III. С. 17–56.
8. Голобуцкий В. А. Запорожская Сечь // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 93–107.
9. Дворниченко А. Ю. О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. С. 107–110.
10. Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) // Дом Романовых в истории России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. С. 124–133.
11. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 335 с.
12. Ефименко А. Я. Южно-русские братства // Южная Русь: очерки, исследования, заметки. В 2 т. Т. 1. СПб.: [б. и.], 1905. С. 200–309.
13. Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань: [б. и.], 2018. 804 с.
14. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.
15. Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 23 с.
16. Королев В. Н. Казаки донские // Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 114–118.
17. Крайсветный М. И. О роли народов Кавказа в этногенезе донского казачества // Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвящена памяти Ю.Н. Воронова: Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов, сохранение культурного наследия: материалы конф. Сухум, 2006. С. 213–218.
18. Крайсветный М. И. Элементы культуры северокавказских народов в культуре донского казачества // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе: тез. Междунар. науч. конф. Ростов н/Д; Азов: ЦВВР, 2006. С. 52–56.
19. Малов А. В., Никитин Н. И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследования, справ. материалы, источники. М.: Снежный ком, 2023. 758 с.
20. Миллер Г. Ф. О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Апрель. С. 291–334.
21. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 510 с.
22. Мохов А. Е. Казачество и Российское государство. М.: Вуз. кн., 2011. 157 с.
23. Никитин Н. И. История казачества: аспекты научные и политические. М.: Директ-Медиа, 2022. 488 с.
24. Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. Международная конференция «Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина»: тез. докл. В 2 ч. Ч. II. М.: [б. и.], 1994. С. 3–14.
25. Никитин Н. И. О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России. М.: Ин-т истории России, 1987. С. 236–245.
26. Попов А. Н. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. В 4 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Н. Калачева, 1854. С. 19–41.
27. Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 420 с.
28. Пудавав В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск: М. В. Пудавов, 1890. 328 с.
29. Рахимов Р. Р. Социальная иерархия в традиционных «мужских домах» у таджиков // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М.: [б. и.], 1990. С. 89–131.
30. Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 42–56.
31. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.
32. Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2009. 481 с.
33. Рыблова М. А. Стать воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ; Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 280 с.
34. Рыблова М. А. «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 86–106.
35. Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 98–108.

36. Сватиков С. Г. Россия и Дон. 1549–1917. Ростов н/Д: Ростовкнига, 2013. 596 с.
37. Сень Д. В. Военизированные сообщества в историко-сравнительной перспективе: общие пути социального развития или общие исследовательские подходы // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 230–239.
38. Скальковский А. А. История новой Сечи или последнего коша Запорожского. На основании подлинных документов Западного Сечевого Архива. Изд. III. Ч. I. Одесса: Тип. А. Шульце, 1846. 294 с.
39. Снесарев Г. П. О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии. М.: Наука, 1964. 260 с.
40. Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 7. С. 155–205.
41. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
42. Тикиджьян Р. Г., Скорик А. П., Кочегаров А. В., Трут В. П. Донское казачество и Российское государство: исторический опыт взаимоотношений // Казачий Дон. Очерки истории. В 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1995. С. 67–149.
43. Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 306 с.
44. Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. 1923. С. 9–28.
45. Тюменцев И. О. Казачество в правление Ивана Грозного (1533–1584 гг.) // Археолого-этнографические исследования Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995. С. 5–23.
46. Тюменцев И. О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–82.
47. Тюменцев И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации: материалы 2-й Всерос. науч. конф., 6–10 апр. 2006 г. Ростов н/Д: Домбай, 2006. С. 247–254.
48. Тюменцев И. О. Актуальные проблемы истории казачества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 6–7.
49. Фалалеев А. В. Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (конец XV – первая четверть XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 28 с.
50. Хорватова Э. Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 162–173.
51. Эварницкий Д. И. История Запорожских казаков. В 3 т. Т. I. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 852 с.
52. Ястребов В. Н. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1896. 19 с.

REFERENCES

1. Bagdasarov R.V. Pugu! Tri veka zaporozhskoj voli [Pugu! Three Centuries of Zaporizhian Will]. *Za porogom. Statyi, ocherki, esse* [Beyond the Threshold. Articles, Essays]. Moscow, JuS-B Publ., 2003. 280 p.
2. Balabanova M.A. Rekonstrukcija socialnoj organizacii pozdnih sarmatov po antropologicheskim dannym [Reconstruction of the Social Organization of the Late Sarmatians According to Anthropological Data]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin], 2003, iss. 6, pp. 66-88.
3. Balushok V.G. Drevneslavjanskije molodezhnye sojuzy i obrjady iniciacij [Ancient Slavic Youth Unions and Initiation Rites]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1996, no. 3, pp. 92-98.
4. Balushok V.G. Obrjady i obychai zhiznennogo cikla ukrajskikh cehovyh remeslennikov (XVI – seredina XVII v.) [Rituals and Customs of the Life Cycle of Ukrainian Guild Artisans (The 16th – Mid-17th Centuries)]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography], 1987, no. 2, pp. 41-51.
5. Bannikov K.L. *Antropologija ekstremalnih grupp. Dominantnye otnoshenija sredi voennosluzhashchih srochnoj sluzhby rossijskoj armii* [Anthropology of Extreme Groups. Dominant Relationships Among Conscripts of the Russian Army]. Moscow, IEA RAN, 2002. 400 p.
6. Borzhkovskij V. «Paruboctvo», kak osobaja gruppa v malorusskom selskom obshhestve [“Parubotstvo” as a Special Group in Little Russian Rural Society]. *Kievskaja starina* [Kiev Antiquity], 1887, vol. XVIII, pp. 768-769.
7. Vagilevich I.N. Guculy – obitateli vostochnoj otrasli Karpatskih gor [Hutsuls – Inhabitants of the Eastern Part of the Carpathian Mountains]. *Panteon* [The Pantheon], 1855, vol. XXI, book III, pp. 17-56.
8. Golobuckij V.A. Zaporozhskaja Sech [Zaporizhzhya Sich]. *Voprosy istorii* [History Issues], 1970, no. 2, pp. 93-107.
9. Dvornichenko A.Ju. O rannih kazachyih soobshhestvah [About Early Cossack Communities].

Istoricheskij opyt russkogo naroda i sovremennost. Mavrodinskiye chteniya [Historical Experience of the Russian People and Modernity. Mavrodin Readings]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 1994, pp. 107-110.

10. Dvornichenko A. Ju. Pervye Romanovy i demokraticheskie tradicii russkogo naroda (k istorii rannih kazachyih soobshhestv) [The First Romanovs and the Democratic Traditions of the Russian People (To the History of Early Cossack Communities)]. *Dom Romanovykh v istorii Rossii* [House of Romanov in the History of Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 1995, pp. 124-133.

11. Druzhinin V. G. *Raskol na Donu v konce XVII v.* [Schism on the Don at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Tip. I. N. Skorohodova, 1889. 335 p.

12. Efimenko A. Ya. Juzhno-russkie bratstva [South Russian Brotherhoods]. *Juzhnaya Rus: ocherki, issledovaniya, zametki. V 2 t. T. 1* [Southern Rus': Essays, Studies, Notes. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, s.n., 1905, pp. 200-309.

13. *Kazachestvo v tjurkskom i slavjanskom mirah* [Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds]. Kazan, s.n., 2018. 804 p.

14. Karpov Ju. Ju. *Dzhigit i volk. Muzhskie sojuzy v sociokulturnoj tradicii gorcev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf. Men's Unions in the Sociocultural Tradition of the Caucasian Highlanders]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996. 311 p.

15. Kondriko A. V. *Sistema kazachyego samoupravleniya v ramkah rossijskoj gosudarstvennosti na primere Zaporozhskoj Sechi v ser. XVII – kon. XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [The System of Cossack Self-Government Within the Framework of Russian Statehood Using the Example of the Zaporozhye Sich in the Middle of the 17th – The End of the 18th Century]. Moscow, IUMGOU, 2015. 23 p.

16. Korolev V. N. Kazaki donskie [Cossacks of the Don]. *Ehnciklopediya kultur narodov Yuga Rossii: V 9 t. T. 1* [Encyclopedia of Cultures of the Peoples of the South of Russia]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTS VSh, 2005, pp. 114-118.

17. Krajsvetnyj M. I. O roli narodov Kavkaza v etnogeneze donskogo kazachestva [On the Role of the Peoples of the Caucasus in the Ethnogenesis of the Don Cossacks]. *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkhologicheskaya konferentsiya, posvyashchena pamyati Yu. N. Voronova: Drevniye kultury Kavkazskogo Prichernomor'ya, ikh vzaimodeystviye s kulturami sosednikh regionov, sokhraneniye kulturnogo naslediya: materialy konf.* [The First Abkhazian International Archaeological Conference, Dedicated to the Memory of Yu. N. Voronov: Ancient Cultures of the Caucasian Black Sea Region, Their Interaction with the Cultures of Neighboring Regions,

Preservation of Cultural Heritage: Conference Materials]. Sukhum, 2006, pp. 213-218.

18. Krajsvetnyj M. I. Elementy kultury severokavkazskih narodov v kulture donskogo kazachestva [Elements of the Culture of the North Caucasian Peoples in the Culture of the Don Cossacks]. *Kazachestvo v juzhnoj politike Rossii v Prichernomorskom regione: tez. Mezhdunar. nauch. konf.* [Cossacks in the Southern Policy of Russia in the Black Sea Region. Abstracts of the International Scientific Conference]. Rostov-on-Don; Azov, TsVVR Publ., 2006, pp. 52-56.

19. Malov A. V., Nikitin N. I. *Rossijskoe kazachestvo na zare svoej istorii (XV–XVII veka): issledovaniya, sprav. materialy, istochniki* [Russian Cossacks at the Dawn of Their History (The 15th – 17th Centuries): Research, Reference Materials, Sources]. Moscow, Snezhnyj kom Publ., 2023. 758 p.

20. Miller G. F. Onachale i proishozhdenii kazakov [About the Beginning and Origin of the Cossacks]. *Sochineniya i perevody, k polze i uveseleniju sluzhashhie* [Works and Translations Serving for Benefit and Amusement], 1760, April, pp. 291-334.

21. Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego Srednevekovyja (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (Before 1671)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1998. 510 p.

22. Mohov A. E. *Kazachestvo i Rossijskoe gosudarstvo* [Cossacks and the Russian State]. Moscow, Vuz. kniga Publ., 2011. 157 p.

23. Nikitin N. I. *Istorija kazachestva: aspekty nauchnye i politicheskie* [History of the Cossacks: Scientific and Political Aspects]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2022. 488 p.

24. Nikitin N. I. Kazachyi soobshhestva kak primer samoorganizacii vnesoslovyh i vneklassovyh socialnyh sloev XVI–XVII vv. [Cossack Communities as an Example of Self-Organization of Non-Class Social Strata of the 16th – 17th Centuries]. *Sosloviya i gosudarstvennaja vlast v Rossii. Mezhdunarodnaja konferencija «Chteniya pamjati akad. L. V. Cherepnina»: tez. dokl. V 2 ch. Ch. II* [Estates and State Power in Russia. International Conference “Readings in Memory of Academician L. V. Tcherepnin”. Abstracts of Reports. In 2 Pts. Pt. 2]. Moscow, s.n., 1994, pp. 3-14.

25. Nikitin N. I. O formacionnoj prirode rannih kazachyih soobshhestv [On the Formational Nature of Early Cossack Communities]. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow, In-t istorii Rossii, 1987, pp. 236-245.

26. Popov A. N. Piry i bratchiny [Feasts and Brothers]. *Arhiv istoriko-juridicheskikh svedenij, otnosjashhijhsja do Rossii. V 4 kn. Kn. 2* [Archive of Historical and Legal Information Related to Russia.

In 4 Books. Book 2]. Moscow, Izd-vo N. Kalachova, 1854, pp. 19-41.

27. Pronstein A.P., Mininkov N.A. *Krestianskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vekov i donskoye kazachestvo* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries and the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1983. 420 p.

28. Pudavov V.M. *Istorija vojska Donskogo i starobytnost nachal kazachestva* [History of the Don Army and the Ancient Origins of the Cossacks]. Novocherkassk, M. V. Pudavov, 1890. 328 p.

29. Rahimov R.R. Socialnaja ierarhija v tradicionnyh “muzhskih domah” u tadjikov [Social Hierarchy in Traditional “Male Houses” Among Tajiks]. *Etnograficheskie aspekty tradicionnoj voennoj organizacii narodov Kavkaza i Srednej Azii* [Ethnographic Aspects of the Traditional Military Organization of the Peoples of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, s.n., 1990, pp. 89-131.

30. Rozner I.G. Antifeodalnye gosudarstvennye obrazovanija v Rossii i na Ukraine v XVI–XVIII vv. [Antifeudal State Formations in Russia and Ukraine in the 16th – 18th Centuries]. *Voprosy istorii* [History Issues], 1970, no. 8, pp. 42-56.

31. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazachyji soobshhestva na Donu v XVI–pervoj tretej XIX veka* [Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th – First Third of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 542 p.

32. Ryblova M.A. *Muzhskie soobshhestva donskih kazakov kak sociokulturnyj fenomen XVI–pervoj tretej XIX v.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Male Communities of the Don Cossacks as a Sociocultural Phenomenon of the 16th – First Third of the 19th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. med. un-ta, 2009. 481 p.

33. Ryblova M.A. *Stat voinom: tradicii socializacii junoshej i podgotovki voinov v donskoj kazachyej obshhine* [Become a Warrior: Traditions of Socialization of Young Men and Training of Warriors in the Don Cossack Community]. Volgograd, Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu, Izd-vo JuNTs RAN, 2016. 280 p.

34. Ryblova M.A. «Vzvejtes, sokoly, orlami»: ornitomorfnaia simbolika v vostochnoslavjanskoj voinskoj tradicii [“Soar, Falcons, Like Eagles”: Ornithomorphic Symbolism in the East Slavic Military Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 2, pp. 86-106.

35. Samojlov L. Etnografija lagerja [Ethnography of the Camp]. *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnography], 1990, no. 1, pp. 98-108.

36. Svatikov S.G. *Rossija i Don. 1549–1917* [Russia and Don. 1549–1917]. Rostov-on-Don, Rostovkniga Publ., 2013. 596 p.

37. Sen D.V. Voenizirovannye soobshhestva v istoriko-sravnitelnoj perspektive: obshhie puti socialnogo razvitiija ili obshhie issledovatel'skie podhody [Paramilitary Communities in Historical-Comparative Perspective: Common Paths of Social Development or Common Research Approaches]. *Novoe proshloe* [A New Past], 2019, no. 4, pp. 230-239.

38. Skalkovskij A.A. *Istorija novoj Sechi ili poslednego kosha Zaporozhskogo. Na osnovanii podlinnykh dokumentov Zapadnogo Sechevogo Arhiva. Izd. III. Ch. I* [The History of the New Sich or the Last Zaporozhye Kosh. Based on Authentic Documents of the Western Sich Archive. Ed. 3. Pt. 1]. Odessa, Tip. A. Shultse, 1846. 294 p.

39. Snesev G.P. *O relikhtah muzhskih sojuzov v istorii narodov Srednej Azii* [On the Relics of Male Unions in the History of the Peoples of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ, 1964. 260 p.

40. Snesev G.P. Tradicija muzhskih sojuzov v ee pozdnejshem variante u narodov Srednej Azii [The Tradition of Male Unions in Its Later Version Among the Peoples of Central Asia]. *Materialy Horezmskoj ekspedicii* [Materials of the Khorezm Expedition]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, iss. 7, pp. 155-205.

41. Stanislavskij A.L. *Grazhdanskaja vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia in the 17th Century: Cossacks at the Turning Point of History]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 270 p.

42. Tikidzhyan R.G., Skorik A.P., Kochegarov A.V., Trut V.P. Donskoe kazachestvo i Rossijskoe gosudarstvo: istoricheskij opyt vzaimootnoshenij [The Don Cossacks and the Russian State: The Historical Experience of Relations]. *Kazachij don. Ocherki istorii. V 2 ch. Ch. 1* [Cossack Don. Essays on History. In 2 Pt. Pt. 1]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. obl. in-ta usovershenstvovaniya uchiteley, 1995, pp. 67-149.

43. Tomsinskij S.G. *Ocherki istorii feodalno-krepostnicheskoy Rossii* [Essays on the History of Feudal-Serf Russia]. Moscow; Leningrad, Socjkgiz Publ., 1934. 306 p.

44. Thorzhevskij S.I. Donskoe vojsko v pervoj polovine semnadcatogo veka [Don Army in the First Half of the Seventeenth Century]. *Russkoe proshloe* [The Russian Past], 1923, pp. 9-28.

45. Tjumencev I.O. Kazachestvo v pravlenie Ivana Groznogo (1533–1584 gg.) [Cossacks During the Reign of Ivan the Terrible (1533–1584)]. *Arheologo-etnograficheskie issledovanija Volgogradskoj oblasti* [Archaeological and Ethnographic Research of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1995, pp. 5-23.

46. Tjumencev I.O. Rossiija i pojavlenie kazachestva na Volge i na Donu v XV – pervoj polovine XVI vv. [Russia and the Emergence of the Cossacks on the Volga and Don in the 15th – First Half of the

16th Centuries]. *Cahiers du Monde russe* [Notebooks of the Russian World], 2005, no. 46/1–2, Janvier–juin, pp. 75–82.

47. Tjumencev I.O. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ [On the Issue of the Institutions of Early Cossack Communities] *Mnogoukladnost i assimetrichnost razvitija regionalnyh ekonomik Juga Rossii: riski modernizacii i mehanizmy transformacii: materialy 2-j Vseros. nauch. konf. 6–10 apr. 2006 g.* [Multistructure and Asymmetrical Development of Regional Economies of the South of Russia: Risks of Modernization and Mechanisms of Transformation: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference, April 6–10, 2006]. Rostov-on-Don, Dombaj Publ., 2006, pp. 247–254.

48. Tyumencev I.O. Aktualnye problemy istorii kazachestva [Actual Problems of the History of the Cossacks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University.

History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 6–7.

49. Falaleev A.V. *Gosudarstvenno-pravovoe polozhenie Zemli Vojska Donskogo (konec XV–pervaja четвѣт XVIII vv.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [State and Legal Status of the Land of the Don Army (End of the 15th–First Quarter of the 18th Centuries. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 28 p.

50. Horvatova E. Tradicionnye junosheskie sojuzy i iniciacionnye obrjady u zapadnyh slavjan [Traditional Youth Unions and Initiation Rites Among the Western Slavs]. *Slavjanskij i balkanskij folklor* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 162–173.

51. Evarnickij D.I. *Istorija Zaporozhskih kazakov. V 3 tt. T. I* [History of the Zaporozhye Cossacks. In 3 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1892. 852 p.

52. Jastrebov V.N. *Novye dannye o sojuzah nezhenatoj molodezhi na juge Rossii* [New Data on Unions of Unmarried Youth in Southern Russia]. Kiev, Tip. Korchak-Novickogo, 1896. 19 p.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.19>

UDC 930(470+571):94(470.45-25)|17|
LBC 63.3(235.54)511

Submitted: 31.10.2023
Accepted: 01.12.2023

TSARITSYN OF PETER'S TIME IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Sergey A. Mezin

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The jubilee of Peter I intensified the study of the era of reforms, when important events and changes took place not only in the center of the country but also on the outskirts, in particular in Tsaritsyn and the Lower Volga region. Volgograd historians have recently reexamined these events in the city's history, utilizing fresh documents from both central and local archives. **Methods and materials.** The collection of the latest scientific publications (articles, monographs, publications of sources) devoted to the history of Tsaritsyn and its district in Peter's time served as the material for this review. The methods of historiographical analysis allow us to compare the achievements of modern researchers with the achievements of historians of previous generations, to see the updating of the source base and the involvement of modern research approaches. **Analysis.** The article analyzes new editions of sources drawn from local and central archives. Despite some archaeological shortcomings, the publication of documents opens up wide opportunities for military-historical, regional, urbanistic, prosopographic, and genealogical research. The author considers the two-volume edition "Tsaritsyn Line: Monument of Fortification of the Peter the Great Era: Construction, Operation, Current State, and Prospects of Museification," which was prepared by the creative team under the leadership of I.O. Tyumentsev, a kind of scientific result. The analysis of the collective monograph shows that in connection with the construction of the Tsaritsyn line, a whole layer of the history of the south and southeast of Russia from the Azov campaigns to the second half of the 18th century is considered. Along with military plots, many problems of the economy and economic development of the Lower Volga region, issues of social history, and national relations have been studied. **Results.** It is concluded that the authors of the latest publications, despite their particular shortcomings, managed to show at the modern research level that the Peter the Great era inscribed a bright, eventful page in the history of Tsaritsyn-Volgograd and its surroundings.

Key words: Peter I, historiography, publication of archival sources of Peter's time, Lower Volga region, Tsaritsyn, Tsaritsyn guard line.

Citation. Mezin S.A. Tsaritsyn of Peter's Time in Modern Historiography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 261-269. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.19>

УДК 930(470+571):94(470.45-25)|17|
ББК 63.3(235.54)511

Дата поступления статьи: 31.10.2023
Дата принятия статьи: 01.12.2023

ЦАРИЦЫН ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сергей Алексеевич Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Юбилей Петра I активизировал изучение эпохи реформ, когда важные события и перемены происходили не только в центре страны, но и на окраинах, в частности в Царицыне и в Нижнем Поволжье. В контексте истории города эти события в последние годы заново рассмотрены в работах волгоградских историков с использованием новых документов из центральных и местных архивов. Совокупность новейших научных изданий (статей, монографий, публикаций источников), посвященных истории Царицына и его округе в петровское время, послужила материалом для настоящего обзора. Методы историографического

анализа позволяют сравнить достижения современных исследователей с наработками историков предшествующих поколений, увидеть обновление источниковой базы, привлечение современных исследовательских подходов. В статье проанализированы новые издания источников, почерпнутых из местных и центральных архивов. Несмотря на некоторые археографические недостатки публикации документов открывают широкие возможности для военно-исторических, регионоведческих, урбанистических, просопографических, генеалогических исследований. Двухтомное издание «Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации», подготовленное творческим коллективом под руководством И.О. Тюменцева, автор рассматривает как своеобразный научный итог. Анализ коллективной монографии показывает, что в связи со строительством Царицынской линии рассмотрен целый пласт истории юга и юго-востока России от Азовских походов до второй половины XVIII века. Наряду с военными сюжетами изучены многие проблемы экономики и хозяйственного освоения Нижнего Поволжья, вопросы социальной истории и национальных отношений. Сделан вывод, что авторам новейших изданий, несмотря на частные недостатки, удалось на современном исследовательском уровне показать, что петровская эпоха вписала яркую, богатую событиями страницу в историю Царицына-Волгограда и его округа.

Ключевые слова: Пётр I, историография, публикация архивных источников петровского времени, Нижнее Поволжье, Царицын, Царицынская сторожевая линия.

Цитирование. Мезин С. А. Царицын петровского времени в новейшей историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 261–269. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.19>

Введение. 350-летний юбилей Петра I, несомненно, активизировал работу по изучению той эпохи, «когда Россия молодая... мужала с гением Петра». Хотелось бы сказать «славной» эпохи, но Пушкин не случайно назвал ее «смутной порой», то есть сложной, трудной для современников и не до конца понятой потомками. В последнее десятилетие историки приложили немало усилий для ее понимания, для постижения личности царя-реформатора и результатов его кипучей деятельности. Отрадно заметить, что это изучение не ограничивается общероссийскими, столичными и военно-политическими сюжетами. Окраины Русского государства, которые, по словам В.О. Ключевского, Петр не оставлял в покое, также оказываются в центре внимания исследователей. Заметные результаты эта работа приносит в тех случаях, когда удается привлечь новые источники, показать связь локальной истории с процессами и событиями общероссийского масштаба.

Волжский город Царицын в петровское время был небольшой окраинной крепостью. Однако этот маленький город оказывался в эпицентре больших событий: Азовские походы, Астраханское и Булавинское восстания, набеги кубанских татар и «воровских казаков», беспокойное соседство калмыков, Персидский поход сказывались на его жизни самым непосредственным, подчас драматичес-

ким образом. Рядом разворачивалось грандиозное для того времени строительство Волго-Донского канала и Царицынской сторожевой линии.

Методы и материалы. Отмеченные выше сюжеты в контексте истории города в последние годы заново рассмотрены в работах волгоградских историков с привлечением специалистов из других городов, а главное, с использованием новых документов из центральных и местных архивов. Совокупность новейших научных изданий (статей, монографий, публикаций источников), посвященных истории Царицына и его округа в петровское время, послужила материалом для настоящего обзора. Методы историографического анализа дают возможность сравнить достижения современных исследователей с наработками историков предшествующих поколений, увидеть обновление источниковой базы, привлечение современных исследовательских подходов (археологического, генеалогического, просопографического, локальной истории), расширение проблемного поля, наконец, оценить вклад авторов в изучение петровской эпохи, актуализированное 350-летним юбилеем Петра I. Публикации документов анализируются в соответствии с требованиями современной археографии.

Анализ. Опыт волгоградских историков можно назвать поучительным с точки зрения

сотрудничества профессиональных историков и краеведов-любителей, которые, втягиваясь в серьезную работу, приобретают необходимые исследовательские и издательские навыки. Так, можно отметить плодотворную деятельность Царицынского генеалогического общества. Петровская тематика представлена в публикациях его членов в местном [10] и центральном [3] изданиях. Под эгидой общества Е.В. Астафьевым опубликованы переписные «сказки» города Царицына 1722 г. [1]. Это материалы подворной переписи, сохранившиеся в Государственном архиве Астраханской области. Подробные подворные сказки 1722 г. отличаются от более лаконичных переписных документов 1720 г. и от сказок 1723–1724 гг., которые носят уточняющий, проверочный характер. На основании сказок Астафьевым составлены списки переписчиков, роспись (поименная и по приходам) церковного клира Царицына, алфавитные и подворные списки царицынских дворян и гарнизона крепости. Публикация источника оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, указаны номера листов подлинника, выделены выносные буквы, имеются уточняющие комментарии, а с другой, опущены повторяющиеся формулы опросных листов (пропуски оговариваются), документ разбит на разделы с издательскими заголовками (что не оговаривается), а главное, отсутствует легенда, то есть не указан архивный шифр публикуемого источника, о котором можно лишь догадываться, исходя из списка источников в конце издания, который в свою очередь также вызывает ряд вопросов. Тем не менее, польза этого издания несомненна, как и еще одной публикации Царицынского генеалогического общества – «Описи низовых городов» 1701–1704 гг. [19]. Источник дает представление о состоянии укреплений и вооружения не только Царицына, но почти всех городов Среднего и Нижнего Поволжья от Казани до Астрахани и от Пензы до Уфы. Эти ценные материалы, подготовленные к печати пензенским краеведом М.С. Полуобяровым, ранее были представлены на авторском интернет-портале «Суслонь» [20] и уже вошли в научный оборот. К сожалению, в подзаголовке книги указано неточное наименование архивного фонда, который называется «Архив Московской Оружейной

палаты» а само дело озаглавлено в архивной описи следующим образом: «Ближней Канцелярии Приказа Казанского Дворца описание городов подведомственных оному приказу с показанием в них всяких припасов...». Как видим, это сохранившийся документ приказа, ведавшего Поволжьем, собственный архив которого считается сгоревшим.

С точки зрения археографии почти безупречным представляется сборник документов «Жители Царицына во времена Петра Великого» [7], подготовленный профессиональными историками и архивистами. В издание вошли все известные на сегодняшний день материалы первых переписей населения Царицына за 1720–1724 гг., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) и в Государственном архиве Астраханской области. Каждый из списков не является полной переписью мужского населения города, ибо отсутствуют сказки посадских людей. Состав и содержание опубликованных документов вызывает целый ряд вопросов, на которые еще предстоит ответить исследователям [14]. Тем не менее, материалы сборника дают уникальную картину численности, социального и возрастного состава, а также материального обеспечения служилого населения периферийного города-крепости к концу царствования Петра I. Издание содержит, кроме текстов источников, две вступительные статьи, примечания (комментарии), главным образом сообщающие и дополняющие биографические сведения об упоминаемых лицах (в современных публикациях имеются дополнительные сведения о В.П. Беклемишеве и Д.Е. Бахметеве [15]), именной и географической указатели. Издателей можно упрекнуть в том, что они не упомянули первое, пусть и не столь совершенное издание сказок 1722 г., осуществленное, как отмечено выше, Е.В. Астафьевым.

Сотрудник РГАДА Н.Ю. Болотина представила во вступительной статье обзор архивных документов, проливающих свет на историю Царицына петровского времени. Наряду с известными и опубликованными документами, подлинники которых хранятся в РГАДА, Болотина указала на ряд обнаруженных материалов, которые добавляют новые штрихи к картине жизни волжской крепости в первой

четверти XVIII века. Например, сведения о численности гарнизона в 1716 г., опись церковных книг в пяти царицынских церквях и др. В статье С.А. Иванюка дается характеристика гарнизонных войск Царицына в 1720-х годах. Скрупулезный анализ публикуемых далее документов позволяет автору выявить численный состав, возраст, происхождение, материальное обеспечение, степень грамотности и некоторые особенности быта военнослужащих царицынского гарнизона, численность которого составляла 470 человек. Однако гарнизонные служащие составляли лишь часть мужского населения Царицына, и историкам Волгограда еще предстоит выяснить социальный состав жителей и истоки формирования посада, который по итогам первой ревизии насчитывал от 281 до 357 душ мужского пола [9, с. 97].

Своеобразным итогом изучения истории Царицына и его округи в эпоху Петра I стало двухтомное издание «Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации» [22; 23], подготовленное большим авторским коллективом под руководством И.О. Тюменцева в рамках проекта РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный взгляд». Некоторые вопросы темы были предварительно обсуждены на международной конференции «Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации» (Волгоград, 21 октября 2020 г.). Сборник материалов конференции открывает статья И.О. Тюменцева [21], в которой изложены основные факты жизни городов Камышина и Царицына в правление Петра I. Результаты изучения остатков крепостей Осокорская, Донская, Грачевская, входивших в состав Царицынской линии, представлены в сборнике в статьях А.С. Лапшина, И.Ю. Лапшиной [13] и Е.В. Астафьева [2]. Предложения по музеефикации и популяризации Царицынской линии как историко-культурного памятника Петровской эпохи сформулированы С.А. Иванюком [8]. Архивные документы, подтверждающие факт личного участия Петра I в составлении плана Царицынской крепости, опубликованы и прокомментированы А.Л. Клейтманом [6]. Материалы

сборника, опубликованного по итогам конференции, были использованы в соответствующих главах итоговой коллективной монографии.

Первая глава книги (автор – И.О. Тюменцев) носит историографический характер и дает исчерпывающую характеристику литературы вопроса за три века. Речь идет об историках, начинавших изучение петровской эпохи от И.И. Голикова до С.М. Соловьева, классиках саратовского краеведения XIX – начала XX в. (А.Ф. Леопольдов, А.Н. Минх, А.А. Гераклитов и др.), советских историках-петроведах, волгоградских историках и краеведах и т.д. Указывается, что базовые сведения о строительстве и первых годах существования Царицынской линии были приведены в монографии Т.И. Лавриновой [12]. Впечатление от тщательного историографического обзора несколько портят погрешности в оформлении научного аппарата (неточное название работ И.И. Голикова и С.М. Соловьева, небрежность в ссылках).

Во второй главе И.О. Тюменцев живо представил предысторию строительства Царицынской сторожевой линии, показал, что идея создания подобного укрепления вызрела уже в конце XVII в., а драматические события, происходившие на юго-востоке России в петровское время, сделали это строительство необходимым. Впрочем, живое и свободное изложение материала обернулось рядом допущенных неточностей. Так, автор пишет о молодом Петре I: «отрок оказался в Немецкой слободе, где его образованием занялись Ф.Я. Лефорт и Я.В. Брюс» [22, с. 24]. Однако в Немецкой слободе, вопреки расхожему мнению, впервые оказался не «отрок», а 18-летний юноша. Ни «дебошан французский» Ф.Я. Лефорт, ни ровесник царя Я.В. Брюс, строго говоря, не занимались образованием Петра [17, с. 170]. Оставляют недоумение вскользь брошенные фразы о восстании С. Разина: «власти... наголову разгромили разинцев у Самары» [22, с. 9; очевидно, речь должна идти о Симбирске]; о первом Азовском походе: «Основные силы русских войск скрытно прошли к Дону из Саратова по Бузулуку и Хопру» [22, с. 27; вероятно, речь должна идти не о Саратове, а о Тамбове, из которого выдвигались полки П. Гордона; 4, с. 311–312]. Оши-

бочным является утверждение, что «в 1715 г. проезжавший через Саратов врач шотландец Джон Белл встретил здесь Дж. Перри, который рассказал, что “копает” канал между Волгой и Доном, что канал готов наполовину, но из-за тяжелого грунта работы продвигаются очень медленно» [22, с. 32–33]. Дело в том, что в оригинальном авторском тексте ни о какой встрече с английским инженером речи не идет [24, р. 34–35]. Фраза о присутствии в Камышине капитана Перри была вставлена переводчиком книги с английского на французский язык, а русский перевод делался с франкоязычного издания [5, с. 166]. Трудно согласиться и с мнением о том, что во время Булавинского восстания город Дмитриевск (Камышин) был дважды (в мае 1707 и в июле 1708 г.) взят мятежными казаками [22, с. 34–35]. В данном случае автор полагается на сведения мало достоверной «Камышинской летописи». На самом деле власть восставших продержалась в Дмитриевске с 13 мая до начала августа 1708 г. [16, с. 73–75].

В третьей главе С.А. Иванюк подробно проследил историю возведения Царицынской линии в 1718–1720 гг., выяснил состав и количество работников, этапы строительства. Автор пришел к выводу, что под руководством генерал-майора Г.С. Кропотова и капитан-инженера А. де Кофенанта, «действуя на пределе своих сил и в сжатые сроки, работая на местности, не благоприятной для строительных работ, еще и в ужасных погодных условиях, строители Царицынской линии сделали все возможное». Однако короткие сроки, нехватка профессионалов военно-инженерного дела, природные препятствия, недостаток рабочих рук и средств отрицательно отразились на качестве строительных работ [22, с. 61]. В главе приведены новые материалы о конфликте по поводу качества произведенных работ, который произошел между губернатором А.П. Волынским и генералом Кропотовым.

Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской линии рассмотрены С.А. Иванюком в четвертой главе. Письменные и визуальные источники позволили автору в деталях представить оборонительные качества и внешний вид крепостных сооружений, в первую очередь, Царицынской крепости. Вызывает сомнение лишь ут-

верждение, что одна из царицынских башен была каменной [22, с. 67]. Основанное на таком «приблизительном» источнике, как графюра Олеария, это предположение противоречит имеющимся нарративным источникам. В настоящее время исследователям удалось установить местоположение и реконструировать внешний вид всех крепостей Царицынской линии – Мечетной, Грачевской, Осакорской и Донской.

Материал пятой главы «Модернизация Царицынской линии в 20–70-х годах XVIII века» во многом выходит за хронологические рамки петровской эпохи. Но в начале главы ее автор А.Л. Клейтман повествует о пребывании Петра I в Царицыне в конце ноября – начале декабря 1722 года. В это время царь сделал собственноручные замечания к плану Царицынской крепости, которые позже были переданы в Военную коллегию. Предложения по обустройству крепости и города Царицына, а также содержанию Царицынской линии содержатся в письме коменданта Л.Ю. Селиванова, сохранившегося среди входящих бумаг Кабинета Петра Великого за 1722 г. [18]. Этот документ, к сожалению, выпал из поля зрения волгоградских историков. Как показали современные исследования, серьезной модернизации Царицынской линии не проводилось ни в царствование Анны Ивановны, ни позже. Текущие ремонтные работы велись вплоть до конца 1770-х гг., когда укрепления утратили свое оборонительное значение.

Организация службы регулярных воинских частей и казаков на Царицынской линии подробно описана С.И. Иванюком и А.Л. Клейтманом в следующей главе.

В седьмой главе И.О. Тюменцев в живой манере повествует о службе и попытках поселения донских казаков на Царицынской линии. По сути дела, в главе изложено современное представление о судьбе донского казачества в петровское время. В следующей главе тем же автором с опорой на исследование А.В. Курышева [11] изложена история Волжского казачьего войска, которое формировалось для службы на Царицынской линии, но волею обстоятельств использовалось для других военных целей.

Роль Царицынской линии в выстраивании отношений между российскими властями и

кочевавшими в Поволжье калмыками показана в следующей главе Е.В. Астафьевым. В частности, сторожевая линия и специально созданные форпосты между Волгой и Хопром служили защитой для верных российскому правительству калмыцких правителей в период междоусобиц 1724–1735 годов.

Десятая глава (автор – И.О. Тюменцев) по сути является очерком карантинных мер, предпринимаемых российским правительством в связи с возникавшими эпидемиями с конца XVII до 70-х гг. XVIII века. Царицын играл роль санитарного кордона главным образом в 1728–1739 гг. в связи с эпидемией чумы на Нижней Волге. Именно в этот период Царицын был «пограничным городом» Астраханской губернии, а лежащие севернее территории с Саратовом временно отошли к Казанской губернии.

Результаты археологических исследований, представленные в одиннадцатой главе (авторы – А.С. Лапшин и В.Н. Конкин), позволили сделать неутешительные выводы по поводу сохранности крепостей Царицынской линии, но в то же время способствовали уточнению их местоположения и выявлению сохранившихся фрагментов фортификационных сооружений.

В заключительной главе коллективом авторов (С.А. Иванюк, А.Л. Клейтман, О.Г. Мельникова, П.П. Олейников, И.С. Тулебаева) сформулированы предложения по сохранению, музеефикации и туристическому использованию наиболее хорошо сохранившихся фрагментов Царицынской оборонительной линии как уникального памятника Петровской эпохи.

В конце первого тома помещен солидный список использованных источников и литературы. По недосмотру в разряд исследований попали многие опубликованные источники (сочинения К. де Бруина, П. Гордона, И.А. Желябужского, И.К. Кирилова и др.), имеет место дублирование названий. Корректорская работа в монографии также оставляет желать лучшего.

Во втором томе рассматриваемого итогового издания, посвященного Царицынской линии (составители – Е.В. Астафьев, С.А. Иванюк, А.Л. Клейтман, Е.В. Стельник, И.О. Тюменцев) [23], опубликованы документы, почерпнутые из архивов и редких изданий позапрош-

лого века. Как отмечает во введении к сборнику И.О. Тюменцев, в книгу включены «не только документы, непосредственно связанные со строительством и организацией военной службы на Царицынской линии, но также... более широкий круг источников, отражавших сложный комплекс политических, социальных, экономических, бытовых отношений, разворачивавшихся в окрестностях Царицынской линии и порожденных ее существованием» [23, с. 12]. Наиболее ценные материалы были почерпнуты из фондов Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Астраханской области, Национального архива республики Калмыкия, Научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Оба тома сопровождаются именными и географическими указателями и богатым иллюстративным материалом.

Научное значение монографии, посвященной строительству и функционированию Царицынской линии, далеко выходит за рамки локальной истории фортификационного сооружения длиной 60 км с пятью небольшими крепостями. Через призму этого, казалось бы, частного сюжета авторскому коллективу под руководством И.О. Тюменцева удалось рассмотреть целый пласт истории юга и юго-востока России от казацких движений конца XVII в. и Азовских походов до ухода калмыков из Поволжья и Пугачевского восстания. В поле зрения авторов оказалась огромная территория от Низовьев Дона и Северного Кавказа до Саратова и Пензы, от Астрахани до Слободской Украины. При этом рядом с военными сюжетами, которые закономерно занимают центральное место, рассмотрены многие проблемы экономики и хозяйственного освоения Нижнего Поволжья, вопросы социальной истории и национальных отношений.

Результаты. На страницах изданий последних лет, подготовленных волгоградскими историками, представлена широкая панорама жизни юго-восточной окраины России в петровское время. Проведенные исследования убеждают в том, что, хотя Царицын с конца XVII до конца XVIII в. оставался небольшим по численности населения городом-крепостью, его географическое и стратегическое положение на Переволоке придавало ему осо-

бый военно-политический вес. Государственная задача «защиты от неприятеля» во многом определила внимание к Царицыну и его округе Петра I и государственных учреждений, в архивах которых отложились довольно многочисленные документы, выявленные, проанализированные и опубликованные в юбилейных изданиях. Опубликованные источники открывают новые возможности для военно-исторических, регионоведческих, урбанистических, просопографических, генеалогических исследований. Петровская эпоха вписала чрезвычайно яркую страницу в историю города-героя на Волге, что в значительной степени удалось показать авторам рассмотренных выше изданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «1722 году скаски города Царицына разныя о душах мужеска полу» / авт.-сост. Е.В. Астафьев; под ред. И.Н. Плешакова. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2016. 304 с.
2. Астафьев Е.В. Грачевская крепость Царицынской сторожевой линии // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 49–67.
3. Астафьев Е.В. К истории рода Бакуниных: царицынский период их жизни и служения // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XLII. 2022. С. 43–71. DOI: 10.51255/01300856_2022_41_43
4. Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово – учебник, 2022. 528 с.
5. Дмитриев Е.Е., Мезин С.А. Поволжье петровского времени глазами британского путешественника // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей: материалы VI Междунар. петр. конгр., Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 г. СПб.: Европ. Дом, 2015. С. 157–171.
6. Документ о командировании на Царицынскую линию инженера для составления плана и проекта ее укрепления. 1723 г. / вступ. ст., подготовка к публ. и коммент. А.Л. Клейтмана // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 75–81.
7. Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст. Н.Ю. Болотина, С.А. Иванюк. М.: Кучково поле Музеон; Воевода, 2022. 648 с.
8. Иванюк С.А. Перспективы музеефикации и развития туристической привлекательности объекта культурного наследия петровской эпохи Царицынская сторожевая линия // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 68–74.
9. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М.: Унив. тип., 1903. 810 с.
10. Клушин А.А. Царицынские воеводы, коменданты и городничие (1589–1862) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2015. С. 24–29.
11. Курышев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.
12. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 93 с.
13. Лапшин А.С., Лапшина И.Ю. Археологические разведки на территории памятника фортификации XVIII в. «Вал Царицынской сторожевой линии» в 2020 году // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 30–32.
14. Мезин С.А. Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. // Отечественные архивы. 2023. № 5. С. 125–129.
15. Мезин С.А. Саратовские воеводы и коменданты первой половины – середины XVIII века // Дворянство, власть и общество в России XVIII века / ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 116–147.
16. Мезин С.А. Саратовское Поволжье в эпоху Петра I. Саратов: Издат. дом «Волга», 2022. 152 с.
17. Мухин О.Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 448 с.
18. Письмо Полковника и коменданта Царицынского Селиванова, о починке и пристройке того города... // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4, ч. 1. № 61. Л. 314–316.
19. Полубояров М.С. Низовые города России. По материалам Оружейного фонда Российского государственного архива древних актов. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2021. 144 с.
20. Суслоны. Авторский портал Михаила Полубоярова. URL: http://www.suslony.ru/hist_librs/Opis_gorodov/opis_text.htm
21. Тюменцев И.О. Царицын и Камышин в правление Петра Великого // Объекты культурного

наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 8–21.

22. Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Т. 1. Исследования / под общ. ред. И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 316 с.

23. Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Т. 2. Документы и материалы / сост.: Е.В. Астафьев и др.; под общ. ред. А.Л. Клейтмана, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 232 с.

24. Bell J. Travels from Saint-Petersburg in Russia, to various parts of Asia. In two volumes. Glasgow, 1763. Vol. I. 426 p.

REFERENCES

1. Astafyev E.V. «1722 godu skaski goroda Czaricyna raznyya o dushakh muzheska polu» [“1722 Different Tales of the Town of Tsaritsyn About Male Souls”]. Volgograd, Izd-vo CzGO, 2016. 304 p.

2. Astafyev E.V. Grachevskaya krepost Czaricynskoj storozhevoj linii [Grachevskaya Fortress of the Tsaritsyn Watch Line]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoj epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeefikacii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation, and Museumification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 49–67.

3. Astafyev E.V. K istorii roda Bakuninykh: czaricynskiy period ikh zhizni i sluzheniya [To the History of the Bakunin Family: The Tsaritsyn Period of Their Life and Service]. *Vspomogatelnye istoricheskie discipliny* [Auxiliary Historical Disciplines], vol. XLI, 2022, pp. 43–71. DOI: 10.51255/01300856_2022_41_43

4. Guskov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. *Rusko-tureczkaya vojna 1686–1700 godov* [Russo-Turkish War of 1686–1700]. Moscow, Russkoe slovo – uchebnik Publ., 2022. 528 p.

5. Dmitriev E.E., Mezin S.A. Povolzhye petrovskogo vremeni glazami britanskogo puteshestvennika [The Volga Region of Petrine Times Through the Eyes of a British Traveller]. *Rossiya – Velikobritaniya: Pyat vekov kulturnykh svyazey. Materialy VI Mezhdunar. petr. kongr., Sankt-Peterburg, 6–8 iyunya 2014 g.* [Russia – Great Britain: Five Centuries of Cultural Ties. Proceedings of the 6th International Petr. Congress, St. Petersburg, June 6–

8, 2014]. Saint Petersburg, Evrop. Dom Publ., 2015, pp. 157–171.

6. Dokumenty o komandirovanii na Czaricynskuyu liniyu inzhenera dlya sostavlениya plana i proekta eyo ukrepleniya. 1723 g. [Documents on Sending an Engineer to the Tsaritsyn Line to Draw Up a Plan and Project for Its Fortification. 1723]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoj epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeefikacii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation, and Museumification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 75–81.

7. Bolotin N.Yu., Ivanyuk S.A., eds. *Zhiteli Czaricyna vo vremena Petra Velikogo: sb. dok.* [Residents of Tsaritsyn in the Times of Peter the Great: A Collection of Documents]. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon Publ.; Voevoda, 2022. 648 p.

8. Ivanyuk S.A. Perspektivy muzeefikacii i razvitiya turisticheckoj privlekatelnosti obyektа kulturnogo naslediya petrovskoj epokhi Czaricynskaya storozhevaya liniya [Prospects of Museification and Development of Tourist Attractiveness of the Cultural Heritage Site of the Peter the Great Era Tsaritsyn Watch Line]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoj epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeefikacii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation, and Museumification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 68–74.

9. Kizevetter A.A. *Posadskaya obshhina v Rossii XVIII stoletiya* [Posad Community in 18th Century Russia]. Moscow, Univ. tip., 1903. 810 p.

10. Klushin A.A. Czaricynskie voevody, komendanty i gorodnichie (1589–1862) [Tsaritsyn Voivodes, Commandants and Townsmen (1589–1862)]. *Nizhne-Volzhskiy istoricheskiy sbornik Czaricynskogo genealogicheskogo obshhestva. Vyp. 8* [Lower Volga Historical Collection of the Tsaritsyn Genealogical Society. Iss. 8]. Volgograd, Izd-vo VolGMU, 2015, pp. 24–29.

11. Kuryshv A.V. Volzhskoe kazachye vojsko (1730–1804): sozdanie, razvitie i preobrazovanie v linejnye kazachyi polki [The Volga Cossack Army (1730–1804): Creation, Development and Transformation into Linear Cossack Regiments]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 352 p.

12. Lavrinova T.I. *Czaricynskaya liniya: istoriya stroitelstva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushhestvovaniya* [Tsaritsyn Line: The History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Its Existence]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 93 p.

13. Lapshin A.S., Lapshina I.Yu. Arkheologicheskie razvedki na territorii pamyatnika fortifikacii XVIII v. «Val Czaricynskoj storozhevoj linii» v 2020 godu

[Archaeological Reconnaissance on the Territory of the Monument of Fortification of the 18th Century. "Shaft of the Tsaritsyn Watch Line" in 2020]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoj epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikacii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation, and Museumification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 30-32.

14. Mezin S.A. Zhiteli Czaricyna vo vremena Petra Velikogo: sb. dok. [Residents of Tsaritsyn in the Time of Peter the Great. A Collection of Documents] *Otechestvennye arkhivy* [National Archives], 2023, no. 5, pp. 125-129.

15. Mezin S.A. Saratovskie voevody i komendanty pervoj poloviny – serediny XVIII veka [Saratov Voevods and Commandants of the First Half – Middle of the 18th Century]. *Dvoryanstvo, vlast i obshchestvo v Rossii XVIII veka* [Nobility, Power and Society in Russia in the 18th Century]. Moscow, Nov. lit. obozrenie Publ., 2012, pp. 116-147.

16. Mezin S.A. *Saratovskoe Povolzhye v epokhu Petra I* [Saratov Volga Region in the Epoch of Peter I]. Saratov, Izd. dom «Volga», 2022. 152 p.

17. Mukhin O.N. *Lichnost Petra I v kontekste specifiki processov rossijskoj modernizacii: istoriko-psikhologicheskij analiz* [Personality of Peter I in the Context of the Specifics of Russian Modernisation Processes: Historical and Psychological Analysis]. Tomsk, Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2014. 448 p.

18. Pismo Polkovnika i komendanta Czaricynskogo Selivanova, o pochinke i pristrojke togo goroda... [Letter from the Colonel and Commandant of Tsaritsyn Selivanov, About the Repair and Addition of that City...]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, dep. 2, inv. 4, pt. 1, no. 61, l. 314-316.

19. Poluboyarov M.S. *Nizovye goroda Rossii. Po materialam Oruzhejnogo fonda Rossijskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Lower Towns of Russia. Based on the Materials of the Armoury Fund of the Russian State Archive of Ancient Acts]. Volgograd, Izd-vo CzGO, 2021. 144 p.

20. *Suslony. Avtorskiy portal Mikhaila Poluboyarova* [Soslon. Author's Portal of Mikhail Poluboyarov]. URL: http://www.suslony.ru/hist_librs/Opis_gorodov/opis_text.htm

21. Tyumencev I.O. Czaricyn i Kamyshin v pravlenie Petra Velikogo [Tsaritsyn and Kamyshin in the Reign of Peter the Great]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoj epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikacii: sb. materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter the Great Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museumification: Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 8-21.

22. Tyumentsev I.O., ed. *Czaricynskaya liniya. Pamyatnik fortifikacii Petrovskoj epokhi: stroitelstvo, ekspluatatsiya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy muzeifikacii. V 2 t. T. 1. Issledovaniya* [Tsaritsyn Line. The Monument of Fortification of the Peter the Great Epoch: Construction, Exploitation, Current State and Prospects of Museification. In 2 Vols. Vol. 1. Research]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022. 316 p.

23. *Czaricynskaya liniya. Pamyatnik fortifikacii Petrovskoj epokhi: stroitelstvo, ekspluatatsiya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy muzeifikacii. V 2 t. T. 2. Dokumenty i materialy* [Tsaritsyn Line. The Monument of Fortification of the Peter the Great Epoch: Construction, Exploitation, Current State and Prospects of Museification]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2022. 232 p.

24. Bell J. *Travels from Saint-Petersburg in Russia, to Various Parts of Asia. In Two Volumes*. Glasgow, 1763, vol. I. 426 p.

Information About the Author

Sergey A. Mezin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Russian History and Archeology, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 4100012 Saratov, Russian Federation, mezinsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-761X>

Информация об авторе

Сергей Алексеевич Мезин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 4100012 г. Саратов, Российская Федерация, mezinsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-761X>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2024. Том 29. № 4. 1–271.